

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Сборник научных трудов по материалам
IV Всероссийской заочной
научно-практической конференции**

г. Уфа, 22 ноября 2025 г.

**МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ»**

**ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ**

Сборник научных трудов по материалам
IV Всероссийской заочной
научно-практической конференции

г. Уфа, 22 ноября 2025 г.

Уфа 2025

**УДК 811
ББК 81.2
Л59**

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом БГПУ им. М. Акмуллы*

Редакционная коллегия:

Х.Х. Галимова, директор ИФОМК;
П.В. Семёнова, зам. директора ИФОМК по научной работе;
Ю.Р. Юсупова, и.о. заведующего кафедрой межкультурной коммуникации и перевода;
О.Г. Дудочкина, канд. филол. наук, доцент;
Е.В. Оботнина, канд. филол. наук, доцент;
Е.В. Иванова, канд. филол. наук, доцент.

Составитель:

Н.М. Газизова

Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции: сборник научных трудов по материалам IV Всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Уфа, 22 ноября 2025 г.) / редакционная коллегия: Х.Х. Галимова, П.В. Семёнова, Ю.Р. Юсупова [и др.] ; составитель: Н.М. Газизова. – Уфа: Издательство БГПУ, 2025. – 284 с. – ISBN 978-5-00251-099-3.

В сборнике представлены материалы IV Всероссийской заочной научно-практической конференции, состоявшейся в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы 22 ноября 2025 г. Статьи посвящены проблемам формирования межкультурной компетенции на уроках иностранного языка на языковом, коммуникативном и культурном уровнях, проблемам теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков, общим и частным вопросам теории иностранных языков и зарубежной литературы.

Сборник адресован учителям, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, учащимся.

**УДК 811
ББК 81.2**

ISBN 978-5-00251-099-3

© Издательство БГПУ, 2025

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ЯЗЫКОВОМ, КОММУНИКАТИВНОМ И КУЛЬТУРНОМ УРОВНЯХ

УДК 372.881.1

A.A. Зайцева
ст. преподаватель кафедры
западноевропейских языков и культур
ФГБОУ ВО «ПГУ»
(г. Пятигорск)

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: В данной статье поднимается вопрос методики обучения аргументации на иностранном языке на основе учета разработанной в лингвистике теории аргументации. Выработка навыка использования испанского языка в реальных актах коммуникации возможна только при полном понимании механизма речеактивных действий и высокого уровня лексико-семантической и структурно-сintаксической компетенции. В исследовании выделяются два уровня анализа аргументативных контекстов на испанском языке: содержательный (сущностный) и формальный (структурный). Процесс аргументации трактуется как иллокутивный речевой акт, нацеленный на убеждение слушающих в верности утверждаемой мысли, или в правильности сообщаемой информации.

Процесс обучения аргументированию на иностранном языке базируется на оппозиции тезисного компонента, реализуемого как речевой субъект, и аргументативного компонента, рассматриваемого как речевой предикат. Для успешности обучения владению иноязычной речи в аргументативных речевых актах предлагается начать с подробной классификации языковых средств, функционирующих как актуализаторы аргументации, с их предъявления в текстовом формате и анализом их дистрибутивных характеристик (тезисная или аргументативная части).

Характер обучения аргументированию предопределяется тем, что акцент ставится на обеспечении активной роли обучающихся.

Ключевые слова: дискурс, аргументация, маркеры аргументации испанского языка, методика обучения иностранного языка.

Abstract. The article is devoted to the problem of teaching argumentation in second-language classroom (Spanish). Speech competence highly depends on the linguistic factor: on the knowledge of lexical-semantic means of argumentation in their classification format, as well as on the acquisition of structural-syntactic

patterning. No success can be achieved in this sphere without proper textual presentation, without supply of different contexts of argumentation markers being used in two opposing parts: thesis and argument sections.

Argumentation as an illocutionary speech act is a foundation for perlocutionary act of persuasion, which is aimed at making the recipients believe that what is being said is true; or to make the recipients agree to the speaker's claims. Research shows that in academic discourse the thesis containing part of the text can function as the subject, and the part of the text that contains argument - as the predicate; thus establishing subject-predicate relation in connected speech.

Key words: discourse, argumentation, argumentation markers in Spanish, methods of teaching Spanish.

В сущностном отношении аргументация понимается как некое коммуникативное действие, осуществленное в процессе коммуникации. Приведем, на наш взгляд, наиболее точное определение феномена аргументации, данное известным лингвистом Ф. ван Емерен.

«Аргументация – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить в приемлемости этого выраженного мнения» [2; 18].

В структурном отношении аргументация, как комплексный речевой акт, направленный на убеждение слушающего, состоит из двух частей: тезисной и аргументативной, что является важным с точки зрения подачи информации и её интерпретации в дискурсе.

Логика аргументации всегда строится на убеждении слушающего в правильности выводов и суждений говорящего. Поэтому, убеждение является стратегическим фактором процесса аргументации (перлокутивным актом), который распадается на ряд тактических действий (иллокутивные акты), предпринимаемых автором высказывания, среди которых можно выделить речевые акты объяснения, пояснения, добавления, отсылки к существующей информации, апелляции к авторитетным источникам и другие, такие как, к примеру, акты эмоционального воздействия на адресата. Аргументацию убеждения можно уловить и в речевых актах утверждения. В силу того, что аргументация представляет собой процесс, носит динамичный характер, она «... связана прежде всего с предикацией, поскольку любая мысль предикативна» [1; 28].

Полагаем, что любое высказывание может носить аргументативный характер в том случае, когда ему задается *вектор убеждения* в определенной ситуации реальной коммуникации; иными словами, когда тезисная тема (субъект) сопрягается с аргументативной ремой (предикат).

В каждом языке существуют классы или группы слов, которые функционируют как маркеры аргументации; данные слова могут быть как полноценными лексическими единицами, так и относится к служебным словам. Независимо от их классовой принадлежности, они становятся носителями

пропозициональных значений аргументации. Так, в испанском языке можно выделить следующие группы слов:

- предлоги - *según, para, por, contra sin;*
- союзы - *bien que, para que, aunque; a pesar de que, sin que, a fin de que*);
- междометия - *sí, no;*
- модальные наречия - *pisca, cierto, tampoco, efectivamente;*
- некоторые другие наречия - *seguida, por último, por fin, en entonces,* и т.д.

К дискурсивным маркерам аргументации мы относим и эпистемические глаголы, которые не входят в пропозитивную часть высказывания, а оформляют пропозициональную рамку, модальные значения которой варьируются от полного знания истинности высказывания до выражения мнения. В испанском языке, к примеру, к глаголам мнения относятся - *imaginar, creer, asegurar, afirmar, admitir, insinuar, jurar, juzgar, manifestar, pensar, predecir, prever, prometer, sospechar, supone*). Как правило, данные лексические единицы употребляются в тезисной части; исключение составляет лишь глаголы полного знания - *saber*. Следует заметить, что эпистемические глаголы и наречия/адвербальные обороты в дискурсе могут выступать как взаимозаменяемые аргументативные маркеры. Так, следующие словосочетания в испанском языке *al contrario, verdaderamente* носят характер эпистемических предикатов соответствующих глаголов.

Отдельно можно учитывать и междометия, как форму выражения чувств или эмоций говорящего; они выполняют аргументативную функцию убеждения и маркируют различные эпистемические значения.

Таким образом, убеждение слушающего в истинности высказываемой говорящим пропозиции зависит от знания и успешности использования дискурсивных маркеров аргументации.

Определив сущность аргументативного процесса, способы его реализации, коммуникативные функции и действия участников общения, а также определив основные языковые средства реализации коммуникативных целей, перейдем к рассмотрению алгоритма построения процесса обучения аргументативной компетенции на занятиях практики речевого общения на иностранном языке.

Методика обучения предопределется самим процессом аргументации, компонентный анализ которого позволяет выделить отдельные речевые действия участников коммуникации. Иными словами, обучение строится по принципу квантовой модели, в которой каждый этап рассматривается как законченный семантико-смысловый блок, одновременно включенный в развивающийся речевой процесс.

Тезисный компонент аргументации представлен аксиологическими предикатами, имеющими различные семантические и прагматические характеристики, которые могут быть адекватно интерпретированы только в условиях контекстов их функционирования. Отсюда вытекает первое требование – *презентация контекстов*. Далее следует поиск типичных

ситуаций, и последнее – оформление высказываний, содержащих выбранный аксиологический предикат. Простота данной схемы вытекает из самой сути человеческого познания окружающей действительности, которая строится по такой же модели: восприятие, изучение и использование знаний.

Аргументативный компонент включает в себя не только оформленное высказывание, содержащее некоторую информацию, но и целый набор пропозициональных связей и отношений, проявляющихся на уровне синтаксиса текста. И если тезисный компонент можно трактовать как *субъект* текстового уровня, то аргументативная часть выступает в качестве *предиката* текста, модифицирующего субъект. По этой причине аргументативный компонент представляет собой сложный этап в обучении аргументации на иностранном языке, так как в первую очередь необходимо осмыслить разнообразные функции предикатной модификации, которые описываются в терминах пояснения, объяснение, разъяснения и прочих, эксплицирующих частные иллокутивные прагматические значения.

Обучение, таким образом, базируется на вовлечение обучающихся в речевую деятельность, нацеленную на поиск экстралингвистических связей между объектами действительности и построение аргументативных высказываний, содержащих определенный набор дискурсивных маркеров. Организованное подобным образом обучение способствует развитию у обучающихся интеллектуальных, мыслительных способностей, без которых невозможен сам процесс аргументации.

Итак, обучение аргументированию основывается на деятельностном подходе и на активном участии обучающихся в моделировании реальных речевых ситуаций. Оно также предполагает наличие достаточно высокого уровня лексической, грамматической и синтаксической компетенций у обучающихся, что дает им возможность осуществлять сложные речевые действия в контексте аргументативного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
2. Eemeren F. van. Speech acts in argumentative discussions / F. van Eemeren, R. Grootendorst. – Dordrecht: Foris Publikations, 1983. – 239 p.

УДК 372.881.111.1

Э.Р. Ибрагимова

учитель английского языка

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №69»

(г. Казань)

МЕТОД ПОГРУЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Цель статьи – проанализировать метод погружения на уроках иностранного (английского) языка в школах как эффективное средство, позволяющее сформировать у обучающихся навыки межкультурной коммуникации, преодолеть барьер в общении с иностранцами. В статье автор поднимает вопрос обучения детей не только языку, но и культурному фону страны изучаемого языка. В эпоху глобализации в современном мире необходимо и актуально владеть навыками межкультурной коммуникации. В статье приведен краткий комплекс упражнений, позволяющих достичь успехов в изучении языка и улучшить навыки разговорной речи, а также качество коммуникации с представителями других культур. Исследование показало, что внедрение метода погружения благоприятно воздействует на языковые навыки учеников только при наличии мотивации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, метод погружения, английский язык, культура.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the immersion method in foreign (English) language lessons in schools as an effective means of developing students' intercultural communication skills and overcoming the barrier in communicating with foreigners. In the article, the author raises the issue of teaching children not only the language, but also the cultural background of the country of the language being studied. In the era of globalization in the modern world, it is necessary and relevant to master the skills of intercultural communication. The article provides a short set of exercises that make it possible to achieve success in learning a language and improve conversational skills, as well as the quality of communication with representatives of other cultures. The study showed that the introduction of the immersion method has a beneficial effect on students' language skills only if they are motivated.

Key words: intercultural communication, immersion method, English language, culture.

Межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой осуществляется обмен информацией и культурными ценностями [3].

Обмен информацией происходит вербально и невербально. Соответственно, ученику необходимо улавливать смысл и в выражении лица, и в движениях тела. Цель обучения иностранному языку – развить личность, владеющую иностранным (английским) языком и способную вести коммуникацию в рамках международного общения. Следовательно, учитель должен научить языку, культурным аспектам народа изучаемого языка, историческим и geopolитическим особенностям страны изучаемого языка. Другими словами, ученик должен знать не только язык, но и культуру народа. Несомненно, знание чужой культуры невозможно без знания своей. Изучая новое, мы сравниваем с тем, что имеем в своей культуре. Например, когда сталкиваемся с идиомой в английском языке, мы стараемся найти эквивалент в русском, чтобы понять точный смысл. Поскольку один и тот же смысл может быть выражен совершенно разными словами на другом языке. В этом и заключается разное мировосприятие представителями различных культур.

Метод погружения является самым эффективным методом изучения, но не всегда простым. Процесс погружения происходит за счет того, что учитель ведет урок исключительно на иностранном языке. В данном случае на уроке учитель выступает в качестве транслятора культуры, поскольку не всегда есть возможность посетить и прочувствовать вживую. Погрузиться в культуру, вдохновиться кухней и слушать речь изучаемого языка - сильный мотиватор. Постоянное прослушивание иностранной речи позволяет привыкнуть к ней, воспринимать как естественное, даже если этот язык непонятен.

Выделяются несколько типов языкового погружения [1]:

- 1) Урочный (Подразумевается ведение урока на иностранном языке).
- 2) Воспитательный (Мероприятия и деятельность, направленные на изучение культурных особенностей страны изучаемого языка).
- 3) Исследовательский (Индивидуальная, парная и групповая деятельность).

Ведущими принципами отбора речевых упражнений являются деятельностный, личностно-ролевой, ситуативно-тематический. Для успешной коммуникации необходимо подготовить ученика к различным ситуациям. За счёт имитирования различных видов жизнедеятельности ученики смогут сориентироваться и быть готовыми к коммуникации. Например, разыгрывание диалогов и монологов на различные тематики (в магазине, в аэропорту и т.д.), проведение уроков-викторин, подготовка учащимися проектов. Развить в ученике умение выразить и правильно донести свою мысль на иностранном языке является первостепенной задачей на уроках иностранного языка. В данном случае ученики боятся совершить ошибки и пытаются ответить максимально кратко, игнорируя нормы языка и нормы вежливости. Причиной этому являются недостаточные или неусвоенные знания в конкретной тематической сфере, неумение построить предложение, неловкость и застенчивость. Если говорить о межкультурной коммуникации, необходимо также учитывать разницу культур. Тем самым, подготовить учащегося к

диалогу с представителем другой культуры, обучить вежливости и толерантности.

В качестве материалов для улучшения навыка аудирования следует использовать видео- и аудиоматериалы, которые могут встретиться в реальной жизни. Можно использовать следующие материалы: интервью, прогнозы погоды, новостные ролики, звуковые объявления в общественных местах и т.д. Разбирая такие видео- и аудиоматериалы, можно встретить много особенностей в речи носителей (от диалектов до английского юмора). Разработанные аудиозаписи для учебников не имеют фоновых звуков и помех, которые препятствуют пониманию. В реальной жизни такие звуковые помехи как шум машин, кашель людей, ветер, лай собак и т.д. неизбежны. Тем самым, прослушивая материалы, со временем ученик начинает запоминать короткие фразы, яркие и ассоциативные слова, шутки и интересные моменты из материалов, которые в дальнейшем сможет употребить в своей речи.

Хорошим проводником менталитета англичан является художественная литература и кино. Погружение в произведения художественной литературы, которые читают сверстники в стране изучаемого языка, позволяет приобщить учащихся к английской культуре [2]. Чтение неадаптированной лексики позволяет видеть и ощущать язык в оригинальном обличии. В данном случае ученики сталкиваются с проблемой непонимания большинства лексики, что может оттолкнуть читателей. Параллельно подразумевается изучение грамматических структур, встречающихся в тексте. При изучении произведений художественной литературы и просмотре фильмов у детей формируется некий образ главных героев, образ взаимоотношений и представление о культуре и ценностях народа. Следовательно, формируется мнение, которое может быть неверным. Теория межкультурной коммуникации делает упор на разграничении понятий «предрассудок» и «стереотип». Предрассудки могут исказить восприятие и влиять на взаимоотношение с представителем другой нации [3;4].

Результаты исследования показали следующие преимущества и недостатки. Преимуществом метода погружения является формирование языковой, социолингвистической, социокультурной, стратегической и дискурсивной компетенций. К языковым компетенциям относятся: расширение словарного запаса, совершенствование грамматических навыков, улучшение навыков аудирования и произношения. Социолингвистические компетенции – это использование речевого этикета, учёт социальных ролей и адаптация речи к различным спонтанным ситуациям. Социокультурные компетенции – это развитие толерантности и уважения к другим культурам, преодоление стереотипов, а также знакомство с культурными ценностями и традициями. К стратегической и дискурсивной компетенции относятся: умение использовать стратегии компенсации, умение поддерживать беседу и умение строить логичные и связные высказывания. Правильное задавание вопросов является важным аспектом эффективного общения, поскольку демонстрирует заинтересованность в культуре собеседника.

Недостатками данного метода являются затрудненность понимания и низка отдача от детей на первых этапах введения метода погружения. Предлагаемый способ позволяет повысить вовлеченность детей, ускорить процесс понимания и говорения.

Таким образом, изучение особенностей культуры изучаемого языка, стереотипов, обычаев, менталитета и невербальных средств коммуникации является инструментом достижения эффективного общения с представителями различных культур. Формирование навыков межкультурной коммуникации неразрывно связано с методом погружения. Благодаря упражнениям, имитациям, устным заданиям ученикам становится легче вступать в диалог. Данный метод является эффективным только при высокой мотивации и стремлению к получению новых знаний у обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер И. С. Метод языкового погружения на уроках английского языка в современной школе / И. С. Вебер. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 6 (244). — С. 207-209. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/244/56402> (дата обращения: 30.10.2025).
2. Имаева М. Е. Принцип «Полного погружения» в изучении иностранных языков // Наука и современность. 2014. №29. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-polnogo-pogruzheniya-v-izuchenii-inostrannyh-yazykov> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Мотовилова А. Д., Меркер А. А., Нижельская Ю.А. Межкультурные коммуникации: теория и практика // Вестник науки. 2023. №5 (62). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnye-kommunikatsii-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Халупо О. И. Межкультурная коммуникация через лингвокультурное содержание // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-cherez-lingvokulturnoe-soderzhanie> (дата обращения: 18.10.2025).

УДК 372.881.111.1

A.P. Нафикова

магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

О.Г. Амирова

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВЫЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация: Исследование демонстрирует потенциал интеграции анимационного сериала «Гравити Фолз» как аутентичного мультимедийного ресурса в контексте развития межкультурной компетенции обучающихся на уроках английского языка. Рассматриваются основные трудности, возникающие при формировании межкультурной компетенции: языковые, коммуникативные и культурные. В работе представлен анализ лингвистических, коммуникативных и культурологических аспектов формирования данной компетенции с привлечением конкретных фрагментов мультипликационного контента. Представленный комплекс заданий разработан как системная методическая разработка, последовательно развивающая языковую (лексика, грамматика, аудирование), коммуникативную (диалог, обсуждение, интерпретация) и культурную (фоновые знания, критическое мышление, соотнесение культур) составляющие. Использование этого подхода позволяет не только оптимизировать процесс овладения языковыми структурами (лексикой и грамматикой), но и стимулирует развитие способностей к анализу и трактовке культурных смыслов, а также способствует критическому осмыслинию различий между культурами

Ключевые слова: межкультурная компетенция, языковой уровень, коммуникативный уровень, культурный уровень.

Abstract. This study demonstrates the potential for integrating the animated series "Gravity Falls" as an authentic multimedia resource in the context of developing students' intercultural competence in English language lessons. It examines the main difficulties encountered in forming intercultural competence: linguistic, communicative, and cultural. The paper presents an analysis of the linguistic, communicative, and culturological aspects of developing this competence, drawing on specific fragments of animated content. The proposed complex of tasks is designed as a systematic methodological framework, consistently developing linguistic (vocabulary, grammar, listening), communicative (dialogue, discussion, interpretation), and cultural (background knowledge, critical thinking, cultural comparison) components. The use of this approach allows not only for optimizing the

process of mastering linguistic structures (vocabulary and grammar) but also stimulates the development of abilities for analyzing and interpreting cultural meanings, and contributes to a critical understanding of differences between cultures.

Key words: intercultural competence, language level, communication level, cultural level.

Межкультурная компетенция (МКК) рассматривается как совокупность когнитивных, поведенческих и языковых навыков, которые необходимы для эффективного общения с представителями других культур [1]. Развитие межкультурной компетенции – это одна из основных задач современной педагогики. Для достижения поставленной задачи необходимо рассматривать межкультурную компетенцию на разных уровнях:

- 1) языковой уровень включает в себя освоение новой лексики, грамматических структур и т.д.;
- 2) коммуникативный уровень связан с пониманием невербальных средств общения, умением вести диалог и пр.;
- 3) на культурном уровне необходимо осмысление ценностей, традиций, юмора и реалий носителей изучаемого языка [3].

На сегодняшний день на уроках английского языка наблюдается тенденция уделять внимания не только языковому, но и культурному компоненту. В связи с этим возникает необходимость поиска инновационных походов, способствующих глубокому погружению в культурную среду. Одним из перспективных подходов является интеграция аутентичных мультимедийных материалов, а именно популярных анимационных сериалов.

В данной статье мы сосредоточимся на потенциале видеоматериалов для формирования МКК. Исследование проводилось с участием обучающихся дополнительной общеобразовательной программы для детей «Языки и числа», реализуемой Центром дополнительного образования по иностранным языкам Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М. Акмуллы. В исследовании приняли участие 15 школьников. Средний возраст составил 12 лет, уровень владения английском языком на момент проведения исследования – A1.

Учащимся был предложен популярный мультсериал «Гравити Фолз». Просмотр был организован с субтитрами. Сериал предлагает образцы разговорного американского английского языка и позволяет зрителям столкнуться с естественной скоростью речи, интонациями, паузами и использованием сленга и фразовых глаголов в контексте. Сериал изобилует отсылками к американской поп-культуре, праздникам, а также демонстрирует типичные семейные и социальные взаимодействия. Основной сюжетной линией сериала является раскрытие тайн и головоломок. Это побуждает зрителя выстраивать логические цепочки и формулировать гипотезы, т.е. развивает критическое мышление и навыки аналитической работы. Учитывая потенциал мультсериала, мы сочли возможным его применение на уроках английского языка.

Согласно методическим рекомендациям на уроке традиционно выделяют три этапа работы с видеоматериалами: 1) Pre-watching (преддемонстрационный); 2) while-watching (демонстрационный); 3) post-watching (постдемонстрационный) [2].

Цель первого этапа – подготовить учащихся к просмотру, ввести новую лексику, создать мотивацию и предвосхищение. Как правило, на данном этапе предлагаются задания на разбор новой лексики и обсуждают тему видеоматериала. Могут быть предложены упражнения на нахождение синонимов, соотнесение слов с их значением.

Демонстрационный этап предполагает просмотр материала. Обучающиеся выполняют задания по соотнесению частей предложений или реплик, определению последовательности событий и т.д.

Работа после просмотра нацелена на систематизацию полученной информации. На данном этапе упражнения направлены на контроль понимания содержания и использование языковых и речевых средств. Например, заполнение таблиц, пересказ содержания, обсуждение вопросов.

Исходя из этапов работы с видеоматериалом, были разработаны задания для просмотра серии «The Inconveniencing» («Неудобства»).

1. Pre-watching (преддемонстрационный):

«What can you do in a ...?» Задание направлено на активизацию лексики по видам торговых точек (baker's, shoe shop, newsagent's etc.) и по словам, относящимся к процессу покупок (shopping bag, shopping basket, pay for the shopping, stand in a queue etc.). В начале несколько учеников были опрошены индивидуально, затем была организована работа в парах. Задание способствует развитию социолингвистической компетенции и фоновых знаний о повседневных реалиях.

Vocabulary prediction: на интерактивной панели были выписаны слова из мультсериала и приведены картинки. Например, convenience store, aisle, ghost и т.д. Учащиеся пытались угадать значение приведенных слов, соотнести слова с картинками и предположить, о чем пойдет речь.

2. While-watching (демонстрационный). Этап сфокусирован на развитии коммуникативных умений аудирования и является ключевым для преодоления коммуникативных вызовов:

Listen for shopping items: выполнение задания заключалось в записи слов на тему покупок по мере упоминания в мультсериале.

Who said it?: Задание требует от обучающихся определить персонажа, произнесшего каждую из фраз, написанных на карточках. Работа нацелена на повтор сравнительной и превосходной степени прилагательных и сравнительных оборотов. Данное задание требует подготовки раздаточного материала и дополнительной записи подходящих для героев и ситуации фраз, поскольку в серии их представлено не в достаточном количестве.

3. Post-watching (постдемонстрационный):

Find the differences: на экране были продемонстрированы 2 скриншота с различиями, обучающиеся необходимо было найти различия между ними. При

выполнении данного задания обучающиеся также повторили сравнительную степень имен прилагательных.

Cultural discussion: вопросы «Why were teenagers so keen to go to an abandoned convenience store? What does this say about American teenagers? Do Russian teenagers do this too?” позволили обсудить различия и схожести в поведении подростков разных стран. Задание является ключевым для развития критической культурной осведомленности и установок толерантности и открытости.

Межкультурная компетенция – это совокупность навыков для эффективного общения с представителями иных культур. Её развитие – приоритетная задача современной педагогики, реализуемая через три уровня: языковой (освоение лексики и грамматики), коммуникативный (понимание невербальных средств, ведение диалога) и культурный (осмысление ценностей, традиций, реалий носителей языка). Представленный комплекс заданий на материале мультсериала «Гравити Фолз» предсказывает собой системную методическую разработку, направленную на формирование межкультурной компетенции через последовательное развитие языковой (лексика, грамматика, аудирование), коммуникативной (диалог, обсуждение, интерпретация) и культурной (фоновые знания, критическое мышление, соотнесение культур) составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семёнова Э. В. Формирование межкультурной компетенции для обучения иностранным языкам // Профессиональная коммуникация. – 2022. – № 1 (6). – С. 146–152.
2. Садовина Л.В. Применение видеоматериалов в процессе обучения английскому языку. Методические материалы. / Л.В. Садовина – Йошкар-Ола: ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования», 2016. -28 с.
3. Сорокин, Д. О. Структура межкультурной компетенции обучающихся / Д. О. Сорокин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 664-676. – DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-3-664-676. – EDN MWJZIG.

УДК 811.161.1-582

Чинь Тхи Лан Ф.

*магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)*

*Научный руководитель – Э.А. Гареева
канд. филос. наук, доцент кафедры романо-германской
филологии и методики обучения иностранным языкам
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

УЧЁТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЛЯ УСПЕШНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые лингвокультурные особенности русского и вьетнамского языков, которые могут вызывать у обучающихся значительные трудности при переводе. Эти особенности создают серьёзные препятствия на пути формирования навыков межкультурной компетенции и эффективного развития межкультурной коммуникации между носителями данных языков. Особую сложность представляют имена собственные, которые часто имеют глубокие культурные коннотации и исторические корни. Не менее проблематичными оказываются фразеологизмы, отражающие национальный менталитет и культурно-исторический опыт народа. Кроме того, особую группу трудностей составляют служебные слова – классификаторы, отсутствующие в русском языке, но играющие важную роль во вьетнамском словообразовании и синтаксисе. Детальное изучение и тщательный анализ этих языковых явлений помогают преодолеть барьеры в межкультурном общении. Знание и грамотный учёт языковых и культурных особенностей способствуют развитию плодотворного диалога культур, взаимопониманию и укреплению международных связей. Понимание специфики каждого языка открывает новые горизонты для эффективного межкультурного взаимодействия и способствует обогащению как русской, так и вьетнамской культурной среды.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, языковый барьер, лингвокультурные особенности русского и вьетнамского языков, диалог культур.

Abstract. This article examines some linguistic and cultural features of Russian and Vietnamese languages, which can cause significant difficulties for students when translating. These features create serious obstacles to the effective development of cross-cultural competency and intercultural communication among Russian and Vietnamese speakers. A particular challenge is proper names, which often have deep cultural connotations and historical roots. No less problematic are idioms reflecting the national mentality, folk cultural and historical experience. In addition, a special group of difficulties are service words – classifiers absent in Russian but being very

important in Vietnamese word formation and syntax. Detailed study and careful analysis of these languages help to overcome barriers in intercultural communication. Knowledge and consideration of linguistic and cultural characteristics contribute to fruitful dialogue of cultures, mutual understanding and strengthening of international relations. Understanding each language specifics opens new opportunities for effective intercultural interaction and enriches both Russian and Vietnamese cultural environments.

Keywords: intercultural communication, intercultural competence, language barrier, linguistic and cultural features of the Russian and Vietnamese languages, dialogue of cultures.

В последнее время отмечается тенденция усиления межкультурной коммуникации и взаимного сотрудничества между Россией и странами Азии, в частности Вьетнамом. Особый характер связей между странами проявляется в их закаленности временем и искренних чувствах двух народов. Эти отношения стали не только символом верности, но и ярким примером эффективного взаимодействия в меняющемся мире.

Стратегическое партнерство было установлено в 2012 году, что позволило вывести отношения между странами на новый уровень. Ключевыми направлениями сотрудничества являются природные ресурсы, оборона, ядерная энергетика, наука и технологии, образование и подготовка кадров.

Ярким примером народной дипломатии является активное участие вьетнамских студентов в жизни российских вузов. Студенты из Вьетнама, обучающиеся в России, получают всестороннюю поддержку, что способствует их успешной адаптации к жизни и учёбе в России. Они становятся не только участниками образовательного процесса, но и культурными послами, укрепляющими стратегическое партнерство.

75-летний юбилей дипломатических отношений между Вьетнамом и Россией приходится на 2025 год. Так, например, в Тюмени в честь этого события прошел День Вьетнама. В рамках праздника вьетнамские студенты познакомили тюменцев с традициями своей страны. В технопарке организовали выставку объектов, которыми жители Вьетнама особенно гордятся, в том числе из списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [2].

Гости, присутствовавшие на данном мероприятии, в числе которых были и другие иностранцы, познакомились с традиционной живописью страны *Đông Hồ*, песнями и танцами, а также национальными нарядами. Кроме того, гостей угостили традиционными вьетнамскими сладостями, чаем и кофе. Программа завершилась красочным концертом и просмотром фильма об общечеловеческих ценностях. Всего в концертной программе участвовали 50 человек, из них 35 вьетнамцев [2].

Данное мероприятие подтверждает факт о том, что молодежные обмены и межрегиональное сотрудничество формируют устойчивые формы взаимодействия. В перспективе в России планируется создание двуязычной

цифровой медиаплатформы для продвижения образа двух стран через кино, музыку и искусство.

В современных условиях межкультурная компетенция становится ключевым фактором успеха в различных сферах, включая образование, т.е. успешное обучение за рубежом и участие в международных программах и социальную сферу для построение гармоничных отношений в мультикультурном обществе.

Языковой барьер представляет собой серьезное препятствие в межкультурной коммуникации, связанный с различиями в языках, диалектах и речевых особенностях. Он существенно затрудняет формирование межкультурной компетенции и может привести к серьезным коммуникативным проблемам.

Рассмотрим несколько примеров имен, слов и выражений во вьетнамском языке, перевод которых на русский язык может приводить к недопониманию. Русские и вьетнамские формы обращения различаются таким образом, что возникают многочисленные ошибки при обращении представителей обоих народов друг к другу. К примеру, очень важно знать, что вьетнамских фамилий намного меньше, чем имен, так как имя дается каждому новорожденному персонально, в знак уважения к неповторимой личности каждого человека. При этом порядок следования элементов вьетнамского имени жестко закреплен (сначала всегда фамилия, а затем имя: Нгуен Минь Ань, Ле Ван Хао). Поменяв местами имя и фамилию вьетнамца, вы совершили досадную ошибку, а сократив его имя на русский манер (например, Нгуен М. А.), сделаете его неотличимым от тысяч других вьетнамцев [4; 99].

Во вьетнамском языке важную роль играют счетные слова (или классификаторы). Они используются вместе с числительными для обозначения количества предметов, людей, животных и других сущностей. В отличие от большинства языков, включая русский, где числительные могут употребляться непосредственно перед существительными, во вьетнамском языке числительное зачастую сочетается с соответствующим счетным словом [1; 46].

Иными словами, классификаторы – это служебные слова, которые используются при счете объектов, указании на них или вопросе об их количестве. Они являются неотъемлемой частью конструкции с существительным [3]. Перечислим некоторые из них:

1) «Cái» используется для вещей и предметов общего назначения.

Một cái bàn – один стол;

Bốn cái tủ – четыре шкафа.

2) «Con» используется для животных и некоторых абстрактных понятий (река, мост и т.д.).

Ba con mèo – три кошки;

Hai con đường – две дороги.

3) «Người» используется для обозначения людей.

Năm người phụ nữ – пять женщин;

Ba người bạn – три друга.

Хотя эти счетные слова не требуются склонять по родам, числам и падежам, но они очень разнообразные и их употребление зависит от конкретных контекстов и ситуаций. Существуют такие счетные слова, которые обозначают объекты по определенному признаку (по форме, типу, размеру). К примеру, для обозначения плоских объектов имеются несколько вариантов, такие как:

1. «Búc» употребляется для картин, фотографии и писем.

Một bức tranh - одна картина.

2. «Tờ» обозначает плоские объекты малого размера.

Mười tờ giấy - десять листов бумаги.

3. «Tấm» для плоских объектов покрупнее.

Một tấm thảm - один ковер.

Во многих случаях дословное толкование фразы может привести к искажению смысла высказывания, что обусловлено различными традициями и языковыми средствами для оформления мысли. Ниже мы приведем несколько примеров несоответствия смысловой наполнимости фраз в русском и вьетнамском языках:

Слово «tết» переводится как «Новый год», но это не означает, что эти понятия равнозначны друг другу, так как Новый год во Вьетнаме и России отличается по разным параметрам, а именно по дате празднования, символам и традициям.

В России и других стран Европы Новый год отмечается в ночь с 31 декабря на 1 января. Символом праздника в России является елка, украшенная игрушками, гирляндами и мишурой, Дед Мороз и Снегурочка.

Во Вьетнаме же Новый год отмечается по лунному календарю, фиксированной даты нет, обычно выпадает на конец января или начало февраля. Вместо привычной для россиян елки вьетнамцы украшают дома цветущими деревьями – персиковыми деревцами на севере и абрикосовыми цветами на юге. Эти растения символизируют процветание, счастье и удачу.

Приведем пример с фразеологизмами, так вьетнамская идиома «Éch ngòi dáy giéng» переводится на русский язык дословно «лягушка на дне колодца». В большинстве случаев, первая ассоциация, которая приходит на ум любому россиянину или европейцу, что речь идет о какой-нибудь заколдованный принцессе или принце, так как с детства они помнят такие сказки, как «Царевна-лягушка» и «Принцесса и лягушка». Однако, значение данного фразеологизма заключается совсем в другом. Речь идет о людях, которые мало что знают из-за ограниченного опыта, или о людях с узким кругозором, у которых нет достаточных знаний, но несмотря на это, они все равно ведут себя высокомерно и считают себя лучше других. Учитывая вышесказанное, правильная интерпретация фразы «Éch ngòi dáy giéng» будет «невежда», но даже и в этом случае перевод не дает весь спектр нужного смысла, т.е. остается некий непередаваемый остаток при переводе.

Рассмотрим другую идиому «Ăn măn khát nuócs», которая переводится как «будешь есть пищу соленую, будешь и жажду испытывать». Впервые услышав

это выражение, русский может подумать, что его предостерегают от чрезмерного употребления соленой пищи, но это не так. Во Вьетнаме данный фразеологизм имеет более глубокий смысл, а именно это – предостережение о последствиях дурных поступков, которые в итоге приводят только к страданиям, мучениям и трудностям. Оно напоминает людям о необходимости жить честно и по совести, не творить зла, которое негативно повлияет на их будущие.

Русская поговорка «цыплят по осени считают» по-вьетнамски звучит так: «Đêm gà con vào mùa thu». Из-за такого перевода вьетнамцы могут буквально понимать смысл данного выражения, т.е. в России по какой-то причине учёт цыплят ведется осенью. Смысл русской поговорки заключается в том, что окончательный результат какого-либо дела можно оценить только по его завершению, а не в процессе. Также ее можно трактовать как предупреждение не делать преждевременных выводов, пока дело не доведено до конца.

Хотелось бы остановиться и на некоторых культурных различиях. Так, в России принято, что в новый дом должна зайти первой непременно кошка. По одной версии, еще древние славяне верили, что в каждом человеческом жилище обитают добрые и злые духи. Кошка по поверьям видит их. Кошка, как существо мифическое старается познакомиться и подружиться с духами, договаривается с ними, ведь кошки несут положительную энергетику и могут дружить с домовыми. Тем самым они обеспечивали безопасность будущим жильцам и своим хозяевам. Они считались символом благополучия, и если по примете, войдут первыми в дом, то в доме будет царить счастье, спокойствие и процветание.

Существует и другая версия, согласно которой, кошка способна ощущать и поглощать негатив. Пуская кошку в дом первой, люди проверяли дом на наличие негатива. Если кошка была спокойна и ложилась на понравившемся ей месте, это значило, что дом спокойный и благоприятный для жизни. Если ли кошка проявляет беспокойство, страх, испытывает стресс, не находит себе места или пытается убежать, значит, в доме что-то неладное в плане энергетики и его нужно очистить. Кошка выступает в роли индикатора положительной и негативной энергетики. Если кошка выбрала определенное место в доме для сна, то именно это место является самым благоприятным для того, чтобы расположить детскую кроватку или диван.

Во Вьетнаме же с кошками зачастую связаны пословицы, поговорки и приметы негативного или ироничного характера. Так пословица «Mèo đén nhà thì chó, chó đén nhà thì giàu» – «Кошка в дом приходит – к беде, собака в дом – к богатству» отражает народное представление о приметах, связанных с двумя животными. Кошка в доме считается дурным предзнаменованием, приносящим трудности и неудачи, а собака – удачей, предвещающей богатство и процветание.

Таким образом, все вышеперечисленные примеры из русского и вьетнамского языков относятся к лингвокультурным особенностям, знание и учёт которых является необходимым условием для развития навыков

межкультурной коммуникации. Конечно, в рамках одной статьи невозможно представить то огромное многообразие межкультурных и языковых различий, мы рассмотрели лишь несколько примеров. Знание межкультурных и языковых особенностей способствует развитию навыков коммуникации и успешному осуществлению диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринова А.Н. Учебник вьетнамского языка для первого года обучения: учебное пособие. – Институт восточных языков при МГУ кафедры языков Юго-восточной Азии: Московский университет, 1965. – 322 с.
2. Студенты из Вьетнама познакомили тюменцев с традициями своей страны / Тюменская область сегодня. – Режим доступа: [https://tumentoday.ru/2025/03/25/studenty_iz_vietnama_poznakomili_tyumentsev_s_kulturoy_i_traditsiyami_svoey_strany/](https://tumentoday.ru/2025/03/25/studenty_iz_vyetnama_poznakomili_tyumentsev_s_kulturoy_i_traditsiyami_svoey_strany/) (дата обращения: 15.11.2025).
3. Что такое «классификаторы» (счетные слова) во вьетнамском и как их использовать? – Режим доступа: <https://lingust.ru/faq/vietnamese/2359-17> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Тимошенкова Г.Ю., Нгуен Суан Чыонг. Национально-культурный компонент русских и вьетнамских фамилий // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сборник статей по материалам Межвузовской научно-практической конференции курсантов и слушателей «Молодежные чтения памяти Ю.А. Гагарина» (20 мая 2014 г.): в 2-х частях. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2014. – Ч. 2. – С. 98-102.

УДК 372.881.1

Чинь Тхи Лан Ф.

магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Л.Н. Каримова

канд. филол. наук, методист ООО «ИНФОУРОК»

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие межкультурной компетенции и важность ее формирования при изучении иностранных языков, а также описываются наиболее эффективные способы развития межкультурной коммуникации у обучающихся с нарушением зрения и знакомства их с культурой изучаемого языка с учетом трудностей, возникающих из-за недоступности визуальных и медиа материалов. В статье делаются выводы о наиболее распространённых и доступных средствах, инструментах и технологиях создания инклюзивной образовательной среды, подчеркивается важность индивидуального подхода в обучении.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, иностранные языки, обучающиеся с нарушением зрения.

Abstract: This article examines the concept of intercultural competence and the importance of its development in the process of learning foreign languages. It also describes the most effective ways to foster intercultural communication among learners with visual impairments and to familiarize them with the culture of the target language, taking into account the challenges caused by the inaccessibility of visual and media materials. The article highlights the most common and accessible tools, resources, and technologies for creating an inclusive educational environment and emphasizes the importance of an individualized approach to teaching.

Key words: intercultural competence, foreign languages, blind students.

В мире, где глобализация стала нормой, умение понимать и уважать различия между культурами становится критически важным для тех, кто стремится к успешной карьере в международной среде. Межкультурная компетенция – это набор знаний, навыков и установок, которые помогают людям эффективно взаимодействовать в контексте разных культур [2].

Иными словами, межкультурная компетенция – это способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур, основанная на знании их традиций, ценностей и норм поведения. Это комплексное явление, включающее в себя не только владение языком, но и понимание культурных особенностей носителей языка.

Межкультурная коммуникативная компетенция состоит из следующих компонентов:

- Лингвистическая компетенция (или языковая компетенция) – это владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи, а также способность с помощью этих знаний понимать и правильно интерпретировать мысли другого человека и выражать собственные мысли в устной и письменной форме. Она предполагает наличие знаний о системе языка на всех языковых уровнях: фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом. Данная компетенция основана на способности применять на практике совокупность правил, регулирующих языковую деятельность [5].

- Социолингвистическая компетенция – это способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией. Для правильного использования языка она является ориентацией на социальные нормы общения между разными поколениями, полами, классами и социальными группами. Данная компетенция оказывает влияние на речевое общение между представителями разных культур. Социолингвистическая компетенция в отношении диалекта и акцента включает в себя способность распознавать языковые особенности социальных слоев, места проживания, происхождения, рода занятий [3].

- Дискурсивная компетенция – это способность строить и понимать

целостные, связные и логичные высказывания (дискурсы) разных функциональных стилей (научного, официально-делового, газетно-публицистического, художественного и разговорного) в устной и письменной форме [1]. Она предполагает выбор лингвистических средств в зависимости от типа высказывания, ситуации общения, коммуникативных задач.

- Социокультурная компетенция – это совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка [4].

В современных условиях глобализации межкультурная компетенция становится неотъемлемым компонентом обучения иностранным языкам, так как она помогает избежать недоразумений при межкультурном взаимодействии,

способствует развитию уважительного отношения к культурным различиям, необходима для успешной работы в международной среде, расширяет кругозор и способствует формированию глобального мышления.

Сегодня формирование межкультурной компетенции, в общем, и каждой из вышеперечисленных компетенций, в частности, является одной из главных целей преподавателя иностранного языка как в школах, так и в высших учебных заведениях. На занятиях по иностранным языкам, кроме обучения учащихся иностранному языку (лексика, грамматика), преподаватели еще уделяют внимание на историю, традиции, обычай, литературу и искусство изучаемого языка, то есть они знакомят учащихся с культурой изучаемого языка. Обычно для наглядности таких уроков используются презентации, видео и другие визуальные материалы, так как для лучшего запоминания новой информации у учащихся должен быть задействовано зрительное восприятие, и это является широко известным и уже доказанным фактом. А что делать с незрячими обучающимися, если для них такой способ знакомства с чужой культурой неприемлем из-за недоступности визуальных материалов. Ниже рассмотрим специфику восприятия культуры у обучающихся с ограничениями по зрению.

Отсутствие визуального контакта создает определенные барьеры при знакомстве с культурой изучаемого языка.

Основными трудностями являются:

- 1) недоступность визуальной информации (представлений о национальных костюмах, произведениях искусства, архитектурных особенностей, атрибутике традиционных праздников);
- 2) ограниченный доступ к аутентичным материалам, мультимедийным ресурсам, интерактивным платформам;
- 3) коммуникативные барьеры в процессе непосредственного общения, понимания невербальных сигналов, восприятия культурных контекстов.

Однако, несмотря на отсутствие визуальных контактов у учащихся с нарушением зрения, для них существуют альтернативные способы познания

культурных особенностей. Приведем наиболее эффективные для них методы познания культуры:

- 1) Тактильные материалы (рельефные карты, тактильные книги, модели архитектурных памятников);
- 2) Аудиоматериалы (аудиокниги, подкасты о культуре, аудиогиды, записи народных песен);
- 3) Вербальные методы (детальные описания, устные рассказы носителей культуры, беседа с экспертами, обмен опытом с другими незрячими людьми);
- 4) Технологические решения (использование специализированных программ обучения незрячих, применение голосовых помощников (NDVA, Jaws и др.)).

Несмотря на существующие трудности, современные технологии открывают новые возможности для развития межкультурной коммуникации у незрячих людей. Важно развивать доступные форматы представления культурного контента; создавать инклюзивную образовательную среду; поддерживать инициативы по адаптации материалов; способствовать межкультурному обмену.

Главными рекомендациями по развитию межкультурной компетенции как у обычных обучающихся, так и у незрячих являются индивидуальный подход в обучении (адаптация учебных материалов, учет особенностей восприятия, создание специальных методик) и совершенствование социального взаимодействия обучающихся (участие в культурных мероприятиях, общение с носителями языка).

Таким образом, формирование межкультурной компетенции является одной из ключевых задач современного языкового образования. Она позволяет не только овладеть иностранным языком, но и стать полноценным участником межкультурного диалога, способным эффективно взаимодействовать в глобальном мире. Успешное развитие межкультурной компетенции возможно только при комплексном подходе, включающем как языковое, так и культурное обучение.

Что касается успешного развития межкультурной компетенции у незрячих людей требуется комплексный подход, включающий адаптацию существующих методов обучения и разработку новых, учитывающих особенности восприятия. При правильном подходе ограничения по зрению не становятся непреодолимым препятствием для глубокого понимания другой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесников И.А., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков // И. А. Колесникова, О.А. Долгина. - СПб.: Русско-Балтийский информационный центр, «БЛИЦ», 2001.

2. Межкультурная компетенция, навыки коммуникации и управление конфликтами. – Режим доступа: <https://cadouri.online/10-effektivnyh-sposobov->

[razvitiya-mezhkuliturnoj-kompetencii-dlya-uspeshnoj-kariery/](#) (дата обращения: 11 ноября 2025 г.).

3. Социокультурная и социолингвистическая компетенция в области межкультурной коммуникации и использование Интернета для формирования коммуникативных компетенций. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/articles/533525> (дата обращения: 11 ноября 2025).

4. Социокультурная компетенция. – Режим доступа: https://methodological_terms.academic.ru/1894/.

5. Шумейко О. В. Формирование лингвистических компетенций на уроках русского языка / О. В. Шумейко // XVIII городской августовский образовательный форум «Из опыта работы преподавателя русского языка и литературы» : материалы форума. – Калининград : Филиал ФГКОУ НВМУ, 2022.

ЧАСТЬ II

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

УДК 81-13:004

Ю.Б. Байназарова

магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)

Научный руководитель – А.Р. Цыпина

Ст. преподаватель, кафедра
иностранных языков ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ЯЗЫКОВОГО ОБМЕНА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: В условиях глобализации и цифровизации формирование межкультурной компетенции становится ключевой задачей образования. Статья посвящена анализу потенциала приложений для языкового обмена в развитии данной компетенции. Исследование фокусируется на роли приложений в развитии трех компонентов: когнитивного (усвоение культурных норм и реалий), эмоционального (эмпатия и толерантность) и поведенческого (адаптация коммуникативных стратегий). Отмечается, что такие платформы обеспечивают более легкое погружение в иную культуру, повышают мотивацию и преодолевают ограничения традиционного обучения. Несмотря на некоторые ограничения (риск поверхностного общения, конфликтные ситуации), делается вывод о высокой эффективности данных приложений. Они рассматриваются как мощный инструмент, который при грамотном методическом сопровождении способен существенно обогатить процесс языкового и межкультурного образования.

Ключевые слова: цифровизация, межкультурная компетенция, языковой обмен, приложения.

Abstract. In the context of globalization and digitalization, intercultural competence is becoming a key aspect of education. This article analyzes the potential of language exchange apps for the development of this field. The study focuses on the role of apps in developing three components: cognitive (assimilation of cultural norms and reality), emotional (empathy and tolerance), and behavioral (adaptation of communication strategies). It is noted that such a platform facilitates immersion in another culture, increases motivation, and overcomes the limitations of traditional education. Despite some limitations (risk of external communication, conflict situations), it is concluded that digital technologies are effective. They are seen as state-funded tool, when properly supported by methodological guidance, can enrich the process of language and intercultural education.

Key words: digitalization, intercultural competence, language exchange, applications.

В современном мире глобализация, международная мобильность и цифровизация приводят к усилению контактов между представителями разных стран и культур. Более того, владение иностранными языками становится не только профессиональной необходимостью, но и важным элементом социальной адаптации, так как увеличено количество иностранного контента, сленговых слов и трендов, чаще всего взявших свое начало в иностранной культуре. Однако современная лингводидактика подчеркивает, что эффективное межкультурное взаимодействие невозможно без развитой коммуникативной компетенции, включающей знание культурных норм, умение интерпретировать языковые и невербальные знаки, а также способность к эмпатии и толерантности. В этих условиях формирование межкультурной компетенции становится одной из ключевых задач современного образования и профессиональной подготовки. Межкультурная компетенция – это компетенция особой природы, основанная на знаниях и умениях, способность осуществлять посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения. [2; 22]

Межкультурная компетенция понимается как способность эффективно и адекватно взаимодействовать с людьми иноязычной и иностранной культурной принадлежности, опираясь на знание культурных норм, ценностей и коммуникативных стратегий. С распространением цифровых технологий особое место в языковой подготовке заняли мобильные приложения для языкового обмена, обеспечивающие прямое общение между представителями разных культур. Необходимыми технологиями обучения становятся виртуальное или удаленное обучение мягким квалификациям и практическим навыкам, в том числе на симуляторах, в моделируемых деятельность имитационных играх, а также геймификация, командное обучение, интерактивные игры и кроссплатформенные технологии обучения иностранным языкам [1; 5].

Такие платформы, как Tandem, HelloTalk, Speaky, HiNative и др., формируют уникальное пространство живого межкультурного общения, недоступного при традиционных методах обучения. Пользователь напрямую ведет диалог с жителем другой страны, практикует язык и на ряду с этим изучает культуру собеседника в течении всего времени диалога. Конечно же, процесс не является быстрым, полностью погрузиться и понять культуру возможно при длительных диалогах и опросах собеседника, но тем не менее, всегда будет приятно узнать что-то новое от первоисточника. Использование приложений для языкового обмена позволяет интегрировать процесс обучения языку в реальное коммуникативное взаимодействие, что делает изучение не абстрактным, как в ситуациях с чтением книг, а переживаемым опытом общения. Это способствует более глубокому пониманию особенностей

культурных кодов и коммуникативных норм, а также формирует гибкость мышления, необходимую для межкультурной коммуникации.

Одним из ключевых преимуществ мобильных приложений для языкового обмена является возможность постоянного контакта с носителем языка. Коммуникация может происходить в текстовом формате, в аудиосообщениях, видеозвонках или через публикации мини-блогов внутри платформы. Такой формат взаимодействия снимает барьер формальности, характерный для учебной среды, и позволяет пользователю наблюдать язык в его естественном функционировании. Кроме того, происходит знакомство с культурными реалиями: пользователь узнает о традициях, социальных нормах, бытовых особенностях, актуальных событиях, а также о ментальных установках представителей другой культуры.

Приложения для языкового обмена способствуют развитию таких компонентов как когнитивный, эмоциональный и поведенческий в равной степени. В ходе пользования приложением пользователю открываются обширные возможности для изучения и улучшения своих способностей:

1. Когнитивный компонент – знание культурных норм, стереотипов, символов. Пользователь получает открытый доступ к непредвзятой информации о культуре собеседника. Зачастую именно такие знания считаются более точными и актуальными, чем данные из учебников, поскольку они отражают живую культуру, происходящую именно в данный момент.

2. Эмоциональный компонент – развитие эмпатии, толерантности и открытости к межкультурному взаимодействию. В общении человек сталкивается с иным способом думать, мыслить и выражать свои эмоции. Постепенно формируется способность принимать культурные различия, осознавать их ценность и воспринимать их как естественную составляющую международного общения. Положительный опыт взаимодействия снижает уровень тревожности при межкультурных контактах, так как уже «научившись опытом» подсознательно человек может понять примерное поведение и установки человека перед собой.

3. Поведенческий компонент – способность адаптировать собственные коммуникативные стратегии, опираясь на реакцию собеседника. Через регулярные диалоги пользователь учится корректно реагировать на культурные особенности собеседника, выбирать подходящий уровень формальности, соблюдать необходимый речевой этикет. В процессе языкового обмена поведенческие навыки закрепляются естественным образом.

В педагогической практике мобильные приложения могут использоваться как самостоятельный инструмент обучения или как дополнение к традиционным методам. Их применение особенно ценно в контексте обучения иностранным языкам в неязыковой среде, где у студентов ограниченные возможности общения с носителями языка. Работая в приложениях, обучающиеся получают возможность выполнять коммуникативные «задания», которые требуют постоянного взаимодействия: обсуждать различия в культуре, описывать личный опыт и так далее.

Кроме того, приложения стимулируют внутреннюю мотивацию изучающих язык. В отличие от учебных упражнений, общение с реальным человеком предполагает живую реакцию и непредсказуемый ход диалога, что делает процесс более увлекательным и динамичным. Многие пользователи отмечают, что именно благодаря приложениям они преодолели языковой и психологический барьер и научились свободнее выражать свои мысли на иностранном языке. Для формирования межкультурной компетенции это особенно важно, так как уверенность в общении напрямую связана с готовностью вступать в контакт с человеком иной культуры.

Особую ценность представляют встроенные инструменты коррекции речи, которые позволяют собеседникам исправлять ошибки друг друга в непринужденной форме. Таким образом создаются условия для совместного конструирования знания, что способствует развитию как языковой, так и межкультурной компетенции. При этом обучающийся получает обратную связь от носителя языка, что повышает объективность коррекции.

Трудности и ограничения использования приложений. Несмотря на очевидные преимущества, применение приложений для языкового обмена имеет ряд ограничений. Одним из них является поверхностный характер взаимодействия. Краткие разговоры и обмен репликами не всегда позволяют глубоко понять культурные развития или осознать нюансы поведения. Некоторые пользователи используют платформы не для образовательных целей, что может снижать эффективность коммуникации или создавать дискомфорт.

Кроме того, культурные различия иногда приводят к коммуникативным неудобствам: разный уровень прямоты, особенности юмора, различия в понимании вежливости могут вызвать недопонимание и напряжение. В таких ситуациях важна предварительная подготовка обучающихся, объяснение возможных трудностей и стратегий их преодоления.

Еще одним недостатком является отсутствие полной гарантии качества языкового материала. Носитель языка не всегда выступает как профессиональный наставник и может давать субъективные или неполные объяснения. Поэтому работу в приложениях следует сочетать с систематическими занятиями и научно-обоснованными учебными материалами.

Таким образом, мобильные приложения для языкового обмена выступают важным инструментом формирования межкультурной компетенции в условиях цифрового общества. Они обеспечивают условия для реального общения с носителями языка, помогают развивать когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты межкультурной компетенции, способствуют личной и профессиональной самореализации обучающихся. При грамотном методическом сопровождении такие приложения способны существенно повысить эффективность языкового образования и подготовить обучающихся к успешному участию в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бударина А.О. Будем мобильными: культурная трансформация мира в развитии кроссплатформенных технологий современного лингвистического образования: учебное пособие / А.О. Бударина М.В. Дрыгина, О.В. Паракина. — Калининград: БФУ им. И.Канта, 2022. — ISBN 978-5-9971-0714-7. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/310052> (дата обращения: 10.10.2025).

2. Социальная среда и личность: сборник научных трудов: сборник научных трудов / под редакцией Н.А. Коваль. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2022. — ISBN 978-5-00078-540-9. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/254936> (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 372.881.111.1

П.С. Щанькина

*магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова»
(г. Нижний Новгород)*

*Научный руководитель – Н.В. Пыхина
канд. пед. наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных
языков, педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова»*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: В статье обосновывается значимость чтения аутентичных художественных текстов как средства развития межкультурной компетенции обучающихся. Подчеркивается роль чтения аутентичных текстов художественной литературы в развитии познавательного интереса подростков к изучению иностранного языка и овладению иноязычной культурой. Рассматривается сущность аутентичности текстов художественной литературы. Приводятся многоаспектные критерии отбора аутентичных художественных текстов. Описываются взаимосвязанные уровни критерия аутентичности с соответствующей конкретизацией. Раскрывается определение аутентичности как национальной ментальности. Приводятся примеры произведений английской художественной литературы, соответствующие критериям отбора. Раскрываются содержательные особенности аутентичных литературных произведений, обосновывающие правомерность выбора. Приводится содержание веб-квеста на основе аутентичных художественных текстов, направленного на развитие познавательного интереса подростков и формирования у них межкультурной компетенции. В содержательном отношении раскрываются исторический, культурологический и

лингвистический аспекты. Указываются критерии методической оценки веб-квеста.

Ключевые слова: аутентичный художественный текст, познавательный интерес, межкультурная компетенция, критерии аутентичности, веб-квест, подростки, английский язык.

Abstract. The article substantiates the importance of reading authentic literary texts as a means of developing students' intercultural competence. It emphasizes the role of reading authentic literary texts in developing teenagers' cognitive interest in learning a foreign language and mastering a foreign culture. The article examines the essence of authenticity in literary texts. It presents multi-aspect criteria for selecting authentic literary texts. The article describes the interrelated levels of the authenticity criterion and provides specific examples. The article also defines authenticity as a national mentality. It provides examples of English literary works that meet the selection criteria. The article reveals the content features of authentic literary works and justifies the legitimacy of the choice. It presents the content of a web quest based on authentic literary texts, which is aimed at developing the cognitive interest of teenagers and the formation of their intercultural competence. In terms of content, the historical, cultural, and linguistic aspects are revealed. The criteria for methodological evaluation of a web quest are specified.

Keywords: authentic literary text, cognitive interest, intercultural competence, criteria of authenticity, web-quest, adolescents, the English language.

Чтение аутентичных художественных текстов выступает в качестве действенного средства развития у подростков познавательного интереса к изучению иностранного языка и формирования межкультурной компетенции. В процессе чтения аутентичных текстов подростки приобретают новые знания, открывающие для них неизвестный ранее мир другого человека и иной культуры. Аутентичные художественные тексты, оказывая влияние на развитие эмоционально-духовной сферы подростка, являются источником изучения национально-культурных особенностей страны изучаемого языка в исторической ретроспективе. Неоспорим воспитательный потенциал художественных текстов, соответствующих индивидуальным запросам подростков и вызывающих положительные эмоции в процессе чтения.

Тем не менее, анализ практики современных образовательных организаций по обучению английскому языку подростков свидетельствует о том, что предлагаемые для чтения тексты не соответствуют возрастным интересам и познавательным запросам современных обучающихся. При отборе текстов для чтения не учитываются требования аутентичности и актуальности предлагаемой информации. В большинстве случаев представленные в бумажном формате тексты не выдерживают конкуренцию с легкодоступными источниками информации, включающими телевидение и ресурсы сети Интернет.

Преодолению противоречий, возникающих в процессе организации чтения с использованием аутентичных художественных текстов, способствует внедрение технологии веб-квест, соответствующей основным тенденциям цифровизации иноязычного образования и учитывающей интерес современного подростка к Интернет-технологиям.

Аутентичность текстов художественной литературы является многогранным понятием, предполагающим, прежде всего, что текст был создан носителями языка для носителей языка. Так, Ф. Мишан отмечает, что «аутентичный текст представляет собой фрагмент реального языка, цель которого состоит в передаче реального сообщения для реальной аудитории» [6; 11]. Тем не менее, при правильном методическом подходе и соблюдении критериев отбора художественных текстов представляется возможным их использование в процессе обучения иностранному языку, в целом, и формировании межкультурной компетенции, в частности.

Полагаем, что П. Д. Авсиеевич удалось наиболее полно передать сущность аутентичности текстов художественной литературы в следующем определении: «Аутентичный художественный тест — это текст, созданный носителем в рамках родного языкового и социокультурного пространства, представляющий собой художественное воплощение познания действительности и отражение концептуальной картины мира, передаваемый с помощью использования национально-детерминированных языковых единиц» [1; 247].

Особого внимания заслуживает проблема критериев отбора аутентичных художественных текстов. Данный аспект получил значительное освещение в работах исследователей [2, 3, 4, 5], рассматривавших как общие критерии отбора аутентичного материала, так и лингвокультурный потенциал аутентичных художественных текстов. По мнению Д.А. Волковой, к наиболее важным критериям отбора аутентичных текстов относятся «языковой уровень учащихся, соответствие контексту и тематике урока, соответствие возрасту учащихся и их интересам, лексическая и грамматическая «не перегруженность», содержательность и актуальность информации, естественность» [2]. Подобная трактовка требований к аутентичным художественным текстам представлена в исследовании А. А. Грековой и ее соавторов, выделяющих следующие основные критерии отбора: «выбор содержательных аспектов текстов, лингвокультурный анализ, обеспечение развития языковых навыков» [3; 322]. Критерий лингвокультурного анализа, предусматривающего отражение в текстах культурных аспектов в единстве реалий, обычаев и традиций, приобретает особую актуальность в контексте формирования межкультурной компетенции обучающихся. А.И. Шведак, разделяя общепринятую трактовку критериев отбора аутентичных текстов, подчеркивает особую значимость такого критерия как нравственность. По мнению автора, «Содержание аутентичных материалов должно соответствовать общественным и моральным нормам, что предполагает отсутствие жестокости, насилия, цензуры, безнравственности» [5; 363].

В свою очередь, Ж.Б. Жалсанова и ее соавторы конкретизируют критерий аутентичности, рассматривая ее на следующих взаимосвязанных уровнях: «культурологическая аутентичность, аутентичность как национальная ментальность, информативная аутентичность, ситуативная аутентичность, реактивная аутентичность» [4; 109–110]. Полагаем, что в контексте формирования межкультурной компетенции обучающихся особенно значимым является критерий аутентичности как национальной ментальности». Данное понятие определяется исследователями следующим образом: «Аутентичность как национальная ментальность – отражение в текстах особенностей межкультурных связей, специфики речевого общения, языкового оформления текстов, учет табуированных в данной стране сфер, тем, областей» [4;109]. В совокупности с ситуативной аутентичностью, отражающей национальные особенности темы, сюжета и персонажей текста, аутентичность как национальная ментальность способствует реализации целостного подхода к формированию межкультурной компетенции в единстве содержательной и эмоциональной составляющей.

Приведем пример художественных произведений английской литературы, которые, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует представленным критериям отбора. Считаем целесообразным обратиться к сказкам Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» как к ярким примерам аутентичного материала, востребованного при формировании межкультурной компетенции обучающихся. Приведем примеры из сказок, обосновывающие данный выбор аутентичных художественных текстов. Прежде всего, необходимо отметить, что в тексте нашли отражение английские традиции, в частности, 5 o'clock tea, а также игра в крокет. Показательным является использование английских народных песен: исполняемая Бубновым Валетом песня «The Queen of Hearts, she made some tarts», широко известная детская песенка о Шалтае-Болтае. В «Приключениях Алисы в Стране чудес» присутствуют персонажи, основанные на исторических личностях: королева Виктория как прототип Королевы Червей. Приводятся цитаты из мировой литературы. Так, Королева Червей часто повторяет фразу «Голову с плеч!», которую Льюис Кэрролл заимствовал из пьесы Уильяма Шекспира «Генрих VI». В сказке «Алиса в Зазеркалье» представлены предметы Викторианской эпохи – шахматы. Лингвокультурный анализ текстов художественных произведений свидетельствует о наличии английских идиом в описании персонажей: mad as a hatter; mad as a March hare; to grin like a Cheshire cat. Также присутствует пословица «Котам на королей смотреть не возбраняется». Особый национально-культурный колорит придаетенным произведениям наличие иллюстраций Джона Тенниела, английского художника, современника Льюиса Кэрролла. Таким образом, сказки «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» содержат богатый культурологический материал, способствующий действенному формированию межкультурной компетенции обучающихся.

Как известно, использование технологии веб-квест позволяет успешно интегрировать цифровые технологии и аутентичные художественные тексты. Нами был разработан веб-квест «Секреты Алисы» на основе произведений Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Веб-квест был направлен на развитие познавательного интереса подростков к обучению английскому языку и овладению англоязычной культурой. Обучающиеся получили ссылки на источники информации, используя которые, они должны были разработать содержание в соответствии с назначенными ролями.

Объединение обучающихся в группы происходило следующим образом:

- Историки, представляющие исторические факты, нашедшие отражение в сказках. Участники данной группы должны привести примеры из текста, имеющие отношение к Викторианской эпохе, представив их в историческом справочнике с иллюстрациями.

- Кинокритики, демонстрирующие фрагменты из различных фильмов об Алисе в Стране чудес. Продуктом проектной деятельности группы является составление обзора фильмов. Участники группы также сравнивают образ Алисы в тексте сказки и в фильмах.

- Лингвисты, приводящие примеры идиом, пословиц, песен из текста художественных произведений «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Собранные материалы оформляются в мини-словарь, выступающий в качестве справочника для читателя.

Так как веб-квест по сути является ролевой игрой, на финальном этапе обучающиеся представляют результаты своей деятельности в ходе ток-шоу. Методическая оценка веб-квеста проводилась в соответствии со следующими критериями:

1. Наличие захватывающего введения, являющегося мотивационным стимулом для обучающихся.
2. Формулировка задания, логически связанного с обозначенной во введении проблемой.
3. Наличие ролей, интересных для обучающихся и позволяющих решить указанные проблемы.
4. Использование Интернет-ресурсов, обеспечивающих разнообразие достоверной и актуальной информации в контексте интерактивности.
5. Критическое мышление, предполагающее выход на более высокий уровень осмыслиения текста.
6. Наличие обратной связи с реальной жизнью.
7. Заключение, предполагающее отражение перспектив дальнейшего исследования.

Структура веб-квеста предусматривает наличие введения, в котором описывается тема проекта; центрального задания с предложенными участникам ролями; последовательности работы с указанием необходимых ресурсов; критериев оценивания, отражающих содержательность, качество визуальной презентации и языковое оформление; заключение с подведением итогов;

Интернет-ресурсов, использованных при создании веб-квеста; комментариев для учителей.

Подростки с большим энтузиазмом приняли участие в проектной деятельности на основе веб-квест технологии по содержанию сказок «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Ознакомление с текстом художественных произведений стало носить более направленный характер благодаря использованию значительного историко-культурного контекста. Использование цифровых технологий и игровой формат во многом способствовали повышению мотивации подростков к внимательному прочтению аутентичных художественных произведений.

Таким образом, тщательный отбор аутентичных произведений художественной литературы на основе многоаспектных критериев является залогом успешности работы по развитию познавательного интереса обучающихся к изучению иностранного языка и овладению иноязычной культурой. Межкультурная компетенция, выступая в качестве многоаспектного понятия, может быть успешно сформирована при тщательном подборе содержания и средств, соответствующих запросам обучающихся и целевым установкам обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авсиевич П.Д. Реализация социокультурного эффекта в образовательном процессе посредством чтения аутентичного художественного текста // Проблемы современного образования. 2024. №2. С.238-247.
2. Волкова Д.А. Использование аутентичных текстовых материалов для обучения чтению на уроках английского языка в школе // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. №04 (81). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/ispolzovanie-autentichnykh-tekstovykh-materialov-dlya-obucheniya-chteniyu-na-urokakh-anglijskogo-yazyka-v-shkole.html> (Дата обращения: 30.10.2025)
3. Грекова А.А. Потенциал аутентичных художественных текстов в формировании лингвокультурной компетенции при обучении иностранному языку (английскому) старших школьников / А. А. Грекова, А. Г. Грекова, Ю. Г. Киктева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 16 (567). — С. 322-324.
4. К вопросу об аутентичности и критериях отбора текстов для обучения чтению на начальном этапе овладения вторым иностранным языком // Ж.Б. Жалсанова, Ю.Э. Мюллер, Н.Ю. Северова, Е.А. Успенская // Педагогика и психология образования. 2021. №1. С.107-117.
5. Шведак А.И. Сущность понятия «аутентичные материалы» в контексте обучения иностранному языку / А. И. Шведак. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 22 (208). — С. 360-363.
6. Mishan F. Designing authenticity into language learning materials. Intellect, 2005. - 346р.

УДК 81.255

Э.Р. Сагитова

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Н.В. Волкова

*канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ НА МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: В современном мире, характеризующемся расширением международных контактов и активным развитием межкультурного взаимодействия, особую значимость приобретает проблема языковых барьеров. Они затрудняют полноценный обмен информацией, создают препятствия для взаимопонимания и нередко становятся причиной коммуникативных неудач между представителями разных культур. В статье рассматриваются сущность и природа языковых барьеров, их влияние на процесс межкультурного общения, а также различные подходы к их преодолению. Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения качества межкультурного общения и формирования навыков эффективной коммуникации в многоязычной среде. Цель исследования заключается в выявлении причин возникновения языковых барьеров и анализе способов их преодоления с учётом лингвистических, технологических и социокультурных факторов. Из выводов следует, что комплексный подход, объединяющий вышеперечисленные факторы, способствуют успешному преодолению языковых барьеров.

Ключевые слова: языковой барьер, межкультурная коммуникация, коммуникация.

Abstract. Nowadays, due to expanding international contacts and active development of intercultural interaction, the problem of language barriers is vital. They hinder the full exchange of information, create obstacles to mutual understanding, and often cause communication failures between representatives of different cultures. This article examines the essence and nature of language barriers, their impact on the process of intercultural communication and various methods to overcome them. The relevance of the article is due to the need to improve the quality of intercultural communication and develop effective communication skills in a multilingual environment. The purpose of the study is to identify the causes of language barriers and analyse ways to overcome them taking into account linguistic, technological and sociocultural factors. The conclusions suggest that an integrated approach combining the above factors helps to overcome language barriers successfully.

Key words: language barrier, intercultural communication, communication.

Наше время характеризуется активными процессами международной миграции и культурного обмена, что делает проблему межкультурного общения особенно значимой. Одним из главных препятствий на пути взаимопонимания между представителями разных культур выступает языковой барьер, который нередко приводит к искажению смысла сообщений и формированию стереотипов. В условиях многоязычного и мультикультурного пространства владение не только языковыми, но и межкультурными компетенциями становится необходимым условием успешной коммуникации.

Актуальность данной статьи заключается в необходимости изучения влияния языковых барьеров на качество межкультурного взаимодействия и поиска эффективных способов их преодоления, что особенно важно в современном образовательном и профессиональном контексте. Также выводы статьи могут применяться в образовательной и прикладной сфере, в частности – при обучении иностранным языкам, подготовке специалистов для работы в межкультурной среде, в сфере международного туризма, образования и бизнеса.

И.А. Стернин характеризует межкультурное общение как коммуникацию между носителями разных культур. По его определению, задача этой науки – исследовать специфику коммуникативного поведения народов и разрабатывать на этой основе способы успешного межкультурного взаимодействия [6; 10].

Межкультурная коммуникация включает пересечение двух ментальных языковых картин мира. Эффективность межкультурного общения обусловлена не столько лингвистическими факторами, сколько когнитивно-культурными: для успешного взаимодействия требуется совместимость когнитивных установок и культурных кодов собеседников. Основным носителем этих особенностей является языковая личность, а язык отражает присущую данному народу концептуальную картину мира.

Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, язык оказывает непосредственное влияние на мышление его носителей и их восприятие реальности. Из этого следует, что специфика каждого языка отражает уникальность соответствующей ему культурной системы. Таким образом, владение иностранным языком без знания культурного контекста не обеспечивает полного понимания и может привести к коммуникативным сбоям [5; 65].

Языковой барьер – это совокупность лингвистических и психологических трудностей, препятствующих полноценному общению. Он проявляется в ограниченном владении языковыми средствами, различиях семантики, грамматики и прагматики, а также в недостатке культурных знаний [8; 25].

Лексические и семантические расхождения отражают разные способы категоризации мира. Например, в русском языке различаются «синий» и «голубой», в то время как в английском – один термин *blue*. Подобные различия формируют когнитивные расхождения и могут вызывать недопонимание.

Кроме лингвистических трудностей, выделяют экстралингвистические факторы – культурные, социопсихологические и поведенческие различия. К

ним относятся культурные стереотипы, нормы вежливости, особенности невербального поведения, дистанция общения (проксемика) [1; 225]. Например, жест «окей» в разных культурах может восприниматься как одобрение, насмешка или оскорблениe. Такие различия часто приводят к коммуникативным неудачам.

Главным способом преодоления языкового барьера является систематическое изучение иностранного языка и активная языковая практика. Ошибки при говорении не являются признаком неудачи, а служат важным инструментом обучения. Регулярное общение с носителями языка способствует формированию уверенности и снижению «языковой тревожности» [2; 20].

Одним из эффективных подходов считается билингвальное образование, развивающее способность личности к межкультурной адаптации. Билингвизм обеспечивает расширение языковой и культурной компетенции, формирует навык переключения между различными системами мышления [7; 74].

Таким образом, овладение языком предполагает не только освоение лексики и грамматики, но и перестройку мышления, развитие эмпатии и гибкости восприятия.

Социокультурный подход направлен на формирование у обучающегося понимания норм, ценностей, традиций и моделей поведения другой культуры. Этот способ предполагает овладение не только языковыми средствами, но и культурным кодом, что позволяет воспринимать иностранную культуру как равноправную и уникальную.

Социокультурная компетенция включает знание реалий, обычаяев, национальных стереотипов, этикета, а также понимание социальных ролей и контекста общения. Формирование этой компетенции способствует развитию толерантности, эмпатии и культурной гибкости.

В образовательной практике социокультурный способ реализуется через: использование аутентичных материалов (видео, статьи, фильмы, подкасты), анализ культурных различий в речевом поведении, участие в межкультурных проектах, онлайн-обменах и программах академической мобильности.

Таким образом, социокультурный подход обеспечивает переход от «знания языка» к «пониманию культуры через язык», что делает коммуникацию осознанной и эффективной.

Современные технологии способствуют снижению языковых барьеров. Системы автоматического перевода (Google Translate, DeepL и др.) позволяют быстро переводить тексты и устную речь, облегчая межкультурное взаимодействие. Существуют три основных типа машинного перевода:

1. FAHQMT – полностью автоматический перевод высокого качества,
2. НАМТ – перевод с участием человека,
3. МАНТ – помощь машины при переводе человеком [3; 53].

Онлайн-переводчики и приложения для общения (например, Duolingo, HelloTalk, ChatGPT) не заменяют полноценного языкового образования, но выполняют адаптивную и коммуникативную функцию, особенно на начальных этапах изучения языка [4; 52].

Межкультурная коммуникация является сложным процессом, включающим когнитивные, лингвистические и культурные аспекты. Языковой барьер – это не только недостаток языковых знаний, но и отражение различий в картинах мира и системах ценностей. Эффективное преодоление языковых барьеров требует:

- 1) развития межкультурной и социокультурной компетенции;
- 2) активного использования иностранного языка в реальных ситуациях общения;
- 3) применения технологий перевода и обучения;
- 4) формирования психологической готовности к взаимодействию с представителями иных культур.

В статье были рассмотрены основные пути преодоления языковых барьеров, среди которых особое внимание уделено лингвистическим стратегиям (обучение языкам, билингвизм, упрощение речи), использованию технологических средств (машинный перевод, языковые приложения), а также социокультурным методам (языковые курсы, межкультурные тренинги, адаптация речевого поведения). Все эти подходы в совокупности способствуют успешному преодолению коммуникативных препятствий и повышению эффективности взаимодействия между представителями разных культур.

Таким образом, эффективная межкультурная коммуникация возможна лишь при условии осознанного подхода к преодолению языковых барьеров, основанного на понимании глубинных различий между культурами и готовности к адаптации и диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров В.А. Анализ и выбор систем автоматизированного перевода // Экономика и социум. – 2017. – №4 (35). – С. 2009-2012.
2. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. – М.: Наука, 1993. – 345 с.
3. Кононков Е.В. Анализ современных возможностей онлайн-переводчиков в сфере профессионального перевода // Проспект Свободный-2018: Материалы Международной конференции молодых ученых, Красноярск, 23-27 апреля 2018 года / Сибирский федеральный университет; Институт космических и информационных технологий. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 50-54.
4. Ларина Т.В. Основы межкультурной коммуникации. – М.: Издательский центр «Академия», 2017. – 192с.
5. Морозкина Т.В. Межкультурная коммуникация. Intercultural Communication. Interkulturelle Kommunikation: учебник / Т.В. Морозкина, Я. Русянкова. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. – 244 с.
6. Таткало Н.И., Саркисян И.Р. Билингвальное обучение как предпосылка преодоления языкового барьера и обеспечения академической успешности молодежи в эпоху глобализации культуры // Ученые записки. Электронный

научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – №4 (60). – С. 616-626.

7. Фирсова И.В. Языковой барьер при обучении иностранному языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – №1 (9). – С. 89-92.

8. Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J. Foreign Language Classroom Anxiety // The Modern Language Journal. – 1986. – № 70 (2). – P. 125-132.

УДК 372.881.111.1

C.А. Строганова

студент 5 курса ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина
(г. Елец)

Научный руководитель – М.Н. Поздняков

канд. пед. наук, доцент кафедры восточных и европейских языков,
перевода и лингводидактики ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина»

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ. КРИТЕРИИ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ

Аннотация: Лексика является одним из основных компонентов речевого общения. В основной школе формированию лексических навыков придается первостепенное значение, поскольку у обучающихся уже есть определенный словарный запас, но их речь часто изобилует ошибками. В статье анализируется эволюция лексического навыка от простого владения словом к комплексному лексическому умению. На основе теоретического анализа специфики данного этапа и психологических особенностей учащихся предлагается система критериев оценки сформированности лексических навыков (правильность, автоматизированность, устойчивость, гибкость, сочетаемость) и соответствующий диагностический инструментарий для рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, а также даются методические рекомендации для учителей.

Ключевые слова: английский язык, лексические навыки, основная школа, критерии оценки, диагностика сформированности, методика преподавания иностранного языка, коммуникативная компетенция.

Abstract. Vocabulary is one of the key components of verbal communication. The formation of lexical skills is a top priority in secondary school, as students already possess a certain vocabulary, but their speech is often riddled with errors. The article analyzes the evolution of the lexical skill from simple knowledge of a word to a complex lexical ability. Based on a theoretical analysis of the specifics of this stage and the psychological characteristics of students, a system of criteria for assessing the development of lexical skills (accuracy, automaticity, stability, flexibility,

collocation) is proposed, along with corresponding diagnostic tools for receptive and productive types of speech activity. Methodological recommendations for teachers are also provided.

Keywords: English language, lexical skills, secondary school, assessment criteria, skill formation diagnostics, foreign language teaching, communicative competence.

Актуальность исследуемой проблемы. Формирование прочных лексических навыков является одной из центральных задач обучения иностранному языку в основной школе. В этот период происходит качественный скачок, который выражается в том, что от накопления базового словарного запаса учащиеся переходят к его систематизации, активному и гибкому использованию в усложняющихся речевых ситуациях, предусмотренных образовательной программой. Однако традиционные методы контроля часто направлены на проверку изолированных знаний лексических единиц, а не на оценку сформированности интегративного навыка их применения. В современной методике ощущается дефицит четких, измеримых критериев, позволяющих объективно диагностировать уровень владения лексикой, характеризующийся не только правильностью, но и автоматизированностью, устойчивостью, гибкостью и сочетаемостью. В этой связи, теоретическое обоснование специфики лексических навыков именно на данной ступени и разработка комплексной системы критериев для оценки уровня их сформированности представляются особо актуальными задачами, решение которых необходимо для повышения эффективности учебного процесса.

Целью исследования является теоретическое обоснование и описание специфики формирования лексических навыков в основной школе и разработка комплекса критериев для оценки уровня их сформированности.

Объектом исследования является процесс обучения иностранному языку у обучающихся основной школы (на примере английского языка).

Предметом исследования является процесс формирования лексических навыков у обучающихся основной школы (на примере английского языка).

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили научные публикации и методические работы отечественных и зарубежных авторов в области лингводидактики, психологии обучения и методики преподавания иностранных языков, посвященные проблемам формирования лексических навыков. В исследовании использовался комплекс теоретических методов: анализ педагогической и методической литературы, систематизация и классификация лексических навыков, сравнительный анализ подходов к их формированию и синтез критериев оценки.

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Теоретические основы формирования лексического навыка. В современной методике лексический навык понимается как сложное, многоаспектное явление. Исследователь Ю.Г. Давыдова определяет его как

интегративное умение, включающее три взаимосвязанных компонента: формальный (звуковая/графическая форма), семантический (значение, многозначность, синонимия) и употребленческий (сочетаемость, грамматические паттерны, стилистическая регистрация) [4; 57].

Критически важным является разграничение «знания слова» и «навыка владения словом». Если знание представляет собой декларативное владение информацией о слове, то навык – это процедурная способность к его автоматизированному, точному и уместному использованию в спонтанной речи, считают Е.Г. Коваленко и Ю.С. Цапковская [7; 23]. Как отмечает методист В.В. Селеметова, лексический навык представляет собой "способность автоматически выбирать адекватную лексическую единицу и сочетать ее правильно с другими единицами в контексте продуктивной речи, а также автоматизированное восприятие и ассоциация со значением в контексте рецептивной речи" [9; 30]. Именно навык обеспечивает беглость и естественность коммуникации. Авторы Т.Н. Сухарева и И.А. Кулажников подчеркивают, что лексическая компетенция является неотъемлемым и ключевым компонентом иноязычной коммуникативной компетенции, а ее сформированность напрямую определяет успешность речевого взаимодействия [11; 2].

Как отмечают Е.Г. Коваленко и Ю.С. Цапковская, лексические навыки традиционно подразделяются на рецептивные (узнавание и понимание лексических единиц при аудировании и чтении) и продуктивные (правильный выбор и сочетание слов в говорении и письме) [7; 23]. Они подчеркивают, что "продуктивные лексические навыки отвечают за правильный подбор и преобразование слов в устной и письменной речи в соответствии с ситуациями и целями коммуникации, а рецептивные лексические навыки – за распознание и понимание слов при прослушивании иностранной речи либо чтении текстов" [7; 22]. Эволюция навыка в основной школе заключается в постепенном переходе от доминирования рецептивных навыков к их интеграции с продуктивными, и дальнейшему развитию последних.

2. Психолого-педагогическая характеристика обучающихся основной школы. Формирование лексических навыков происходит в контексте интенсивного психологического роста учеников. В возрасте 10-15 лет происходит развитие абстрактного мышления, что позволяет школьникам усваивать не только конкретную, но абстрактную и оценочную лексику [10; 8]. Память становится более логической, однако механическое запоминание, характерное для младших школьников, теряет свою эффективность, что требует новых, осмысленных стратегий работы с лексическим материалом.

Мотивация в этот период претерпевает изменения: внешняя мотивация может ослабевать, а на первый план выходит внутренняя мотивация, связанная с интересом к предмету, pragматическими целями и самореализацией, считает Е.В. Соловова [10; 92]. Создание ситуаций успеха и демонстрация практической пользы владения языком становятся ключевыми задачами учителя.

Серьезной проблемой в основной школе является интерференция (влияние родного языка) и фоссилизация – стабилизация ошибок. Подростки, стремясь выразить сложные мысли при ограниченном языковом ресурсе, часто буквально переводят конструкции с родного языка, что приводит к устойчивым лексико-грамматическим ошибкам. Исследователь В.В. Селеметова обращает внимание на то, что "лексические ошибки часто являются следствием интерференции родного языка. Преодоление фоссилизации требует целенаправленной работы над ошибками и создания богатой языковой среды для интуитивного усвоения правильных моделей" [9; 28].

Таким образом, рассмотренная теоретическая база и психологические особенности учащихся основной школы создают основу для понимания специфики лексических навыков на данной ступени, которая проявляется в качественных и количественных изменениях лексикона и приоритетных видов работы с ним.

3. Специфика формирования лексических навыков в основной школе. На этой ступени обучения происходит не только количественное расширение словаря, но и его глубокая качественная трансформация. Этот процесс напрямую связан с усложнением компонентов лексического навыка.

Семантическая сторона обогащается за счет перехода от усвоения конкретной лексики (предметы, животные, действия) к лексике абстрактной (эмоции, понятия, отношения), оценочной и общенаучной. Учащиеся начинают осваивать различные компоненты значения слова, включая коннотативный (*celebrated vs. notorious*) и pragmatisческий аспекты, считает Ю.Г. Давыдова [4; 57].

Сторона употребления усложняется кардинально. В активное употребление входят фразовые глаголы (*to get away with*), идиомы (*red tape*), устойчивые словосочетания и составные предлоги (*in front of*) [4; 57]. Это означает, что сочетаемость перестает быть буквальной и становится фиксированной, требуя запоминания целых лексических блоков.

Авторы Е.Г. Коваленко и Ю.С. Цапковская выделяют важность системного подхода к формированию лексических навыков, отмечая, что «информация должна быть насыщена по содержанию и правильно сгруппирована, что способствует, в том числе, преодолению информационной нагрузки» [7; 24]. Этот принцип особенно актуален для этой ступени обучения, когда объем лексики значительно возрастает.

Приоритет в работе с лексикой закономерно смещается от пассивного запоминания изолированных слов к их активному использованию в речевых ситуациях. Задача учителя – создавать условия, в которых ученик вынужден не просто вспомнить слово, а применить его для решения коммуникативной задачи (проекты, дискуссии, ролевые игры).

На первый план выходит развитие лексической стороны речи (*lexical resource*), которая становится ключевым критерием при оценке как устных, так и письменных высказываний. От учащихся требуется не только правильность, но и гибкость – разнообразие используемой лексики, ее уместность и

способность передавать тонкие оттенки смысла, подчеркивает Н.Д. Гальскова [3; 135].

4. Система критериев и диагностики. Выявленные в разделе 2 психологические особенности напрямую проявляются в специфических трудностях формирования лексических навыков у подростков:

- Интерференция родного языка и фоссилизация являются прямым следствием когнитивного диссонанса между желанием выразить сложную мысль и ограниченным иноязычным ресурсом.

- Перегрузка новыми словами и недостаток повторения обусловлены возросшим объемом лексики и недооценкой роли цикличного, вариативного повторения для перевода информации в долговременную память. Авторы Коваленко Е.Г. и Цапковская Ю.С. предупреждают, что "одновременная презентация более чем девяти лексических единиц не ведет к их успешному усвоению, поэтому каждая новая порция лексического материала должна быть не только строго дозирована, но и подкреплена достаточным количеством упражнений, обеспечивающих ее переход в долговременную память" [7; 24].

- Страх ошибки в продуктивной речи: прямо вытекает из повышенной самокритичности подростков и боязни «потерять лицо» перед сверстниками, что тормозит развитие автоматизированности и гибкости [8; 5].

Выявленные специфика и трудности формирования лексических навыков у подростков требуют разработки четкой системы критериев для их оценки и соответствующих методических инструментов диагностики и развития. Для объективной оценки уровня владения лексикой на средней ступени методист Ю. Г. Давыдова выделяет следующие пять взаимосвязанных критериев, отражающих его комплексную природу.

- Правильность (точность): отражение степени усвоения формальной и семантической сторон навыка.

- Автоматизированность (скорость): способность быстро извлекать слово из долговременной памяти, что напрямую связано с беглостью речи.

- Устойчивость: свидетельствует о прочности связей в ментальном лексиконе и отсутствии интерференции.

- Гибкость (вариативность), то есть способность использовать синонимы, перифраз, выбирать стилистически уместную лексику, что отражает сформированность лексических умений.

- Сочетаемость: ключевой критерий, отражающий усвоение стороны употребления и синтагматических связей слова [4; 58].

Для диагностики каждого критерия необходим соответствующий методический инструментарий, ориентированный на рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности.

Таблица 1 – Критерии сформированности лексических навыков на средней ступени обучения

Критерий	Рецептивные задания (чтение/аудирование)	Произдуктивные задания (говорение/письмо)
<i>Правильность</i>	Выбор правильного варианта перевода; определение лишнего слова в синонимическом ряду;	Подстановка слов в предложения; перевод предложений с использованием активной лексики; написание минивысказывания по теме с использованием активной лексики.
<i>Автоматизированность</i>	Упражнения на ограничение по времени (timed reading); реакция на слово/фразу в аудиотексте.	Описание картинки на время; устные ответы в быстром темпе.
<i>Устойчивость</i>	Задания на различение паронимов (e.g., <i>economic/economical</i>) в тексте.	Упражнения на выбор правильного слова из нескольких похожих; создание предложений с паронимами.
<i>Гибкость</i>	Найти в тексте синонимы к указанным словам.	Перефразирование предложений; подбор синонимов/антонимов в эссе.
<i>Сочетаемость</i>	Задания "подбери подходящее слово" (e.g., <i>make/do a mistake</i>); восстановление коллокаций в тексте.	Упражнения на заполнение пропусков в устойчивых выражениях; написание короткого текста с использованием заданных коллокаций.

5. Рекомендации по формированию лексических навыков в основной школе. Изучив научную литературу по теме исследования, мы пришли к выводу, что формирование лексических навыков, отвечающих всем вышеперечисленным критериям, требует системного интегративного подхода, основанного на определенных принципах, обозначенных в трудах отечественных ученых.

Ю.Г. Давыдова обозначила следующие принципы:

1. Отбор лексики: приоритет следует отдавать лексическим единицам, входящим в устойчивые сочетания и фразовые глаголы, что закладывает основу для критерия сочетаемости с самого начала.

2. Повторение и цикличность: для преодоления трудностей, связанных с перегрузкой и фоссилизацией, повторение должно быть вариативным и интервальным. Ранее изученная лексика должна постоянно включаться в новые речевые задания, что способствует одновременному развитию автоматизированности, гибкости и устойчивости навыка [4; 59].

3. Принцип системы упражнений (от подготовительных к речевым),

изложен в работах Р.К. Миньяр-Белоручева.

- Подготовительные упражнения направлены на формирование правильности и устойчивости.
- Стандартизованные речевые упражнения нацелены на отработку автоматизированности и сочетаемости.
- Творческие речевые упражнения: способствуют развитию гибкости и всех остальных критериев в условиях, приближенных к реальной коммуникации [8].

4. Системность. Исследователь Селеметова В.В. подчеркивает, что "лексические навыки являются прочными и устойчивыми, если работа над ними ведется во взаимосвязи и в системе. На прочность и устойчивость лексических навыков влияют не только характер взаимодействия навыков между собой, но и характер взаимодействия лексических навыков с другими (фонетическими и грамматическими)" [9; 33].

Проведенное исследование позволило теоретически обосновать специфику лексических навыков говорения в основной школе как процесса качественной трансформации, заключающейся в переходе от владения изолированной лексической единицей к интегративному лексическому умению, функционирующему в системе языка. Была выявлена прямая взаимосвязь между психолого-возрастными особенностями учащихся, качественным усложнением компонентов навыка (семантического и употребленческого) и возникающими трудностями его формирования.

Система критериев оценки сформированности лексических навыков (правильность, автоматизированность, устойчивость, гибкость, сочетаемость) и соответствующий диагностический инструментарий позволяют перейти от фрагментарной оценки знаний к комплексному мониторингу уровня владения лексикой. Предложенные методические рекомендации, основанные на принципах отбора лексики, системе упражнений и вариативного повторения, создают основу для целенаправленного формирования лексических навыков, адекватных требованиям средней ступени обучения и способствующих повышению эффективности всего процесса иноязычного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Бронская В.С. Теоретические основы формирования и развития лексических навыков у школьников // СИСП. 2011. № 4.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам // Лингводидактика и методика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – 350 с.
4. Давыдова Ю.Г. К вопросу о понятии "лексическая компетенция" на продвинутых уровнях владения иностранными языками // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 5 (72). – С. 56-60.

5. Загвязинский В.И. Исследовательская деятельность педагога: учеб. пособие. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
6. Камянова Т. Успешный английский. Системный подход к изучению английского языка. – М.: Эксмо, 2017. – 480 с.
7. Коваленко Е.Г., Цапковская Ю.С. Принципы формирования лексических навыков младших школьников на уроках английского языка // The scientific heritage. – 2020. – № 45. – С. 22-24.
8. Миньяр-Белоручев Р. К. К проблеме формирования иноязычных лексических навыков // Иностранные языки в высшей школе: сб. научно-метод. статей / под ред. С. К. Фоломкиной. – М.: Изд-во МПИ, 1989. – Вып. 22. – С. 3-9.
9. Селеметова В.В. Теоретические основы формирования и развития лексических навыков у школьников // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2023. – № 06 (83). – С. 28-35.
10. Солопова Е.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников с применением компьютера в процессе обучения: дис. ... канд. пед. наук. – Елец, 2008. – 214 с.\
11. Сухарева Т. Н., Кулажников И. А. К вопросу о роли лексической компетенции в формировании иноязычной коммуникативной компетенции // Мичуринский государственный аграрный университет. – 2022. – С. 1-8.

УДК 378.147:811.111

О.Н. Торгованова
ст. преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «ТГТУ»
(г. Тверь)
А.Е. Шабанова
ст. преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «ТГТУ»

РУБРИКИ КАК МЕТОД ОЦЕНИВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию применения критериальных рубрик как эффективного инструмента оценивания в обучении английскому языку в высшей школе. Рассматриваются принципы разработки дифференцированных оценочных матриц для различных видов учебной деятельности (устные презентации, письменные работы), учитывающих уровень языковой подготовки студентов (A1-C2). Представлены критерии оценивания с примерами табличных рубрик, раскрыты методические аспекты их практического применения. Особое внимание уделяется адаптивному характеру системы оценивания, позволяющему сочетать объективность проверки с развитием метакогнитивных навыков учащихся.

Ключевые слова: оценка, критериальное оценивание, рубрика, успеваемость, академическое письмо, прозрачность оценивания.

Abstract. The article is devoted to the study of the application of criterion-referenced rubrics as an effective assessment tool in teaching English in higher education. It examines the principles of developing differentiated assessment matrices for various types of educational activities (oral presentations, written papers), taking into account students' language proficiency levels (A1-C2). The assessment criteria with examples of tabular rubrics are presented, and the methodological aspects of their practical application are revealed. Special attention is paid to the adaptive nature of the assessment system, which allows for combining the objectivity of checking with the development of students' metacognitive skills.

Keywords: assessment, criteria-based assessment, rubric, academic performance, academic writing, transparency of assessment.

В современной высшей школе все большее распространение получает метод оценивания через рубрики (критериальные сетки). Этот подход особенно эффективен при преподавании английского языка, так как позволяет сделать процесс оценки более прозрачным, объективным и полезным для учебного процесса.

Разработкой рубрик в вузовской практике обычно занимаются преподаватели конкретных дисциплин, методические объединения кафедр, а в некоторых случаях – и сами студенты. Например, при создании критериев оценки эссе по английскому языку преподаватель может привлечь студентов старших курсов, что повышает понимание требований и вовлеченность в учебный процесс, поскольку возможно «совместное создание рубрик со студентами или внедрение уже существующих рубрик из баз данных» [4; 43].

Для разных видов деятельности на занятиях английским языком разрабатываются специальные рубрики. При оценке устных презентаций обычно учитывают такие критерии, как произношение (минимальное количество ошибок, заметный акцент или частые ошибки), логика изложения (четкая структура, частичные нарушения или отсутствие структуры), использование лексики и другие параметры, см таблицу1.

Таблица 1. Рубрики для оценивания устных презентаций.

Критерий	Высокий уровень (4-5 баллов)	Средний уровень (2-3 балла)	Низкий уровень (0-1 балл)
Произношение	Минимальное количество ошибок	Заметный акцент, но речь понятна	Частые ошибки, мешающие пониманию
Логика изложения	Четкая структура, связные переходы	Частичные нарушения логики	Отсутствие четкой структуры

Для письменных работ (эссе, сочинений) важными критериями

становятся содержание, организация текста, разнообразие лексики, грамматическая точность и оригинальность подхода, см таблицу 2.

Таблица 2. Рубрики для оценивания письменных работ

Критерий	Высокий уровень (5 баллов)	Средний уровень (3-4 балла)	Низкий уровень (1-2 балла)
Содержание	Полное раскрытие темы	Тема раскрыта поверхностно	Тема не раскрыта
Организация текста	Четкая структура (введение-тезис, основная часть, заключение)	Структура прослеживается, но есть нарушения логики	Отсутствие четкой структуры
Лексика	Широкий словарный запас	Ограниченный словарный запас	Крайне бедный словарный запас
Грамматика	Минимальное количество ошибок	Заметные грамматические ошибки	Многочисленные грубые ошибки
Оригинальность	Творческий подход	Стандартный подход	Шаблонное изложение

Также при разработке системы оценивания письменных работ нужно учитывать уровень языковой подготовки студентов. Оптимальным решением является создание трехуровневой системы критериев, которая позволяет объективно оценивать работы и постепенно развивать навыки академического письма.

Для студентов начального уровня (A2-B1) рекомендуется использовать упрощенную систему оценивания, включающую три базовых критерия. Первый критерий – *Содержание* – оценивает способность студента раскрыть тему и логично изложить свои мысли. Второй критерий – *Лексика* – учитывает базовый словарный запас и правильность употребления слов. Третий критерий – *Грамматика* – проверяет соблюдение основных правил построения предложений. Такой подход позволяет начинающим студентам сфокусироваться на базовом описании культурных фактов и сосредоточиться на фундаментальных аспектах письменной речи, не перегружая их излишними требованиями.

Для студентов среднего уровня (B2 и выше) применяется расширенная версия рубрики, которая дополняется четвертым критерием – *Стиль*. Этот критерий оценивает умение студентов различать и использовать различные стили письменной речи: формальный стиль для академических работ, нейтральный стиль для полуформальных заданий, а также способность подбирать соответствующую лексику в зависимости от стиля работы.

Студенты продвинутого уровня (C1-C2) оцениваются по наиболее полной системе критериев, которая включает дополнительный пятый критерий – *Академичность*. Этот критерий учитывает умение работать с источниками: использовать авторитетные материалы, правильно оформлять цитаты и

парафразы, строить аргументацию на основе научной литературы, демонстрировать умение проводить глубокий сравнительный анализ, работать с аутентичными источниками и выдвигать собственные обоснованные гипотезы о культурных явлениях, а также соблюдать все стандарты академического оформления работ.

Таким образом, качественная рубрика должна обладать несколькими характеристиками: четкие формулировки, соответствие целям задания, дифференциация уровней выполнения (обычно 3-5 уровней), практическая полезность для обучения и максимальная объективность. «Рубрики привлекают внимание учащихся к ключевым аспектам того, как идеально выполнить задание» [3; 93]. В языковых дисциплинах особое внимание уделяется не только формальной правильности, но и коммуникативной успешности, а также прогрессу студентов по сравнению с их предыдущими работами, что «содействует систематическому и системному подходу к усвоению знаний» [2; 101].

Процесс создания рубрик включает несколько этапов: определение целей оценивания, выделение ключевых критериев, описание уровней выполнения, апробацию на фокус-группе и последующую коррекцию по результатам обратной связи. Применять рубрики рекомендуется на всех этапах работы: знакомить студентов с ними перед выполнением задания, использовать как чек-лист во время работы и давать обратную связь после проверки с отсылками к конкретным критериям.

Современные цифровые инструменты значительно облегчают работу с рубриками. Такие сервисы, как *RubiStar*, *QuickRubric* или *Google Forms*, позволяют создавать шаблоны, конструкторы рубрик и системы самооценивания.

Как показала практика, использование рубрик для оценки групповых проектов по теме «Страноведение» (с критериями: качество межкультурного исследования, языковая точность, творчество в презентации и эффективность работы в мультикультурной команде) в сочетании с технологией «двойного оценивания» (преподаватель + взаимооценивание) не только повышает объективность, но и значительно углубляет понимание студентами критериев успешной межкультурной коммуникации. Прозрачность требований и четкие дескрипторы уровней выполнения снижают субъективность оценки такого сложного конструкта, как межкультурная коммуникация, и способствуют системному развитию соответствующих компетенций. Привлечение студентов к совместной разработке критериев оценки, например, для проекта по межкультурному взаимодействию, является мощным обучающим инструментом. Этот процесс заставляет их рефлексировать над тем, что именно составляет эффективное межкультурное общение, какими знаниями, навыками и установками для этого нужно обладать. Таким образом, рубрика становится не просто инструментом контроля, а картой пути для развития собственной межкультурной коммуникации.

Рубрики трансформируют процесс оценивания из формальной процедуры

в эффективный инструмент обучения. «Рубрики обладают потенциалом обеспечения прозрачной и последовательной оценки работ обучающихся» [1; 45]. Для преподавателей английского языка они особенно ценные, так как позволяют комплексно оценивать языковые навыки, снижают субъективность проверки и развиваются у студентов метакогнитивные навыки. Начинать внедрение рубрик рекомендуется с простых 3-критериальных сеток, постепенно усложняя систему оценивания по мере адаптации студентов.

Применение рубрик в оценивании учебных достижений по английскому языку представляет собой современный и эффективный педагогический инструмент, который трансформирует традиционную систему контроля в мощный механизм развития образовательных компетенций. Такое внедрение структурированных рубрик трансформирует оценку из констатирующей процедуры в формирующую, делая для студентов прозрачными цели обучения и критерии успеха в области межкультурной коммуникации. Предложенная трехуровневая система критериев (базовый-продвинутый-академический) обеспечивает объективность и прозрачность оценивания за счет четких дескрипторов, а также адаптивность к индивидуальным особенностям учащихся. Формирование метакогнитивных навыков через осознанное участие студентов в процессе оценивания способствует развитию языковых и академических компетенций. Практический опыт внедрения показывает значительное повышение мотивации студентов и снижение конфликтности в оценивании. Критериальное оценивание подтверждает свою эффективность как инструмент, сочетающий диагностическую, обучающую и развивающую функции в современном языковом образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бармута К.А. Влияние применения рубрик в высшем образовании на успеваемость и мотивацию студентов к обучению / К.А. Бармута // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 43-52. – DOI 10.23947/2658-7165-2023-6-1-43-52. – EDN HMFTZW.
2. Лурье А.Ж. Рейтинговая система как инструмент развития творчества и самоуправления учащихся / А.Ж. Лурье // Школьные технологии. – 2022. – № 6. – С. 99-109. – DOI 10.52422/22202641_2022_6_99. – EDN AEEXSJ.
3. Торгованова О.Н. Влияние рубрик на академическую успеваемость / О.Н. Торгованова, А.Е. Шабанова // Научные дискуссии в контексте развития социогуманитарного знания: теории и практики: Сборник научных статей. – Краснодар: ИП Кабанов В.Б. (издательство "Новация"), 2024. – С. 92-94. – EDN GWZXPX.
4. Торгованова О.Н. Критериальные рубрики: к вопросу возникновения термина / О.Н. Торгованова, А.Е. Шабанова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 31. – С. 43-44. – EDN VPNCIX.

ЧАСТЬ III

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 811.11-112

Е.Ю. Автина

студент 5 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)

Научный руководитель – Г.Р. Галиева
канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и
методики обучения иностранным языкам
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДЬЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В данной статье проводится сопоставительный анализ адъективных фразеологических единиц немецкого и английского языков. На материале выборки из лексикографических источников выявляются и сравниваются доминирующие структурные модели, такие как биномиальные конструкции (Adj + Conj + Adj) и компаративные фразеологизмы с союзами wie и as. Особое внимание уделяется семантическому аспекту, в частности, антропоцентрической направленности большинства АФЕ и доминированию единиц с негативной оценочностью в обоих языках. Исследование демонстрирует, что, несмотря на структурное сходство, фразеологизмы обладают ярко выраженной культурной спецификой, отражающейся в выборе образов для сравнений и характеристик. Проведенный анализ позволяет утверждать, что адъективная фразеология служит важным источником для изучения как универсальных языковых механизмов, так и национально-культурного своеобразия каждого из языков.

Ключевые слова: адъективные фразеологизмы, структурные модели, семантика, сравнительный анализ, немецкий язык, английский язык, оценочность.

Abstract. This article provides a comparative analysis of adjectival phraseological units in German and English. Based on selections from lexicographic sources, the dominant structural models are identified and compared, such as binomial constructions (Adj + Conj + Adj) and comparative phraseological units with conjunctions wie and as. Special attention is paid to the semantic aspect, particularly the anthropocentric orientation of most APUs and the prevalence of units with negative evaluation. The study demonstrates that, despite structural similarity, these phraseological units possess distinct cultural specificity, reflected in the choice of images for comparisons and characterizations. The conducted analysis allows us to

assert that adjectival phraseology serves as an important source for studying both universal language mechanisms and the national-cultural uniqueness of each language.

Keywords: adjectival phraseological units, structural models, semantics, comparative analysis, German language, English language, evaluative meaning.

Фразеологический фонд языка представляет собой неотъемлемую часть его лексико-грамматической системы и национально-культурного своеобразия. Среди всего многообразия фразеологических единиц (ФЕ) особое место занимают адъективные фразеологизмы (АФЕ), функционально эквивалентные прилагательным и служащие для экспрессивной характеристики лица, предмета или явления. Исследование АФЕ в сопоставительном аспекте позволяет выявить как универсальные лингвистические тенденции, так и уникальные черты каждого из языков. АФЕ являются мощным средством создания образности и эмоционально-оценочных характеристик и потому представляют интерес для изучения.

Целью статьи является выявление структурных и семантических особенностей адъективных фразеологизмов в немецком и английском языках в синхронном сопоставительном аспекте.

Материалом для исследования послужили 100 адъективных фразеологизмов немецкого языка, отобранных методом сплошной выборки из «Немецко-русского фразеологического словаря» Л.Э. Биновича [6], также 104 АФЕ английского языка, извлеченных из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [3]. В работе использовались методы сравнительно-сопоставительного, структурного и семантического анализа.

В лингвистике под адъективными фразеологизмами понимаются устойчивые сочетания слов, которые, по определению В. Фляйшера, функционируют в предложении в качестве определения или именной части сказуемого [13], характеризуя предмет или лицо и являясь функционально эквивалентными прилагательному. При этом, как справедливо отмечает И.И. Чернышева, состав фразеологизмов может быть разнообразным и не всегда включает в себя прилагательное как часть речи; ключевым является именно выполняемая функция [11]. Таким образом, к АФЕ правомерно относить и такие единицы, как немецкое *ein Herz aus Gold* или английское *have a case*, где признак выражается через глагольное действие, но вся единица в целом выполняет атрибутивную или предикативную функцию.

Изучение фразеологизмов как лингвокультурных маркеров занимает центральное место в современной филологической науке. Концептуальную основу науки о фразеологизмах в целом заложили труды академика В.В. Виноградова, предложившего семантическую классификацию ФЕ, основанную на критерии идиоматичности [2]. Именно он положил начало фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплине.

Что касается непосредственно изучения адъективных фразеологизмов, то систематическое выделение этой группы в отдельный класс связано с именем

В. Фляйшера. Он разработал морфолого-синтаксическую классификацию, согласно которой фразеологизмы группируются по принципу их принадлежности к определенной части речи, что и позволило четко выделить класс адъективных фразеологизмов [13]. Теоретическая база английской фразеологии, в том числе и в аспекте изучения АФЕ, была во многом сформирована в работах А.В. Кунина [4]. Современные исследования фразеологии развиваются в рамках лингвокультурологического и когнитивно-прагматического подходов. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологизмы являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, они «косвенно отражают воззрение народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [10].

Анализ современных исследований показывает устойчивый интерес лингвистов к адъективным фразеологизмам в различных языках. Так, Н.В. Семенова и М.В. Кондратьева в работе «Структурно-грамматические особенности адъективных и адвербальных фразеологических единиц в английском и русском языках» проводят сравнительный структурно-грамматический анализ, выявляя национальные особенности через призму фразеологии [9]. С.П. Сапаров в статье «Место адъективных фразеологических единиц в системе фразеологии родственных и разносистемных языков» акцентирует внимание на компаративных ФЕ как ярком отражении национальной самобытности [8]. Р.А Бекиров и Е.А. Зерницаина в исследовании «Адъективные фразеологизмы современного арабского языка» расширяют изучение в этом направлении, анализируя особенности перевода и функционирования АФЕ в восточной филологии [1]. О.А. Яруллина и Ф.Х. Тарасова в статье «Сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей адъективных фразеологических единиц английского и татарского языков» предлагают оригинальную классификацию АФЕ на семантической основе, выделяя подгруппы, обозначающие характеристики человека, явления действительности и общественные взаимоотношения [12]. Е.М. Маклакова в работе «Модели адъективных фразеологических единиц английского, французского и русского языков (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом)» применяет структурно-морфологический подход к анализу АФЕ в разноструктурных языках, выявляя типичные и нетипичные модели [5]. И. Расулов и М. Хамдамова в исследовании «Лексико-грамматическая характеристика адъективных фразеологизмов» уделяют внимание лексико-грамматическим аспектам данной группы единиц [7]. Тем не менее, специальных исследований, посвященных именно адъективным фразеологизмам, насчитывается не так много. Большинство существующих работ рассматривают данную группу единиц в рамках более общих фразеологических исследований, что обуславливает необходимость более детального и целенаправленного изучения адъективных фразеологизмов в сравнительном аспекте.

В данной статье представлены результаты структурно-семантического анализа адъективных фразеологизмов двух родственных языков. Анализ

эмпирического материала показал, что в немецком языке представлены 22 структурные модели, тогда как в английском 21 модель. Наиболее частотными и структурно схожими в сопоставляемых языках являются две модели: биномиальные конструкции и компаративные фразеологизмы. Модель «Adj + Conj + Adj» представляет собой парное соединение двух прилагательных, часто связанных аллитерацией, рифмой или антонимией, что создает эффект экспрессии и фонетической завершенности. В немецком языке примерами могут служить фразеологизмы *blink und blank* (*сверкающий чистотой*), *braun und blau* (*весь в синяках*), *gang und gäbe* (*общепринятый*). В немецкой выборке данная модель является одной из наиболее частотных (10,7%). В английском языке данная модель также высокопродуктивна (9,3%), что демонстрируют примеры *alive and kicking* (*жив-здоров*), *safe and sound* (*целый и невредимый*), *arty and crafty* (*вычурный*).

Компаративная модель «Adj + wie + N» в немецком и «(as) + Adj + as + N» в английском является одной из самых образных и легко сопоставимых моделей в обоих языках. Она строится на основе сравнительного оборота и характеризует свойство через фиксированный, часто гиперболизированный образ. Немецкий язык демонстрирует множество примеров (16,6%): *dumm wie Bohnenstroh* (*глуп как пробка*), *stark wie ein Bär* (*сильный как бык*), *gesund wie ein Fisch im Wasser* (*здоровый как рыба в воде*). В английском языке модель является доминирующей (22,8%): *(as) old as Adam* (*старый как мир*), *(as) blind as a bat* (*слепой как крот*), *(as) weak as a cat* (*совершенно обессилевший*). Структурное сходство данных моделей очевидно. Однако именно на этом уровне проявляется культурная специфика: одинаковые значения передаются разными образами. Немецкая «глупость» ассоциируется с *Bohnenstroh* (*бобовой соломой*), а английская – с *a bat* (*летучей мышью*) в другом контексте. Немецкий « здоровый человек» – это *ein Bär* (*медведь*), а англичанин может быть *(as) hearty as a buck* (*здрав как олень*).

Помимо схожих моделей, являющихся наиболее частотными в обоих языках, существуют конструкции, демонстрирующие выраженную языковую специфику. Например, модель N + V в немецком языке составляет 8% от общего числа проанализированных единиц (*Geduld üben*, *Ochsenfieber haben*, *einen Bärenhunger haben* и др.), тогда как в английском аналогичная модель V + N представлена всего 3,12% случаев (*have got an apartment*, *go ape*, *get the bird*), что подтверждает её значительно более высокую продуктивность в немецком языке. Напротив, модель V + Pr + N демонстрирует обратную тенденцию: в английском языке она составляет 14% от всех случаев (*be in abeyance*, *be of age*, *be on the agenda* и др.), в то время как немецкий аналог Pr + N + V встречается лишь в 4% примеров (*von Bestand sein*, *zum Anbeißen sein*, *in der Luft schweben*).

В каждом языке выявлены также и модели, не имеющие прямых продуктивных аналогов (50% моделей, в немецком 52, 3% в английском). Для немецкого языка характерны конструкции с рамочной структурой и предложными группами, например «Pr + N + Adj» *zum Auswinden nass* (*мокрый, хоть выжимай*), «N + Pr + N + V» *Mittm in den Knochen haben* (*быть*

здоровым, сильным, энергичным), которые не имеют структурных аналогов в английском. В английском языке также встречаются специфичные модели. Например, конструкция «Part II + Conj + Part II» *bought and sold* (быть обманутым, одураченным) или «V + Adj + Adv» *be all abroad* (быть в замешательстве).

Семантический анализ выявил ярко выраженную антропоцентрическую направленность АФЕ как в немецком (74%), так и в английском (76%) языках. Большинство единиц служит для характеристики человека – его внешности, внутренних качеств, физических и эмоциональных состояний. На материале обоих языков можно выделить три основные оценочные группы. Фразеологизмы с положительной оценкой включают в немецком языке единицы типа *ein Herz aus Gold haben* (быть добрым), *ein helles Köpfchen sein* (быть смешленным), а в английском – *a straight arrow* (прямой, честный), *alive and kicking* (жив-здоров), *full of beans* (полный энергии). Фразеологизмы с нейтральной оценкой представлены в немецком языке оборотами типа *gut bei Leibe sein* (быть дородным), а в английском – *be of age* (быть совершеннолетним).

Наиболее многочисленной в обоих языках (36% в немецком и 40% в английском) является группа фразеологизмов с отрицательной оценкой, что подтверждает тезис о регулятивной и критической функции фразеологии. В немецком языке это такие единицы, как *dickes Leder haben* (быть толстокожим, бесчувственным), *kurz angebunden sein* (быть резким, неразговорчивым), *einen Vogel haben* (быть не в своем уме). В английской выборке доля негативно окрашенных ФЕ также лидирует, что демонстрируют примеры (*as*) *balmy as a bandicoot* (чокнутый), *dead beat* (смертельно усталый), (*as*) *bold as brass* (нахальный), *bag and bones* (истощенный). Данное преобладание негативной оценочности является общелингвистической тенденцией, отмеченной исследователями как в России, так и в Германии. Оно объясняется несколькими факторами: когнитивной склонностью человека фиксировать угрозы и негативный опыт, социальной потребностью в осуждении пороков, а также стремлением к экспрессивности и эмоциональному воздействию.

Значительный пласт АФЕ в обоих языках (26% в немецком и 24% в английском) описывает не человека, а свойства объектов, ситуаций или идей, например, немецкий фразеологизм *gang und gäbe sein* (быть общепринятым) или английский *in abeyance* (временно отмененный).

Проведенное сопоставительное исследование адъективных фразеологизмов немецкого и английского языков позволило сделать выводы о структурном и семантическом сходстве и различиях. Ядро адъективной фразеологии обоих языков образуют универсальные модели: биномиальные конструкции и компаративные фразеологизмы, что свидетельствует об общих путях формирования экспрессивных и образных устойчивых языковых средств. Национальная специфика проявляется в менее частотных моделях, обусловленных грамматическим строем, а также в уникальной образной

системе, отражающей исторический опыт, культурные стереотипы и окружающую среду носителей языка. В обоих языках АФЕ демонстрируют ярко выраженную антропоцентрическую направленность, служа преимущественно для характеристики человека. Статистически подтверждено доминирование АФЕ с негативной оценкой в немецком и английском языках, что связано с когнитивными и социальными факторами. К их числу относятся не только большая экспрессивная сила негативно окрашенных единиц, но и особая потребность языка в социальной регуляции, осуждении пороков и предостережении от опасностей. Таким образом, адъективные фразеологизмы представляют собой системно организованный пласт лексики как в немецком, так и в английском языке, сочетающий в себе грамматическую устойчивость, семантическую цельность и культурную маркированность. Их изучение в сравнительном аспекте не только углубляет понимание специфики каждого из языков, но и вносит вклад в выявление общелингвистических закономерностей организации фразеологического фонда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекиров Р.А., Зерницына Е.А. Адъективные фразеологизмы современного арабского языка // Научный вестник Крыма. – 2020. – №6. – С. 121-124. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/adektivnye-frazeologizmy-sovremenennogo-arabskogo-yazyka/> (дата обращения: 9.11.2025).
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
3. Куний А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
4. Куний А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1986. – 336 с.
5. Маклакова Е.М. Модели адъективных фразеологических единиц английского, французского и русского языков (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом) // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 235-238. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/39/4487/> (дата обращения: 9.11.2025).
6. Немецко-русский фразеологический словарь: 12000 фразеол. единиц / Сост. Л.Э. Бинович. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1956. – 904 с.
7. Расулов И., Хамдамова М. Лексико-грамматическая характеристика адъективных фразеологизмов // Иностранная филология: язык, литература, образование. – 2020. – №1. – С. 128-132. – Режим доступа: https://inlibrary.uz/index.php/foreign_philology/article/view/1327/ (дата обращения: 9.11.2025).
8. Сапаров С.П. Место адъективных фразеологических единиц в системе фразеологии родственных и разносистемных языков // Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 99-103. – Режим доступа: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2011/saparov2011.html/> (дата обращения: 9.11.2025).

9. Семенова Н.В., Кондратьева М.В. Структурно-грамматические особенности адъективных и адвербальных фразеологических единиц в английском и русском языках // МНИЖ. – 2020. – №5-3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-grammaticheskie-osobennosti-adektivnyh-i-adverbialnyh-frazeologicheskikh-edinits-v-angliyskom-i-russkom-yazykah/> (дата обращения: 9.11.2025).
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.
11. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.
12. Яруллина О.А., Тарасова Ф.Х., Тарасов А.М. Сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей адъективных фразеологических единиц английского и татарского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №7-1. – С. 207-210. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-strukturno-semanticheskikh-osobennostey-adektivnyh-frazeologicheskikh-edinits-angliyskogo-i-tatarskogo-yazykov/> (дата обращения: 9.11.2025).
13. Fleischer W., Helbig G., Lerchner G. Kleine Enzyklopädie – deutsche Sprache. – Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Wien: Lang, 2001. – 846 S.

УДК 81'255

M.O. Ахророва

*магистрант 2 курса кафедры межкультурной
коммуникации и перевода «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)*

*Научный руководитель – Н.В. Волкова
канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода «БГПУ им. М. Акмуллы»*

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Аннотация: Научная фантастика активно порождает языковые новообразования, которые выполняют важную роль в конструировании вымышленных миров и передаче авторской позиции. В статье представлены принципы классификации англоязычных неологизмов и трудности, возникающие при их передаче на русский язык. На материале романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» рассматриваются лингвистические и культурные факторы, затрудняющие поиск адекватных эквивалентов, показывается, что контекст и стилистическая функция слова определяют выбор переводческой стратегии. Особое внимание уделено способам перевода:

калькированию, описательному переводу, адаптации, творческому моделированию и комбинированным решениям переводчиков. Приведены примеры анализируемых переводческих решений. Наиболее эффективными приёмами оказались калькирование, описательный перевод и творческое моделирование. Авторы делают вывод о необходимости сочетания лингвистического, культурного и стилистического анализа при переводе неологизмов для сохранения смысла и художественного эффекта оригинала.

Ключевые слова: неологизм, перевод, научная фантастика, калькирование, описательный перевод, творческое моделирование, Рэй Брэдбери.

Abstract. Science fiction actively generates linguistic innovations that have a vital role in the construction of fictional worlds and the conveyance of the author's style. This article presents the principles of classifying English-language neologisms and the challenges that arise when translating them into the Russian language. Using the novel "Fahrenheit 451" by Ray Bradbury as a case study, the work explores the linguistic and cultural factors that make it difficult to find adequate equivalents. It demonstrates how the context and stylistic function of a neologism influence the choice of translation strategies. Special attention is paid to translation methods: transliteration, descriptive translation, adaptation, creative modeling, and combined methods. The examples of the analyzed translation methods are provided. The most effective methods were transliteration, descriptive translation, and creative modeling. It is conclude that it is necessary to combine linguistic, cultural, and stylistic analysis when translating neologisms in order to preserve the original meaning.

Keywords: neologism, translation, science fiction, calquing, descriptive translation, creative modeling, Ray Bradbury.

Современный мир стремительно развивается — особенно в области технологий, науки и культуры. Это напрямую отражается на языке: он постоянно пополняется новыми словами, которые появляются вместе с новыми явлениями. Особенно активно новые слова — неологизмы — рождаются в английском языке, так как именно он часто используется в научных и технических сообщениях [5]. Позже эти слова проникают и в другие языки, в том числе в русский.

Одной из сфер, где активно создаются и используются неологизмы, является художественная литература в жанре научной фантастики. Авторы-фантасты создают новые миры, технологии, расы, устройства и даже формы жизни [1]. Всё это требует новых слов, которых пока не существует в реальном языке. Именно поэтому тексты фантастики наполнены неологизмами, которые важно и сложно переводить.

Актуальность темы обусловлена тем, что с каждым годом неологизмов становится всё больше, и переводчику приходится решать, как их лучше передать на русский язык: заимствовать, придумывать аналог, описывать значение — или использовать другие стратегии. Особенно важно при этом сохранить стиль произведения, его художественную ценность и задумку автора.

Как отмечает В.В. Сдобников, современное переводоведение «уже способно служить в качестве теоретической основы для разработки дидактики перевода, потребность в которой ощущается весьма остро» [4; 323]. Таким образом, актуальность исследования подтверждается не только развитием переводоведения как науки, но и необходимостью его практического применения, в том числе при анализе неологизмов в научной фантастике.

Цель статьи — выявить трудности и способы перевода неологизмов в произведениях жанра научной фантастики на примере романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Теоретические основы перевода неологизмов

Перевод неологизмов представляет собой одну из наиболее сложных задач в художественном переводе [3; 5]. Основная трудность заключается в отсутствии эквивалентов и в том, что значение новообразований часто раскрывается только в контексте. Кроме того, неологизмы нередко отражают культурные реалии общества, в котором они были созданы, что требует от переводчика межкультурной компетенции.

К основным трудностям перевода неологизмов относятся:

- отсутствие прямых аналогов в целевом языке;
- многозначность и культурная специфика;
- сложная внутренняя форма и необычная морфология;
- необходимость сохранения стилистической и эмоциональной нагрузки.

Среди способов передачи неологизмов выделяются:

1. Транслитерация и транскрипция — сохранение звучания оригинала, напр.: *hovercraft* → *ховеркрафт*;

2. Калькирование — дословный перевод компонентов, напр.: *mind control* → *контроль разума*;

3. Описательный перевод — раскрытие смысла через пояснение: *parlor walls* → *стены, полностью заменяющие телевизор*;

4. Создание собственного неологизма — творческое моделирование по аналогии: *newspeak* → *новояз*;

5. Адаптация — подбор ближайшего понятного аналога с учётом восприятия аудитории.

Выбор метода зависит от цели перевода и жанра произведения [3]. В научной фантастике переводчику важно сохранить не только смысл, но и атмосферу вымышленного мира.

Анализ перевода неологизмов в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту»

Роман Брэдбери наполнен авторскими (окказиональными) неологизмами, создающими атмосферу антиутопии [1].

Банк примеров, анализируемых в статье, составил 20 единиц. Приведем некоторые примеры неологизмов:

- *parlor walls* — стенопанели, заменяющие живое общение;
- *seashells* — миниатюрные устройства для прослушивания информации;

- *mechanical hound* — роботизированный пёс, ищащий и уничтожающий «виновных»;
- *fireman* — сжигатель книг;
- *The Family* — виртуальные «родственники» на экране.

Неологизмы можно классифицировать [3]:

- по происхождению — авторские и модифицированные общеязыковые;
- по тематике — технологические, социальные, метафорические;
- по способу словообразования — композиционные и метафорические;
- по степени новизны — от оригинальных до ставших общеупотребимыми.

Способы перевода неологизмов

1. Калькирование

- *mechanical hound* → *механический пёс* — сохраняет точность и смысл.
- *parlor walls* → *стенки гостиной* — буквально, но теряет образность.

2. Описательный перевод

- *seashells* → *миниатюрные наушники* — раскрывает функцию и форму.
- *The Family* → *виртуальная семья* — поясняет метафорический смысл.

3. Адаптация

- *fireman* → *пожарный, сжигающий книги* — требует пояснения контекста, чтобы избежать недопонимания.

4. Творческий перевод

- *parlor walls* → *говорящие стены* — удачный пример сохранения образа и краткости [2].

5. Упрощение

- *wall-to-wall circuit* → *телевизионная стена / телевизор* — снижает выразительность оригинала.

Переводчики часто комбинируют методы. Например, калькирование сочетается с описанием, чтобы сохранить смысл и атмосферу. Лучшие переводы — Норы Галь и Натальи Трауберг — демонстрируют баланс между точностью и художественной выразительностью [1].

Анализ романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» показал, что неологизмы выполняют в тексте не только номинативную, но и концептуальную функцию: они создают художественный мир, передают идеологические смыслы и эмоциональное напряжение.

Перевод подобных единиц требует от переводчика не просто лингвистической точности, но и глубокого понимания культурного и символического контекста. Наиболее эффективными приёмами оказались калькирование, описательный перевод и творческое моделирование [3,4].

Таким образом, успешный перевод неологизмов возможен лишь при комплексном подходе, включающем анализ структуры слова, его функции в тексте и культурных ассоциаций. Это подтверждает тенденцию современного переводоведения, направленного на интерпретацию перевода как межкультурного взаимодействия [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту. — М.: Эксмо, 2017. 512 стр.
2. Казьмерчак М. Интертекстуальность в художественном переводе. — Варшава, 2018. – 21 стр.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. – 253 стр.
4. Сдобников В. В. Теория перевода: современные проблемы и перспективы. — М.: Флинта, 2019. – 448 стр.
5. Newmark P. A Textbook of Translation. — London: Prentice Hall, 1988. – 304 стр.

УДК 81'25+81'276

М.С. Бредихин

студент 1 курса ФГАОУ ВО «СКФУ»

(г. Ставрополь)

Научный руководитель – Т.В. Марченко

канд. филол. наук, доцент департамента лингвистики

ФГАОУ ВО «СКФУ»

СПЕЦИФИКА СОХРАНЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ И ПЕРВИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ АЛЛЮЗИВНОСТИ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Аннотация: Настоящее исследование преследует цель выявить и описать наиболее эффективные переводческие трансформации при трансляции прецедентных феноменов различных типов. Основой актуализации генерализованного содержания прецедента в современном медиатексте становится сохранение или минимальная модификация аксиологических компонентов и исходной модели аллюзивности, позволяющих создать адекватный вектор рецепции и интерпретации. Выявленные на основе метода критического сравнительного анализа текстов оригинала и перевода, а также применения элементов концептуального, дефиниционного и герменевтико-интерпретационного анализа трансформации позволяют не только передать объем прецедентного маркированного инфоповода исходного текста, но и сформировать необходимый, заданный автором оригинала вектор оценки события. Базовыми трансформациями выступают: калькирование (при общей модели аллюзивности в ИЯ и ПЯ), переводческий комментарий и модуляция (при спецификации прецедента в оригинальном тексте), транскрипция и транслитерация с перестановкой грамматических элементов (при единых межкультурных основаниях аллюзивности).

Ключевые слова: прецедентный феномен, медиадискурс, аллюзия, ассоциативность, аксиологический компонент, переводческие трансформации

Abstract. The present study aims to identify and describe the most effective transformations within the translation process of various types precedent phenomena. The preservation or minimal modification of the axiological components and the original allusive model, which allow for the creation of an adequate vector of reception and interpretation, becomes the basis for the actualization of the precedent generalized content in modern media texts. Based on the method of critical comparative analysis of the original and translated texts, as well as the application of elements of conceptual, definitional, and hermeneutic-interpretative analysis, the transformations allow not only to convey the volume of the original text's precedent-marked information, but also to create the necessary vector of evaluation of the event as specified by the author of the original text. The basic transformations include: calquing (with a common model of allusiveness in the source and target languages), translation commentary and modulation (with a specification of the precedent in the original text), transcription and transliteration with the reordering of grammatical elements (with common cross-cultural foundations of allusiveness).

Keywords: precedent phenomenon, media discourse, allusion, associativity, axiological component, translation transformations

Современное пространство глубокой медиатизации характеризуется перманентной сменой парадигм оценивания инфоповодов, происходит это на основе трансляции и модификации генерализованного содержания прецедентов с аллюзивным ассоциативным переосмыслением некоторых компонентов. Различные типы ассоциатов и аллюзий позволяют активному актору медийного дискурса уже при начальной медиатизации события расширить ассоциативный потенциал и использовать базовый вербализатор в медиакоммуникации в качестве экспликатора доминантных ценностей и пространств целеполагания [6; 110]. Таким образом, в условиях смены сиоциокультурных и идеологополитических рецептивных оснований медиатекста ключевым для его адекватной трансляции становится сохранение именно иллокутивно-периллокутивного соответствия. В рамках разрешения данной проблемы исключительной важностью является передача аксиологических и компаративных элементов аллюзивности в принимающей лингвокультуре, что способствует адекватной интерпретации исходных прецедентных феноменов, использованных в оригинальном тексте, представителями переводящей лингвокультуры.

Прежде чем перейти к анализу способов передачи прецедентных феноменов, мы обратились к понятию аллюзивности в работах исследователей. Так, например, Н. А. Фатеева определяет аллюзию в качестве заимствования определенных элементов предтекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где осуществляется их предикация [11; 128]. С. П. Белокурова в своем словаре отмечает следующее: «аллюзия – это сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение. Аллюзия всегда шире конкретной фразы, цитаты, того узкого контекста, в который она заключена, и,

как правило, заставляет соотнести цитирующее и цитируемое произведение в целом, обнаружить их общую направленность (или полисемичность)» [1]. В свою очередь К. Новожилова констатирует, что аллюзия является риторической фигурой, отсылающей к предметной ситуации других текстов и содержащая в себе намек на литературный или общекультурный факт, который, как и согласно определению И. Р. Гальперина, входит в тезаурус и автора, и читателя [7; 84].

Таким образом, под аллюзией в данной исследовательской работе мы понимаем стилистический прием риторического усиления речи, который занимает промежуточное место между тропами и фигурами и который создается на основе прецедентных феноменов, имеющих литературное и нелитературное происхождение. Аллюзия обладает способностью намекать на тот или иной феномен, имея при этом один денотат, а так же маркеры, которые отсылают к данному денотату. Иными словами, аллюзия в широком понимании является интертекстом по отношению к прецедентному феномену, сам же текст-первоисточник в аллюзии как стилистический прием не прослеживается.

Говоря о прецедентных феноменах, стоит сказать о том, что они относятся к категориям слов-реалий, именно поэтому для перевода данных феноменов мы использовали тот же процесс перевода, который используется для перевода реалий. Так, например, Г. Д. Томахин пишет: «сопоставление разных языков и культур предоставляет нам возможность определить такие особенности употребления реалий, как:

- 1) конкретная реалия является характерной только для одного языкового коллектива, то есть в другом языке ее нет;
- 2) реалия может быть присуща двум языковым коллективам, однако в одном из них она обладает дополнительным значением;
- 3) в разных социумах подобные функции реализуются разными реалиями;
- 4) в разных социумах похожие реалии различаются оттенками своих значений» [10; 88].

Однако относительная устойчивость прецедентных феноменов как легко узнаваемых вербалиях-вербализаторах, содержащих «информацию о локальных / национальных / универсальных формах и видах манифестации духовной и материальной культуры общества, опирающихся на общность фоновых знаний и культурного опыта, а также порождающих контекстуально значимые ассоциации» [5; 72], в современных рапидно изменяющихся условиях оценки инфоповодов также снижается. Таким образом, для адекватной трансляции прецедентов разных типов в принимающей лингвокультуре необходимо применение специфических трансформаций, которые основаны на соблюдении базовых принципов pragматической адаптации.

Итак, для адекватного и эквивалентного перевода прецедентных феноменов с языка оригинала на язык перевода могут быть использованы различные переводческие трансформации, однако стоит отметить два основных

момента: перевод и заимствование. В данной исследовательской работе мы использовали классификацию В. Н. Комиссарова [2].

Далее мы более подробно рассмотрели прецедентные феномены, которые нам встретились в анализируемых медиатекстах и опишем наиболее значимые трансформации, способствующие адекватному сохранению оценочных компонентов и первичных (исходных) аллюзивных моделей их модификации.

1) прецедентные имена.

Как отмечает В. В. Красных, «прецедентные имена характеризуются авторитетностью и ингерентной оценочностью, что способствует созданию экспрессивного эффекта» [3; 82].

Так, в анализируемых текстах мы встретили два примера использования прецедентных имен.

These dominant military forces take the form of forward deployed forces within the European and East Asian theaters, and in the Middle East with Operation Spartan Shield. – Эти доминирующие вооружённые силы принимают форму передовых подразделений на театрах военных действий в Европе и Восточной Азии, а также на Ближнем Востоке в рамках операции «**Спартанский щит**» (перевод автора – М.Б.).

Перевод всего предложения был осуществлен с помощью комплексной трансформации. Что касается прецедентного имени *Spartan Shield* здесь стоит сказать о том, что автор, описывая военную операцию на Ближнем Востоке, отсылает читателя к вооружению древнегреческих воинов, которые были известны своей военной дисциплиной и умением сражаться в строю. Однако учитывая контекст использования данного феномена, отмечается отрицательное значение и маркер интенсификации отрицательного оценивания всей описываемой ситуации в целом.

Следующее прецедентное имя, которое нам встретилось в тексте: *The answer for this research will be found by testing the level of hazard for conflict using Cox regression based on U.S.* – Ответ на этот вопрос будет получен путём проверки уровня риска конфликта с помощью *регрессии Кокса при оценке пропорциональных рисков* на основе данных США (перевод автора – М.Б.).

При переводе данного предложения мы использовали комплексную трансформацию, а именно калькирование в сочетании с семантическим развитием, которое произведено в пояснении *при оценке пропорциональных рисков*, так как в языке перевода существуют параллельные синтаксические и грамматические конструкции, которые позволяют передать смысл предложения языка оригинала без искажения; а так же добавление для того, чтобы предложение языка перевода было полностью понятно для реципиента и соответствовало лексическим требованиям переводящего языка. Таким образом, мы осуществили преобразования в следующих моментах: *by testing* – путём проверки, *based on* – на основе данных. Так же в процессе перевода мы использовали смысловое развитие при переводе слова *research*, для адекватной передачи на русский язык, мы использовали слово *вопрос*.

Обращаясь к переводу прецедентного имени, здесь стоит также отметить использование комплексной трансформации. Для трансляции *Cox regression* мы использовали перестановку слов в словосочетании, в соответствии с правилами грамматики русского языка, а также использовали транслитерацию для достоверной передачи фамилии, таким образом, у нас получился следующий перевод *регрессия Кокса*. Обращаясь к истории данного выражения, стоит сказать о том, что данный метод предполагает, что эффекты факторов на вероятность выживания не меняются со временем. Из чего следует вывод, что учитывая контекст анализируемого текста, можно констатировать отрицательное значение, маркер интенсификации данного феномена также имеет отрицательное оценивание события.

2) прецедентные ситуации.

Прецедентная ситуация – это «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу определенного лингвокультурного сообщества [3; 65]. Как отмечает К. Серажим «прецедентная ситуация относится к экстралингвистическим феноменам и тесно коррелирует с таким понятием, как фрейм» [8; 131]. В анализируемых текстах нам встретились три прецедентных ситуации, которые мы более подробно проанализировали в данной части практической главы.

Первый пример: Her historic decision to adapt the so-called «open-door policy» continues to shape contemporary German politics. – Её историческое решение адаптировать так называемую «политику открытых дверей» продолжает оказывать влияние на современную политику Германии (перевод автора – М.Б.).

При переводе данного предложения мы использовали несколько переводческих трансформаций. В языке перевода существуют параллельные синтаксические и грамматические конструкции, которые позволяют передать смысл предложения языка оригинала без искажения. Кроме того, мы использовали модуляцию при переводе слова *to shape*, так как прямые значения «формировать, придавать форму, складываться» не подходили к контексту данного текста. Нами было принято решение перевести данный глагол как *оказывать влияние* для того, чтобы реципиент текста перевода правильно понял смысл, заложенный автором. Также мы использовали перестановку при переводе словосочетания *German politics* в связи с правилами лексики языка перевода.

Обращаясь к переводу прецедентного феномена, здесь стоит отметить комплексную трансформацию. При переводе *open-door policy* мы использовали дословный перевод, так как все части данного словосочетания в русском языке имеют эквиваленты, в сочетании с перестановкой, то есть мы вынесли главное слово на первое место, получив *политику открытых дверей*. Обращаясь к истории данного выражения, стоит сказать о том, что данная политика проводилась с 1899 до 1949 гг. между США и Китаем, предоставляя равные возможности для держав в торговле. Из чего следует вывод, что учитывая

контекст анализируемого текста, можно говорить о положительном значении, маркер интенсификации данного феномена имеет положительное оценивание события.

Следующий пример: *Germany's chancellor Angela Merkel decided to allow refugees, mostly from Syria, Afghanistan, and Iraq, who had arrived at the German border through the so called «Balkan-Route,» to enter the country.* – Канцлер Германии Ангела Меркель решила разрешить беженцам, в основном из Сирии, Афганистана и Ирака, которые прибыли на немецкую границу по так называемому «балканскому маршруту», въезжать в страну (перевод автора – М.Б.).

При переводе данного предложения мы использовали следующие переводческие трансформации: перестановка: *Germany's chancellor* – Канцлер Германии, *German border* – немецкую границу; транслитерация и транскрипция: *Angela Merkel* – Ангела Меркель, *Syria* – Сирия, *Afghanistan* – Афганистан, *Iraq* – Ирак.

Обращаясь к переводу прецедентного феномена, здесь стоит отметить, что мы использовали калькирование, так как в языке перевода есть параллельные синтаксические конструкции, которые позволяют передать смысл фразы без искажения **«Balkan-Route»** – **«балканский маршрут»**. Обращаясь к истории данного выражения, стоит сказать о том, что данное выражение появилось еще в конце XX века и стало нарицательным, обозначая контрабандные пути, по которым переправлялись различные товары. Из чего следует вывод, что учитывая контекст анализируемого текста, можно говорить о положительном значении, маркер интенсификации данного феномена имеет положительное оценивание события.

Еще одним примером прецедентной ситуации является следующее предложение: *Germany was perceived as becoming a «global player,» increasing its power in the international system.* – Германия воспринималась как становящийся **«глобальный игрок»**, усиливающий свое влияние в международной системе (перевод автора – М.Б.).

В процессе перевода данного предложения у нас не возникло трудностей, поскольку все лексические единицы имеют эквиваленты на языке перевода. Таким образом, в данном предложении мы использовали калькирование, которое способствовало передаче смысла исходного предложения без искажения. Что касается перевода прецедентного феномена, здесь стоит отметить также использование калькирование, в связи с чем у нас получился следующий перевод **«global player»** – **«глобальный игрок»**. Обращаясь к истории данного выражения, стоит сказать о том, что впервые данное выражение появилось в 1990-е годы, когда Бразилия отказалась от традиционной отстраненности и начала проводить наступательную внешнюю политику. Из чего следует вывод, что учитывая контекст анализируемого текста, можно говорить о положительном значении, маркер интенсификации данного феномена имеет положительное оценивание события.

3) прецедентные тексты.

Г. Г. Слышкин в своей работе пишет: «прецедентный текст – это последовательность знаковых единиц, характеризующихся целостностью и связностью и имеющих ценностную значимость для определенной культурной группы» [9; 28]. При анализе теоретических вопрос в использовании прецедентных феноменов, мы выяснили, что прецедентные тексты используются достаточно редко авторами. Однако в исследуемых тестах нам встретился один случай использования данного феномена.

«*The world sees Germany as a country of hope and opportunity, that was not always the case,*” Merkel explained the significance of welcoming refugees into the country. – «**Мир видит в Германии страну надежды и возможностей**, но так было не всегда”, – объяснила Меркель важность приёма беженцев в стране (перевод автора – М.Б.).

В процессе перевода данного предложения у нас не возникло трудностей, поскольку все лексические единицы имеют эквиваленты на языке перевода, кроме того, достаточно известны основания создания данного выражения в отношении США, которое связано с формированием образа «американской мечты», транслируемого по всему миру, что позволяет в современном медиатексте использовать его по отношению к любой стране. Это происходит на основе применения модели расширения когнитивной метафоризации локально-аффективного типа [4]. Таким образом, в данном предложении мы использовали калькирование, которое способствовало передаче смысла исходного предложения без искажения. Что касается перевода прецедентного феномена, здесь стоит отметить также использование калькирование, в связи с чем у нас получился следующий перевод *The world sees a country of hope and opportunity* – **Мир видит страну надежды и возможностей**. Обращаясь к истории данного выражения, стоит сказать о том, что оно используется как крылатая фраза во многих странах, символизируя ожидание чего-то желаемого, которое в тоже время соединено с уверенностью в возможности осуществления. Именно поэтому мы можем сказать, что данный прецедент имеет положительное значение и в контексте описываемого события представляет собой маркер интенсификации положительного оценивания ситуации.

Подводя итог анализа способов трансляции прецедентных феноменов с английского языка на русский, мы можем отметить, что специфика феноменов обуславливает специфику их перевода. Прецедентные феномены в анализируемых текстах были переведены с помощью калькирования, модуляции смены метафорических оснований и аллюзивной модели и в некоторых случаях к используемой переводческой трансформации добавлялась перестановка, что способствовало адекватному и эквивалентному переводу на русский язык, без искажения исходного смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – Режим доступа:

<http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C>. (дата обращения: 13.09.2025)

2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2014. – 424 с.

3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М. : Гнозис, 2014. – 284 с.

4. Марченко, Т.В. Когнитивная метафора и прецедентные феномены в поликодовой репрезентации городского пространства / Т.В. Марченко, С.Н. Бредихин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 4. – С. 152-165.

5. Марченко Т.В., Бредихин С.Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 70-85.

6. Марченко Т.В., Бредихин С.Н., Лепилкина О.И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 3(59). – С. 109-115.

7. Новожилова К.Р. Стилистика повествовательного текста: теоретические и исторические основы. – СПб.: Изд-во СПБГУ, 2007. – 100 с.

8. Серажим К. Дискурс как социолингвальные явления: методология, архитектоника, вариативность (на материалах современной газетной публистики). – Киев: Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, 2012. – 392 с.

9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

10. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. – М.: Высшая школа, 2013. – 87 с.

11. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

УДК 81-25

A.YU. Бугина

студент 4 курса, Высшей школы лингвистики и педагогики

ГИ, СПбПУ Петра Великого

(г. Санкт-Петербург)

А.Ш. Габдуллина

старший преподаватель, Высшей школы лингвистики и педагогики,

ГИ, СПбПУ Петра Великого

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО И КОНТЕКСТУАЛЬНО МАРКИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В условиях глобализации медиапространства машинный перевод становится ключевым инструментом межкультурной коммуникации. Однако, несмотря на успехи нейросетевых технологий в обработке стандартных текстов, передача культурно и контекстуально маркированных элементов в англоязычных медиатекстах на русский язык остаётся серьёзной проблемой, что обусловлено природой таких единиц, как безэквивалентная лексика, идиомы и аллюзии. Целью данной статьи является выявление ключевых трудностей и систематизация типичных ошибок при машинном переводе указанных элементов. Исследование включает сравнительный анализ работы ведущих систем и демонстрирует, что, несмотря на прогресс в обработке идиоматики, критические проблемы сохраняются при работе с каламбурами, игрой слов и малознакомыми реалиями. Делается вывод о необходимости гибридной модели, сочетающей машинный перевод с профессиональным постредактированием.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, машинный перевод, культурные реалии, буквальный перевод, функциональный аналог.

Abstract: In the context of the globalization of the media space, machine translation has become a key tool for intercultural communication. However, despite the advances in neural network technologies for processing standard texts, the transfer of culturally and contextually marked elements in English-language media texts into Russian remains a significant challenge. This is due to the nature of such units as culture-bound terms, idioms, and allusions. The aim of this article is to identify the key difficulties and systematize typical errors in the machine translation of these elements. The research involves a comparative analysis of leading translation systems and demonstrates that, despite progress in handling idiomatic expressions, critical issues persist with puns, wordplay, and lesser-known cultural references. The conclusion highlights the necessity of a hybrid model that combines machine translation with professional post-editing.

Keywords: equivalentless vocabulary, machine translation, cultural realities, literal translation, functional equivalent, media text.

Цель работы – выявить основные проблемы и особенности передачи культурно и контекстуально маркированной информации при машинном переводе англоязычных медиатекстов на русский язык.

Культурно маркированная информация представляет собой языковые единицы, значение которых неразрывно связано с культурным контекстом лингвокультурного сообщества [4]. Для систематического анализа необходимо выделить основные типы таких единиц в медиатекстах.

Культурные реалии обозначают предметы и явления, специфичные для определенной культуры: праздники (Thanksgiving, Fourth of July), блюда (mac and cheese), политические институты (Electoral College, Ivy League). Безэквивалентная лексика не имеет прямых соответствий в языке перевода: политические термины (filibuster, gerrymandering), образовательные понятия (sophomore, tenure track) [1].

Особую сложность представляют фразеологизмы и идиомы – устойчивые выражения с переносным значением (to throw someone under the bus, the elephant in the room). Медиатексты активно используют идиоматику для создания экспрессивности, что усложняет задачу машинного перевода.

Не менее проблематичны аллюзии и прецедентные феномены – отсылки к историческим событиям, литературе, кинофильмам (Watergate, Game of Thrones). Наконец, игра слов и каламбуры используют многозначность для создания комического эффекта, что практически непереводимо автоматически.

Современные системы нейронного машинного перевода, основанные на архитектуре трансформеров, показывают впечатляющие результаты. Однако при работе с медиатекстами возникают специфические трудности, обусловленные как природой самого материала, так и ограничениями технологии [5]. Медиадискурс характеризуется высокой степенью интертекстуальности и прецедентности: журналисты используют устоявшиеся метафоры (political theater, cancel culture), цитируют политиков, ссылаются на популярную культуру. Кроме того, медиатексты выполняют воздействующую функцию, где культурно маркированные элементы служат инструментом эмоционального резонанса с читателем [2].

Основные ограничения современных систем машинного перевода включают: неспособность распознавать культурно-специфические элементы как требующие особой обработки, отсутствие культурной компетенции для интерпретации аллюзий и коннотаций, склонность к буквализму при переводе идиом. Эти проблемы наглядно проявляются в практическом анализе. Анализ показывает, что при переводе культурных реалий системы используют различные стратегии с разной степенью успешности. Рассмотрим характерные примеры.

Для широко известных праздников все три системы применяют устоявшиеся кальки: “Thanksgiving” - «День благодарения». Однако для менее

знакомых реалий выбор стратегии различается. Термин “*filibuster*” *Google Translate* и Яндекс передали как «обструкция/обструкционизм» (функциональный аналог), *DeepL* – как «флибустьерство» (транслитерация).

Особенно показателен пример с "yard sale": *Google Translate* и *DeepL* дали буквальный перевод «распродажа во дворе», не отражающий культурную специфику явления, тогда как Яндекс предложил «гаражная распродажа», что ближе к российскому контексту, хотя и не вполне точно. Этот пример демонстрирует ключевую проблему: системы часто не понимают, когда необходим описательный перевод или пояснение.

При работе с идиоматикой различия между системами проявляются наиболее ярко. *DeepL* демонстрирует значительное преимущество в распознавании и адаптации устойчивых выражений.

Идиому "threw under the bus" *Google Translate* и *DeepL* корректно передали функциональным аналогом "подставить", тогда как Яндекс дал буквальный перевод «подбросил под автобус», звучащий неестественно. Еще более показателен пример "elephant in the room": *DeepL* интерпретировал смысл и предложил «неудобная тема», в то время как две другие системы создали бессмысленную конструкцию «слон в комнате».

Идиому из спортивной терминологии "Hail Mary" (отчаянная попытка) *DeepL* передал адекватно, *Google* транслитерировал как «Аве Мария» (буквальный перевод молитвы), а Яндекс оставил без перевода. Аналогично с "jump the shark": *DeepL* дал естественное «пошел по наклонной», остальные создали бессмыслицу «перепрыгнул через акулу». Эти результаты указывают на более совершенные алгоритмы распознавания идиом в *DeepL*.

Аллюзии на исторические события и популярную культуру обрабатываются системами относительно успешно при условии их широкой известности. Все системы сохранили "Watergate" и библейскую аллюзию «Давид и Голиаф», что оправданно для узнаваемых культурных кодов.

Однако игра слов остается практически непереводимой для всех систем. Каламбур "Orange you glad it's fall?" (созвучие orange/aren't) Яндекс попытался сохранить буквально («Оранжевый ты рад»), создав абсурд, тогда как *Google* и *DeepL* просто проигнорировали языковую игру. Игра на многозначности "rise" (расти как бизнес / подниматься как тесто) в "business is on the rise – and so is their bread" также оказалась утрачена всеми системами, хотя *DeepL* частично компенсировал потерю идиомой «идут в гору».

Систематизация выявленных проблем позволяет определить типичные ошибки машинного перевода культурно маркированной информации:

1. Буквализм при переводе идиом – пословная передача фразеологизмов создает бессмысленные конструкции. Неразличение прямого и переносного значения приводит к искашению смысла. Некорректный выбор стратегии для реалий – транскрипция малоизвестных понятий без пояснения или излишнее описание известных терминов.

2. Потеря культурных коннотаций означает передачу лишь денотативного значения при утрате эмоциональных оттенков. Игнорирование контекста

особенно критично для медиатекстов, где смысл зависит от актуальной ситуации [3].

Причины ошибок коренятся в фундаментальных ограничениях современного машинного перевода: отсутствие глубокого культурного понимания, зависимость от статистических паттернов, недостаточная способность к pragматическому анализу, неспособность к креативному решению переводческих задач [1].

Проведенное исследование выявило значительные трудности современных систем машинного перевода при работе с культурно и контекстуально маркированной информацией в англоязычных медиатекстах. Несмотря на технологический прогресс, передача культурно-специфических смыслов остается проблематичной областью.

Сравнительный анализ показал преимущество *DeepL* в распознавании идиом и устойчивых выражений, однако все системы испытывают критические трудности с игрой слов и каламбурами. Типичные ошибки включают буквализм при переводе идиом, некорректный выбор стратегии для реалий, потерю культурных коннотаций и игнорирование широкого контекста.

В обозримом будущем оптимальной моделью остается сочетание машинного перевода и профессионального пост-редактирования. Практическая значимость исследования заключается в систематизации проблем и выработке рекомендаций для разработчиков и пользователей систем машинного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С.И., С.П. Флорин С.П. Непереводимое в переводе. - Изд . 4 - е - М.: «Р. Валент», 2009. - 360 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. - М.: Флинта: Наука, 2008. - 263 с
3. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. - 268 с.
4. Котенко В. В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования. Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта, №. 4 (182), 2020 - С. 225-230.
5. Узких Г.Ю. Применение трансформеров в обработке естественного языка. Вестник науки, №. 8 (77), 2024 - С. 186-189.

УДК 81'253

М.С. Буткин

магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Научный руководитель – О.Г. Дудочкина

канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и

перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ВЛИЯНИЕ АКЦЕНТОВ И ДИАЛЕКТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА УСТНЫЙ ПЕРЕВОД

Аннотация: Устный перевод, как вид профессиональной коммуникации, диктует свои условия к скорости обработки информации, точности передачи смысла и адаптации к речевым особенностям говорящих. В нашем мире английский язык является международным средством коммуникации, представленным многочисленными вариантами, в зависимости от территории, на которой на нем говорят. Разнообразие акцентов и диалектов создает особые трудности для устного перевода, особенно в формате последовательного и синхронного перевода. В статье дается характеристика основных видов устного перевода, анализируются специфические сложности, возникающие при восприятии неродного языка с нестандартным произношением. Рассматриваются фонетические, лексические и грамматические различия британского, американского, австралийского, канадского и новозеландского вариантов английского языка, влияющие на понимание речи и точность интерпретации. Особое внимание уделено стратегиям преодоления языковых барьеров, включая развитие фонетической компетенции, расширение кругозора и использование контекстуальных подсказок. Подчеркивается необходимость интеграции изучения диалектологических особенностей в учебные программы по подготовке устных переводчиков.

Ключевые слова: акцент, английский язык, диалект, межкультурная коммуникация, устный перевод.

Abstract. Verbal interpreting, as a form of professional communication, requires high speed of information processing, exact transfer of meaning and adaptation to speakers' speech patterns. Nowadays, English functions as an international means of communication, represented by numerous regional varieties, depending on the territory where it is used. The diversity of accents and dialects creates significant challenges for verbal translation, especially in consecutive and simultaneous interpreting modes. The article provides a characterization of main types of verbal interpreting and analyzes specific difficulties arising when perceiving a foreign language with non-standard pronunciation. Pronunciation, lexical and grammatical differences of British, American, Australian, Canadian and New Zealand variants of the English language affecting speech comprehension and interpretation accuracy are examined. Special attention is paid to strategies for

overcoming linguistic barriers, including the development of phonetic competence, expansion of linguistic and cultural awareness, and use of contextual cues. The necessity of integrating dialectological studies into interpreter training curricula is emphasized

Keywords: accent, English language, dialect, intercultural communication, verbal interpreting.

Устный перевод представляет собой сложный вид переводческой деятельности, заключающейся в незамедлительной вербальной передаче содержания устного сообщения с одного языка на другой. В отличие от письменного перевода, устный перевод требует немедленной реакции, что обуславливает его уникальные когнитивные, лингвистические и психологические нагрузки. Основными формами устного перевода являются последовательный и синхронный перевод. Последовательный перевод осуществляется после завершения речи или ее значительного фрагмента; переводчик запоминает информацию, делает краткие заметки и затем передает смысл на отличном от первого языке. Этот метод позволяет добиться большей точности и полноты, но требует развитой кратковременной и долговременной памяти, а также умения структурировать информацию. Синхронный перевод выполняется практически одновременно с речью говорящего, с минимальным временной задержкой. Он применяется на крупных конференциях, в международных организациях и на крупных мероприятиях. Синхронный перевод характеризуется высочайшей скоростью переработки информации, что приводит к значительной психоэмоциональной и интеллектуальной нагрузке, однако с его помощью обеспечивается бесперебойность коммуникации. Обе формы устного перевода требуют от переводчика не только владения двумя языками, но и глубокого понимания культурных особенностей, тематики мероприятия, а также способности быстро адаптироваться к речевому стилю, темпу, эмоциональной окраске и акценту спикера. Именно способность к такой адаптации становится критически важной составляющей при столкновении с разнообразием акцентов и диалектов, что значительно усложняет процесс восприятия и перевода.

Сложность устного перевода повышается при работе с носителями различных акцентов и диалектов английского языка. Однако в реальной практике, будь то международные форумы, бизнес-встречи или туристические мероприятия, переводчики сталкиваются с огромным спектром речевых вариаций. Эти вариации затрудняют ключевой этап устного перевода – восприятие речи на слух. Акцент представляет собой систему фонетических особенностей, обусловленную родным языком или регионом происхождения говорящего [2]. Он способствует изменению звучания гласных и согласных, ритма и ударения до такой степени, что знакомые слова становятся неузнаваемыми. Диалект же включает в себя еще и лексические, грамматические и семантические особенности, что повышает уровень сложности. Таким образом, переводчик вынужден решать две задачи

одновременно: расшифровать искаженный акустический сигнал и правильно интерпретировать значение, возможно, отличающееся от общепринятого. Эта двойная нагрузка особенно ощутима в синхронном переводе, где нет времени на анализ и уточнение, а в последовательном – она может привести к потере части информации. Отсутствие опыта работы с конкретным акцентом может вызвать замешательство, снижение уверенности и увеличение количества ошибок, что напрямую влияет на качество коммуникации и профессиональную репутацию переводчика.

Одним из наиболее значимых факторов, усложняющих восприятие, является различие в системе произношения между основными вариантами английского языка. Например, в британском Received Pronunciation (RP) характерно отсутствие р-сигма в конце слов (car [ka:], park [pa:k]), тогда как в американском английском этот звук четко артикулируется ([ka:r], [pa:rk]). Кроме того, в американском варианте распространена так называемая "flapping", при которой звуки /t/ и /d/ между гласными озвончаются до [ɾ] (например, "butter" звучит как ['блгэг], что может быть воспринято как "budder"). Австралийское произношение отличается наличием подъемного интонационного контура (high rising terminal), придающего утверждениям вопросительную интонацию, а также особыми вариантами гласных: например, сочетание "ei" в словах типа "day" [deɪ] может трансформироваться в более долгий и узкий [dæ:]. Канадский английский демонстрирует явление "Canadian raising", когда дифтонги /ai/ и /au/ произносятся с более высокой начальной точкой в позиции перед голосистыми согласными (например, "about" [ə'baʊt] звучит как [ə'блут] или даже [ə'бæут]). Новозеландское произношение характеризуется сдвигом гласных: например, "fish and chips" может звучать для неподготовленного слуха как "fush and chups" из-за изменения звука /ɪ/ в [ɛ] или [æ]. Южноафриканский английский сочетает элементы британского и голландского произношения, включая озвончение некоторых согласных. Индийский английский, один из наиболее распространенных вариантов, имеет свои особенности: отсутствие различия между /v/ и /w/, специфическую артикуляцию ретрофлексных согласных, характерный ритм и ударение. Подобные фонетические особенности могут привести к серьезным ошибкам в распознавании даже базовой лексики, особенно в условиях шума, быстрой речи или из-за недостаточной громкости гвоорящего. Так, фраза "I can't park here because it's too dark" в исполнении носителя американского английского с р-сигмой и флап-звуками может быть услышана как "I can' par k her e 'caus e i t's too dar k", что создает риск искажения смысла при последовательной переводе или немедленной передаче. Для переводчика, не знакомого с этими особенностями, каждое такое изменение становится потенциальным источником ошибки [8].

Лексические различия также создают значительные трудности, поскольку один и тот же предмет или понятие может называться по-разному в разных англоязычных странах. Эти различия особенно актуальны для переводчиков, работающих в таких сферах, как туризм, экономика и повседневная

коммуникация. Например, слово "flat" в британском английском означает квартиру, тогда как в американском используется термин "apartment"; "lift" – это "elevator", "biscuit" – "cookie", "chemist's" – "drugstore" [5]. В австралийском английском широко используются сокращения и уникальные выражения: "arvo" (afternoon), "barbie" (barbecue), "servo" (service station), "footy" (football, обычно rugby). Канадцы используют слово "toque" для обозначения зимней шапки, которую в других странах называют "beanie" или "knit cap", и говорят "loonie" и "toonie" вместо "one-dollar coin" и "two-dollar coin". В Южной Африке можно услышать заимствования, такие как "braai" (барбекю) или "robot" (светофор). В Индии распространены слова, заимствованные из хинди и других местных языков, например, "lakh" (сто тысяч), "crore" (десять миллионов), "prepone" (антоним к postpone) [7]. Отсутствие знакомства с такими реалиями может привести к недопониманию или неверной интерпретации высказывания, особенно в условиях ограниченного времени при последовательном переводе, когда нет возможности уточнить значение. Переводчик, не знающий, что "jumper" в Британии – это свитер, а в США – прыгун, можно допустить ошибку, имеющую коммуникативные последствия если имелся ввиду свитер. В сфере туризма, где, как известно из профессионального опыта, часто проводятся конференции, такие ошибки могут повлиять на качество обслуживания клиентов и восприятие сервиса [8].

Грамматические и синтаксические особенности также варьируются между основными вариантами английского языка, что влияет на точность передачи стилистических и экспрессивных оттенков. В британском английском часто используется множественное число с коллективными существительными ("The team are playing well", "The government have decided"), тогда как в американском предпочтение отдается единственному числу ("The team is playing well", "The government has decided"). Различаются формы прошедшего причастия: британцы предпочитают "learnt", "dreamt", "spelt", в то время как американцы чаще используют "learned", "dreamed", "spelled". В сфере предлогов наблюдаются устойчивые различия: британцы говорят "at the weekend", "different to/from", "in hospital", тогда как американцы используют "on the weekend", "different from/than", "in the hospital". Временные формы также могут расходиться: британский английский активно использует Present Perfect для описания недавних событий ("I've lost my keys"), в то время как американцы вполне допускают Simple Past ("I lost my keys") даже при наличии связи с настоящим. В индийском английском можно наблюдать использование конструкций, калькированных с местных языков, например, "What is your good name?" вместо "What is your name?". Эти различия, хотя и не всегда меняют общий смысл, могут влиять на восприятие уровня формальности, региональной принадлежности говорящего и требуют от переводчика понимания норм каждого варианта для корректной передачи стилистики оригинала. Неверное воспроизведение этих особенностей может сделать перевод звучащим неестественно или даже оскорбительно с точки зрения культурных норм [8].

Для эффективного преодоления этих трудностей переводчик должен

развивать комплексную фонетическую и лингвокультурную компетенцию. Это включает активное прослушивание аудиоматериалов с представителями различных англоязычных регионов: новостных программ (BBC, CNN, CBC, ABC Australia, RNZ), подкастов, фильмов, документальных сериалов и выступлений на конференциях. Регулярная тренировка восприятия речи на слух в условиях шума и быстрой речи, а также работа с транскрипцией и минимальными парными звуками способствуют формированию «фонетического словаря» в сознании переводчика, позволяющего быстрее адаптироваться к определенному акценту. Кроме того, важна систематическая работа с лингвокультурными материалами: чтение региональной прессы, изучение национальных идиом, знакомство с историческими и социальными контекстами формирования диалектов. Этот подход способствует развитию не просто языковых навыков, а глубокой межкультурной компетенции, которая является ключевой для успешной профессиональной деятельности в условиях глобального общения. Знание того, что юмор, вежливость и экспрессивность выражаются по-разному в разных культурах, помогает переводчику не только точно передать слова, но и сохранить их эмоциональную окраску и изначальный смысл [3].

Особую роль играет контекстуальная догадка – способность переводчика реконструировать смысл на основе ситуации, темы и логики высказывания, даже если некоторые слова остались неуслышанными. Например, если выступающий говорит о транспорте в Лондоне и упоминает "the Underground", переводчик, даже не рассыпав первое слово, может корректно передать "метро" на основе контекста. Если участник конференции жалуется, что его "boot" заблокирован, переводчик, понимающий, что речь идет о багажнике автомобиля в британском контексте, передаст это корректно, а не станет переводить буквально как "сапог". Эта стратегия особенно важна в последовательном переводе, где переводчик должен быстро анализировать блок информации и передавать его целостно, опираясь на всю доступную информацию, а не только на аудио сигнал. Опыт участия в конференциях в сфере туризма показывает, что участники часто говорят с заметным акцентом, что требует от переводчика не только языковой, но и психологической устойчивости, умения быстро переключаться и сохранять ясность мышления [6]. В таких условиях стрессоустойчивость и способность к многозадачности становятся не менее важными, чем чисто лингвистические навыки [1].

Таким образом, многообразие акцентов и диалектов английского языка является не просто фонетическим фоном, а активным фактором, влияющим на качество устного перевода на всех его этапах – от восприятия и анализа до интерпретации и передачи. Успешная передача смысла возможна лишь при условии глубокого понимания лингвистических и культурных особенностей различных вариантов языка. Формирование межкультурной компетенции переводчика должно опираться на применение теоретических знаний о диалектологии и социолингвистике с практико-ориентированными навыками восприятия речи на слух и стратегического перевода. Только такой синтез

позволит обеспечить эффективную, точную и культурно адекватную коммуникацию в условиях языкового многообразия современного мира. При подготовке переводчиков должны учитываться эти аспекты, тем самым подготавливая специалистов к работе с живым, динамичным языком, а не с его статичной нормой. Это позволит повысить качество устного перевода и укрепить мосты межкультурного взаимодействия в глобальном обществе [2],[4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Т.П. Формирование межкультурной компетенции в процессе обучения переводу // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 4. – С. 12-18.
2. Резникова А.В. Проблемы восприятия речи на слух в обучении устному переводу // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 45-54.
3. BBC Learning English. – Режим доступа: <https://www.bbc.co.uk/learningenglish> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Crystal D. English as a Global Language. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 271 p.
5. Dictionary of Regional English. – Режим доступа: <https://www.dare.wisc.edu> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Gumperz J.J. Discourse Strategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 224 p.
7. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 189 p.
8. Trudgill P., Hannah J. International English: A Guide to Varieties of Standard English. – 6th ed. – London: Routledge, 2013. – 248 p.

УДК 81.25

А.П. Ващенко

студент 4 курса ФГБОУ ВО «УУНиТ»

(г. Уфа)

Научный руководитель - З.М. Сафина

канд. филол. наук, доцент кафедры лингводидактики

и переводоведения ФГБОУ ВО «УУНиТ»

ПЕРЕВОД БЕЗЛИЧНЫХ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме перевода безличных и неопределённо-личных предложений с русского языка на английский. В ходе исследования рассматриваются особенности подобных грамматических конструкций в русском языке, подчёркивается их роль при передаче информации. Материалом исследования послужил роман И.С. Тургенева

«Отцы и дети» и его перевод на английский язык, выполненный Р. Хаэром. Анализ безличных и неопределенно-личных предложений показал, что для перевода таких видов односоставных предложений можно использовать несколько способов: перевод предложений с помощью безличного «it», которое выполняет функцию подлежащего; с помощью местоимения «they» в роли подлежащего; перевод предложений с помощью вводящего «there» в роли подлежащего, а также замена односоставного предложения на русском языке на двусоставное предложение в английском языке.

Ключевые слова: теория перевода, художественный перевод, односоставные предложения, безличные предложения, неопределенно-личные предложения.

Abstract. The article is devoted to the relevant problem of translation of impersonal and indefinite-personal sentences from Russian into English. The peculiarities of these grammatical constructions are considered, their role in rendering information is highlighted. The research is based on I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons" and its English translation by Richard Hare. The analysis of impersonal and indefinite-personal sentences revealed that several methods can be used for translating these types of one-member sentences: using the impersonal "it" as the subject; using the pronoun "they" as the subject; using the introductory "there" as the subject as well as replacing a one-member sentence in Russian with a two-member sentence in English.

Keywords: translation theory, literary translation, one-member sentences, impersonal sentences, indefinite-personal sentences.

Перевод является одной из самых сложных и многообразных областей лингвистики, требующей от переводчика не только глубокого знания двух языков, но и понимания культурных и социальных контекстов, в которых эти языки функционируют. Одной из актуальных тем в переводоведении является перевод безличных и неопределенно-личных предложений. Эти конструкции занимают особое место в русском языке, так как они позволяют выразить действия и состояния без указания на конкретного субъекта. Сложность перевода таких предложений заключается в том, что они могут содержать множество нюансов, которые трудно передать на другом языке. Данные типы предложений имеют большое значение для обеспечения точности и ясности коммуникации, а также широко распространены во всех стилях и типах текстов. Именно это и обуславливает актуальность данной темы. В статье приведен анализ особенностей перевода безличных и неопределенно-личных предложений, для чего были определены их основные типы, изучены синтаксические и семантические характеристики и выявлены их функции в тексте.

По утверждению С. В. Вяткиной, безличными называются такие односоставные предложения, главный член которых называет процесс или состояние, независимые от активного деятеля [3; 114], в то время как по словам А. А. Шахматова, безличные предложения – это такие предложения, в которых

«главный член соответствует сочетанию представления о признаке с представлением о бытии, существовании» [6; 87]. Советский лингвист А. М. Пешковский выделяет два типа безличных предложений [4; 353]:

1. Обозначение различных процессов, происходящих внутри человеческого тела, посредством соответствующего глагола 3-го лица (прошедшем времени среднего рода) и существительного в Винительном падеже или в разных падежах с разными предлогами, например, руку тянет, руку сводит и т.д.

2. Обозначение различных стихийных явлений (природы и социальной жизни) посредством соответствующего глагола в тех же формах и существительного в Творительном падеже, например, громом убило, водой унесло и т.д.

В. В. Бабайцева определяет неопределенно-личные предложения следующим образом: «Неопределенно-личные предложения – это такие односоставные предложения, в которых действующее лицо мыслится как неопределенное, а сказуемое выражено глаголом в форме мн. ч. 3-го лица настоящего или будущего времени, формой мн. ч. глагола в прошедшем времени изъявительного наклонения, формой мн. ч. кратких прилагательных или причастий» [1; 93].

По совокупности семантических и структурных свойств к глагольным односоставным предложениям исследователи относят определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные предложения, в некоторых классификациях инфинитивные конструкции включены в безличные.

В ходе данного исследования применялись метод анализа и синтеза, а также метод сплошной выборки. Практическим материалом для исследования послужил роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» [5], а также перевод данного произведения, выполненный английским переводчиком Ричардом Хаэром в 1948 г. [7]. Методом сплошной выборки из оригинала художественного текста были отобраны безличные и неопределенно-личные предложения. Далее в тексте перевода были найдены их соответствия.

На основе анализа переводов данных предложений был сделан вывод о том, что варианты перевода безличных предложений с русского языка на английский можно условно разделить на три группы:

1. Предложения с безличным «it», выполняющим функцию подлежащего.

В эту группу вошли безличные предложения на русском языке, которые на английский язык были переведены с помощью безличного «it» в роли подлежащего, а в роли сказуемого выступает либо глагол-связка «to be» в настоящем или прошедшем времени и имя прилагательное, либо смысловой глагол. Например: *Сладко засыпать в родном доме, на знакомой постели...* – *It was sweet to fall asleep in one's own home, in the familiar bed...*; *Что-то на дачу сильно похоже будет. – Won't it be rather too like a summer villa?*; *Право, мне*

кажется, нигде в мире так не пахнет, как в здешних краях! – Really it seems to me no air in the world is so sweetly scented as here!

2. Предложения с вводящим «there».

По словам советского лингвиста Л. С. Бархударова, конструкция с вводящим there утверждает наличие (или отсутствие) какого-либо предмета (предметов) в определенных условиях (в данном месте, в данное время, в определенных обстоятельствах). Подлежащее обычно следует за глаголом «to be» [2; 290]. В переводе исследуемого художественного текста некоторые безличные предложения были переданы данной конструкцией: *Как славно пахнет! – What air there is here!; Ведь тени-то в саду нету. – There is no shade in the garden, you see.*

3. Замена односоставного предложения на русском языке на двусоставное предложение на английском языке со смысловым подлежащим.

Самой большой группой безличных предложений, переведенных с русского языка на английский, стали предложения, которые при переводе из односоставных перешли в вид двусоставных, причем в данном случае подлежащее является не формальным, выраженным местоимением «it» или «there», а смысловым, выраженным либо именем существительным, либо личным местоимением. В анализируемом тексте были найдены следующие примеры: ...из полутемных сеней постоянного дворика несло запахом теплого ржаного хлеба. – *a smell of hot rye bread was wafted from the dim entrance of the posting station...*; Тени нет у вас, вот что горе. – *What a pity you have no shade;* Его дома нет – *He's not in the house* и другие.

Далее были проанализированы неопределенно-личные предложения. Проведенный анализ показал, что большинство предложений данного типа на русском языке были переведены с помощью местоимения «they» в роли подлежащего: *Подбивают их, вот что беда. – But they're being set against me, that's the worst of it...; В нынешнем году его сводить будут. – This year they will cut it down for timber.; Мне скажут дело, я соглашаюсь, вот и все. – If they tell me the truth, I agree — that's all.*

Однако в переводе романа «Отцы и дети» были выявлены и другие способы передачи неопределенно-личных предложений с русского языка на английский. Например, с помощью вводящего «there» в роли подлежащего: *За ужином разговаривали мало. – At supper there was little conversation,* а также с помощью замены односоставного предложения на русском языке на двусоставное предложения в английском языке: *Его носили на руках, и он сам себя баловал, даже дурачился, даже ломался; но и это к нему шло. – He was pampered by society, and indulged in every kind of whim and folly, but that did not make him any less attractive.*

Таким образом, анализ перевода безличных и неопределенно-личных предложений показал, что для перевода таких видов односоставных предложений можно использовать несколько способов: перевод предложений с помощью безличного «it», которое выполняет функцию подлежащего; с помощью местоимения «they» в роли подлежащего; перевод предложений с

помощью вводящего «*there*» в роли подлежащего, а также замена односоставного предложения на русском языке на двусоставное предложения в английском языке.

В результате проведенного анализа можно отметить, что при переводе безличных и неопределенно-личных предложений с русского языка на английский могут быть использованы похожие способы перевода, например, перевод предложений с помощью вводящего «*there*» в роли подлежащего.

Так, проанализировав примеры из романа «*Отцы и дети*», был сделан вывод о том, что при переводе на английский язык безличные и неопределенно-личные предложения, которые в русском языке являются односоставными, переходят в вид двусоставных. Данная грамматическая трансформация объясняется тем, что в английском языке подлежащее в предложении должно быть всегда. Такой член предложения может быть формальным, иными словами, выраженный местоимениями *it*, *they*, *there*, или смысловым, которое может быть выражено либо именем существительным, либо личным местоимением.

Полагаем, что результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего составления классификации способов перевода безличных и неопределенно-личных предложений с русского языка на английский, что позволит повысить качество перевода текстов, содержащих данные виды предложений. Более того, исследование может быть расширено и включать в себя анализ способов перевода безличных и неопределенно-личных предложений на другие языки. Результаты исследования позволят провести сопоставительный анализ способов перевода в рассматриваемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева, В.В., Максимов, Л. Ю. Современный русский язык: В 3-х частях. – Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. – М., 1981. – 256 с.
2. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. - 4-е изд., испр. - Москва: Высш. школа, 1973. - 423 с.
3. Вяткина С. В. Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Н. Акимова, С. В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев ; под ред. С.В. Вяткиной. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. — 346 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
5. Тургенев И. С. Отцы и дети: роман / И. С. Тургенев; худ. И. Архипов. — Челябинск: Юж. - Урал. кн. издательство, 1969. - 242 с.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов; Вступ. ст. Е. В. Клобукова; Ред. и comment. Е. С. Истоминой. - 3. изд. - Москва: УРСС, 2001. - 620 с.
7. Turgenev I. Fathers and sons / translated by Richard Hare. - Санкт-Петербург: Каро, 2017. - 319 с.

УДК 371.321

А.Г. Губайдуллина
ст. преподаватель кафедры
межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)
О.А. Солоянова
ст. преподаватель кафедры
межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам организации учебной и производственной переводческой практики студентов, обучающихся по специальности Перевод и переводоведение. Авторы выделяют этапы каждого вида практики, подробно описывают виды переводческой деятельности и формы работ, предлагаемые практикантам. В статье дается обзор учебно-методических и учебных пособий, разработанных преподавателями кафедры межкультурной коммуникации и перевода, для обеспечения методической помощи студентам. Особый акцент делается на необходимость привлечения практикующих переводчиков для погружения студентов в профессиональную деятельность и развития стойкого интереса к переводческой деятельности. Также авторы, основываясь на собственном опыте, рекомендуют пользоваться современными технологиями ИИ в виде бесплатных онлайн-сервисов для генерирования аудиозаписей, которые позволяют оптимизировать процесс организации практики устного последовательного и синхронного перевода.

Ключевые слова: учебная переводческая практика, производственная переводческая практика, письменный перевод, устный последовательный перевод, синхронный перевод, универсальная переводческая скоропись, глоссарий.

Abstract. The article focuses on the organization of academic and on-site translation trainings for students majoring in Translation and Translation Studies. The authors outline the stages of each type of training, detailing the types of translation and various work formats. The article also provides an overview of teaching aids and tutorials developed by the faculty members of the Department of Intercultural Communication and Translation to provide methodological support to students. Particular emphasis is placed on the need to engage practicing translators and interpreters to immerse students in professional work and develop a lasting interest in their future job. Based on their own experience, the authors also recommend modern

AI technologies, such as free online services, to generate audio recordings and optimize the process of consecutive and simultaneous interpreting.

Keywords: academic translation training, on-site translation training, translation, consecutive interpretation, simultaneous interpretation, universal translation cursive writing, glossary.

Переводческая практика студентов, обучающихся по профилю Перевод и переводоведение, является неотъемлемым компонентом образовательной программы высшего профессионального образования, дающим право присвоить выпускнику квалификацию «лингвист, переводчик».

Цель переводческой практики заключается в закреплении и применении теоретических знаний на практике, а также в непосредственном освоении профессиональной деятельности.

Основными задачами переводческой практики, как ведущего звена профессиональной подготовки переводчика, являются: воспитание у студентов устойчивого интереса к будущей профессии, приобщение студентов к непосредственной практической деятельности, формирование профессиональных умений и навыков, необходимых для успешного осуществления переводческой деятельности, установление и укрепление связей теоретических знаний с практикой перевода, формирование у студентов целостной картины переводческой деятельности, развитие у студентов потребности в самообразовании и самосовершенствовании профессиональных умений и навыков, формирование опыта индивидуальной творческой деятельности и исследовательского подхода к процессу перевода [2; 3].

Студенты БГПУ им. М. Акмуллы, обучающиеся по специальности Перевод и переводоведение, проходят два вида переводческой практики: учебную и производственную.

Учебная переводческая практика проводится на базе кафедры межкультурной коммуникации и перевода под руководством ведущих преподавателей кафедры и приглашенных практикующих переводчиков.

Учебной переводческой практике предшествует подготовительный этап, который начинается заблаговременно до начала практики и заключается в актуализации знаний по теории и практике перевода в рамках дисциплины «Теория перевода», в практике разных видов письменного перевода и устного последовательного перевода с русского языка на английский и с английского языка на русский по актуальным для нашего региона тематикам в рамках дисциплины «Практический курс перевода специальных текстов первого иностранного языка». После проведения установочной конференции (за неделю до начала учебной практики) студенты самостоятельно знакомятся с рекомендуемыми учебными и учебно-методическими пособиями, разработанными преподавателями кафедрами для обеспечения методической помощи практикантам, изучают литературу справочного характера и специализированные словари [2; 7].

Так в учебно-методическом пособии «Методические рекомендации практиканту-переводчику» представлены цели и задачи переводческой практики, ее виды, формы работ по этапам, стратегии выполнения различных видов перевода, требования, предъявляемые к письменному и устному переводу, отчетная документация, а также тексты по разным тематикам для самостоятельной работы студентов [2; 2].

Учебно-методическое пособие «Стратегия выполнения различных видов перевода» подробно знакомит с алгоритмами выполнения различных видов письменного и устного перевода на примере двух тематик «Медицина» и «Культура и искусство». У студентов есть возможность ознакомиться с примерами полного письменного, сокращенного, выборочного и аннотационного переводов, с примерами составления глоссария и с анализом переводческих решений [3; 3].

Учебное пособие «Перевод информативных текстов: английский - русский» освещает вопросы письменного перевода специальных текстов различных тематик. Студенты могут ознакомиться с рекомендациями по преодолению конкретных переводческих трудностей и потренироваться на упражнениях. Отдельная глава в данном пособии отводится теме составления глоссария [4; 3].

Для оттачивания навыка устного последовательного перевода с фиксацией записей при помощи УПС преподаватели кафедры подготовили учебное пособие «Практикум по устному переводу: тренировка переводческой скорописи на прецизионном материале», которое активно используется в рамках дисциплины «Практический курс перевода специальных текстов первого иностранного языка» [1; 3].

В ходе основного этапа учебной практики мы предлагаем осуществление переводческой деятельности в нескольких тематиках. Традиционно на практику выносятся темы, актуальные для нашего региона: «Медицина», «Нефтегазовая отрасль», «Культура и искусство», «Бизнес», «Спорт» и др. Студенты под руководством преподавателей кафедры выполняют разные виды письменного перевода (полный, выборочный, аннотационный) с русского языка на английский и с английского языка на русский, составляют тематические терминологические словари (глоссарии) по каждой теме и осуществляют устный последовательный перевод с английского языка на русский и с русского языка на английский с применением самостоятельно составленного глоссария и универсальной переводческой скорописи (УПС). При этом преподаватели принимают на себя роль заказчиков перевода и выдвигают немного отличающиеся требования к оформлению переводов. Такой подход позволяет приучить студентов к внимательному изучению технического задания и при необходимости задавать заказчику уточняющие вопросы. Перед сдачей письменных видов перевода руководители назначают консультации, где у практикантов есть возможность задать вопросы, как по содержанию, так и по оформлению перевода. Поскольку практика является учебной, то устный последовательный перевод осуществляется на основе знакомых текстов,

перевод которых студенты уже выполнили в письменном виде. Более того, руководители ориентируют практикантов пользоваться самостоятельно составленным глоссарием и делать записи при помощи УПС.

Для оптимизации проведения практики устного последовательного перевода мы рекомендуем при помощи технологий ИИ генерировать аудиозапись текстов для устного перевода, как на русском, так и на английском языке. Мы в своей работе пользовались бесплатными онлайн-сервисами, позволяющими преобразовывать текст в речь, такими как SPEECHMA [5] и Text to Speech Online Converter [6]. Эти сервисы позволяют регулировать звуковые эффекты, что дает возможность не только выбирать нужный акцент, мужской или женский голос, но и требуемый темп, длительность пауз и громкость записи. Таким образом, студенты учатся воспринимать на слух и переводить речь разных людей, а не одного преподавателя.

Уже на этапе учебной практики мы привлекаем в качестве одного из руководителей действующего переводчика в качестве представителя работодателя. Благодаря такому сотрудничеству студенты имеют возможность посетить бюро переводов, освоить работу с САТ-инструментами, научиться субтитрированию и принять участие в мастер-классах по синхронному переводу. Привлечение к практике работодателей позволяет не только непосредственно погрузить студентов в профессиональную деятельность, но и мотивирует их на самостоятельное самосовершенствование переводческих навыков.

На завершающем этапе учебной практики студенты оформляют по установленному образцу отчетную документацию и участвуют в итоговой конференции, где объявляются результаты практики и происходит обмен мнениями между руководителями и студентами.

Производственная переводческая практика проходит в организациях городов Республики Башкортостан и Российской Федерации, предоставляющих переводческие услуги или имеющих переводческую деятельность. Производственная переводческая практика проводится на базовых предприятиях на основе заключенного между двумя сторонами договора о сотрудничестве.

На подготовительном этапе производственной практики осуществляется поиск и установление связей с базовыми предприятиями, а также заключение договоров о творческом и трудовом сотрудничестве, происходит распределение студентов по производственным базам. Также студенты участвуют в установочной конференции, где руководитель практики напоминает им о профессиональной этике и знакомит с требованиями по оформлению отчетной документации.

На основном этапе в зависимости от производственной необходимости конкретного базового предприятия студенты выполняют письменный перевод (полный, сокращенный, выборочный, аннотационный) с английского языка на русский и с русского языка на английский, составляют тематический терминологический словарь и осуществляют устный последовательный

перевод/синхронный перевод с английского языка на русский и с русского языка на английский, а также оказывают административную поддержку работодателю (редактирование, набор текстов, курьерская служба, делопроизводство и др.).

На завершающем этапе студенты оформляют отчетную документацию по соответствующим требованиям и участвуют в итоговой конференции, где оглашаются результаты производственной практики и происходит обмен впечатлениями об организации и ходе практики [2; 7].

По окончании каждой из практик руководители анализируют результаты, предложения и пожелания студентов из отчетной документации, которые выносятся на обсуждение на заседание кафедры и учитываются при организации последующих практик. Несмотря на накопленный положительный опыт в организации и проведении учебной и производственной переводческой практики, мы открыты для новых идей и постоянно адаптируемся под меняющиеся потребности в переводческой индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оботнина Е.В. Практикум по устному переводу: тренировка переводческой скорописи на прецизионном материале./ Е.В. Оботнина, А.Г. Губайдуллина, О.А. Солуянова. Электронное издание. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2025. – 80с.
2. Шабанов О.А. Методические рекомендации переводчику-практиканту./ О.А. Шабанов, Ю.Р. Юсупова, А.Г. Губайдуллина. Электронное издание. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. – 45с.
3. Юсупова Ю.Р. Стратегия выполнения различных видов перевода./ Ю.Р. Юсупова, А.Г. Губайдуллина. Электронное издание. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 51с.
4. Юсупова Ю.Р., Губайдуллина А.Г. Перевод информативных текстов: Английский – русский [Текст]: учебное пособие. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2022. – 97с.
5. Speechma. – Режим доступа: <https://speechma.com/> (дата обращения: 15.11.2025).
6. Text-to-speech Online. – Режим доступа: <https://www.text-to-speech.online/> (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 81.33

O.A. Денякина, И.А. Проценко
студенты 4 курса ФГБОУ ВО «ВГПУ»
(г.Воронеж)

Научный руководитель – А.Э. Воротникова
д-р филол. наук, профессор, кафедра французского языка
и иностранных языков для неязыковых профилей
ФГБОУ ВО «ВГПУ»

РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИЗАЙНЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГРАФИЧЕСКИХ РЕДАКТОРАХ

Аннотация: В данной работе рассмотрен этап «перестройки» роли дизайнеров, за счет становления компьютерных технологий. Разработанные программы стали новым мостом в развитии и распространении профессии, что привело в дальнейшем к разделению отросли на категории (веб-дизайн, графический дизайн и т.д.). В изложенном ниже материале поддаются исследованию лингвистические трансформации, происходящие при адаптации англоязычных программ для дизайна: Adobe Photoshop, Adobe Illustrator, CorelDRAW - на русский язык. Все усложнилось тем, что в профессиональной практике дизайнеров, язык не просто переводится - он трансформируется. При анализе основное внимание уделено не столько ошибкам машинного перевода, сколько культурно-лингвистической эволюции терминологии: как английские слова, оставаясь неизменными в написании, обретают новые функции, грамматические роли и семантические оттенки в русскоязычном контексте.

Ключевые слова: английские термины, буквализм, грамматика перевода, графический дизайн, лингвистика, транскрипция.

Abstract. This paper examines the stage of "restructuring" the role of designers due to the development of computer technologies. The programs developed became a new bridge in the development and spread of the profession, which led to the division of the industry into categories (web design, graphic design, etc.). The linguistic transformations that occur when adapting English-language design programs, such as Adobe Photoshop, Adobe Illustrator, and CorelDRAW, to the Russian language are explored in this paper. The complexity lies in the fact that in the professional practice of designers, language is not just translated; it is transformed. The analysis focuses not so much on machine translation errors, but rather on the cultural and linguistic evolution of terminology: how English words, while remaining unchanged in their spelling, acquire new functions, grammatical roles, and semantic nuances in a Russian-language context.

Keywords: english terms, literalism, translation grammar, graphic design, linguistics, transcription.

В эпоху цифровой гиперреальности графический дизайн перестал быть искусством, которое использует технологии - он стал языком, который порождён ими. Современный интерфейс графического редактора – это не просто набор кнопок и меню, а сложный семиотический код, в котором каждый термин – это не метка, а семантический акт. В этом контексте перевод становится не вспомогательной процедурой, а ключевым лингвистическим процессом, формирующим саму возможность взаимодействия пользователя с инструментом.

До 1984 года графический дизайн был профессией прикладного формата, то есть все проекты и чертежи полностью создавались вручную мастерами. Конечно же это был крайне энергозатратный процесс, требующий концентрации на протяжении всего времени разработки макетов. Несомненным плюсом выступало наличие опыта дизайнера в данной сфере, поскольку найти оригинальное решение по раскладовке элементов и даже само выполнение надписи чернилами было не под силу новичкам. Поэтому молодые специалисты приходили учиться в мастерские к мэтрам, получая опыт и постепенно формируя личное портфолио со списком и примерами работ для доказательства своего уровня образованности. Обучение основывалось на переработке опыта художников периода Возрождения. Будущие дизайнеры пользовались различными средствами и техниками изобразительного искусства, опираясь на богатый опыт предшественников в построении композиций, отсюда позже и пошли модульные сетки для выстраивания отступов в графическом дизайне.

Дизайн и верстка создавались дома или на предприятии за специальными столами с направленными на рабочую зону лампами, вооружившись линейками и лупами. Весь ход истории перевернулся с выходом персонализированного компьютера Apple Macintosh 128k в 1984 году, он разрабатывался параллельно с Apple Lisa, и это повлияло на его дизайн и название. Конечно, это был не первый персонализированный компьютер в мире, но, стоит заметить, что все его предшественники не были нацелены на обычного пользователя. Разработанные модели были исключительно профессиональными и, к тому же весьма дорогими и не доступными.

С этого момента интерфейс стал визуально понятным, а не текстовым. Впервые мышь заменила клавиатурные команды и, за счет этого, художники могли начать изображать картинки и «рисовать» пикселями [1]. Это был не технический прорыв, а лингвистический переворот: язык дизайна перестал быть описательным «нарисуй линию», а стал императивным «нажми pen tool».

Цифровая типографика, появившаяся примерно в тот же период, позволила дизайнёрам не просто использовать шрифты, а создавать их новые версии. Количество используемых гарнитур резко выросло, художники и дизайнеры получили простые и понятные инструменты, с помощью которых могли создавать и распространять собственные шрифты, зарабатывая на продаже лицензий для их пользования в макетах. И с этого же момента

термины, впервые появившиеся в английских руководствах, стали не переводимыми, а встраиваемыми в нашу русскую речь.

В 1990-е, с приходом программ Adobe Photoshop, Adobe Illustrator, CorelDRAW в Россию, возникла первая волна русификации - не перевод, а надстройка. Русификаторы, часто не владевшие ни английским, ни дизайном, втискивали русские эквиваленты в узкие поля интерфейса, игнорируя семантику, контекст и даже грамматику. Плоды подобного «творчества» порой в насмешку называют «русефикация».

В профессиональной практике дизайнеров, особенно в среде графических редакторов, язык не просто переводится - он трансформируется. Английские термины, проникая в русскоязычную среду, не остаются пассивными заимствованиями, они проходят сквозь призму визуальной культуры, технических потребностей и лингвистической экономии, превращаясь в живые, адаптированные знаки. Этот процесс не механическая замена, а лингвистический креативный процесс, в котором переплетаются транслитерация, транскрипция, калькирование и грамматическая реконструкция.

Транслитерация не просто звуковая копия, а инструмент быстрой встраиваемости. Слово «trimming» превращается в «тримминг» — не для того, чтобы сохранить английское звучание, а чтобы обозначить точную, не подлежащую двусмысленности функцию: обрезка однородных пикселей по краям изображения [2]. Аналогично «overprint» - «оверпринт»: термин не переводится как «напечатать поверх», потому что в контексте полиграфии это не описывает действие, а фиксирует технологический статус — это уже не глагол, а имя собственное процесса.

Транскрипция, в свою очередь, становится лингвистическим «переодеванием». «Sketch» — «скетч» — не просто звуковая адаптация, а семантическая конденсация: слово утрачивает художественную многозначность (эскиз как набросок, черновик, идея) и обретает статус стандартизированного инструмента в интерфейсе. То же происходит с «trapping» — «трэппинг»: здесь достаточно короткого, звонкого, легко произносимого слова, которое легко вписывается в инструкции, чаты и тайм-лайны [3]. Особенno интересен случай «blur» — «брюлить»: глагол, образованный путём добавления инфинитивных окончаний -ить и -ть. Это не просто заимствование, а виртуальное оживление термина. Русский язык не просто принимает его — он деконструирует и пересобирает, превращая техническую функцию в глагол действия, как будто «брюлить» всегда было частью его глагольной системы.

Калькирование работает как лингвистический мост между структурами. «Landing page» — «посадочная страница». Это точный синтаксический перевод, но он звучит неестественно. Поэтому в практике возникают альтернативы: «лендинг» (транскрипция) как краткий, брендовый термин, или «сайт-одностраничник». Смысловая модуляция, где термин превращается в

описательную метафору, понятную даже неспециалисту. Это не ошибка, а стратегия: язык адаптируется под аудиторию, а не под словарь.

Грамматическая трансформация самая незаметная, но самая глубокая. В «channel mixer» — «микширование каналов»:

«mixer» — «микш» (транслитерация),
добавляется интерфикс -ир- («микш-ир-»),
суффикс -ова- и окончание -ние превращают существительное в абстрактный процесс (микширование).

Сама синтаксическая структура — это зависимое слово после главного — перевёрнута в соответствии с русской грамматикой: не «mixer of channels», а «микширование каналов». Это не перевод, а лингвистическое инжиниринг.

Именно здесь появляется одна из главных сложностей — буквализм. Дословный перевод «color burn» — «цветовой ожог». Звучит как поэтический образ, но в интерфейсе он вводит в заблуждение [4]. Правильный термин — «затемнение». Он не описывает эффект, а называет функцию. То же с «color dodge» не «цветовая уловка», а «осветление». «Despeckle» — не « пятнистый», а «ретушь». Буквализм здесь не лингвистическая ошибка, а эстетическая ловушка. Он превращает технический термин в метафору, а метафора в помеху для точности.

В итоге, язык графического дизайна — это не архив заимствований, а динамическая система, где каждое слово проходит через фильтры: звук, смысл, структура, контекст.

На основе практического анализа локализации интерфейсов графических редакторов и программных платформ мы пришли к выводу, что человек, занимающийся переводом английских редакторов должен не только в совершенстве знать иностранный язык, но и знать сферу, по которой он выполняет перевод.

Эффективный локализатор — это не просто билингв, а технический антрополог: он должен читать между строк интерфейса, понимать, как работает «пиксельный фильтр», почему «overprint» не значит «напечатать сверху», а является критическим этапом цветовой калибровки, и как «blur» отличается от «размытия» в живописи, в цифровом пространстве это не художественный приём, а алгоритмическая операция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронович В.В. Машинный перевод. Конспект лекций для студентов 5-го курса специальности «Современные иностранные языки». Минск. 2013. — 22-33 с.
2. Кордон Т.А. Использование профессиональной терминологии на занятиях по иностранному языку / Т.А. Кордон // Трансляция иноязычной культуры в процессе преподавания иностранного языка: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / отв. ред. И.В. Воробьев. – Чебоксары, 2015. – 145-150 с.

3. Тенякова Е.А. Использование компьютерных технологий и цифровых образовательных ресурсов в процессе обучения английскому языку студентов неязыковых специальностей / Е.А. Тенякова, А.А. Пушкин // Современное высшее образование в условиях многополярного мира: электронный сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2022. – 390-395 с.

4. Эльжуркаева М. Я. Проблемы перевода фразеологических единиц. // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – 106-109 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/106/4460/> (дата обращения 17.11.2025)

УДК 811.512.1

Э.Р. Ибрагимова
магистрант 2 курса ФГАОУ ВО «КФУ»
(г. Казань)

научный руководитель – Л.Ш. Шафигуллина
канд. пед. наук, доцент кафедры алтайстики, тюркских
и центрально азиатских исследований ФГАОУ ВО «КФУ»

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРЕВОДА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: Автор в статье поднимает вопрос важности правильного перевода в современном обществе, так как на перевод влияет множество факторов. На протяжении многих десятилетий ученые подходили то с лингвистической, то с социологической стороны, и несмотря на огромное количество изучений, данная тема всё ещё остается открытой для новых исследований. С каждым днем языки пополняются новыми лексемами, которые необходимо передать на язык перевода. Возникает необходимость точности перевода, которую не всегда можно достичь при переводе различных художественных, культурных, маркетинговых текстов и т.д.. В статье раскрываются приемы передачи английских лексем на татарский и турецкий язык. Поскольку перевод и подбор лексем зависит от языка, на который осуществляется перевод. Поэтому переводчик должен разбираться в строении языка, культурных особенностях народа и учитывать особенности в виде целевой аудитории и успешного pragматического воздействия.

Ключевые слова: социолингвистика, лингвистика, заимствования, перевод, турецкий язык, английский язык, татарский язык.

Abstract. The author of the article addresses the importance of accurate translation in contemporary society, as many factors influence the translation process. For decades, scholars have approached the subject from both linguistic and sociological perspectives, and despite the vast number of studies, this topic remains

open for further research. Every day, languages are enriched with new lexemes that must be conveyed in the target language. This creates a need for precision in translation, which is not always achievable when translating various literary, cultural, and marketing texts, among others. The article discusses techniques for conveying English lexemes into Tatar and Turkish. Since translation and lexeme selection depend on the target language, the translator must understand the structure of the language, the cultural nuances of the people, and consider factors such as the target audience and effective pragmatic impact.

Keywords: sociolinguistics, linguistics, borrowings, translation, Turkish language, English language, Tatar language.

Данная статья посвящена одной из самых актуальных проблем переводоведения – правильно донести мысль автора. Несмотря на то, что тюркские языки имеют схожую структуру построения языка, а также отдаленно похожие слова, языки отличаются дифференцированным влиянием социальной действительности. В статье мы рассмотрим социолингвистические факторы, влияющие на перевод с английского языка на турецкий и татарский языки.

Турецкий и татарский языки являются агглютинативными языками, в которых доминирующим типом словоизменения является агглютинация – присоединение суффиксов и префиксов, несущие смысловое значение. Турецкий язык относится к западно-огузской подгруппе тюркских языков. Турецкий язык является официальным языком Турции, который развивался под западным (французским, английским, немецким языками) и восточным (персидский и арабский языки) влиянием. Переломным моментом для турецкого языка стал переход на латинскую письменность. Было проведено множество реформ по очищению языка от арабских и персидских заимствований. Татарский язык, в свою очередь, относится к поволжско-кыпчакской подгруппе тюркских языков. Использовавший арабскую вязь, татарский язык перешел на славянский алфавит в XIX веке. Несмотря на многовековое влияние русского языка, татарский язык сохраняет свое литературное и культурное единство.

Английский язык относится к аналитическим языкам, в которых грамматические отношения передаются в основном через синтаксис, а не через словоизменение с помощью зависимых морфем, как в турецком и татарском языках.

Приведем определение понятию «перевод». По И.С. Алексеевой *перевод* есть перевыражение или перекодирование. Несомненно, перекодирование не является объективным природным процессом, его осуществляет человек, обладающий индивидуальностью и способностью к творчеству [1]. Исходя из этого на перевод воздействует не только опыт и знания переводчика, но и культура, с которой неразрывно связан язык-источник и культура целевого языка.

Следовательно, перевод является социально-детерминированным явлением, т.к. на процесс и результат перевода оказывают влияние социальные

факторы. Наука, изучающая общественную обусловленность возникновения, становления и функционирования языка, называется социолингвистикой. Социолингвистика изучает язык в отношении язык и носитель, их история и культура. Следовательно, возникает ряд проблем, который необходимо учитывать при переводе.

Язык, рассматриваемый как целостное социально-культурное явление, отображает характеристики конкретного этноса, являющегося носителем своей культуры, и тем самым выделяет его среди других культур. Главная трудность, возникающая при переводе, заключается в необходимости найти в целевом языке наиболее адекватные эквиваленты для передачи социально-культурных реалий. Эта проблема обусловлена, прежде всего, различиями в восприятии социальной реальности представителями разных культур и уникальным взглядом на окружающий мир.

Решающую роль играют социально-культурные факторы в формировании у коммуникантов фоновых знаний, без которых, как мы уже знаем, невозможна интерпретация речевых высказываний. Наибольший интерес для теории и практики перевода представляют сообщения, непосредственно отражающие условия жизни и обычаи представителей определенной культуры.

Рассмотрение перевода, как социально детерминированного коммуникативного процесса, основывается на социально обусловленной вариативности языка, которая, в свою очередь, исходит из факта существования в каждом языковом сообществе многочисленных территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и других групп, употребляющих в своей речи преимущественно только им свойственные языковые средства. Переводчику необходимо корректно перевести эти понятия, которые нередко являются уникальными в своем роде. Следовательно, переводчик должен найти в языке перевода те, единицы, которые будут иметь то же значение или приближенное [3].

Существуют следующие социолингвистические факторы: целевая аудитория, цель перевода, жанр, социальные нормы и ценности, личность переводчика, языковая политика в стране ПЯ. Необходимо отметить, что передача культурных, социальных ценностей требует тщательной адаптации. Например, передача юмора, пословиц, сарказма обладает высшей степенью сложности. Адаптация идеологически окрашенной лексики также требует особой осторожности, чтобы сохранить нейтральность перевода, если дело касается политических текстов.

Под эквивалентностью понимается максимально близкое значение содержания оригинального текста и текста перевода. Категория слов, не имеющих равного или близкого значения в языке перевода, называется безэквивалентной лексикой (БЭЛ) [2]. Поскольку в социальном срезе все культуры неидентичны, при переводе будет встречаться специфичная лексика. Безэквивалентные единицы могут встречаться также в грамматике. При переводе неродственных языков могут возникать проблемы при передаче частей речи, морфологических форм и синтаксических конструкций.

Приведем пример передачи модальности долженствования, который имеет эквиваленты в этих языках. (Анг. *A man has to know everything*; Тат. *Ир кеше бәтенесен белергә тиеш*; Тур. *Bir erkek her şeyi bilmelidir*; Русс. *Мужчина должен знать всё*.) *Bir erkek her şeyi bilmelidir*. В данном примере долженствование образовано путем добавления аффикса -meli- (mali-). В турецком существуют также другие формы: *bilmesi gerekiyor*, *bilmesi lazı̄m*, *bilmek zorunda*, *bilmeye mescbur*. Татарский язык, имеющий арабские корни, тоже содержит слово «мәжбүр - вынужден/обязан» (тур. *mescbur*). Тат. *Сез бу эшине мәжбүр булып эшләргә тиешсез*. Тур. *Siz bu işi уартая **mescbursiniz***. Русс. *Вы обязаны выполнить эту работу*. При осуществлении перевода на английский язык, подбирается модальный глагол, который также семантически градуируется на «должен/обязан» «have to/has to, ought to/must».

В теории перевода основными способами передачи БЭЛ являются: транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, добавление сносок и комментариев (лексико-семантические приемы) и компрессия, антонимический перевод, конверсия и функциональная замена (грамматические приемы). Поскольку тюркский мир далек от западного, то лексика с наибольшей вероятностью будет заимствоваться, а значит переводиться путем транскрипции и транслитерации. Как, например, ассимилировались слова: Интернет, компьютер, спорт и т.д.. Также и тюрокизмы, которые перешли в английский язык: *caftan/kaftan*, *taiga*, *khan* и т.д..

Приведем следующий пример: тур. *Fastfood denildiği zaman aklimiza ilk gelen lezzet Hamburgerdir*. Русс. *Когда речь заходит о фастфуде, первое что приходит на ум, – это гамбургер*. Тат. *Фастфуд дигәч, безнең уйга иң беренче килгән әйбер – гамбургер*. В данных языках был применен прием транслитерации, т.е. передача букв одного алфавита буквами другого алфавита.

Далее рассмотрим пример, взятый с официального сайта Правительства РТ. Тат. *Татарстанның Россия Федерациясенәге Тулы вәкаләтле вәкиллеге карышындагы медиаклуб 2010 елда оеитырылган иде* [5]. Русс. *Медиаклуб при полпредстве РТ в РФ был организован в 2010 году* [4]. Англ. *The Media Club at the Embassy of the Republic of Tatarstan in the Russian Federation was established in 2010* (перевод наш). Тур. *Rusya Federasyonu'ndaki RT elçiliğine bağlı Medya Kulübü 2010 yılında düzenlendi* (перевод наш). «Медиаклуб» имеет ту же форму, что и в русском языке, поскольку татарский язык также заимствовал это слово с английского языка. В турецком языке данное слово ассимилировалось по нормам языка. Англ. *club* – тур. *kulüp*. Это обусловлено тем, что консонантные сочетания в начале заимствованных слов не имеют места в турецком языке. Следовательно, данные слова вызывают сложности в произношении.

Подводя итог, подчеркнем, что перевод – это сложный процесс, требующий, в первую очередь, социолингвистического анализа. Для качественного перевода недостаточно просто знать язык. Необходимы развитые навыки восприятия, устойчивое внимание, глубокие фоновые знания, умение учитывать внешние факторы и находить оптимальные языковые решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. - 352 с.
2. Габибова К.Ш., Ашурбекова Т.И. Способы перевода безэквивалентной лексики // Научные междисциплинарные исследования. 2021. №5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-bezekvivalentnoy-leksiki> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Камовникова Н.Е. Социальные аспекты переводческой деятельности в современной коммуникации (на материале английского языка) // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. №2 (62). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekte-perevodcheskoy-deyatelnosti-v-sovremennoy-kommunikatsii-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Рустам Минниханов встретился с Медиаклубом при Полпредстве Татарстана / [Электронный ресурс] // Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации : [сайт]. — Режим доступа: <https://tatmsk.tatarstan.ru/index.htm/news/1349991.htm> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Рустам Минниханов встретился с Медиаклубом при Полпредстве Татарстана / [Электронный ресурс] // Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации : [сайт]. — Режим доступа: <https://tatmsk.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1349991.htm> (дата обращения: 18.10.2025).

УДК 81.33

А.М. Иванова

канд. филол. наук, доцент кафедры языкоznания и переводоведения

ГАОУ ВО «МГПУ»

(г. Москва)

А. М. Куликовская

студент 4 курса ГАОУ ВО «МГПУ»

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ В САТ-СИСТЕМАХ (НА ПРИМЕРЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ БАНКОВСКИХ ПРЕСС-РЕЛИЗОВ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интеграции постредактирования автоматически созданных переводов в САТ-системах в подготовку будущих переводчиков в вузе. Обучение студентов построению алгоритмов постредактирования текстов определенной профессиональной сферы (специализированных текстов) опирается на комплексный анализ материалов на исходном языке, их профессионального перевода и результатов

машинного перевода. Сопоставление автоматического и профессионального перевода позволяет выделить маркеры (не)переводимости, являющиеся причиной ошибок в АП, установить частотные переводческие трансформации, позволяющие обеспечить смысловую эквивалентность и грамматическую корректность (аутентичность) текста перевода, а также построить пошаговый алгоритм действий переводчика при постредактировании «черновых» переводов специализированных текстов определенной тематики. Как представляется, подобная практика постредактирования может быть интегрирована в различные практические курсы перевода, что будет способствовать развитию технологической компетенции студентов, повышению их мотивации и удовлетворенности результатами прохождения образовательной программы.

Ключевые слова: обучение постредактированию, автоматический перевод, CAT-системы, маркеры переводимости, переводческие трансформации, пресс-релиз.

Abstract. The paper discusses the integration of post-editing of automatically created translations in CAT systems into the training of future translators at the university. Teaching students how to build algorithms for post-editing texts in a specific professional field (specialized texts) is based on a comprehensive analysis of materials in the source language, their professional translations, and machine translation outputs. Comparing automatic and professional translations makes it possible to identify translatability markers that can cause errors in MT, to determine frequent translation techniques that ensure semantic equivalence and grammatical correctness (authenticity) of the target text, and to design a step-by-step procedure to follow when post-editing «draft» translations of specialized texts on a given subject. This practice of post-editing can be successfully integrated into various practical translation courses, thereby fostering students' technological competence and increasing their motivation and satisfaction with the outcomes of the educational program.

Key words: teaching post-editing, machine translation, CAT systems, translatability markers, translation techniques, press release.

В настоящее время повышение эффективности работы переводческих компаний достигается за счет использования автоматизированных систем перевода (Computer Assisted Translation, CAT-systems) [2]. Повсеместное внедрение компьютерных технологий повлияло не только на количественные показатели процесса перевода (увеличение объема выполняемых работ, сокращение сроков сдачи переводческих проектов и т. д.) [5], но и изменило ожидания будущих работодателей – подразумевается, что выпускники лингвистических вузов обладают развитыми техническими компетенциями и способны качественно и быстро осуществлять постредактирование полученного автоматически «чернового» перевода в CAT-программе [10]. С 2021 года данные технические компетенции прописаны в профессиональном

стандарте «Специалист в области перевода», где в качестве трудовых функций переводчика указаны «письменный перевод (в том числе с использованием специализированных инструментальных средств)», «технологическая обработка материалов переводческих и локализационных проектов» и «автоматизация переводческих и локализационных проектов» [9], что, как представляется, требует корректировки содержания программ подготовки будущих переводчиков в вузах.

Тем не менее, использование САТ-инструментов при обучении техникам перевода в лингвистических вузах остается дискуссионным – доминирующей остается установка на обучение традиционному переводу без применения технических средств [11], т. к. полученная таким образом теоретическая база и практический опыт позволяют обучающимся в дальнейшем легко адаптироваться к различным рабочим сценариям, включая постредактирование машинного перевода, тогда как использование технических средств на постоянной основе влияет на естественность (аутентичность) перевода и отрицательно сказывается на целостности восприятия текста, его смысловой и стилистической составляющих [7]. Цифровые технологии и инструменты чаще всего изучаются как отдельный курс или дисциплина (например, «Цифровые технологии в лингвистике»), в отрыве от практических занятий по переводу, что, как представляется, противоречит интегративному подходу в обучении, предполагающему, что преподаватель создает и направляет особо организованную деятельность студента на обобщение знаний, полученных из курсов различных теоретических и практических дисциплин [4].

Как представляется, решение данной проблемы в рамках вуза может быть найдено через обучение студентов построению алгоритмов постредактирования текстов определенных тематик или жанров. При этом алгоритмизация действий переводчика при постредактировании текста должна опираться на предшествующий ей комплексный анализ, включающий в себя:

1) предпереводческий (лингвистический) анализ текстов с выделением маркеров (не)переводимости на лексическом и грамматическом уровнях;

2) сравнение перевода, полученного автоматическим образом в САТ-системе, с профессиональным переводом (например, на материале двухязычных документов, сайтов, корпусов текстов) и оценка того, насколько автоматически созданный перевод соответствует критериям смысловой (лексической) точности и естественности (грамматической корректности) по сравнению с профессиональным переводом, выявление ограничений;

3) установление переводческих трансформаций, использованных профессиональными переводчиками для преодоления установленных ошибок и ограничений.

Цель настоящей статьи – проиллюстрировать возможности унификации обучения студентов лингвистических вузов основам постредактирования результатов автоматического перевода в САТ-системах через алгоритмизацию данного процесса на примере текстов банковских пресс-релизов, доступных в

профессиональном переводе на английский язык на официальных сайтах российских банков.

Этап 1. Предпереводческий анализ текста: маркеры (не)переводимости.

В качестве материала для предпереводческого анализа и постредактирования могут быть использованы специализированные тексты различной тематики и сложности при условии, что студентам доступен их профессиональный перевод, который имеет практическую ценность – например, пресс-релизы финансовых организаций, представленные на сайтах данных организаций на русском и английском языках.

Применительно к текстам профессионального дискурса, предпереводческий анализ должен быть направлен на установление т. н. «маркеров (не)переводимости» – лингвистических особенностей текста, вызывающих сложности у систем машинного перевода и провоцирующих ошибки в результатах машинного перевода [1]. Маркеры (не)переводимости могут быть установлены в ходе сравнительно-сопоставительного анализа переводов, выполненных при помощи CAT-систем (или движка машинного перевода), и профессиональных «человеческих» переводов, в ходе которого студенты отмечают ошибки, совершенные средствами автоматизации на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

Результатом предпереводческого анализа, направленного на поиск маркеров (не)переводимости, становится составление списка наиболее трудных для автоматического перевода единиц [6]. Так, для русскоязычных текстов банковских пресс-релизов такими маркерами (не)переводимости является экономическая терминология (включая аббревиатуры) и отглагольные существительные на лексическом и лексико-грамматическом уровнях, а также безличные предложения, пассивный залог и актуальное членение предложения на синтаксическом уровне (см. Рис. 1).

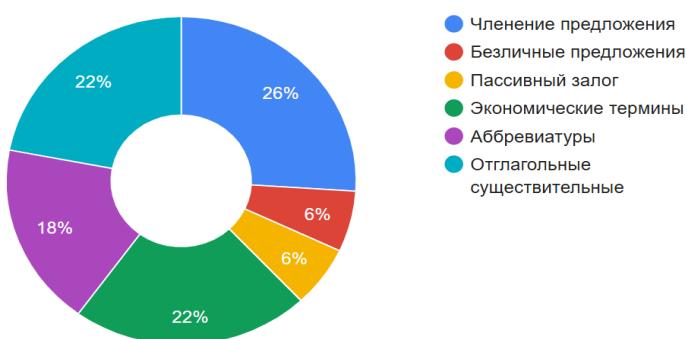

Рис. 1 – Маркеры (не)переводимости в текстах русскоязычных пресс-релизов банков

Этап 2. Оценка качества автоматического перевода.

Объективная оценка качества автоматического перевода (АП) проводится через сопоставление с профессиональными переводами в качестве эталона, при этом акцент также делался на передаче выделенных ранее маркеров (не)переводимости – лингвистических особенностей текста, которые затрудняют процесс его автоматического перевода и требуют усилий по постредактированию.

Оценка качества автоматического перевода может выполняться с применением стандартной типологии ошибок (например, прописанной в правилах стандартизации ПР 50.1.027–2014 «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг» [8]), но также оригинальной типологии, адаптированной под специфику определенных текстов профессионального дискурса. Критерием того, есть или ошибка в анализируемом сегменте АП, является этот же сегмент в эталонном переводе. Ср.:

*Часто процесс сводится к банкротству, которое подразумевает реализацию имущества. – Often the process is reduced to bankruptcy, which involves *the realization of property (DeepL). – Often the process comes down to bankruptcy, which implies *the sale of property (Yandex Translate). – More often than not, it all boils down to declaring bankruptcy, which involves the disposal of property (профессиональный перевод).*

Однако важно, чтобы покупатель и продавец не являлись взаимозависимыми лицами согласно налоговому кодексу РФ. – However, it is important (калька) that the buyer and seller are not interdependent persons under the Russian tax code. – However, it is important (калька) that the buyer and seller are not interdependent persons according to the tax code of the Russian Federation (DeepL). – However, the buyer and the seller cannot be related parties, as per the tax code of Russia.

В целом сопоставительный анализ автоматизированного и профессионального переводов специализированных текстов неизменно показывает высокий уровень точности АП и его достаточное соответствие эталонным текстам. Тем не менее, при более детальном рассмотрении выявляются определенные проблемные моменты, которые требуют вмешательства со стороны профессионального переводчика, а именно постредактирование – если автоматизированные алгоритмы обеспечивают первичную обработку текста, то специалист должен внести корректировки, касающиеся терминологических нюансов и грамматической корректности (соответствия норме принимающего языка), удаления неоправданных синтаксических калек.

Этап 3. Выстраивание алгоритма постредактирования текста: установление переводческих трансформаций и их последовательности.

Согласно А. Д. Швейцеру, ключевым этапом анализа текста, предшествующего переводу, является определение переводчиком стратегии перевода, то есть выбор программы (последовательности) действий, необходимых для достижения цели перевода [12]. На основе анализа маркеров

(не)переводимости текстов определенной тематики и типовых ошибок, совершаемых системами автоматизированного перевода, представляется возможным установить наиболее эффективные методы постредактирования и представить их в виде пошагового алгоритма, которого сможет придерживаться специалист в процессе работы с каждым сегментом.

Для этого студенты отмечают и описывают действия переводчика в процессе постредактирования конкретного текста, а именно какие переводческие трансформации используют специалисты для преодоления отмеченных ранее ограничений машинного перевода. Также определяется последовательность шагов постредактирования – от критических (смысловых) ошибок к существенным (искажения на грамматическом уровне) и несущественным (стилистические ошибки и ошибки в локализации). Для постредактирования англоязычного автоматического перевода банковских пресс-релизов, в частности, может быть предложен следующий алгоритм:

Шаг 1–2. Перевод терминологии и поиск смысловых ошибок в контексте.

При работе с результатами машинного перевода в САТ-системе постредактору сначала следует проверить, корректно ли в каждом сегменте были переданы экономические термины (в том числе аббревиатуры, а также имена собственные – названия финансовых учреждений, государственных органов и т. д.). Для исправления ошибок, связанных с переводом терминологии, рекомендуется использовать отраслевые словари и ресурсы справочного характера, при этом установленные в процессе постредактирования эквиваленты имеет смысл сразу заносить в САТ-глоссарий (терминологическую базу). Стоит помнить, что отраслевым терминам часто свойственна гипонимическая полисемия – один и тот же термин в зависимости от контекста используется в более широком или в более узком значении [3]. Также в процессе постредактирования переводчику необходимо с опорой на контекст выбрать подходящий перевод для широкозначных слов нетерминологического характера, неверно истолкованных системой машинного перевода. Ср.:

*Новая цифровая платформа обеспечит сквозную автоматизацию бизнес-процессов с поддержкой нейросетевых алгоритмов. – The new digital platform will enable *end-to-end automation of business operations with *neural network algorithms (DeepL). – The AI-driven enterprise platform delivers seamless process automation across core business workflows, powered by machine learning models (профессиональный перевод).*

*Чистый процентный доход за квартал вырос на 22% благодаря оптимизации процентных рисков. – Net interest income for the quarter increased by 22% due to *optimization of interest risks (DeepL). – Q1 net interest income grew 22% year-on-year driven by effective interest rate risk management (профессиональный перевод).*

Шаг 3. Перестройки на грамматическом (синтаксическом) уровне.

Следующим шагом является внесение в каждый сегмент текста перевода, предложенного САТ-системой, изменений на синтаксическом уровне. Это может быть единичное изменение (например, изменение порядка слов в предложении с учетом его актуального членения или операция членения), а также комплексное (например, восстановление фактического подлежащего + членение + изменение порядка слов в предложении с учетом его актуального членения). Для текстов банковских пресс-релизов необходимо уделить внимание передаче:

1) Английских калек **безличных и неопределенно-личных предложений** с формальным подлежащим (*it, there, you*), ср.:

Предлагается новый тарифный план для предпринимателей. – ****It is offered a new tariff plan for entrepreneurs (DeepL).*** – ***We are introducing a new business banking package tailored for entrepreneurs (профессиональный перевод).***

2) Английских калек русских **конструкций в пассивном залоге**, ср.:

Решение было принято в связи с ростом распространения коронавирусной инфекции и введенными ограничительными мерами. – ****The decision was taken due to the increased spread of coronavirus infection and the restrictive measures imposed (DeepL).*** – ***The Bank of Russia has made this decision in response to a growing number of coronavirus cases (профессиональный перевод).***

3) Английских отглагольных существительных и инфинитивных конструкций как эквивалентов русских **отглагольных существительных**, ср.:

В этом году планируется открытие 15 новых отделений. – ***Fifteen new branches are scheduled to open this year (DeepL).*** – ***We plan to expand our network with 15 new branches in 2024 (профессиональный перевод).***

4) Случаям пословного перевода без учета **актуального членения** русского предложения, ср.:

Кредитные каникулы (T) будут предоставлены клиентам, пострадавшим от наводнения в Краснодарском крае (P). – ***Payment deferrals (T) will be provided to customers affected by floods in Krasnodar region (P) (DeepL).*** – ***Customers in flood-hit Krasnodar region (P) may qualify for payment holidays (T) in Krasnodar region (профессиональный перевод).***

Сравнение результатов машинного перевода с действиями профессионального переводчика позволяет студентам проследить на конкретных примерах использование изученных ими переводческих трансформаций. Так, в машинном переводе банковских пресс-релизов пассивные конструкции были переведены пассивными конструкциями в 100% случаев (100 предложений из 100 в выборке), ср.: *Кредиты клиентам были одобрены банком в рекордные сроки.* – ***Loans to customers were approved by the bank in record time (DeepL).*** В профессиональном переводе в 76% случаев (76 предложений из 100) можно было наблюдать замену пассивного залога на активный, ср.: *Технические работы будут проводиться с 00:00 до 04:00.* – ***Our digital platforms will undergo scheduled maintenance tonight (профессиональный перевод).***

В 75 случаях из 100 субъект восстанавливался из контекста, также в качестве формального подлежащего могло быть использовано дополнение / обстоятельство, ср.: *Открытие филиала в Алматы было запланировано на III квартал.* – *We will expand to Almaty with a new branch in Q3 2024* (профессиональный перевод).

Таким образом, у студентов формируется понимание того, что русские пассивные конструкции при постредактировании результатов АП в целом правильнее передавать, используя активный залог (как более аутентичный вариант для английского языка) вместо пассивного, при этом если на основе контекста можно восстановить фактический субъект, то следует это сделать, ср.: *Было обнаружено несанкционированное списание средств.* – *Our fraud prevention system flagged suspicious transactions.* / *Было подписано соглашение о стратегическом партнерстве.* – *We have entered into a strategic partnership.* Когда восстановить субъект из контекста невозможно, следует трансформировать предложение, используя формальное подлежащее *we*, ср.: *Ипотечные ставки были снижены на 0.5 процентных пункта.* – *We're cutting mortgage rates by 50 basis points effective immediately.*

Шаг 4-5-6. Улучшение стилистических характеристик текста перевода.

CAT-системы могут совершать стилистические ошибки, предлагая перевод, несоответствующий оригиналу в плане регистра (разговорный вместо формального), тогда в процессе постредактирования необходимо заменить стилистически маркированные единицы на нейтральную лексику, характерную для специализированных текстов. Также исправлению подлежат локализационные, орфографические и пунктуационные ошибки Ср.:

Банк снижает ставки по ипотеке, что сделает жилье более доступным для клиентов. – *The bank is reducing mortgage rates, this will make housing more affordable for customers (DeepL).* – *The bank is reducing mortgage rates, which will make housing more affordable for customers (профессиональный перевод).*

Результатом всей проделанной работы становится формулировка рабочего алгоритма для постредактирования специализированных текстов определенной тематики. Так, для РЯ-АЯ (и АЯ-РЯ) перевода текстов банковских пресс-релизов алгоритм выглядит следующим образом:

Таб. 1. Алгоритм перевода текстов банковских пресс-релизов

Шаг 1.	Проверка правильности перевода терминологии, сокращений и имен собственных (с опорой на глоссарии, отраслевые словари и справочники)
Шаг 2.	Исправление смысловых ошибок
Шаг 3.	Выполнение необходимых трансформаций на синтаксическом уровне с целью повысить аутентичность текста перевода (актуальное членение + восстановление фактических подлежащих в безличных и неопределенличных высказываниях → корректировка конструкций в пассивном залоге (предпочтительна замена на активный залог, часто с подлежащим <i>we</i>) →

	корректировка перевода отглагольных существительных (частеречная замена или опущение) → членение нагруженных полипредикативных предложений
Шаг 4.	Улучшение стилистических характеристик текста
Шаг 5.	Проверка орфографии и пунктуации, согласования слов
Шаг 6.	Локализация (корректировка написания дат, формул, сумм и т. д.)

В целом можно признать, что обучение студентов выстраиванию таких алгоритмов работы с результатами применения автоматического перевода в САТ-системе (на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях) развивает у них так необходимую работодателю техническую компетенцию, помогает им находить решения в плане оптимизации своей работы через использование новых технологий и с опорой на имеющиеся у них теоретические знания, а также повышает удовлетворенность студентов содержанием образовательной программы и качеством получаемой профессиональной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабина О.И. Машинная переводимость русскоязычных научно-технических текстов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 5–14.
2. Безобразова Т.А. Влияние цифровых технологий на обучение переводчиков: от традиционного к цифровому подходу // Вестник науки. – 2024. – № 11(80). – С. 769–779.
3. Гринев-Гриневич С.В. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 51–64.
4. Гулиянц А.Б. Применение интегративного подхода в профессиональной подготовке переводчиков в вузе / А.Б. Гулиянц, С.Б. Гулиянц // Интеграция в образовании: проблемы и пути решения, Чебоксары, 24 сентября 2017 года. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. – С. 71–75.
5. Елизарова Л.В. Особенности (пост)редактирования перевода специализированных текстов / Л.В. Елизарова, А.Е. Березкина // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики : Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. – С. 135–142.
6. Иванова А.М. Стратегии предпереводческого анализа специализированных текстов, подлежащих переводу с применением систем автоматизированного перевода // Язык и культура в глобальном мире : сборник статей. – Санкт-Петербург : ООО Издательство «Лема», 2025. – С. 258–265.

7. Колесникова М.П. Влияние САТ-инструментов на качество и естественность перевода в бизнес-коммуникации // Litera. – 2025. – № 3. – С. 210–220.
8. ПР 50.1.027–2014 «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг». – Москва : Стандартинформ, 2014. – 16 с.
9. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 марта 2021 г. № 134н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области перевода». – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1879> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Сулейманова О.А. Технологический аспект подготовки современного переводчика / О.А. Сулейманова, Э.В. Нерсесова, Е.М. Вишневская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 313–317.
11. Хангерева А.Б. Современные тенденции в обучении переводу // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 03(101). – Режим доступа: <https://scipress.ru/phiology/articles/sovremennye-tendentsii-v-obuchenii-perevodu.html> (дата обращения: 23.10.2025).
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – Москва : Наука, 1988. – 214 с.

УДК 811.134.2

Г.А. Иоакимиди

*ст. преподаватель кафедры западноевропейских
языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»
(г. Пятигорск)*

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ КУЛЬТУРНО- МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация: Статья посвящена проблеме непереводимости культурно-маркированных единиц (реалий) в художественных и аудиовизуальных текстах. На материале фильма «За кровь платят кровью» (1993, США) рассматриваются типы реалий, характерных для чикано-культуры, а также трудности их передачи в русском дубляже и субтитрах. Анализируются этнические, социальные, тюремные и историко-культурные элементы, составляющие уникальную языковую картину мира, которая создается в фильме. Особое внимание уделяется переводческим стратегиям – прямому заимствованию, калькированию, функциональной замене и компенсации – и их эффективности при передаче семантики, pragmatики и культурной окраски реалий. Автор приходит к выводу, что комплексный подход, учитывающий культурный контекст и социальную специфику, является необходимым для адекватного перевода культурно-маркированных единиц.

Ключевые слова: культурно-маркированные единицы, чикано-культура, аудиовизуальные тексты, субтитры, этнические обращения, тюремный сленг, переводческие стратегии.

Abstract. The article addresses the problem of untranslatability of culture-specific items (realia) in literary and audiovisual texts. Using the film *Blood In, Blood Out* (1993, USA) as source material, it examines the types of realia characteristic of Chicano culture, as well as the difficulties involved in rendering them in Russian dubbing and subtitles. The study analyzes ethnic, social, prison-related, and historical-cultural elements that constitute the unique linguistic worldview created by the film. Special attention is given to translation strategies – borrowing, calquing, functional substitution, and compensation – and to their effectiveness in conveying the semantics, pragmatics, and cultural connotations of realia. The author concludes that a comprehensive approach that takes into account the cultural context and social specificity is essential for the adequate translation of culture-specific units.

Key words: culture-specific items, Chicano culture, audiovisual texts, subtitles, ethnic terms, prison slang, translation strategies.

Перевод культурно-маркированных единиц (реалий) представляет собой крайне непростую задачу для любого переводчика художественных и особенно аудиовизуальных текстов. Реалии – это слова и выражения, обозначающие предметы, явления и элементы культуры, не имеющие прямых соответствий в другой языковой системе. В кинофильмах, отражающих этническую, социальную или субкультурную среду, проблема непереводимости проявляется особенно остро.

В данном исследовании мы опираемся на текст фильма «За кровь платят кровью» (1993, США), который представляет одну из наиболее ярких кинематографических реконструкций чикано-культуры – уникального сочетания мексиканских традиций, уличной субкультуры Лос-Анджелеса и американской пенитенциарной системы. В языке персонажей активно используются реалии, связанные с этнической идентичностью, иерархией банд, тюремными ритуалами, а также элементы испанского языка, служащие маркерами принадлежности. Адекватность их перевода на русский язык вызывает значительные трудности, поскольку русскоязычный зритель часто не обладает соответствующими фоновыми знаниями культурных аспектов, представленных в зарубежных фильмах.

Цель данного исследования – описать типы реалий, встречающиеся в кинокартинах, и рассмотреть проблемы их передачи в русском дубляже и субтитрах. Реалии как лексические единицы, обозначающие уникальные предметы или явления определённой культуры, имеют свои особенности и отличаются:

- отсутствием прямого аналога в языке перевода,
- привязкой к конкретной этнической среде,
- практической значимостью,

- высокой степенью культурной маркированности [1].

Приведем примеры, взятые из фильма, которые иллюстрируют возможное разделение всего разнообразия реалий на традиционные группы:

Бытовые реалии (еда, одежда, предметы)

(*пончо, lowrider – машины, barrio – татуировки, altar – домашний алтарь*)

Этнографические реалии

(ритуалы, традиции) (*ритуал инициации в Vatos Locos, «La Onda por vida» как клятва, Día de los Muertos-атрибуты*)

Социальные реалии (иерархии, должности, обращения)

(*vato, ese, carnal, homes; mero mero – лидер группы; la jura – полиция*)

Исторические реалии (названия группировок, событий)

(*La Onda, Vatos Locos, East Los barrio; упоминания мексиканско-американского наследия*)

Организационные реалии (тюремные, уличные структуры)

(*greenlight – «разрешение на убийство», la pinta – «тюрьма, shank – «заточка», tier – «тюремный блок»*)

Обратимся к понятию непереводимости. Так, Ю. Найда говорит о динамической эквивалентности: нельзя перевести форму, но можно передать эффект [2]. П. Ньюмарк различает семантическую и коммуникативную стратегии [4]. М. Бейкер выделяет культурную непереводимость – отсутствие сходного явления в культуре получателя [3].

В случае с кинофильмом «За кровь платят кровью» многие элементы сленга и испанские слова относятся именно к этой категории.

В историко-культурном контексте фильма ярко проявляются национальные черты чикано-культуры. Чикано – это потомки мексиканцев, проживающих в США. Их культура представляет собой смешение мексиканских традиций, английского языка, испанской лексики, уличных норм поведения. Лингвистическое пространство фильма насыщено код-свитчингом и этническими реалиями (*vato* (парень, чувак), *ese* (ей), *carnal* (брата), *firme* (классный, крутой)).

Значительная часть сюжета разворачивается в тюрьме Сан-Квентин, где формируются внутренняя иерархия, специализированная лексика (*la pinta – тюрьма, зона, greenlight – право на совершение убийства, shank – заточка*), ритуалы группировки *La Onda* (волна).

Эти реалии не имеют русских аналогов и требуют дополнительных стратегий перевода. Рассмотрим типологию реалий в фильме и трудности их перевода.

Социальные и этнические обращения *vato, ese, homes* (брата, земляк), *carnal* отражают степень близости, статус и принадлежность. Проблема перевода состоит в том, что русский язык не имеет устойчивой системы этнических обращений → дубляж заменяет «парень», «брать», «эй», сглаживая культурную специфику [5].

Приведем примеры организационных и тюремных реалий:

greenlight – разрешение на убийство члена банды,
la jura / la placa – полиция,
mero mero – лидер тюремной иерархии.

Проблема перевода заключается в том, что эквиваленты в русском языке не отражают специфики американской тюремной структуры.

В киноленте звучат различные ритуальные призывы и лозунги типа:

Vatos Locos forever

Viva la Onda

При дубляже они звучат как «*Парни навсегда*», «*Да здравствует волна!*”

В действительности теряется название банд. В субтитрах их форма сохраняется, но может быть непонятна без комментариев.

Достаточно сложный случай перевода представляют собой слова с эмоциональной окраской, такие как *órale* (ладно, договорились, добро), *chale* (да ну, нет конечно), *simón* (безусловно, само собой) или, так называемые, маркеры эмоций. Русские междометия не передают этнической окраски, и поэтому нарушается присутствующий в отдельных сценах эмоциональный фон.

Рассмотрим далее переводческие стратегии и их эффективность при осмысливании культурно-маркированной лексики. Можно предложить использовать:

- *прямое заимствование*

Сохранение оригинальных вариантов *carnal*, *vato*, позволит не утратить колорит, но зрителю необходимо знать весь контекст фильма.

- *калькирование*

Остается структура, но теряется культурная значимость ритуала, как в следующем примере: *Blood in, blood out* → «Вход кровью, выход кровью» (инициация в ряды банды подразумевает под собой совершение убийства неугодного для банды человека, а смерть самого члена банды – единственный способ покинуть ее).

- *функциональная замена*

При таком переводе *greenlight* → «приговорили» смысл остается понятен, но исчезает специфический жargon.

- *компенсация*

При потере испанизма переводчик добавляет другой этнокультурный элемент. Данный прием используется редко, но эффективен при передаче экспрессии.

Мы склонны полагать, что, по аналогии с культурно-маркированной лексикой в других источниках и в других языках, реалии фильма «*За кровь платят кровью*» (1993, США) формируют культурное пространство чикано-сообщества, отражают его историю, социальную организацию и эмоциональный код. Их перевод на русский язык представляет собой сложную задачу из-за отсутствия прямых эквивалентов, различий в социальных структурах и непривычных для русского языка этнических маркеров.

Анализ показал, что дубляж склонен к нормализации и утрате этнокультурного содержания, тогда как субтитры лучше сохраняют форму

реалий, но не всегда передают pragmaticальные отношения. Наиболее эффективными стратегиями являются сочетание заимствования и функциональной замены с умеренной компенсацией.

Таким образом, проблема непереводимости реалий в фильме требует комплексного подхода, учитывающего не только семантику, но и культурный контекст, социальную принадлежность персонажей и эмоциональную функцию каждой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки русской культуры, 2004. – 883 с.
2. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114-137.
3. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – London; New York: Routledge, 1992. – 296 p.
4. Newmark P. Approaches to Translation. – Oxford; New York: Pergamon Press, 1981. – XIII, 200 p.
5. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – London; New York: Routledge, 1995. – XII, 353 p.

УДК 81'255

E.B. Кадун

студент 1 курса НОУ ВО «СПбГУП»

(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Е.В. Волкова

канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка

НОУ ВО «СПбГУП»

НЕВЕРНАЯ ПЕРЕДАЧА ПОЛА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ КАК ТИПИЧНАЯ ОШИБКА НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация: Статья посвящена проблеме перевода текстов песенного дискурса, выполненного непрофессиональными переводчиками, работы которых находятся в открытом доступе в сети Интернет. На сегодняшний день популярность англоязычного и испаноязычного песенного дискурса среди русскоговорящих слушателей заставляет некоторых из них создавать переводы текстов иностранных песен. Недостаточные знания в области английского и испанского языков, а также в области теории перевода неизбежно приводят к совершению ошибок переводчиками-любителями. Одним из распространенных видов ошибок является смена пола лирического героя оригинала песни. В статье приведены результаты анализа непрофессиональных переводов текстов песенного дискурса на предмет наличия данной ошибки, представлены

примеры ее совершения с комментариями, предложены исправленные варианты перевода, а также даны рекомендации для минимизации случаев совершения данной ошибки.

Ключевые слова: песенный дискурс, непрофессиональный перевод, переводческая ошибка, лирический герой, лирическая героиня.

Abstract. The paper is focused on the problem of song discourse texts translation which is conducted by non-professional translators and is available for every user on the Internet. Currently the popularity of English and Spanish song discourse among Russian-speaking listeners inspires a particular number of them to create translations of foreign song texts by themselves. The amateur translators' lack of knowledge in the field of English and Spanish languages and of translation theory inevitably leads to translation mistakes. One of the popular type of mistakes specific to song discourse translation is the change of protagonist's sex of the original text. The study includes analysis of non-professional song discourse texts translations aimed at finding this type of mistake, examples of the error with comments, correct options for translations and recommendations on avoiding of this type of translation error.

Key words: song discourse, non-professional translation, translation mistake, man protagonist, woman protagonist.

На сегодняшний день песенный дискурс представляет собой актуальное для лингвистических исследований проблемное поле. Большой интерес исследователей объясняется широкой популярностью данного вида дискурса, так как прослушивание песен на родном и иностранных языках стало не только видом досуга, но и материалом для творчества, в особенности для совершения переводов текстов песен. На сегодняшний день существует ряд переводов текстов песенного дискурса, опубликованных в сети Интернет и совершенных непрофессиональными переводчиками, которые нередко совершают ошибки в своих работах. Таким образом, частота совершения ошибок переводчиками-любителями объясняет актуальность данного исследования.

Существует несколько определений песенного дискурса. Ю.Е. Плотницкий под песенным дискурсом понимает совокупность лирических текстов, «разнообразие которых обусловлено pragматическими, социокультурными и психологическими особенностями как авторов, так и ситуации предъявления песенного текста адресату» [5; 182]. Л.Г. Дуняшева определяет песенный дискурс как «текст песен в совокупности с контекстом их создания и интерпретации» [1; 157]. Общим для определений песенного дискурса является упоминание текста и контекста его создания. Характерной особенностью данного вида дискурса являются наличие временного, исторического, социокультурного и эмоционального контекстов создания текстов, а также высокий уровень эмотивности лингвистических единиц.

К особенностям перевода текстов песенного дискурса Ю.М. Кисткина относит необходимость передавать эстетическую и эмоциональную

информацию оригинала. По мнению исследователя, данная цель может быть достигнута преимущественно путем перевода стилистических средств оригинала текста [2; 149]. Перевод текстов песенного дискурса также имеет сходство с переводом поэзии, в отношении которой М.Л. Лозинский считал важным сохранить баланс между передачей формы и содержания исходного текста и находил выполнение данной задачи признаком мастерства переводчика. По мнению М.Л. Лозинского, при переводе поэтического текста возможны незначительные отступления от содержания оригинала в целях передачи его формы [3; 1].

В отношении текстов песенного дискурса среди переводчиков-любителей существует две стратегии перевода: 1) перевод без сохранения ритмического рисунка оригинала; 2) перевод с сохранением стихотворной формы текста. Однако вне зависимости от выбранной стратегии переводчики-любители совершают ошибки в своих работах.

Одной из распространенных ошибок, характерных для непрофессионального перевода текстов песенного дискурса, является изменение пола лирического героя песен. В рамках исследования был проведен анализ 130 переводов песен с английского и испанского языков на русский и найдено 386 ошибок. Ошибочность выбранной переводчиком стратегии определялась на основе утверждения Р.К. Миньяр-Белоручева о том, что переводческая ошибка заключается в несоответствии перевода оригиналу [4; 131]. Количество случаев неверной передачи пола лирического героя составляют 7% от общего количества найденных ошибок, и данный вид ошибки характерен только для перевода текстов песенного дискурса. Он заключается в неверной передаче лица, от которого или о котором идет повествование в песне. Данная оплошность имеет грубый характер не только потому, что представители женского и мужского пола имеют разные взгляды и реакции на одно и то же событие, но и потому, что общество ожидает такового от них. В результате перевод оказывается несоответствующим исходному тексту. Пример:

Quésuerte la que yo tuve // El día que la enconré [14] Пер.: *Какая удача мне выпала, // В тот день, когда я нашла тебя* [11].

Данный пример взят из перевода песни испанской певицы Розалии «QUÉ NO SALGA LA LUNA», которая входит в альбом «El Mar Querer». На написание данного альбома автора вдохновили произведения классической испанской литературы, в особенности пьеса Габриэля Гарсии Лорки «Кровавая свадьба». Каждая песня альбома представляет собой отдельную главу истории о любви юноши к прекрасной девушке, после свадьбы с которой его начинает одолевать сильная ревность, которая также доставляет страдание и девушке. Особенность истории написания альбома должна учитываться при выполнении перевода, так как в зависимости от песни повествование ведется либо от лица девушки, либо от юноши. В данном примере лирический герой в день своей свадьбы выражает радость тому, что повстречал свою невесту. Исправленный

вариант перевода: «Какая удача мне выпала, // В тот день, когда я повстречал тебя».

Следующий пример также взят из перевода песни упомянутого нами выше альбома:

Tan fría como la nieve // Cuando cae desde el cielo [13] Пер.: **Такой холодный, как снег, // Когда падает с неба** [10].

Несмотря на то, что каждая песня исполняется певицей, а не певцом, некоторые главы содержат в себе тексты, исполняемые от лица юноши. В приведенном примере лирический герой описывает молодую девушку, красота и скромность которой заставили его влюбиться в нее с первой встречи. Переводчику необходимо передать факт того, что юноша влюбился первый, чтобы в переводах последующих песен проиллюстрировать, как любовь может обратиться в изнуряющую ревность. Исправленный вариант перевода: «Холодная, как снег, // Падающий с неба».

De sangre por el suelo // He dajao un reguero [12] Пер.: **Крови на полу // Я оставил след** [9].

Данный фрагмент взят из перевода песни того же альбома, однако повествование песни ведется от лица девушки. После свадьбы юношу стали мучать приступы сильной ревности, поэтому он решил запереть свою молодую жену дома, чтобы никто не видел ее красоты. Лирическая героиня смотрит на след своей крови на полу и вспоминает о тех днях, когда ее возлюбленный был полон любви и нежности к ней и не был с ней так жесток. Исправленный вариант перевода: «Крови на полу // Я оставила след».

I know that dress is karma, perfume regret // You got me thinking 'bout when you were mine, ooh [7] Пер.: **И платье словно карма, парфюм все тот, // Ты начал вспоминать как было все** [15].

В исходном тексте от лица лирического героя рассказывается о девушке, которая не испытывает к нему настоящей любви, а всего лишь хочет от него внимания. Лирический герой вспоминает о проведенном вместе времени и убеждается в правильности своего решения прекратить данные романтические отношения. Чувства, переживаемые во время утраты романтических отношений, могут разниться в зависимости не только от темперамента, но и от пола. Соответственно, замена лирического героя в качестве рассказчика на героиню является грубой ошибкой, искажающей оригинал текста песни. Исправленный вариант перевода: «И платье словно карма, парфюм все тот, // Я начал вспоминать как было все».

Hello from the outside, // At least I can say that I've tried [6] Пер.: **Привет из других миров, // По крайней мере, был готов я сказать** [8].

Лирическая героиня оригинала песни рассказывает о том, как она пытается связаться со своим возлюбленным после давней серьезной ссоры. Сюжет о женщине, первой извиняющейся в ссоре, нетипичен для представителей как англоговорящей, как и русскоговорящей культур, и тем не менее он встречается. Чувство раскаяния может по-разному переживаться женщиной и мужчиной, в связи с чем изменение пола лирической героини

исходного текста песни при переводе приводит к искажению оригинала. Исправленный вариант перевода: «Привет с другой стороны, // Мои звонки тебе были отклонены».

Результаты анализа показали, что изменение пола лирического героя является ошибкой, свойственной любительским переводам текстов песенного дискурса. Причинами совершения данной ошибки являются как незнание контекста создания песен, так и адаптация текстов к индивидуальности переводчика, исполняющего свой перевод, то есть переводчики-любители передают личность лирического героя или героини в соответствии со своей принадлежности к полу, а не в соответствии с полом, подразумеваемым автором песен. Во избежание случаев совершения данного рода ошибок непрофессиональным переводчикам рекомендуется изучать контекст написания песен и уважительно относиться к личности автора, сохраняя при переводе определенные им особенности личности лирического героя или героини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуняшева Л.Г. Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – № 6. – С. 158-167.
2. Кисткина Ю.М. Особенности перевода песен в кинофильмах // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 146-159.
3. Лозинский М.Л. Тезисы доклада М. Лозинского «Искусство стихотворного перевода». – М.: стеклогр. Цедрама, 1935. – 3 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
5. Плотницкий Ю. Е. Пространство англоязычного песенного дискурса // Язык в пространстве и времени: тезисы и материалы Международной научной конференции 29-30 октября 2002 г. Часть 1. – Самара: Изд-во Самарского гос. пед. Университета, 2002. – С. 182-185.
6. Adele – Hallo Lyrics. – Режим доступа: <https://genius.com/Adele-hello-lyrics> (дата обращения: 08.02.2025).
7. Charlie Puth – Attention Lyrics. – Режим доступа: <https://genius.com/Charlie-puth-attention-lyrics> (дата обращения: 08.02.2025).
8. Hallo Adele (Cover in Russian/ Кавер, перевод на русском) – Bunny Roy Project. – Режим доступа: <https://ya.ru/video/preview/9242497776430893628> (дата обращения: 08.02.2025).
9. MALDICIÓN (Cap.10: Cordura) – Rosalia перевод на русский. – Режим доступа: <https://lyrhub.com/track/Rosalia-2/MALDICIÓN-Cap-10-Cordura/translation/ru?ysclid=m88lieft20825091787> (дата обращения: 09.02.2025).
10. PIENSO EN TU MIRÁ – Cap.3: Celos – Rosalía перевод на русский. – Режим доступа: <https://lyrhub.com/track/ROSALÍA-4/PIENSO-EN-TU-MIRÁ-Cap-3-Celos/translation/ru?ysclid=m868kmhh87202488588> (дата обращения: 09.02.2025).

11. QUE NO SALGA LA LUNA (Cap.2: Boda) – Rosalia перевод на русский. – Режим доступа: <https://lyrhub.com/track/Rosalia-2/QUE-NO-SALGA-LA-LUNA-Cap-2-Boda/translation/ru?ysclid=m84wq1x111776850558> (дата обращения: 09.02.2025).

12. Rosalía – Maldición Lyrics. – Режим доступа: <https://genius.com/Rosalia-maldicion-cap10-cordura-lyrics> (дата обращения: 09.02.2025).

13. Rosalía – Pienso En Tu Mirá Lyrics. – Режим доступа: <https://genius.com/Rosalia-pienso-en-tu-mira-cap3-celos-lyrics> (дата обращения: 09.02.2025).

14. Rosalía – Qué No Salga La Luna Lyrics. – Режим доступа: <https://genius.com/Rosalia-que-no-salga-la-luna-cap2-boda-lyrics> (дата обращения: 09.02.2025).

15. Клава транслейт Attention Charlie Put (Автор Клава Кока). – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/a7fe10a52ec8a1498a3781918b163e7e/> (дата обращения: 08.02.2025).

УДК 811.161.1

Р.Н. Канафиев

*канд. филол. наук, доцент центра русистики и
международного образования ФГБОУ ВО «ИГУ»*

(г. Иваново)

Г. Реймбаева

*магистрант центра русистики и международного образования
ФГБОУ ВО «ИГУ»*

ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА

Аннотация: Статья посвящена анализу и описанию состава основных тематических групп заимствований в русскоязычной терминологии зимних видов спорта. Отдельное внимание уделено переводческим трансформациям при переходе слова из исходного в переводящий язык. Использование подобных заимствований способствует адаптации русского языка к мировым стандартам, облегчают межкультурное взаимодействие и отражают национальные особенности формирования национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: заимствованная лексика, спортивная терминология, переводческие трансформации

Abstract: The article is devoted to the analysis and description of the composition of thematic groups of borrowings in Russian terminology for winter sports. Special attention is paid to translation transformations when a word transitions

from its source language into the target one. The use of such borrowings contributes to adapting the Russian language to global standards, facilitates intercultural communication, and reflects national peculiarities in shaping the national linguistic picture of the world.

Keywords: borrowed vocabulary, sports terminology, translation transformations

Лексика зимних видов спорта представляет собой многообразное языковое поле, в котором значительное место занимают заимствования. Это обусловлено глобальным характером современного сообщества и его подъязыка, где ведущие позиции занимают термины, пришедшие из языков народов-«изобретателей», языков-доноров (английского, немецкого, французского и ряда скандинавских).

Зимние виды спорта, такие как *лыжи, конькобежный спорт и хоккей*, имеют богатую историю, уходящую корнями в глубину веков, но кроме того в их рамках функционирует широкий ряд спортивных терминов, представляющих собой заимствования [2]. Их развитие было тесно связано с климатическими условиями и культурными традициями тех регионов, где они наиболее популярны. Языковые заимствования в лексике зимних видов спорта стали неотъемлемой частью их эволюции, отражая культурные обмены и глобализацию.

Для понимания и анализа феномена заимствований в лексике зимних видов спорта, важно рассмотреть несколько семантических направлений, по которым они происходят: *техническое оборудование, правила и техника, названия дисциплин и культурное влияние*. Представляется вполне уместным для компактного описания материала проанализировать состав именно таких конкретных тематических групп заимствований.

Зимние виды спорта начали развиваться в регионах с устойчивыми снежными покровами. *Лыжи*, например, впервые появились в Скандинавии как средство передвижения и охоты (около 5000 лет до нашей эры). *Лыжные навыки*, передаваемые из поколения в поколение, позднее заложили основу для спортивных соревнований. *Конькобежный спорт* начал формироваться в Северной Европе в древности в областях с замерзшими водоемами.

Становление зимних видов спорта имело значительное влияние на их терминологию, включая заимствования из различных языков. Скандинавское влияние на лыжный спорт, например, проявляется в использовании таких терминов, как «*слалом*» или «*тэлемарк*». «*Слалом*» происходит от норвежского слова «*slalåm*», описывающего технику быстрой езды вниз по склону с активным изменением направления. «*Тэлемарк*», обозначающий стиль лыжного катания, также происходит из Норвегии, региона Telemark, где такой способ катания был популяризирован.

Конькобежный спорт заимствовал множество терминов из голландского языка, что обусловлено популярностью этого спорта в Нидерландах. Слова, такие как «*апел*» (opel) – особый стиль катания, сохраняются в международной практике, подчеркивая голландское влияние. Хоккей, благодаря канадскому

происхождению, также заимствовал обширный словарный запас из английского языка. Специфические термины игры, такие как «бросок», «паузер-плей», «хэт-трик», происходят из английской лексики и остались в международной практике. Это связано с влиянием Англии и ее культурной экспансиией в период колонизации.

Международные соревнования способствовали распространению и закреплению заимствованных терминов в лексике зимних видов спорта. Олимпийские игры, начиная с первых современных игр 1896 года, стали площадкой для обмена опытом и культурными традициями. Представители различных стран привозили с собой не только спортивные навыки, но и языковые особенности, что привело к появлению смешанной спортивной лексики. На таких мероприятиях, как зимние Олимпийские игры, происходит активный обмен терминами, которые затем находят свое место в международной практике.

Глобализация, и особенно развитие средств массовой информации и интернета, также способствовали распространению заимствованных терминов. Спортивные репортажи, статьи, документальные фильмы, блоги, социальные сети и трансляции соревнований помогли закрепить заимствованные слова и термины в сознании международной аудитории. Таким образом, многие из них стали частью стандартной международной спортивной лексики.

Помимо соревнований, культурные обмены и миграции также способствовали появлению и распространению заимствованных терминов. Например, переселение людей из регионов с развитой лыжной культурой в другие части мира способствовало распространению терминологии и техник. Миграция позволила не только расширить лексический диапазон зимних видов спорта, но и усовершенствовать практики и стили. Заимствованная лексика, основанная на культурных традициях, обогатила локальные языковые ресурсы и стимулировала лингвистическое разнообразие.

Культурные и исторические корни заимствований в лексике зимних видов спорта демонстрируют сложное переплетение традиций, миграций и международных обменов, которое повлияло на формирование сегодняшней спортивной лексики. Эти заимствования не только обогатили язык, но и способствовали более глубокому культурному взаимопониманию между нациями и регионами.

Лексика зимних видов спорта неразрывно связана с техническими достижениями и инновациями, которые способствовали их развитию. Зимние виды спорта развивались под влиянием технических и технологических изменений, которые происходили в различных регионах мира. Лыжный спорт, конькобежный спорт и хоккей, как представители зимних видов спорта, не смогли бы достичь нынешнего уровня без внедрения технических новшеств. История заимствования названий техники и оборудования показывает, как развитие технических находок влияло на язык и культуру. Лыжи на протяжении веков перерабатывались и совершенствовались – от простых

деревянных конструкций до современных моделей с использованием композитных материалов.

В заимствованной терминологии можно выделить слова, описывающие различные типы лыж и их составляющие. Термины как «карвинговые лыжи» и «фристайл-лыжи» произошли из английского языка и закрепились в международной практике. «*Twin-tip*», характеризующий удвоение носков и пяток, пришел также из английского и стал знаком почтения к оригинальной модели, предложенной в США.

Конькобежный спорт, хоть и укоренился в традиционных ледовых испытаниях, претерпел значительные технические изменения. Современные коньки стали изготавливаться из скандинавских материалов, экспортованные по всему миру. Термины, такие как «клэп» (clap skate), произошли из нидерландского и английского языков иочно закрепились в спортивной лексике благодаря голландским новшествам и их популярности.

Хоккейное оборудование также подверглось значительным изменениям. Известные марки, такие как CCM и Bauer, доминируют на мировом рынке и определяют тренды заимствований. Термины для описания оборудования хоккея, такие как «щитки», «клюшка» и «вратарская маска», часто заимствуются из английского языка, откуда эти технологии зародились и распространились.

Культурные обмены, такие как международные соревнования и олимпийские игры, значительно повлияли на стандартизацию терминов, связанных с техникой и оборудованием. Олимпийские игры и другие чемпионаты мирового уровня стали площадками для широкого распространения и закрепления техник и названий оборудования. Здесь, в ходе активного культурного обмена, национальные термины заимствовались и адаптировались на различных языках. Кроме того, стандартизация терминов была совместной инициативой многих международных организаций и ассоциаций, стремящихся к унификации и облегчению понимания во всем мире. Международные федерации инкорпорировали заимствованные слова из разных языков, с целью обеспечить единообразие в применении технических новшеств и оборудования.

Компании-производители оборудования для зимних видов спорта сыграли ключевую роль в развитии и продвижении заимствованных терминов, регулярно вводя новшества и создавая оборудование, которое становится популярным по всему миру. Например, такие компании, как Salomon и Rossignol, способствовали распространению заимствований, связанных с лыжной техникой, благодаря инновационным продуктам и активному маркетингу. Эти компании инвестируют в исследования и разработку новейших технологий, тем самым способствуя распространению специфической терминологии. Они активно рекламируют свои достижения, используя международные площадки, что способствует внедрению их продукции на рынки других стран и закреплению заимствованных слов в лексических системах.

Спортивные клубы, учебные заведения и тренеры играют важную роль в освоении терминологии техники и оборудования. Они не только обучаются спортсменов новым методикам и навыкам, но и активно используют заимствованные термины, тем самым способствуя популяризации и закреплению этих слов.

В лексике зимних видов спорта наблюдается значительное количество заимствований, связанных не только с названием оборудования, но и с **правилами и техникой выполнения**. Эти термины часто становятся предметом международной стандартизации и культурного обмена, обеспечивая понимание и распространение спортивных практик по всему миру.

История зимних видов спорта полна примеров формирования и изменения правил, которые постепенно заимствовались в международной практике. Например, правила лыжных гонок, впервые разработанные в скандинавских странах, были адаптированы и приняты во всем мире.

Лыжные дисциплины, особенно беговые гонки, испытали значительное влияние скандинавских норм, таких как «классический стиль» и «свободный стиль», которые изначально получили распространение через международные соревнования, такие как Олимпийские игры. Конькобежный спорт также испытал влияние правил, разработанных в Европе и Северной Америке. Термины «mass–старт» и «драфтинг», которые характеризуют разные аспекты гонок, были заимствованы из английского языка и внедрены в международную терминологию.

Техника выполнения является важным аспектом обогащения лексики и развития зимних видов спорта. Заимствованные термины, такие как «аллея» (alley–oop) в сноубординге или «гринд» (grind) в фристайле, стали широко употребляемыми благодаря популяризации и распространению через медиа и соревнования. Эти термины вначале появились в среде экстремальных видов спорта, преимущественно в англоязычных странах, и были успешно интегрированы в практику зимних дисциплин. Сноубординг и фристайл, изначально выросшие из уличных и молодежных культур, активно заимствовали техники и термины из скейтбординга и серфинга. Эти мероприятия добавили новые элементы и обогатили спортивную лексическую практику благодаря культурному обмену и международной популярности.

Ключевым фактором в процессах заимствования стало международное сотрудничество, включающее проведение Олимпийских игр и мировых чемпионатов. Правила зимних видов спорта часто стандартизируются на международном уровне через совместные соглашения и комитеты. Это способствует не только унификации правил, но и распространению специфической терминологии. Заимствования названий правил и техники выполнения в лексике зимних видов спорта – это результат глобализации и культурного обмена. Исторические заимствования, культурное сотрудничество, международная стандартизация и влияние медиа способствовали интеграции и распространению терминов в спортивной практике.

Зимние виды спорта, как часть международного спортивного сообщества, активно взаимодействуют с различными культурными и языковыми традициями. Распространение и развитие зимних видов спорта сопровождается заимствованием **названий дисциплин**, что связано с необходимостью стандартизации и унификации на международном уровне.

Процесс заимствования названий дисциплин начался с популяризации зимних видов спорта в Европе и Северной Америке в конце XIX – начале XX века. Например, такие виды спорта, как *хоккей*, *биатлон* и *бобслей*, возникли в определенных культурных контекстах и постепенно распространялись по всему миру.

Название «*хоккей*» происходит от французского «*hoquet*», связанно с историей игры в Канаде. Это слово было адаптировано и стало универсальным для обозначения ледовой игры с шайбой. Биатлон, изначально происходивший из практики военных патрулей в Скандинавии, включает в себя дисциплины «лыжная гонка» и «стрельба». Название «*биатлон*» происходит от латинского «*bi*» (два) и «*athlon*» (состязание), что указывает на двуединство компонентов спорта. Таким образом, заимствование названия отражает специфику спорта и представляет собой объединение техники и физической подготовки.

Сноубординг и фристайл стали частью зимних Олимпийских игр относительно недавно и представляют собой интересные примеры взаимодействия различных культурных влияний. Многие из дисциплин в этих видах спорта имеют заимствованные названия, происходящие из английского языка. Например, такие термины, как «*джиббинг*» (*jibbing*) и «*халфпайп*» (*halfpipe*), первоначально использовались в скейтборде и серфинге. Номинация «*халфпайп*» происходит от формы конструкции, на которой выполняются трюки – она напоминает половину трубы. Аналогично, «*джиббинг*» описывает скольжение по различным поверхностям, что пришло из катания на доске. Эти термины стали международными и используются для обозначения соответствующих дисциплин в сноубординге и фристайле.

Проведение международных соревнований, таких как зимние Олимпийские игры, способствует внедрению заимствованных названий дисциплин в глобальную спортивную практику. Спортивные организации играют решающую роль в стандартизации и официальном утверждении названий. Это позволяет заимствованным названиям дисциплин быть официально признанными и использоваться для коммуникации между странами. Систематическое использование международных стандартов и заимствованных названий способствует единообразному восприятию правил и структур соревнований. Это упрощает организацию спортивных мероприятий, обеспечивает прозрачность и способствует более широкому участию стран.

Заимствования названий дисциплин в лексике зимних видов спорта – это сложный процесс, отражающий взаимодействие культур и необходимость стандартизации. Исторические заимствования, международные соревнования, образовательные программы и влияние масс-медиа способствовали

распространению и закреплению специализированной спортивной терминологии.

Заимствованные термины, попадая в русский язык, могут подвергаться **адаптации** с целью лучшей ассимиляции и понимания среди говорящих. Традиционно, под переводческими трансформациями понимаются «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле». Такие изменения «осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [1; 172]. Здесь речь идет о формальных переводческих трансформациях терминов: **транскрипция, транслитерация и калькирование**. Заимствования подстраиваются под русский **фонетический** строй, становясь более адаптированными для носителей, например, «рэйсинг» трансформируется в «рейсинг».

Термины включаются в **лексико-грамматическую систему**, подчиняясь правилам русского склонения существительных, как «*сноубордиста*» (Р.п. от «*сноубордист*»).

Слова могут **расширять или сужать** значение. В таком случае при заимствованиях включаются переводческие трансформации генерализации и конкретизации. **Генерализация** подразумевает расширение значения заимствованного термина относительно исходного иностранного понятия. Русскому языку часто приходится адаптировать термин так, чтобы он охватывал большее количество явлений или применялся шире, чем в оригинальном значении: «*фристайл*» – в русском языке используется не только в случае акробатики на лыжах и сноуборде, но и в других дисциплинах наподобие плавания (ср. подобные случаи с *slalom* – слалом, *ski jumping* – прыжки с трамплина, *cross country* – любые беговые кросс-кантри гонки и др.).

Конкретизация сужает объем значения заимствованного термина, делая его применение специфичным в русскоязычном употреблении: например, *hockey* – термин «хоккей» изначально использовался широко и мог означать разные виды хоккея (настольный хоккей, хоккей на траве и др.). Однако в русской речи закрепилось значение именно ледового хоккея с шайбой; сочетание *figure skating* включало широкий спектр фигурного катания, но в российском спортивном лексиконе прочно закрепилась ассоциация исключительно с одиночным женским и мужским фигурным катанием, тогда как другие заимствования из того же вида спорта *ice dancing* – не любая форма танцев на льду, а отдельная дисциплина – парное катание.

Таким образом, заимствования в лексике зимних видов спорта играют значительную роль в формировании и развитии спортивного языка. Они не только вписываются в традиции русского языкового пространства, но и обеспечивают его адаптацию к современным глобальным стандартам. Исследование заимствований позволяет глубже понять процессы культурной и лексической интеграции, которые происходят в мире спорта, а также обеспечивает инструменты для эффективного межкультурного общения.

Отслеживание адаптации языками подобных иноязычных заимствований тесно связывает в языковедческом исследовании экстраглавиистические и лингвистические факторы, позволяет увидеть национальную специфику целого сегмента языковой картины мира, а также делает спортивную коммуникацию более унифицированной и доступной, способствуя укреплению международных спортивных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высш. шк., 1990.
2. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов: ок. 9500 терминов / сост. Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. – М.: СпортАкадемПресс, 2001.

УДК 81`373

ББК 1751

Е.И. Корниенко, М.В. Пивнева

Студенты 2 курса ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина
(г. Елец

Научный руководитель – Л.Н. Щербатых
канд. пед. наук, профессор кафедры восточных и европейских языков,
перевода и лингводидактики
ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина»

КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ИЗМЕНЯЮТ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

Аннотация: Данная статья исследует глубокое влияние социальных сетей на эволюцию современного английского языка. Анализируются ключевые направления трансформации: доминирование принципа лингвистической экономики (аббревиатуры, эмодзи, хештеги), стирание границ между устной и письменной речью и демократизация языковых норм. В статье рассматривается парадокс, при котором новые формы коммуникации, с одной стороны, обвиняются в упрощении языка, а с другой — признаются мощным катализатором его адаптации к цифровой эпохе. Делается вывод о формировании особого регистра — «сетевого английского» (Digital English), существующего параллельно с формальным языком, и подчеркивается важность развития «лингвистической гибкости» как ключевого навыка современного человека.

Ключевые слова: социальные сети, английский язык, эволюция языка, цифровая коммуникация, эмодзи, хештеги, лингвистическая экономика.

Abstract. This article explores the profound impact of social media on the evolution of modern English. It analyzes key areas of transformation: the dominance of the principle of linguistic economy (abbreviations, emojis, hashtags), the blurring of the boundaries between spoken and written language, and the democratization of language norms. The article discusses the paradox where new communication forms, on one hand, are accused of simplifying the language, while on the other hand, they are recognized as a powerful catalyst for its adaptation to the digital age. A conclusion is drawn about the formation of a specific register — "digital English," which coexists with formal language, and the importance of developing "linguistic flexibility" as a key skill for modern individuals.

of boundaries between spoken and written language, and the democratization of linguistic norms. The article examines the paradox whereby new forms of communication are accused, on the one hand, of simplifying the language, while on the other, they are recognized as a powerful catalyst for its adaptation to the digital age. The conclusion is drawn about the formation of a distinct register—«English»—which exists in parallel with formal language, and the importance of developing "linguistic flexibility" as a key skill for the modern individual is emphasized.

Keywords: social media, English language, language evolution, digital communication, emojis, hashtags, linguistic economy.

Развитие английского языка – процесс непрерывный, однако под влиянием социальных медиа-платформ (таких как X, Instagram и TikTok) он ускорился до невиданных темпов. Этот феномен, обусловленный необходимостью подстраиваться под лимиты символов и преобладание визуального контента, вызывает оживленные дебаты о его последствиях: является ли это органичным развитием языка или его редукцией? Мнения специалистов расходятся. В то время как лингвисты, подобные Дэвиду Кристалу, приветствуют появление новых, разнообразных форм выражения, другие исследователи выражают обеспокоенность деградацией английского языка под влиянием социальных сетей [4]. Они акцентируют внимание на избыточном употреблении аббревиатур, что, по их мнению, ведет к сужению используемой лексики и, как следствие, обеднению активного вокабуларя. Кроме того, высказываются опасения, что автоматическая проверка орфографии, вместо исправления неточностей, провоцирует рост числа ошибок в написании [1,3].

Среди зарубежных исследователей, анализирующих воздействие социальных сетей на английский язык, выделяется:

– Адам Алексич, автор книги «Algospeak: How Social Media Is Transforming the Future of Language». В своей работе он исследует, как пользователи социальных платформ изобретают новые языковые коды для обхода алгоритмов модерации контента.

– В своей работе «Because Internet» Гретхен МакКаллох подчеркивает, что интернет-язык подвержен стремительному устареванию, и сегодняшние тренды быстро становятся частью истории. Данная статья посвящена исследованию основных направлений воздействия соцсетей на английский язык.

1. Лингвистическая экономия: Краткость как императив. Одним из наиболее заметных изменений стало доминирование принципа языковой экономии. Twitter, с его ограничением по количеству знаков, стал идеальной площадкой для развития сверхкратких форм выражения [5]. Это привело к широкому распространению:

– сокращений и аббревиатур: для сохранения места и времени пользователи активно применяют выражения вроде «LOL» (громко смеюсь),

«BRB» (скоро вернусь), «IMO» (по моему мнению), которые вышли за рамки интернет-сленга и вошли в повседневную речь [4,5].

– эмодзи и стикеров: это яркий пример языковой экономии. Эмодзи заменяют целые фразы и сложные эмоции одним знаком, формируя новый визуальный язык, преодолевающий языковые барьеры 4].

– Хештеги (#): изначально инструмент для классификации, хештег стал мощным лингвистическим инструментом. Он позволяет присоединиться к глобальной дискуссии (#ClimateChange), выразить настроение (#MondayBlues) или создать мем (#ChallengeAccepted), часто с ироничным подтекстом [5].

2. Эта «экономия» не простое упрощение. Она требует от пользователя умения сжато выражать мысль и понимать контекст, стимулируя появление новых способов языкового творчества[4]. Размытие границ между устной и письменной речью. Социальные сети создали гибридный формат коммуникации, объединяющий характеристики устной речи со стабильностью письменного текста неформальность письма:

– публикации и комментарии пишутся в разговорном стиле. Это приводит к пренебрежению правилами орфографии и пунктуации («и» вместо «you», «gonna» вместо «going to») и намеренным ошибкам для передачи интонации («sooo gooood»).

– влияние устных паттернов на письмо: Форматы, такие как TikTok-видео с титрами, показывают, как ритм, паузы и интонации устной речи переносятся в письменный текст. Текст часто разделяется на короткие строки, имитируя речь, что меняет его визуальное восприятие.

– мемы как культурные и лингвистические единицы: Мемы представляют собой сложное сочетание изображения и текста. Фразы из популярных мемов (например, «They did surgery on a grape») становятся общепринятыми выражениями, понятными определенному культурному сообществу, усиливая роль культурного кода[5].

3. Демократизация языка: влияние снизу вверх. Соцсети демократизируют язык, разрушая иерархию, где нормы диктовали академики и СМИ [1,2] .

Новые слова (например, «selfie») возникают в интернет-сообществах и быстро становятся глобальными трендами, что требует пересмотра традиционных подходов к обучению. Глобальный характер соцсетей ускоряет проникновение слов вроде «етој» или «fiesta» в другие языки. В онлайн-сообществах (геймеров, криpto-энтузиастов) формируются свои лингвистические нормы, влияющие на майнстрим, что требует гибких образовательных стратегий. Важно рассматривать язык как динамичную систему. Соцсети порождают «сетевой английский» (Digital English), существующий параллельно с формальным языком. Важнейшим навыком становится умение переключаться между стилями в зависимости от ситуации [3].

В заключение, воздействие соцсетей на английский язык – это не разрушение, а ускорение его эволюции, в результате чего возникает новый язык [4,5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербатых Л.Н. Гуманитарная культура и иноязычное образование школьников: проблемы и перспективы – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 24.09.2025)
2. Щербатых Л.Н. Историко-теоретические предпосылки и тенденции развития зарубежных концепций детской одарённости – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 24.09.2025)
3. Щербатых Л.Н. Аксиологический и социокультурный подходы в обучении школьников иностранным языкам – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 24.09.2025)
4. Crystal, D. The Future of Language: The Digital Revolution. – In: The Routledge Handbook of Language and Digital Communication (eds. A. Georgakopoulou & T. Spilioti). – Routledge, 2022. – Pp. 15-28. (дата обращения: 24.09.2025)
5. McCulloch, G. Because Internet: Understanding the New Rules of Language. – Riverhead Books, 2019. (дата обращения: 24.09.2025)

УДК 81`362

М.И. Магомедов

канд.филол.наук, доцент кафедры восточных языков и культур

ФГБОУ ВО ПГУ

(г. Пятигорск)

П.М. Магомедова

канд.филол.наук, доцент кафедры восточных языков и культур

ФГБОУ ВО ПГУ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: В фокусе данного исследования уникальный лексико-грамматический класс эмотивно-экспрессивных и императивных единиц, не входящий в традиционное противопоставление знаменательных и служебных частей речи и представляющий значительную сложность для межъязыковой передачи. В рамках статьи проводится структурно-семантический анализ междометий двух типологически различных языков, раскрываются ядерные и периферийные элементы, выявляются принципы их организации и функционирования в дискурсе. Центральное место занимает систематизация и критический анализ дивергентных подходов к классификации междометий, представленных в русской и арабской лингвистических традициях. Особый

акцент делается на исследовании фундаментальной роли экстралингвистических факторов — интонации, контекста и речевой ситуации — в декодировании смыслового содержания этих единиц, что обуславливает их широкую полисемию в обоих языках. На основе проведенного сопоставления не только констатируются типологические схождения и расхождения, но и устанавливаются глубинные закономерности, определяющие их использование.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, функционально-семантическое поле, междометие, переводческие стратегии, межъязыковая эквивалентность, русский язык, арабский язык.

Abstract. This study focuses on a unique lexico-grammatical class of emotive-expressive and imperative units, which falls outside the traditional distinction between notional and functional parts of speech and presents significant challenges for cross-linguistic translation. The paper conducts a structural-semantic analysis of interjections in two typologically distinct languages, revealing their core and peripheral elements, examining the principles of their organization, and functioning in discourse. A central aspect involves the systematization and critical analysis of divergent approaches to the classification of interjections within the Russian and Arabic linguistic traditions. Particular emphasis is placed on investigating the fundamental role of extralinguistic factors — such as intonation, context, and the speech situation — in decoding the semantic content of these units, which accounts for their extensive polysemy in both languages. Based on the comparative analysis, the study not only identifies typological convergences and divergences but also establishes deeper patterns governing their use.

Keywords: contrastive linguistics, functional-semantic field, interjection, translation strategies, cross-linguistic equivalence, Russian language, Arabic language.

В общей системе классификации частей речи междометия занимают обособленное и во многом уникальное положение. Их коренное отличие от других слов, прежде всего, заключается в отсутствии назывной функции, поскольку они не обозначают предметы, признаки или действия, а служат для их эмоциональной оценки и непосредственного выражения внутренних состояний говорящего. Иными словами, междометия представляют собой речевые сигналы, эмоциональную реакцию коммуниканта («ух ты!», «ой!»), побуждения («стоп!», «брось!»), ментальную оценку ситуации («ба!», «вот тебе раз!») или выступают как средства привлечения внимания («эй!»).

Данная функциональная специфика напрямую определяет их синтаксическое поведение, поскольку они не встраиваются в грамматические связи внутри предложения и не выступают в роли подлежащего, сказуемого или второстепенных членов. Их синтаксическая роль, как уже было отмечено выше, сводится к функции обособленного высказывания-реакции или эмоционально-оценочного комментария к ситуации, что оформляется с помощью особой интонации и, как правило, восклицательного знака.

В контексте переводческой деятельности проблема корректной передачи междометий приобретает особую важность, поскольку эти единицы несут ключевую эмоционально-экспрессивную нагрузку высказывания. Создание последовательной и полной системы их классификации позволит преодолеть субъективизм в переводе и сделает возможным разработать методику анализа, при которой каждое междомение будет рассматриваться не изолированно, а через призму его конкретной коммуникативной функции, стилистической окраски и типичных моделях употребления.

Согласно мнению ученого А.А. Шахматова, междометия и междометные выражения разделяются на три группы:

1. Междометия, определяющие общее эмоциональное состояние говорящего и в большинстве случаев чувств, связанных с этими эмоциями, распознать такие ситуации помогает интонация говорящего, но иногда также необходим контекст для точного понимания значения того или иного междометия.

2. Группа междометий показывающие конкретные чувства («нет» для не согласия, отрицания, «ого» для того, чтобы показать удивления, «ах» для выражения удивления/сожаления, «тьфу» для выражения чувства отвращения или чувства разочарования и т.д.)

3. Междометия, показывающие приказание, требование, побуждение, обращенное к собеседнику или к любому живому существу, но и зачастую к неодушевленным предметам. [4; 86].

В свою очередь ученый В. В. Виноградов определяет несколько иные виды междометий, а именно:

1. Междометия для выражения эмоции и чувства: *ой, ну, ах, ого, ура...*

2. Междометия, описывающие эмоциональное состояние: *дело — табак! крышка! каюк! капут! плевое дело!*

3. Междометия, описывающие повеление: *вон! прочь! долой! полно!* (выражение «отстранения»); *ну! ну-ка!* (побуждение); *полно-полноте!* (убеждение); *на — нате!* (предложение); *брысь, брысь те! стоп! но! цыц! те! шиши!* (запрещение) и т. п.;

4. Междометия, помогающие показать эмоционально-волевое отношение к речи собеседника. Это междометия с оттенками модальности, а иногда модальные слова с оттенком междометий: *да! конечно!* (подтверждение); *нет!* (отказ); *вот еще! право!* (уверение);

5. Бранные междометия: *черт возьми! черт побери!* [1; 120].

А. Н. Тихонов отмечал: «Свойство междометий выражать очень разнообразный и порой довольно пестрый круг чувств (часто диаметрально противоположных, например, радость и горе, возмущение и восхищение и т. п.) определяется тем, что в реализации их лексических значений исключительно важную роль играют языковой контекст, ситуация речи, богатое интонационное оформление и жестовое, двигательное, а также мимическое сопровождение» [2; 74].

Для арабского языка характерна особая смысловая многогранность междометий, так как, данные лексические единицы здесь обладают высокой степенью полисемии, и одно и то же междометие может служить для выражения различных, а иногда и противоположных, эмоций или реакций. Конкретное значение в каждом случае не заложено в самой форме слова, а рождается непосредственно в речи под влиянием целого ряда факторов. Ключевую роль играют интонация говорящего, общий контекст высказывания и невербальное сопровождение (жест, мимика). Так, например, междометие *هـ*, в арабском языке, может обозначать как страдание или усталость, так и восхищение, согласие или лёгкое удивление, в зависимости от ситуации его использования и манеры произнесения.

Следует отметить, что статус междометий в арабской грамматике не имеет однозначного определения и продолжает оставаться объектом лингвистических дискуссий. В арабском языке их обозначают терминами: *أسماء الأفعال* «имена действий» и *أسماء الأصوات* «имена звуков». Эта классификация подчеркивает двойственную природу данных языковых единиц, поскольку они объединяют в себе глагольную семантику, указывающую на действие или состояние, со свойствами фонетической имитации звуков. Особенностью их функционирования является способность замещать глаголы в определенных коммуникативных ситуациях [3; 56]. Например, междометие *هـ* семантически эквивалентно глаголу *أتألم* «испытывать боль», а *أمين* имплицитно содержит значение *استحب* «взять мольбе».

Важно подчеркнуть, что в арабском языке существует подробная, многоуровневая система классификаций междометий. Основанием для этой классификации служит комплексный анализ, который учитывает два ключевых аспекта — грамматическое значение языковой единицы и её конкретную роль в коммуникативном процессе.

Исходя из этого, распределение междометий по классам происходит с учётом их системной связи с определёнными глагольными парадигмами, а также определяется типичными речевыми контекстами, в которых эти единицы регулярно используются.

Далее проведем подробный анализ арабских междометий, включающий рассмотрение их места в грамматической системе арабского языка, а также переводческий и сопоставительный анализ с соответствующими единицами русского языка.

1. *اسم الفعل الأمر* — императивные междометия.

Например, «*صـ*» имеет значение глагола *صمت* «молчать» в повелительном наклонении, т.е. мы можем перевести это междометие как «*цыщ!*», «*молчи!*», «*замолчи!*».

«*إـ*» имеет значение повелительного наклонения глагола *واصل* — «продолжать». В русском языке это междометие может иметь смысл «*Ну!*», «*Дальше!*», «*Продолжай рассказывать!*»

«رويدا» «مُهَل» — также опирается на повелительную форму глагола «مُهَل» - «действовать медленно, не спешить». На русский язык это междометие можно перевести «Тише!»

Также можно образовать междометие от самого глагола «مُهَل», «مُهَلًا» или «عَلَى مُهَلٍ» — «Тише!»

«أَمِين» имеет значение глагола «استجاب» — внимать мольбе, ответить на зов. В русском языке данной междометие не переводится, в основном есть различия в произношении, «Амин!» или «Аминь».

2. اسم الفعل الماضي — междометия с семантикой прошедшего времени (включают единицы выражающие завершённое действие или состояние).

Например, глагол «هيَات» — дословно «стал далеким» используется в качестве междометия в значениях «Вряд ли!», «Куда там», «Да ну!» (передает идею недостижимости).

«شَان» используется в значении «был различным; отличался» (передает контраст). В русском языке использование данного междометия возможно в следующих значениях «какая же разница».

«بَطَان» глагол имеет дословное значение «замедлился», «как медленно!».

3. اسم الفعل المضارع — междометия со значением настоящего времени (описывают текущие эмоции и физиологические реакции).

Например, междометие «أَفْ» — испытывать отвращение, неприязнь ^{أَه} (чувствую боль),

^{أَح} (кашель), ^{وَاهَا، وَا} (изумление, удивление),

^{بَخ} (одобрение, позитивная оценка) и др.

4) Зоокоммуникативные междометия. Специализированные единицы для взаимодействия с животными.

Например, ^{عَاه، هَاب} (команда для отгона верблюда), ^{نَخ} (приказ верблюду опуститься), ^{هَلا} (управление лошадьми), ^{هَوش، هَش} (команды для ослов), ^{دَج دَج} (подзыв домашней птицы) и др.

5) Ономатопоэтические единицы. Звукоподражательные слова, имитирующие акустические явления.

Например, ^{غَاق} (карканье вороны), ^{طَيْخ} (звук смеха), ^{طَق} (для выражения звука падающего камня) и др.

Исходя из вышесказанного следует, что классическая арабская грамматика часто рассматривала междометия как прямые заменители глаголов. Основанием для этого была их способность занимать в предложении ту же позицию, что и глагол. Однако, есть ряд учёных нового поколения, такие как Ахмед Кишк и Таммам Хассан, которые оспаривают эту точку зрения. Они выделяют три ключевых отличия междометий от глаголов, которые доказывают их самостоятельность.

Во-первых, междометия не спрягаются и не имеют грамматических категорий (времени, лица), в отличие от глаголов.

Во-вторых, их цель — не назвать действие, а мгновенно выразить эмоцию или волевой импульс говорящего.

В-третьих, они передают чувства с гораздо большей интенсивностью и непосредственностью, чем нейтральный глагол.

В свою очередь, ученый Ахмед Увайш (1982) (*أسماء الأفعال في اللغة والنحو*, 1982) выделяет два разряда междометий:

— إنشائي طلبي — волевые междометия (слова, выражающие волевое изъявление говорящего), например, حذار, إيه, مه, حيّل, رويدا, هلم; — إنشائي غير طلبي — эмоциональные междометия (слова, выражающие удивление, одобрение, порицание, клятву и т. д.). Этот разряд он, ссылаясь на Ибн Малика, подразделяет на семь групп: слова, выражающие скорбь, горе, печаль и т. п.; слова, выражающие удивление, изумление, возмущение и т. д.; слова, выражающие сожаление и т. п.; слова, выражающие одобрение, восхищение; слова, выражающие раскаяние, протест и т. д.; слова, выражающие вопрос, переспрос; слова, выражающие запрещение, неодобрение и т. д.

Таким образом, проведенное нами сопоставительное исследование функционально-семантических характеристик междометий в русском и арабском языках позволяет констатировать наличие как универсальных, так и идиоэтнических черт в их организации и функционировании. Несмотря на типологические различия между языками, наблюдается значительное сходство в принципах категоризации данных лексических единиц, основанных на их семантико-прагматическом потенциале. Выявленные различия в грамматической интерпретации междометий, их ориентация на глагольную парадигму в арабской лингвистической традиции против более широкого функционального подхода в русистике подчеркивают значение культурно-обусловленных факторов в описании языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Современный русский язык. Морфология / Под редакцией акад. – М.: Изд. Московского университета, 1952. – 520 с.
2. Тихонов А.Н. Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь. – 1981. – № 5. С. 72-76.
3. Чернов П. В., Справочник по грамматике арабского литературного языка. Москва, издательская фирма «Восточная литература» – РАН, 1995 г. С. 56-60.
4. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1947. – 745 с.

УДК 81.2

K.P. Набиуллина

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Научный руководитель – Е.В. Оботнина

канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной

коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу способов вербализации концепта «дружба» в русской и английской фразеологических картинах мира. Актуальность исследования обусловлена высокой ролью межкультурной коммуникации, для эффективного взаимодействия в рамках которой важным является понимание национально-культурной специфики актуализации базовых концептов. Методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических словарей был составлен корпус русских и английских фразеологизмов, вербализующих такой базовый концепт как «дружба». В результате их анализа выявлены универсальные и идиоэтнические черты в восприятии дружбы: русская фразеологическая картина мира акцентирует глубину, эмоциональную интенсивность и, в некоторой степени, сакральный характер дружеских уз, английская фразеологическая картина мира отражает больший pragmatism, ориентацию на социальный статус и формальные рамки отношений. Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию культурных детерминант, лежащих в основе фразеологического фонда, и могут быть учтены и применены в области переводоведения и межкультурной коммуникации, в том числе в туристическом бизнесе.

Ключевые слова: дружба, концепт, лингвокультура, межкультурная коммуникация, фразеология, фразеологическая картина мира.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the ways the concept «friendship» is verbalized in the Russian and English phraseological pictures of the world. The study is viewed as relevant due to the high role of intercultural communication, wherein understanding the national and cultural peculiarities of verbalizing the basic concepts is crucial for effective interaction. The sampling method has helped to compile a corpus of Russian and English phraseological units representing «friendship», which is one of the basic concepts. Their analysis has revealed both universal and idioethnic features in perceiving friendship. Thus, the Russian phraseological picture of the world emphasizes the depth, the emotional intensity, and a somewhat sacred nature of friendship, whereas the English phraseological picture of the world reflects it being more pragmatic, social status and

formal framework oriented. The results obtained can help to deeper understand the cultural determinants underlying the phraseological fund of the languages and can be considered and applied in the fields of translation studies, intercultural communication, and tourist business.

Keywords: concept, friendship, intercultural communication, linguoculture, phraseological picture of the world, phraseology.

Исследование фразеологических картин мира представляет особый научный интерес в условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов. Фразеологизмы, представляющие собой устойчивые языковые комплексы и, вместе с тем, неотъемлемую часть любой лингвокультуры, являются важным материалом для реконструкции национального менталитета, т.к. они хранят в себе исторический опыт, культурные ценности и особенности мировосприятия народа. В любой лингвокультуре концепт «дружба» как одна из базовых социально-этических категорий занимает важное место, а способы его вербализации во фразеологизмах отражают ценностные ориентиры общества [4; 217].

Под фразеологизмом, вслед за А.В. Куниным, в данном исследовании понимается «устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [2; 210]. При изучении языковых явлений важны концепты, отражающие ментальность народа, систему его ценностей. С точки зрения В.Н. Телия, концепт – это «продукт человеческой мысли и явление идеальное, следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт – он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [3; 122]. Концептуализация, с точки зрения Е.С. Кубряковой, – это «сквозной для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знания из неких минимальных концептуальных единиц»; она может «рассматриваться как живой процесс порождения новых смыслов» [1; 93]. Ученый считает, что процесс концептуализации связан с когнитивными трансформациями образов внешнего мира и с осмыслением «внутреннего мира человека» [1; 96].

Данное исследование ставит целью выявить и проанализировать способы актуализации концепта «дружба» в русской и английской фразеологических картинах мира, что предполагает отбор корпуса фразеологизмов, их семантический анализ и определение национально-культурной специфики восприятия дружбы.

Методом сплошной выборки фразеологизмов из фразеологических словарей русского [5] и английского [6] языков был отобран корпус фразеологических единиц, соотнесенных с концептом «дружба». Отбор производился по наличию в самом фразеологизме и/ или в его словарной дефиниции одного из следующих слов-маркеров, соотносящих фразеологизм с указанным концептом: друг, дружба, друзья, дружить, friend, friends, friendship. Количество фразеологизмов составило по 30 единиц для каждого языка.

Семантический анализ позволил выявить, что русскоязычная фразеологическая картина мира актуализирует концепт «дружба» через призму глубины, прочности и эмоциональной связи между друзьями. Концепт реализуется через семы надежности, долговечности, нерушимости. Например, фразеологизм *водой не разольешь* [5; 180] характеризует дружбу как некое единство, прочное и устойчивое к внешнему воздействию. Единицы *закадычный друг* [5; 180] и *чувство локтя* [5; 180] подчеркивают большое значение надежных и доверительных связей. Русская фразеология сохраняет отсылки к образам и ситуациям, восходящим к традиционным и религиозным обрядам. Например, фразеологизм *водить хлеб-соль* [5; 152] восходит к обычью с радостью встречать дорогих гостей, к традиции гостеприимства; фразеологизм *крестовый брат* [5; 77] означает человека, дружба с которым была скреплена обменом крестом. Примеры свидетельствуют о сакрализации дружеских уз, о восприятии дружбы как формы родства и о высокой эмоциональности отношений.

Англоязычная фразеологическая картина мира актуализирует концепт «дружба» в несколько ином ключе: выраженными являются семы прагматизма, социального статуса, формальных границ. Показательным примером является единица *a fair-weather friend* [6; 105], означающая человека, готового дружить с тобой, пока все хорошо, она прямо указывает на ненадежность и меркантилизм дружеских связей. Фразеологии *on friendly terms* [6; 244] и *friends in high places* [6; 123] акцентируют внимание не на эмоциональной составляющей дружбы, а на формальности дружбы и социальном статусе друга. В этом проявляется индивидуализм западной культуры.

Фразеологии, обозначающие искреннюю и глубокую дружбу, в английском языке тоже есть, например: *bosom friend* [6; 34], эта единица является аналогом фразеологизма *закадычный друг* в русском языке. Необходимо отметить, что дефиниция этого фразеологизма содержит стилистический маркер *lit (literary)*, который указывает на ограничение его употребления.

Несмотря на выявленные различия, во фразеологических картинах мира русского и английского языков существуют и универсальные элементы. Точкой соприкосновения является, например, сема времени, которое проверяет дружбу, во фразеогизмах *старый друг* [5; 442] и *old friend* [6; 180]. В обоих языках подчеркивается ценность длительных и проверенных связей, что свидетельствует о совпадении в восприятии мира в этих лингвокультурах.

Таким образом, русская и английская фразеологические картины мира не отрицают значимость дружбы как таковой, но демонстрируют ее внутреннюю специфику. В случае первой это эмоциональность, духовная близость и поддержка, в случае второй – взаимная выгода, уважение личного пространства и социальная обусловленность дружеских отношений. Исследование еще раз подтверждает, что культурные коды действительно находят отражение и выражение в языке. Знание подобных нюансов необходимо учитывать при межкультурной коммуникации во избежание недопонимания в диалоге.

Результаты исследования могут быть полезны для развития собственно фразеологии, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и переводоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с.
2. Куний А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 240 с.
3. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 288 с.
4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, 2008. – 771 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: [в 2 т.] / сост. А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов/ под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
6. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow: Longman, 1989. – 387 р.

УДК821.111

*А.Р. Нафикова
магистрант 1 курса ФГБОУВО «БГПУ им. М.Акмуллы»
(г.Уфа)*

*Н.В. Волкова
канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М.Акмуллы»*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОВЕСТИ НИЛА ГЕЙМАНА «КОРАЛИНА»

Аннотация: В данной статье исследуются специфика перевода ономастических единиц и их роль в произведениях жанра фантастики. Материал исследования – повесть Нила Геймана «Коралина». Подчеркивается, что имена собственные в этом жанре несут номинативную, смысловую, атмосферную и прогностическую функции. В работе приводятся основные подходы к переводу имен собственных с английского на русский язык согласно классификации отечественного лингвиста Л.М. Щетинина: транскрипция, транслитерация, калькирование, создание неологизма, описательный перевод и другие. На примере русскоязычного перевода «Коралины» (автор перевода Е. Кононенко) выявлено преобладание транскрипции для сохранения фонетического облика и оригинального звучания, а также калькирования для передачи ключевой семантики и авторского замысла. Исследование

демонстрирует, как данные способы перевода способствуют сохранению авторского замысла и адаптации произведения для русскоязычного читателя.

Ключевые слова: Нил Гейман, «Коралина», имена собственные, транскрипция, калькирование.

Abstract. This article examines the role and translation of onomastic units in Neil Gaiman's novel *Coraline*. It is emphasized that proper names in this genre have nominative, semantic, atmospheric and foreshadowing functions. The paper presents the main approaches to translating proper names from English into Russian according to the classification of the Russian linguist L.M. Shchetinin: transcription, transliteration, calque, creation of neologisms, descriptive translation and others. Using the example of the translation of "Coraline" by the Russian translator E. Kononenko has shown the predominance of transcription to preserve phonetic appearance and the original sound, as well as calque to convey key semantics and the author's intention. The study demonstrates how these strategies contribute to the preservation of the author's idea and the adaptation of the work for the Russian-speaking reader.

Key words: Neil Gaiman, "Coraline", proper names, transcription, calque.

Имена собственные в художественных произведениях жанра фантастики играют большую роль, чем обыкновенное обозначение имен персонажей и мест. Часто они несут в себе скрытый смысл и аллюзию. Благодаря именам собственным автор может создавать необходимую атмосферу, читатель – предвосхищать сюжетный поворот [3]. Порой простые на первый взгляд антропонимы и топонимы, например, играют ключевую роль в художественном произведении. Примером служит повесть «Коралина» английского писателя Нила Геймана. В данной работе мы рассматриваем основные подходы к переводу имен собственных с английского языка на русский.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре приводится следующее определение имени собственного: «Собственное имя (оним) слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1: 460].

Традиционно в переведоведении выделяют несколько подходов к переводу имен собственных. Советский филолог А.В. Федоров выделяет четыре основных способа перевода имен собственных: транскрипция, транслитерация, калькирование, транспозиция, либо возможна комбинация этих приемов [3: 147].

В своих работах по ономастике исследователь Л.М. Щетинин отмечает большее количество подходов к переводу: транскрипцию, транслитерацию, калькирование, полукальку, создание неологизма, уподобляющий перевод, описательный перевод[4].

Анализируя подходы к переводу имен собственных, можно выделить те приемы, которые получили наибольшее распространение и используются в переводческой практике. Среди них, несомненно, наиболее популярны транскрипция и транслитерация.

При переводе повести Нила Геймана «Коралина» переводчица Е.Кононенко использовала распространенный метод транскрипции, а также калькирование.

Транскрипция является широко применяемым подходом перевода для большинства английских имен. Он используется в том случае, когда имена не несут в себе ярко выраженной семантической нагрузки, цель метода – сохранить фонетическое звучание оригинала.

Стратегия калькирования применяется для перевода имен собственных, которые несут смысл необходимый для понимания сюжета произведения или характера персонажа.

Примерами транскрипции в исследуемом произведении являются:

1) Coraline – Коралина. В начале повести есть шутка о том, что многие персонажи называют главную героиню Кэролайн (Caroline). Несмотря на это, само имя Коралина не является «говорящим» в сюжете.

2) Miss Spink and Miss Forcible – Мисс Спинк и Мисс Форсибл. Хотя фамилии Spink (вращение) и Forcible (force—замах) связано с профессией сестер – они были актрисами бурлеска, переводчик прибегает к транскрипции. Выбор данного метода позволяет сохранить их «английское» звучание, не перегружает текст излишним прямым толкованием.

3) Mr.Bobo – Мистер Бобо. Благодаря транслитерации передается образ персонажа, т.к. в английском языке, точно так же как и в русском, имя соседа вызывает ассоциации с детским лепетом и клоунадой.

Приведем примеры калькирования имен собственных:

1) The Other Mother and The Other Father – Другая Мама и Другой Папа. Перевод имен антагонистов характеризует их сущность как чужих, из иного мира, полностью сохраняет авторский замысел.

2) The Cat – Кот. Стоит отметить, что у данного персонажа нет имени, но Коралина обращается к нему именно так. В данном случае транслитерация (Кэт) была бы нелогичной: в диалоге с Коралиной Кот утверждает, что у котов нет имени, поэтому обращение к спутнику как Кэту могло бы сбить с толку читателя, принявшего Кэта за конкретное имя, а не в качестве представителя семейства кошачьих.

В отличие от многих произведений жанра фантастики, «Коралина» не изобилует разнообразием вымышленных имен стран, городов и других географических объектов. Все действия разворачиваются на территории нового дома. Названия мест в произведении так же переведено с помощью калькирования:

3) The Other World (Другой Мир), The Other Place (Другое место), The Garden (Сад). Перевод other на русский язык сохраняет идею попадания в чужой, альтернативный и неправильный мир.

Имена собственные в художественных произведениях жанра фантастики являются ярким инструментом экспрессии. Данные лексические единицы выполняют номинативную, смысловую, атмосферную и прогностическую функции. Анализ перевода повести Н. Геймана «Коралина» показал, что при

работе с англоязычными именами собственными переводчик преимущественно использует следующий переводческий инструментарий – транскрипцию и калькирование. Транскрипция является эффективным способом, когда основная цель перевода – сохранение фонетического звучания имени и его узнаваемость. Перевод с помощью калькирование оказывается верным решением, когда имя собственное является «говорящим», следовательно его прямой перевод необходим для понимания сюжета. Работа переводчика в анализируемом тексте демонстрирует успешное и гибкое применение обоих методов. Переводчик умело выбирает инструмент в зависимости от характера названия, что свидетельствует о грамотном подходе к переводу имен собственных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. Ярцева В. Н. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Соколова Е.Ю. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте / Е. Ю. Соколова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 182-184. – EDN OZMXHD.
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учебное пособие. – М.: Высшая школа. 1983. – 303 с.
4. Щетинин Л.. Имена и названия / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1968. – 213 с.

УДК 81`25

М.Г. Ромашин

аспирант 2 курса РУДН, ООО «Научно-исследовательский институт
трубопроводного транспорта»
(г. Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация: Работа посвящена переводу научно-технического текста, как одного из типов специального текста и разновидностей научного стиля речи. Автором выполнен анализ текста подъязыка нефтегазовой отрасли на материале англоязычной научной статьи «Применение технологий искусственного интеллекта в системе мониторинга объектов месторождений нефти и газа» и ее перевода на русский язык. При выполнении перевода некоторых лексических единиц узкоспециализированных текстов могут возникать определенные сложности, для преодоления которых переводчики используют трансформации. Целью исследования является анализ лексико-грамматических трансформаций, используемых при переводе научно-технического текста нефтегазовой тематики, на примере современной научной

статьи на английском языке. В статье автором проведен обзор теоретических основ рассматриваемого вопроса в области лингвистики и переводоведения, а также найдено практическое применение исследовательской базы при выполнении перевода научной статьи на русский язык. Результатом практической части исследования являются: перевод статьи, анализ предложенного переводческого решения, обоснование использованных лексико-грамматических трансформаций, рассмотрение специфики перевода специальных текстов, подтверждение прямой зависимости типа используемых трансформаций от частей речи исходного языка и грамматических конструкций.

Ключевые слова: научно-технический текст, научный стиль, нефтегазовая отрасль, перевод, трансформация.

Abstract. The report is devoted to the translation of scientific and technical text as one of the types of special text and varieties of scientific style of the speech. The article, and its English-Russian translation, analyzed by the author, relates to the texts of the oil and gas industry sublanguage. The headline of the analyzed article is «The application of artificial intelligence technology in the safety monitoring system of oil and gas ground». Interpreters use translation transformations to overcome some difficulties in translating lexical units of texts, which the author has paid particular attention to. The aim of the study is to analyze lexico-grammatical transformations, used in the translation of the scientific and technical text of oil and gas topics, a modern scientific English-language article being a case study. The presented theoretical part is supported by examples from the article with detailed description to each type of translation's transformation.

Keywords: scientific and technical text, scientific style, oil and gas topic, translation, transformation.

В настоящее время научно-техническая литература играет важную роль как в развитии крупных отраслей промышленности, так и в распространении знаний в системе образования. Кроме того, научно-технические тексты позволяют донести информацию о научных достижениях в той или иной сфере деятельности до ученых и исследователей, способствуя развитию науки, а также дальнейшему распространению знаний.

В.Н. Комиссаров в одной из своих книг [4; 30] рассматривает перевод как сложный и многогранный вид деятельности человека. Хотя иногда процесс перевода в лингвистическом смысле можно трактовать как «межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке» [1; 6], но в действительности при детальном изучении самого процесса перевод – это не просто «переход от одного языка к другому». В данном случае сталкиваются не только различные языки, а также культуры и литературы, разные личности и склады мышления, разные уровни развития и эпохи. Если рассматривать непосредственно сам термин «перевод», то в различных источниках литературы можно увидеть несколько его значений, в зависимости

от уточнения объема этого понятия, тем самым раскрывая его содержание. А.Д. Швейцер рассмотрел несколько определений понятия «перевод», которые встречаются в различных источниках литературы, и провел довольно детальный сравнительный анализ трактовки данного понятия у разных авторов [6; 67]. В литературе прослеживается значительное изобилие интерпретации перевода: от понятия перевода, в основе которого заложены отношения между языковыми знаками, до определений, где в качестве ключевого понятия – текст; от рассмотрения перевода как линейного процесса до детализации его многомерности; от определений, в которых перевод – только языковая операция, до определений, содержащих рассмотрение предметной и сигнитивной функций. Все разнообразие по большей части объясняется развитием переводоведения, а также наличием различных взглядов на сущность перевода. Н.К. Гарбовский, выделяя признаки понятия «перевод», как объект теории, определяет данный термин как «общественную функцию коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [2; 214].

В настоящее время можно встретить различные определения понятия «переводческая трансформация», которые были даны известными лингвистами. В переводе с латинского *transformatio* – преображение, *transformare* – преобразовать, превращать и переводить. Если говорить о смысле, который вкладывается в понятие «переводческая трансформация», то, на наш взгляд, стоит обратить внимание на изучение данного термина Л.С. Бархударовым, который внес значительный вклад в переводоведение. Подчеркивается, что к переводческим трансформациям следует отнести многочисленные и качественно разобранные преобразования между языками, при реализации которых конечной целью становится переводческая эквивалентность, несмотря на различие и несовпадение в языковых средах формальных и семантических систем. В качестве синонима переводческой эквивалентности в литературе еще используется термин «адекватность перевода» [1; 118].

При переводе текстов, относящихся к научно-техническому стилю, чтобы добиться адекватного и эквивалентного перевода, необходимо применять лексические и грамматические трансформации.

К лексическим трансформациям относят приемы логического мышления, с использованием которых переводчику удается раскрыть значение рассматриваемого слова в контексте переводимого текста, в то время как значение слова на исходном языке не совпадает со словарным его значением на переводном языке. Грамматическими трансформациями называют преобразование структуры предложения при выполнении перевода текста с

учетом соблюдения норм переводного языка [5; 81]. Существует также комплексный вид трансформаций, называемый лексико-грамматическими. Для данного вида трансформаций преобразование включает в себя как лексические единицы исходного языка, так и его грамматические единицы, либо речь идет о межуровневом преобразовании, когда фиксируется переход между лексическими и грамматическими единицами в обоих направлениях. В настоящее время можно встретить несколько классификаций трансформаций, в зависимости от того, какие принципы взяты за основу. Классификация переводческих трансформаций, предложенная В.Н. Комиссаровым, включает в себя следующие приемы переводчика [3; 172]:

- 1) лексические трансформации (транскрибирование, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция);
- 2) грамматические трансформации (синтаксическое уподобление или дословный перевод, членение предложения, объединение предложений, грамматическая замена);
- 3) комплексные лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, описательный перевод или экспликация, компенсация).

При переводе текстов, как правило, лексические и грамматические трансформации встречаются не в «чистом виде», а прослеживается их сочетание. Обычно характер причин, по которым меняется конструкция того или иного предложения, носит лексический, а не грамматический характер. В то время как для решения задачи переводчика при работе с текстом и для достижения правильного и точного отражения в переводе качество переводческого решения во многом зависит от корректного выбора грамматической категории слова, его формы. Несмотря на это, Я.И. Рецкер считает целесообразным рассматривать грамматические трансформации отдельно, не акцентируя свое внимание на наполненности конструкций предложения лексическим содержанием [5; 81].

Рассмотрим более подробно трансформации, используемые переводчиками, на примере англо-русского перевода зарубежной статьи «Применение технологий искусственного интеллекта в системе мониторинга объектов месторождений нефти и газа» [7]. В качестве основы возьмем приведенную выше классификацию, предложенную В.Н. Комиссаровым [3; 172].

1. Лексические трансформации.

1.1 *Транскрибирование*. К данному виду трансформации относят преобразование текста с исходного на переводной язык с использованием перевода лексической единицы путем воспроизведения букв исходного языка на переводной. Приведем несколько примеров из текста статьи и их перевод на русский язык: «*system*» – система, «*diagram*» – диаграмма, «*visualization*» – визуализация.

1.2 *Транслитерация*. Яркий и довольно распространенный вид трансформации как в научно-технических текстах, в общем, так и в

рассматриваемой статье, в частности. Из довольно распространенных по тексту статьи примеров: «*computer*» – компьютер, «*factor*» – фактор, «*risk*» – риск.

1.3 *Калькирование*. Данный тип трансформации заключается в заменах составных частей слова (морфем) или слов целиком на их лексические соответствия в переведном языке путем создания новых слов или устойчивых сочетаний. Среди примеров, которые можно привести в рассматриваемом тексте: «*geophysical exploration*» – разведочная геофизика, «*machine translation*» – машинный перевод, «*schematic diagram*» – схематическая диаграмма.

1.4 *Конкретизация*. К данному типу трансформации следует отнести замену словосочетания либо слова с более широким значением на другую лексическую единицу, соответственно, но с более узким значением. При переводе текста зарубежной статьи выделим следующий пример: «*foreign researchers*» – зарубежные исследователи в нефтегазовой сфере.

1.5 *Генерализация*. К генерализации следует отнести преобразование в исходном языке лексический единицы с более ограниченным значением на лексическую единицу в переведном языке с расширенным значением. В тексте встречается следующий пример, который, на наш взгляд, следует отнести к данному типу трансформации при переводе. «*The geological and geomorphological characteristics of the oil region are complex, pipelines are arranged along highlands, rivers or motorways, and the landscape along the road is complex and fragmented*». В большинстве случаев строительства объектов геологические и геоморфологические характеристики региона характеризуются сложным строением, а трубопроводы довольно часто расположены вдоль естественных и искусственных препятствий, таких как реки или автомагистрали, в то время как стесненные условия эксплуатации вдоль дорог создают дополнительные сложности и постановку множества задач при строительстве.

1.6 *Модуляция (смысловое развитие)*. Данный тип трансформации предусматривает замену слова или словосочетания исходного языка на единицу переведного языка путем логического выведения значения из одного языка в другой. Приведем следующий характерный пример из текста. «*At present, a large number of oil and gas fields are located in a relatively poor geographical environment and there is no development in the transport industry*». «В настоящее время значительное количество месторождений нефти и газа расположены в неблагоприятных географических условиях, где транспортная доступность ограничена или вовсе отсутствует».

2. Грамматические трансформации.

2.1 *Синтаксическое уподобление (дословный перевод)*. К данному способу перевода следует относить трансформацию текста с полностью совпадающей структурой предложения как на исходном языке, так и на переведном языке. Такой тип перевода еще называют «дословным», поскольку при переводе текста переводится слово за словом, в то время как основная структура предложения остается прежней. Данный тип трансформации можно нередко встретить именно при выполнении переводов с английского языка на

русский. Приведем один из возможных вариантов перевода фрагмента текста с использованием такой трансформации из рассматриваемой англоязычной статьи и представим его перевод на русский язык. «*Artificial intelligence covers a number of disciplines such as computer science, psychology and philosophy*». Искусственный интеллект охватывает ряд дисциплин, таких как информатика, психология и философия. При переводе предложения были исключены несколько предлогов и артиклей, но все члены предложения идентичны на английском и русском языках.

2.2 *Членение предложения*. При такой трансформации предложение на исходном языке видоизменяется как из одного в два или несколько более простых по структуре предложений, так и из простого предложения в исходном языке в два самостоятельных предложения на переводном языке. Представим наглядный пример такого перевода из текста. «*However, the geological conditions of China's old onshore oil fields are complex, and most of them have reached a late stage of development*». Однако геологические условия старых месторождений нефти в Китае относятся к категории сложных. Большая часть скважин таких месторождений достигла поздней стадии разработки. Данный пример представляет преобразование одного сложного предложения в два более простых.

2.3 *Объединение предложений*. Данный тип трансформации является полностью противоположным по содержанию предыдущей трансформации. «*The oil industry faces serious challenges. With the advent of the 5G era, technologies such as the Internet of Things, Big Data and Artificial Intelligence are changing the global industrial landscape*». Перед специалистами в нефтяной промышленности появляются новые сложные задачи, поскольку с появлением поколения 5G, такие технологии, как Интернет вещей, «большие данные» и искусственный интеллект меняют глобальный промышленный ландшафт.

2.4 *Грамматическая замена* (изменение части речи, формы слова, члена предложения). При такой трансформации из исходного языка в переводной происходит изменение грамматической формы. Изменениям могут подвергаться, например, части речи и члены предложения. Пример данного типа трансформации из текста статьи. «*This software system that can handle problems is called artificial intelligence*». Искусственный интеллект – это программная система, позволяющая в данном случае справиться с возникающими проблемами.

3. Комплексные лексико-грамматические трансформации.

3.1 *Антонимический перевод*. Данная трансформация характеризуется преобразованием отрицательной формы на исходном языке на утвердительную в переводном языке, а также утвердительной формы в отрицательную. Трансформация выполняется за счет замены лексической единицы путем изменения лексического значения. В качестве примера можно предложить следующий текст англоязычной статьи с переводом на русский язык. «*The development of safety monitoring technology for oil and gas surface technology is not sufficiently integrated based on human intelligence*». Разработка технологий

мониторинга объектов месторождений нефти и газа требует развития в части интеграции, основываясь на человеческом разуме.

3.2 Описательный перевод или экспликация. Трансформация такого типа характеризуется заменой лексической единицы с исходного языка на словосочетание переведенного языка для более подробного или уточненного подчеркивания значения слова. Представим пример из текста статьи (из ранее приведенного примера 1.5, но предложим другой вариант перевода). «*Pipelines are arranged along highlands, rivers or motorways, and the landscape along the road is complex and fragmented*». Трубопроводы довольно часто расположены вдоль естественных и искусственных препятствий, таких как реки или автомагистрали, в то время как стесненные условия эксплуатации вдоль дорог со значительным количеством пересекаемых коммуникаций создают дополнительные сложности и постановку множества задач при строительстве.

3.3 Компенсация. Трансформация представляет собой вариант перевода, когда часть смысла рассматриваемого предложения утрачивается при переходе от исходного языка к переведенному языку, но смысл компенсируется другими лексическими средствами. Данный тип переводческой трансформации, на наш взгляд, более характерен для художественных текстов, поскольку в научно-технических текстах стиль изложения материала имеет более сдержаный стиль повествования.

В результате проведенного анализа материала можно сделать следующие выводы:

- существует несколько различных классификаций трансформаций при переводе текстов;
- применение трансформаций необходимо для достижения адекватности при переводе научно-технического текста;
- переводческие трансформации часто встречаются в той или иной комбинации нескольких типов, реже – в чистом виде конкретного типа трансформаций;
- тип применяемых переводческих трансформаций напрямую зависит как от внешних факторов (рассматриваемая сфера и тематика анализируемого текста; тип литературы, содержащей текст; реципиент или аудитория/читатель, которому адресован материал), так и от внутренних факторов процесса перевода (насыщенность терминологии и аббревиатур в тексте; профессиональная и личностная компетенция переводчика в рассматриваемой сфере);
- при работе с текстами в нефтегазовой сфере, на наш взгляд, наиболее частыми типами применяемых трансформаций являются: транскрибирование, транслитерация, описательный перевод, членение предложения; значительно реже встречаются компенсации.

Подводя итоги работы, удалось ознакомиться с теоретическими основами перевода, классификацией переводческих трансформаций с описанием каждого типа. Представленная теоретическая часть подкреплена примерами из англоязычной статьи нефтегазовой тематики, где более подробно

приведено описание к каждому виду трансформации при переводе. Выполняя комплексный анализ текста на исходном языке и его перевода, можно сказать, что применение конкретного вида трансформации зависит не только от рассматриваемых слов и словосочетаний на языке оригинала, но и от содержания текста, эквивалентности перевода на уровне текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. – М.: «Р.Валент», 2011. – 408 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
7. Jie Ma. The Application of Artificial Intelligence Technology in the Safety Monitoring System of Oil and Gas Ground // Procedia Computer Science. 2023. November, China. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050923018793>. – (дата обращения: март 2025).

УДК: 81'255

C.A. Рудченко

студент 3 курса факультета романо-германских языков

ФГАОУ ВО «ГУП»

(г. Москва)

Научный руководитель – М.А. Елизарова

канд. филол. наук., доцент кафедры английской филологии

ФГАОУ ВО «ГУП»

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ЭНОЛА ХОЛМС»

Аннотация: В статье представлен анализ английских фразеологических единиц и особенностей их перевода на русский язык. Актуальность исследования подчёркивается не угасающим интересом к тонкостям перевода устойчивых выражений, а также их заметным присутствием в речи персонажей художественных фильмов. Практическая часть работы посвящена исследованию конкретных приёмов перевода, применяемых в аудиовизуальной

сфере. Для иллюстрации выбраны примеры из популярного художественного фильма «Энола Холмс» («Enola Holmes»). На основе проведённого анализа установлено, что фразеологизмы играют значимую роль в создании особого эмоционального и смыслового воздействия на зрителя. Автор приходит к заключению, что перевод фразеологических единиц в указанном фильме с английского на русский язык в целом можно считать успешным, поскольку искажений оригинального смысла не зафиксировано.

Ключевые слова: фразеологические единицы, аудиовизуальный перевод, приёмы перевода, художественный фильм

Abstract. This article presents an analysis of English phrasal units and the peculiarities of their translation into Russian. The relevance of the research is emphasized by the enduring interest in the subtleties of translating set expressions, as well as their notable presence in the speech of film characters. The practical part of the work is dedicated to the investigation of specific translation techniques employed in the audiovisual sphere. Examples from the popular feature film «Enola Holmes» have been selected for illustration. Based on the conducted analysis, it has been established that phraseological units play a significant role in creating a special emotional and semantic impact on the viewer. The author concludes that the translation of phrasal units in the mentioned film from English into Russian can generally be considered successful, as no significant distortions of the original meaning have been recorded.

Key words: phraseological units, audiovisual translation, translation techniques, feature film

Актуальность исследуемой проблемы. Фразеологизмы составляют яркую, живую и своеобразную часть любого языка. Они тесно связаны с культурой, человеком и видами его деятельности. Фразеологические единицы передают часть народной культуры из прошлого в настоящее время, они служат инструментом для трансляции культурного опыта, кроме того, они придают речи яркость и образность [7; 94]. Подобные выражения нуждаются в большем внимании со стороны переводчика, так как они представляют собой сложные образования с точки зрения семантики. Их передача – трудная задача, поскольку незнание тонкостей перевода может привести к ряду проблем и к искажению смысла оригинального текста [1; 62]. Изучение конкретных способов передачи фразеологизмов на примере фильма «Энола Холмс» позволяет выявить наиболее эффективные стратегии и приемы перевода, которые могут быть использованы далее в других проектах.

Цель представленного исследования – анализ фразеологических единиц и исследование способов их передачи в аудиовизуальном переводе. Для достижения поставленной цели определим задачи исследования: 1) раскрыть понятие «фразеологизм»; 2) определить типы переводческих трансформаций при переводе фразеологизмов; 3) произвести выборку материала из фильма «Энола Холмс» для последующего аналитического исследования; 4)

рассмотреть особенности перевода отобранных фразеологизмов на русский язык.

В качестве объекта исследования выступают фразеологические единицы в фильме «Энола Холмс». Предметом исследования является анализ видов фразеологизмов и типов их соответствия оригиналу.

Материал и методика исследования. Исследование проведено на материале художественного фильма «Enola Holmes» (2020 г.). Перевод на русский язык осуществлен М. Брук. В ходе исследования мы отобрали наиболее интересные и иллюстративные примеры фразеологизмов для анализа, который представлен в статье. Для достижения поставленной цели использованы следующие методы исследования: 1) теоретический анализ научной литературы (изучение работ по теории перевода, фразеологии и аудиовизуальному переводу); 2) сопоставительный анализ (сравнение английских фразеологизмов, использованных в фильме, с их русскими переводами); 3) контекстуальный анализ (анализ контекста употребления фразеологизмов на примере художественного фильма «Enola Holmes»); 4) анализ переводческих трансформаций (выявление и классификация переводческих приемов, использованных для передачи фразеологизмов).

Результаты исследования и их обсуждение. Исследованием фразеологического богатства занимались многие учёные. Среди отечественных учёных отметим В.Н. Комиссарова, В.В. Виноградова, Ю.А. Ларионову, Л.Ф. Дмитриеву, Л.Л. Нелюбина, Я.И. Рецкера и другие.

Начнем с определения центрального для исследования понятия, а именно фразеологизм. Известный ученый В.Н. Комиссаров обозначает фразеологизмы как образные устойчивые словосочетания, к числу которых относятся такие важные выразительные средства языка, как идиомы, пословицы, поговорки и другие словосочетания, обладающие переносным значением. Ученый отмечает, что фразеологизмы оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора [2; 170].

Согласно толковому переводческому словарю Л.Л. Нелюбина фразеологическая единица – словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих её элементов [5; 240].

Согласно мнению Я.И. Рецкера, фразеологизмы – это сочетания слов, то есть раздельно оформленные образования с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями [8; 146].

Важной задачей настоящего исследования стал анализ особенностей перевода фразеологизмов с английского на русский язык. Лингвисты выделяют различные типы трансформаций при переводе фразеологизмов. Рассмотрим две классификации – Я.И. Рецкера и В.Н. Комиссарова, а также приведем примеры, выявленные в фильме «Enola Holmes».

Я.И. Рецкер выделяет четыре способа передачи фразеологических единиц [8; 161]. Приведем их ниже.

1) Полное сохранение иноязычного образа. К этому типу относятся крылатые выражения и застывшие метафоры. Образ сохраняется в переводе без изменений. Пример: «look, I believe our recent **brush with death**” / «слушай, мы были **на волоске от смерти**».

2) Фразеологизмы с частичным изменением образности. Смысл сохраняется, но с изменениями лексического или грамматического характера. Представим примеры, выделенные из фильма: «**to catch an eye**, to attract” / «**возбуждать интерес**, увлекать»; «I've had my officers search this train **from top to bottom**” / «перевернули там **всё вверх дном**»; «she runs rings around me just as easily as you once did, but <...>” / «она **обводит меня вокруг пальца** также, как и вы в своё время»; «my **life seemed to flash before me**” / «я словно **увидел всю свою жизнь**»; «his cruelty to our mother was **out of your hands**” / «его жестокость к нашей маме тоже **не в твоей власти**».

3) Фразеологизмы с полной заменой образности. Полная замена может быть также связана с сохранением экспрессивной окраски. Отметим, что такая замена может считаться адекватной, если передает смысл высказывания и соответствует экспрессивно-стилистическому характеру. Приведем примеры из анализируемого кинофильма: «the bowler hat man will **be hot on your tail**” / «человек в котелке **в покое тебя не оставит**».

4) Фразеологизмы со снятием образности. При использовании этого типа образность полностью теряется в переводе. В русском варианте фильма такого способа мы не обнаружили.

Теперь рассмотрим другую классификацию. Известный учёный В.Н. Комиссаров выделяет четыре типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги, калькирование и описательный перевод [3; 57].

Первый тип – фразеологические эквиваленты. При использовании данного типа сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. Переводчик пытается наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм. При этом типе фразеологическая единица полностью соответствует по смыслу английскому фразеологизму, а также она основана на одном образе.

В данном типе мы выявили несколько случаев, когда переводчик фильма использует эквиваленты. Один из таких примеров – «I've had my officers search this train **from top to bottom**” / «перевернули там **всё вверх дном**». Фразеологический оборот «top-to-bottom» имеет смысл «сверху донизу», в русском же варианте оборот переведен как «вверх дном», что означает «вносить смятение, полный беспорядок; менять, преобразовывать». Несмотря на то, что буквальное значение выражения – «top-to-bottom» – «сверху донизу», выбранный перевод, хотя и отклоняется от буквальной точности, обеспечивает понятное и привычное для русскоязычного зрителя описание.

Рассмотрим другой пример – «look, I believe our recent **brush with death**” / «слушай, мы были **на волоске от смерти**». Оборот «brush with something» означает «a situation in which you experience something, or almost experience

something, especially something unpleasant» [11]. Анализ перевода демонстрирует выбор переводчика в пользу фразеологизма «на волоске от смерти» для передачи значения английского выражения «brush with death». Хотя возможны и другие варианты, такие как «объятия со смертью» или «отправиться на тот свет», использованный перевод представляется наиболее семантически близким и стилистически адаптированным.

Следующий выявленный фразеологизм, на который мы хотели бы обратить внимание, – «she still had **full wits about her**” / «она была в здравом уме». Языковая единица «to have full wits about someone” относится к данному типу, так как буквально означает «быть начеку, понимать что к чему». В русском языке человек, находящийся «в здравом уме», – это тот, что «способен трезво рассуждать, оценивать, понимать что-либо» [4; 39]. Отметим, что перевод успешно сохраняет коммуникативный эффект оригинального высказывания, передавая не только его значение, но и сопутствующие эмоциональные коннотации. Еще один пример, отнесенный к этому типу, – «**my life seemed to flash before me**” / «я словно увидел всю свою жизнь». Использование лексической единицы «словно» в переводе способствует созданию яркого образа и сохранению ключевого значения оригинального выражения.

Следующий тип фразеологизмов, который выделял В.Н. Комиссаров, – фразеологические аналоги. В этом случае переводчик старается найти фразеологизм с таким же переносным значением, но основанным на другом образе. Однако следует учитывать эмоциональное и стилистическое значение фразеологизма. Важно, что этот способ перевода не следует использовать, если в фразеологизме присутствует ярко-выраженная национальная окраска.

Рассмотрим такие трансформации из кинофильма. Первый пример – «she **runs rings around me** just as easily as you once did” / «она обводит меня вокруг пальца» также, как и вы в своё время». Согласно фразеологическому словарю современного русского языка фразеологическая единица «обводить вокруг пальца» означает искусно перехитрить, провести кого-либо [4], в то время как английская фраза «*runs rings around me*” в англо-русском большом универсальном переводческом словаре переводится как «за пояс заткнуть; немного опередить, обогнать» [9]. Таким образом, переводчик, сохранив смысл, использовал фразеологический аналог в этом фрагменте (дословно: «кольцо вокруг меня» в английском варианте и «вокруг пальца» – в русском).

Следующий пример – «England is **going to pot**” / «Англия катится в тартарары». Английская идиома «go to pot” означает «развалиться, разрушиться». «Тартарары» – это подземное царство мёртвых, место, где души грешников после их смерти подвергаются вечным мукам [10]. Несмотря на различную этимологию высказывания и различные образы в двух лингвокультурах, русский фразеологизм «катиться в тартарары» («терпеть крах, разрушаться, гибнуть») имеет схожий смысл с английским выражением.

Еще один выявленный в фильме пример – «his cruelty to our mother was **out of your hands**” / «его жестокость к нашей маме тоже не в твоей власти».

«Out of your hands» означает «no longer able to be controlled by you, or no longer your responsibility» [11]. Несмотря на замену одного из компонентов фразеологизма, русскоязычная версия «не в твоей власти» передаёт семантическое значение оригинального выражения. Переводчик предпочёл адаптированный вариант, обеспечивающий более точное восприятие идиомы, чем буквальный перевод «это не в твоих руках».

Рассмотрим другой случай фразеологического аналога: «the bowler hat man will **be hot on your tail**» / «человек в котелке **в покое тебя не оставит**». Согласно англоязычному толковому словарю «be on your tail» имеет значение «to follow someone closely» [11]. Таким образом, перевод демонстрирует функциональную идентичность с оригинальной идиомой, обеспечивает аналогичное воздействие на аудиторию и сохраняет коммуникативную задачу высказывания.

Третий тип трансформаций – калькирование иноязычной образной единицы или дословный перевод. К преимуществам данного способа относится сохранение образного строя оригинала и преодоление проблем, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры. Калькирование используется для того, чтобы передать национально-этническое значение исходного фразеологизма [2; 172]. Отметим, что использование данного типа в аудиовизуальном переводе фильма мы не обнаружили.

Однако в ходе анализа, мы встретили четвертый тип перевода фразеологизмов, а именно описательный перевод. Согласно классификации В.Н. Комиссарова описательный перевод – это объяснение смысла фразеологизма при помощи свободного сочетания слов [3; 60]. Приведем пример из фильма «Энола Холмс» – «father would **be turning in his grave**» / «большое счастье, что её не видит отец». Английская идиома «turn in your grave» передает состояние сильного негодования или глубокого расстройства. В русскоязычном переводе для ее передачи использовано выражение «большое счастье, что её не видит отец». Несомненно, данный эквивалент сохраняет денотативное значение оригинала, однако наблюдается частичная потеря его экспрессивной функции.

Помимо перечисленных фразеологизмов в ходе исследования мы выявили «обратные» случаи, когда переводчик использовал фразеологизм, но в иноязычном высказывании он отсутствует. Рассмотрим такие примеры более подробно.

Приведем первый фрагмент – «I must admit to **being quite seriously concerned for her**» / «должна признаться, у меня душа **не на месте**». Следует отметить, что исходное выражение передаёт состояние тревоги и беспокойства, поэтому в русскоязычном варианте киноленты скорее всего для усиления эмоциональной экспрессии выбран фразеологизм «душа не на месте».

Следующая фраза, на которую мы обратили внимание, – «let it do its damage later» / «он еще **подставит тебе ножку**». Обращаясь к фразеологическим ресурсам современного русского языка, мы обнаруживаем, что устойчивое выражение семантически эквивалентно значению «скрытно

осуществлять преднамеренно вредоносные действия в отношении кого-либо», поэтому мы считаем, что фразеологизм является адекватным вариантом перевода. Добавим, что контекстуальная конкретизация может помочь переводчику добиться большей образности и наглядности [6; 136].

Рассмотрим еще несколько фрагментов из фильма «Энола Холмс». Первый из них – «so, if I am to fit in» / «если я хочу **слиться с толпой**». Согласно словарю «to fit in» означает «to feel that you belong to a particular group and are accepted by that group» [11]. Переводчик использовал известный фразеологический оборот «слиться с толпой», который привычен и естественен для русскоязычных людей.

И наконец, обратимся к заключительному примеру – «the girl has simply vanished» / «она просто **как в воду канула**». Оригинальное высказывание обладает аналогичным значением с русским идиоматическим выражением – «как в воду кануть», которое также обозначает внезапное исчезновение кого-то. Однако в переводе устойчивое сочетание отличается большей стилистической выразительностью и эмоциональностью по сравнению с прямым переводом английского глагола «vanish» («исчезнуть»).

Таким образом, подводя итоги исследования следует сделать вывод, что фразеологизмы имеют особый эффект воздействия на читателя или зрителя, так как делают речь ярче и живее. Анализ перевода фразеологических единиц в художественном фильме «Энола Холмс» («Enola Holmes») показал, что самыми распространенными видами перевода являются использование фразеологического эквивалента и аналога. Вероятнее всего, такое явление объясняется существованием идентичных фразеологических единиц в обоих языках, что может свидетельствовать об исторических контактах между языковыми культурами или же о сходстве человеческой ментальности.

На наш взгляд, работа переводчиков оказалась удачной, так как искажения смысла оригинала не произошло. Эмоциональная окраска фразеологизмов в большинстве случаев успешно передана, а в некоторых – даже усиlena, что, однако, не привело к искажениям основного смысла или нарушению норм стилистической уместности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский язык. Курс перевода. – М.: ИКЦ «МарТ». Ростов н/Д: изд. «МарТ», 2005. – 304 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2011. – 424 с.
3. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – Издательство литературы на иностранных языках. Москва, 1960. – 176 с.
4. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 512 с.

5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
6. Неровная М.А. Лингвокультурологические особенности исламских реалий в англоязычном художественном тексте и их перевод на русский язык (на материале романов Халеда Хоссейни): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Неровная Маргарита Анатольевна, 2020. – 272 с.
7. Неровная М.А. Реалии афганского глюттонического дискурса в переводе на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. – № 3-1. – С. 91-103.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., «Междунар. отношения», 1974. – 216 с.
9. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://eng-rus-big-dict.slovaronline.com>. Дата обращения: 16.05.2025.
10. Викисловарь. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/тартарары>. Дата обращения: 16.05.2025.
11. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. Дата обращения: 20.05.2025.

УДК 81'25

П.В. Семенова
канд. филол. наук, доцент кафедры
межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)

ПРОБЛЕМА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕТАЯЗЫКА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ

Аннотация: Статья посвящена методологической проблеме перевода лингвистического метаязыка в свете категории пространства. В центре исследования — фундаментальное для отечественной филологии, но терминологически неэквивалентное на Западе понятие «пространство множеств». Автор выявляет коренное парадигмальное расхождение: западная когнитивная традиция трактует пространство как ментальный инструмент, в то время как русская школа склонна к его онтологизации как самостоятельной сущности. Для преодоления этого барьера в работе предлагается комплекс стратегий (функциональная адаптация, описательный перевод, метаязыковой комментарий), направленных на обеспечение точной концептуальной передачи

и гармонизацию терминосистем, что является необходимым условием для полноценного научного диалога между лингвистическими традициями.

Ключевые слова: пространство множеств, метаязык лингвистики, терминологическая эквивалентность, когнитивная лингвистика, межъязыковая гармонизация, антропоцентризм

Abstract. This article addresses the methodological challenge of translating linguistic metalanguage concerning the category of space. The study focuses on the concept of "space of sets" (prostranstvo mnozhestv), which is fundamental to Russian linguistics but lacks terminological equivalence in Western scholarship. The author identifies a core paradigmatic divergence: the Western cognitive tradition treats space as a mental tool for metaphorical modeling, whereas the Russian school tends to ontologize it as an independent entity. To bridge this conceptual gap, the paper proposes a set of translation strategies—including functional adaptation, descriptive translation, and metalinguistic commentary. These strategies aim to ensure precise conceptual transfer and terminological harmonization, which are essential for fostering substantive scholarly dialogue between the two linguistic traditions.

Keywords: space of sets (prostranstvo mnozhestv), linguistic metalanguage, terminological equivalence, cognitive linguistics, cross-linguistic harmonization, anthropocentrism

Категория пространства занимает центральное место в современных лингвистических исследованиях, однако её концептуализация существенно отличается в западной и отечественной научных традициях [4]. Целью данной статьи является выявление парадигмальных расхождений в метаязыке описания пространства и разработка стратегий перевода для их гармонизации. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: анализ концепции «пространства множеств» в российской лингвистике, сопоставление терминологических систем, разработка практических рекомендаций для переводчиков.

Одним из ключевых понятий, возникших на стыке когнитивной лингвистики и семантики, является «пространство множеств» (далее ПМ), позволяющее описать сложные структуры, объединенные общим свойством, функцией или концептом [4; 78]. Разработанный отечественной лингвистикой теоретический аппарат ПМ представляет собой мощный инструмент для анализа сложных пространственных отношений.

Концепция ПМ вошла в категориальный аппарат лингвистики благодаря трудам отечественных исследователей (О.Н. Селиверстова, О.А. Сулейманова, Т.Н. Маляр и др.). О.Н. Селиверстова предложила расширенное понимание пространства, выходящее за рамки физического. ПМ по мнению лингвиста трактуется как сущность, состоящая из набора элементов, объединенных общим свойством, где физические связи между элементами могут не иметь значения [6]. Это открыло возможности для анализа структур, выходящих за

пределы локации: пространств действий, событий, идей, а также социальных образований (например: «семья», «университет», « завод»).

ПМ интерпретируется через призму антропоцентризма: человек выступает центральным элементом и мерой пространства, которое представляет собой совокупность человеческих усилий по его воспроизведству во времени [2]. Зависимость пространства от человеческой деятельности означает, что при прекращении восприятия явления оно теряет и свое пространственное измерение. Таким образом, человек рассматривается как элементарная метаязыковая единица описания ПМ.

Данный антропоцентрический принцип обуславливает существование множества разноуровневых пространств, окружающих человека и пронизывающих все сферы его жизнедеятельности — от непосредственного физического окружения до сложных социальных и ментальных конструктов [7].

Рис. 1. Пространства множеств, объединенные понятием «человек»

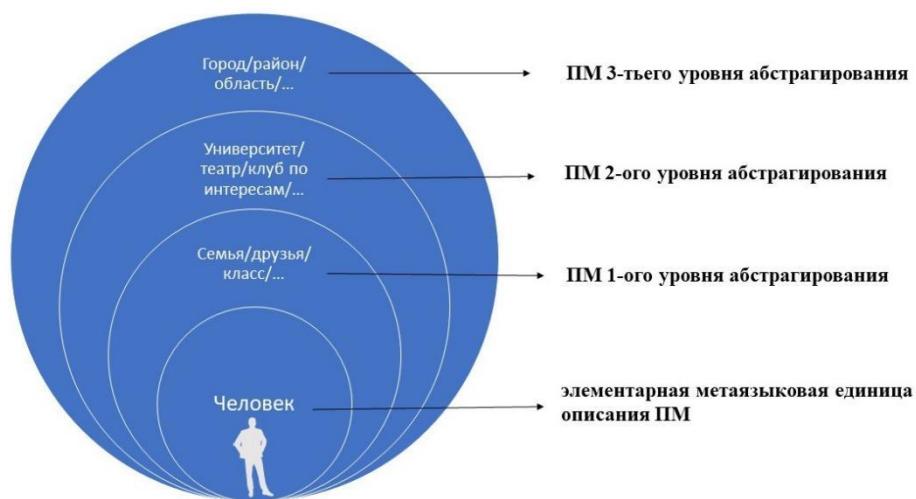

Рис. 1. Пространства множеств, объединенные понятием «человек»

На Рис. 1 визуализировано ядро теории ПМ, демонстрирующее ее системность и антропоцентричность. Это статичный срез бесконечно сложной и динамичной сети пространств, которые постоянно конструируются и перестраиваются вокруг человека в процессе его жизнедеятельности.

Основная проблема перевода метаязыка описания пространства заключается в том, что русскоязычная и англоязычная лингвистические традиции по-разному членят и концептуализируют одну и ту же реальность, используя при этом различный терминологический инструментарий [3].

Ярким примером является ключевое понятие «пространство множеств». Его прямой калькой на английский язык было бы *space of sets* или *set space*,

однако эти термины в англоязычной литературе прочно связаны с математикой (теория множеств) и не несут того лингвистического содержания, которое вложили в него отечественные исследователи [12]. Более подходящим, хотя и не идеальным, вариантом перевода могло бы стать выражение *domain of multiplex entities*, используемое в рамках грамматики типологических исследований для обозначения совокупностей объектов, трактуемых как единое целое [13]. Однако и этот термин не передает всего спектра смыслов, связанных с функциональными, событийными и социальными аспектами ПМ.

Данная терминологическая асимметрия обусловлена глубинными расхождениями в научных парадигмах. Западный (когнитивный) подход трактует пространство как базовую когнитивную схему, служащую основой для метафорического моделирования абстрактных понятий [9]. Концепт *mental spaces* развивает эту идею, рассматривая пространства как динамические конструкты, возникающие в дискурсе. Таким образом, пространство понимается как инструмент мышления [11].

В отличие от этого, в русской лингвокультурной традиции пространство часто онтологизируется, то есть воспринимается как устойчивая сущность, объективно существующая в языке и культуре [12]. Такие категории, как «событийное пространство» или «личностное пространство», выступают как самостоятельные константы картины мира. Это порождает более образную и философски нагруженную терминологию.

Таблица 1. Сравнительный анализ терминов категории пространства с рекомендациями для переводчиков

Английский термин	Русский термин	Соотношение и проблема	Практические решения и рекомендации для переводчиков
Mental space (G. Fauconnier) [9]	Ментальное пространство	Удачная калька, но с коннотационным нюансом: <i>mental</i> – нейтральное, <i>ментальный</i> – книжное	1. Использовать устоявшуюся кальку – ментальное пространство. 2. В скобках или в сноске указать оригинал: ментальное пространство (<i>mental space</i>) 3. В первом упоминании дать краткое пояснение, если аудитория неспециализирована: ...в теории ментальных пространств (<i>mental spaces</i>) Ж. Фоконье, описывающей когнитивные структуры...
Action space / Event space (G. Lakoff, M. Johnson) [1]	Пространство действий, событийное пространство	Парадигмальное расхождение: метафора vs. онтологическая категория. Данный перевод создает иллюзию	1. При переводе с английского: сохранять метафорическую природу, используя кальки – пространство действий, событийное пространство, но обязательно раскрывать их когнитивный механизм в

		эквивалентности.	комментарии. 2. При переводе с русского на английский: часто точнее отказаться от слова <i>space</i> и использовать более ясные для западного читателя термины: <i>domain of action, frame of events</i> , или дать описательный перевод.
Self as a Container (G. Lakoff, M. Johnson)	Личностное пространство, психологическое пространство	Конкретная метафора vs. широкая лингвокультурная категория. Риск подмены понятий.	1. При переводе с английского: описывать метафору <i>Self as a Container</i> , а не подбирать прямой эквивалент. Например: метафора «Я-как-Контейнер», лежащая в основе понятия личностных границ. 2. При переводе с русского на английский: оптимально использовать описательный перевод, раскрывающий смысл: <i>the concept of personal space as a domain with boundaries</i> . Прямой перевод <i>personal space</i> будет ассоциироваться с социальной дистанцией.
Frame, scenario, domain	Ситуативное пространство	Классический ложный друг переводчика. Русский термин соответствует английским <i>frame, domain</i> , а не <i>space</i> .	1. При переводе с русского на английский: НЕ использовать <i>situational space</i> (это нестандартный термин). Использовать устоявшиеся эквиваленты: <i>frame, scenario</i> или <i>domain</i> . 2. При переводе с английского на русский: если в оригинале <i>frame</i> , то и переводить как фрейм или сценарий.
Counterfactual spaces (G. Fauconnier)	Нереальное пространство, контрафактическое пространство	Вариативность перевода: точная, но узкоспециальная калька vs. интуитивно понятный, но менее точный.	1. В строго научных текстах предпочтительнее использовать кальку «контрафактическое пространство», так как она однозначно связывает понятие с теорией Ж. Фоконье. 2. В текстах для широкой аудитории или в учебных целях допустим вариант "нереальное пространство" с пояснением в скобках: "нереальное (контрафактическое) пространство". 3. Главное – соблюдать последовательность в рамках одного текста.

Таким образом, перевод метаязыка не подчиняется универсальным правилам. Основная трудность — необходимость адаптации стратегии к контексту: от развернутых комментариев в научных работах до прямого калькирования в живой речи, чреватого недопониманием.

Для преодоления выявленных терминологических барьеров предлагается система переводческих стратегий, выбор которых зависит от типа текста, целевой аудитории и цели перевода [3].

Калькирование с комментарием — введение нового термина путем кальки с обязательным пояснением в сноске или основном тексте. Особенно важно для ключевых понятий, таких как «пространство множеств», при первом их упоминании [8].

Описательный перевод / перефразирование — используется при отсутствии прямого аналога. Например, *level of abstraction* можно перевести не только как «уровень абстракции», но и, в зависимости от контекста, как «уровень пространственного обобщения» [5].

Функциональная адаптация — замена термина на системный эквивалент, игнорируя буквальный перевод. Например, перевод русского «ситуативное пространство» как *frame* или *scenario* [10].

Дифференцированный перевод — использование разных стратегий для одного термина в зависимости от контекста и аудитории.

Метаязыковой комментарий — универсальная стратегия, реализуемая в виде сносок, предисловий или глоссариев с разъяснением парадигмальных расхождений [3].

Ключевой принцип — отказ от автоматического калькирования в пользу предварительного концептуального анализа.

Проведенное исследование демонстрирует, что проблема гармонизации метаязыка описания пространства в англо-русском переводческом континууме носит фундаментальный, межпарадигмальный характер. Ключевая трудность заключается не в лексической неэквивалентности, а в глубинном расхождении когнитивных моделей: если западная традиция видит в пространстве инструмент метафорического моделирования (*cognitive tool*), то отечественная школа онтологизирует его как самостоятельную сущность.

Ярким примером этой специфики служит концепция «пространства множеств», интегрирующая физические, функциональные и социальные аспекты. Отсутствие прямых терминологических соответствий для таких понятий требует от переводчика выхода за рамки калькирования к стратегиям функциональной адаптации, описательного перевода и метаязыкового комментария.

Таким образом, успешная гармонизация возможна лишь тогда, когда переводчик выступает медиатором между научными культурами. Адекватный перевод в данной сфере способствует не только точной передаче смысла, но и продуктивному диалогу лингвистических школ, обогащению терминологических систем и развитию теории языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: ТГУ, 2001. — 190 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2004. — 424 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л.К. Латышев. — М.: Просвещение, 1988. — 159 с.
6. Селиверстова О.Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. - Москва : Яз. славян. культуры, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). - 959 с
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2004. — 992 с.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
9. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 485 p.
10. Fillmore C.J. Frame Semantics / C.J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. — Seoul: Hanshin, 1982. — P. 111-137.
11. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 2003. — 276 p.
12. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 516 p.
13. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Volume I: Concept Structuring Systems / L. Talmy. — Cambridge: MIT Press, 2000. — 565 p.

УДК 81'3

З.М. Ситдикова

студент 3 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Е.В. Оботнина

канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ИГРА СЛОВ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию лингвистических и экстралингвистических средств создания игры слов в заголовках статей в англоязычных газетах и журналах. В результате анализа заголовков 95 статей в популярных изданиях за 2000-2025 гг. были выявлены и классифицированы основные типы игры слов в соответствии с классификацией, предложенной Н.Л. Байдиковой и О.В. Слюсарь. Установлено, что порядка 20% проанализированных заголовков содержат игру слов, при этом наиболее распространенной является игра слов, основанная на полисемии, реже встречаются ее омографические и паронимические типы и палиндром. Особое внимание уделяется случаям, когда игра слов строится на взаимодействии языкового и неязыкового (визуального) компонентов. Исследование показывает, что игра слов служит эффективным средством привлечения внимания читателя, создания комического эффекта и реализации pragматической установки текста.

Ключевые слова: игра слов, каламбур, заголовок, языковая игра.

Abstract. The article studies linguistic and extralinguistic means of creating a play upon words in headlines of English-language articles in the mass media. Analysed are headlines of 95 articles in popular newspapers and magazines published in 2000-2025. There have been identified and classified the main types of a play upon words on the basis of the classification put forward by N.L. Baydikova and O.V. Slyusar. The analysis shows that approximately 20% of the headlines contain a play upon words, the most frequent type being that based on polysemy, while its homographic and paronymic types, as well as palindromes are less common. Special attention is paid to cases where a play upon words is built on the interaction of linguistic and extralinguistic (visual) components. The research shows that a play upon words serves as an effective means of attracting readers' attention, creating a comic effect, and fulfilling the pragmatic function of the article.

Keywords: play upon words, pun, headline, language game.

Цель данной работы заключается в выявлении языковых и неязыковых средств создания игры слов в заголовках статей в англоязычных средствах массовой информации.

Для рассмотрения данной темы необходимо дифференцировать понятия «языковая игра» и «игра слов». Термин «языковая игра», восходящий к немецкому слову *Sprachspiel*, был введен немецким философом Людвигом Витгенштейном, который впервые упомянул его в работе «Философские исследования». Согласно его точке зрения, любая языковая игра основана на узнавании несущих смысл слов и предложений [6; 88] и представляет собой «единое целое: язык и действия, с которыми он тесно переплетен» [3; 83].

В отечественном языкоznании термин «языковая игра» вошел в широкий научный обиход после публикации одноименной работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой и трактуется как «...незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [5; 175].

Понятие «игра слов» имеет более узкое значение, ряд ученых приравнивают его к термину «каламбур». Так, согласно трудам В.С. Виноградова, эти термины являются синонимичными и взаимозаменяемыми: «игра слов (каламбуры) создаются благодаря умелому использованию в целях достижения комического эффекта различных звучаний, полных и частичных омонимов, паронимов и таких языковых феноменов, как полисемия и видоизменение устойчивых лексических оборотов» [2; 141]. В стилистической традиции англоязычных стран широко обсуждается каламбур, выраженный понятиями *a pun* (каламбур) и *a play upon words* (игра слов). Рассмотрим определение, представленное в англоязычном словаре *Collins Online Dictionary*: «A pun is a clever and amusing use of a word or phrase with two meanings, or of words with the same sound but different meanings. For example, if someone says ‘The peasants are revolting’, this is a pun because it can be interpreted as meaning either that the peasants are fighting against authority, or that they are disgusting.” (авт. пер. «игра слов (или каламбур) – это умное и забавное использование слова или фразы с двумя значениями или слов, звучащих одинаково, но имеющих разные значения. Например, фраза «The peasants are revolting» – это каламбур, потому что может означать либо восстающих против власти крестьян, либо отвратительных крестьян») [9].

В учебном пособии по стилистике английского языка А.Р. Хисамеева дает следующее определение: «Каламбур (игра слов) – это одновременная реализация двух значений слова (прямого и переносного), но без его связи с другими словами. Его основная стилистическая функция заключается в достижении юмористического, иронического, сатирического эффекта» [8; 11].

Итак, игра слов – это использование слов или фраз, которые имеют несколько значений, или слов с одинаковым звучанием, но разными значениями. Проанализировав определения, приведенные выше, можно заметить, что это явление более узкое в сравнении с языковой игрой. В данном исследовании понятия «игра слов» и «каламбур» рассматриваются как синонимичные.

Что касается типов игры слов, при проведении анализа эмпирического материала мы опираемся на классификацию каламбров, предложенную в

учебнике Н.Л. Байдиковой и О.В. Слюсарь «Стилистика английского языка», согласно которой выделяются лексические, морфологические и синтаксические типы каламбров. Авторы отмечают, что все они действуют также на фонетическом или графическом уровне, поскольку любой каламбур строится на звуковой или орфографической форме слов [1; 79].

Лексические каламбуры подразделяются на полисемантические, омонимические (омофонические и омографические), паронимические каламбуры и палиндромы. Морфологические каламбуры основаны на омонимии или полисемии морфем. Синтаксические каламбуры формируются на уровне фразы или предложения. Они подразделяются на составные каламбуры, которые строятся с помощью соседних слов, образующих другое слово или выражение; полисемантические синтаксические каламбуры, основанные на многозначности синтаксических структур; коллокационные каламбуры, возникающие из-за нарушения лексической сочетаемости; фразеологические каламбуры, возникающие в результате нарушения фразеологических единиц [1; 80].

Материалом исследования являются 95 заголовков статей, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных СМИ, таких как *The Economist*, *The Guardian*, *Forbes* и *Esquire* за 2000-2025 гг. Эмпирический материал был проанализирован с точки зрения идентификации игры слов с последующей классификацией игры слов по типам в соответствии с приведенным выше подходом.

В британском издании *The Economist* было выявлено несколько статей, заголовки которых содержат игру слов, или каламбур. Ярким примером игры слов, основанной на полисемии, является заголовок *Peak Diplomacy* [12; 04.08.2016]. В данном примере игра слов возникла на основе использования многозначного слова *peak*, которое может означать как высший или максимальный уровень чего-либо, так и гору. Каламбур обретает смысл при чтении статьи, в которой говорится о том, что Норвегия подарила гору на день рождения Финляндии.

Заголовок *Needle match* [12; 07.08.2008] содержит омонимический каламбур. Компонент *match* может быть воспринят как существительное в значениях «матч» или «спичка», а также как глагол «соответствовать». В самой статье речь идет о наркозависимых в Ванкувере.

В ходе исследования было выявлено, что случаев употребления каламбров, основанных на омофонах и омографах крайне мало. Одним из примеров может послужить заголовок *Byte the bullet* [13; 14.07.2001], основанный на использовании технологического термина – компонента *byte* в составе устойчивого выражения *bite the bullet*, которое означает «стиснуть зубы, мужественно терпеть» [7] («bite the bullet – in British English to face up to (pain, trouble, etc) with fortitude; be stoical” [9]). В статье автор призывает обновлять старые технологии, что перекликается с использованной игрой слов.

Интересным примером полисемантического синтаксического каламбура является заголовок *Two Middle Managers Walk Into A Bar... 4 Keys To Using*

Humor At Work [11; 08.02.2021]. Заголовок начинается с классической вводной фразы анекдотов: *Two (люди/ предметы) walk into a bar ...*, что настраивает читателя на ожидание чего-то смешного. Затем следует неожиданный переход к деловому контексту (*4 keys to using humor at work*).

Отдельно стоит рассмотреть заголовок *Hang In There, Dude!* [10; 01.06.2017]. Он основан на полисемии компонента *hang* в составе фразы *hang in there*, которая имеет устойчивое метафорическое значение и передается на русский язык соответствием «держись там», когда мы говорим о трудностях и проблемах, с которыми сталкивается человек и хотим его поддержать [4]. Однако в данном случае в создании каламбура участвует и экстралингвистический компонент: на обложке журнальной статьи изображен Биджан Стивен, который висит на перекладине, что реализует прямое значение глагола *hang* (см. рис. 1).

Рис. 1. *Hang In There, Dude!* (Esquire, 1 июня 2017 г.)

Примером палиндрома как вида каламбура может служить заголовок статьи в газете *The Guardian*, первый и последний элементы которого читаются одинаково слева направо и справа налево: *A man. A plan. A canoe. Panama* [13; 23.07.2008].

Таким образом, было выявлено, что из 95 отобранных заголовков около 19% содержат игру слов, 10% из них основаны на полисемии слов-компонентов. Наименее представленными являются омографические и паронимические каламбуры – около 1%. Интересно отметить, что в американских журналах игра слов используется чаще (20%), чем в британских (18%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдикова Н.Л., Слюсарь О.В. Стилистика английского языка: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 261 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/566194> (дата обращения: 03.11.2025).

2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. статья, прим. М.С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – 612 с.
4. Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. – М.: Русский язык – Медиа, 2003. – 776 с.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра. Фонетика. Морфология. Лексика. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
6. Иванова О.Э. Коммуникация как условие понимания смысла (в языковых играх Л. Витгенштейна и К.-О. Апеля)[©]// Грамота. – 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 87-91.
7. Куин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой язык, 2005. – 942 с.
8. Хисамеева А.Р. Стилистика английского языка: учебное пособие. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2009. – 40 с. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/43335> (дата обращения: 25.10.2025).
9. Collins Online Dictionary: Definitions, Thesaurus and Translations. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 28.10.2025).
10. Esquire / Hearst Communications, Inc. – Режим доступа: <https://www.esquire.com> (дата обращения: 28.10.2025).
11. Forbes / Forbes Media LLC. – Режим доступа: <https://www.forbes.com> (дата обращения: 29.10.2025).
12. The Economist / The Economist Newspaper Limited. – Режим доступа: <https://www.economist.com> (дата обращения: 28.10.2025).
13. The Guardian / Guardian News & Media Ltd. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 30.10.2025).

УДК 371.321

O.A. Солуянова

ст. преподаватель кафедры межкультурной

коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

А.Г. Губайдуллина

ст. преподаватель кафедры межкультурной

коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К ЗАНЯТИЯМ ПО ПЕРЕВОДУ

Аннотация: В данной статье анализируются способы использования искусственного интеллекта на занятиях по устному и письменному переводу и при подготовке преподавателя к ним. Во введении кратко рассматривается влияние искусственного интеллекта на жизнь и работу человека в целом. Далее описываются способы его использования в профессиональной деятельности преподавателя, перечисляются инструменты, позволяющие оптимизировать учебный процесс и персонализировать его с учётом индивидуальных особенностей каждого студента. В заключительной части статьи представлен обзор и анализ возможностей и функций ресурсов ChatGPT на русском и Text-to-speech Online, к которым относятся генерирование предложений с активной лексикой и текстов на заданную тематику, сокращение текста до заданного объёма, преобразование текста в аудио и возможность выбрать акцент, тембр и темп речи для него.

Ключевые слова: искусственный интеллект, перевод, преподавательская деятельность, ChatGPT на русском, Text-to-speech Online.

Abstract. This article analyses methods of using artificial intelligence in translation and interpretation classes, as well as ways for a teacher to prepare to them. The introduction describes the influence of artificial intelligence on people's lives and work in general. Then the article dwells on the ways AI is utilized in teaching and lists tools that optimize the learning process and allow for person-based approach depending on each student's abilities. The last part of the article reviews and analyses the functions of ChatGPT in Russian and Text-to-Speech Online resources, which include generating sentences with active vocabulary and texts on specific topics, reducing texts to a specified length, converting texts into audiomaterials, and the possibility to select an accent, tone, and speed for the audio.

Keywords: artificial intelligence, translation, teaching, ChatGPT in Russian, Text-to-Speech Online.

Искусственный интеллект сегодня стал неотъемлемой частью нашей жизни. Он широко применяется как в быту, так и в профессиональной деятельности человека. С его помощью медики, например, могут диагностировать заболевания и подбирать персональное лечение для каждого пациента, банки используют его для выявления случаев мошенничества благодаря автоматическому анализу транзакций. Искусственный интеллект помогает водителю управлять автомобилем, а курьерской компании – оптимизировать маршруты и способы доставки товаров. Полезен он и в образовательном процессе, так как позволяет преподавателю создавать персонализированные учебные программы, осуществлять автоматическую проверку некоторых типов заданий и пользоваться услугами виртуальных помощников для получения информации и консультации.

Необходимость использовать искусственный интеллект в преподавательской деятельности сегодня обусловлена рядом причин, и одна из них – оптимизация процесса, поскольку такой виртуальный помощник значительно облегчает подготовку преподавателя к занятиям и повышает качество обучения. Существует несколько способов, которые помогают преподавателю, ведущему занятия по письменному и устному переводу оптимизировать профессиональную деятельность при помощи искусственного интеллекта, в том числе:

1. Подготовка учебных материалов:

- создание текстов разного стиля, тематики и уровня сложности, что позволяет разнообразить практические задания;
- создание пар текстов для сопоставления и анализа перевода в разных стилях или с разными уровнями формальности;
- разработка упражнений, когда при помощи искусственного интеллекта можно быстро сгенерировать задания на выявление ошибок, редактирование перевода, упражнения на конкретные лексические или грамматические явления.

2. Использование автоматического перевода и его анализ:

- на примере машинного перевода любого текста можно продемонстрировать студентам его возможности и ограничения;
- искусственный интеллект также может помочь выявить типичные ошибки машинного перевода и на их основе подготовить объяснения и упражнения.

3. Помощь в подготовке устного перевода:

- использование голосовых движков для озвучивания текстов на исходном и целевом языках с целью тренировки произношения;
- анализ устных выступлений, когда приложения с искусственным интеллектом распознают речь и помогают оценивать точность передачи смысла.

4. Индивидуализация обучения:

- искусственный интеллект может предлагать упражнения, соответствующие уровню знаний конкретного студента на основе его предыдущих успехов и ошибок.

- искусственный интеллект может анализировать письменные переводы на наличие ошибок в грамматике, лексике, стилистике и помогать с их коррекцией.

5. Автоматизация рутинных задач:

- искусственный интеллект может проверять оригинальность выполненного задания, таким образом получится контролировать самостоятельность студентов при выполнении задания и отслеживать ситуации, когда они просто копируют машинный перевод, не анализируя его;

- искусственный интеллект также может быть полезен при создании конспектов, планов уроков, презентаций на основе заданных тем.

Все вышеуказанные способы оптимизации профессиональной деятельности преподавателя устного и письменного перевода становятся возможными благодаря ряду инструментов, среди которых OpenAI GPT (ChatGPT), позволяющий генерировать тексты, объяснять грамматические явления и придумывать примеры, DeepL, Google Translate и Яндекс переводчик, помогающие продемонстрировать и проанализировать машинный перевод, ресурсы категории Speech-to-text, используемые для преобразования аудио в текст и наоборот, а также текстовые редакторы с поддержкой искусственного интеллекта, как, например, Grammarly или LanguageTool, помогающие проверять и улучшать качество письменных заданий.

К сожалению, не все ресурсы доступны на территории России и не все из них бесплатны. Это накладывает определённые ограничения на использование искусственного интеллекта в профессиональной деятельности преподавателя перевода. Из доступных и наиболее часто используемых инструментов сегодня можно отметить ChatGPT на русском (<https://trychatgpt.ru/>) и ресурс Text-to-speech Online (<https://www.text-to-speech.online/>), позволяющий преобразовать текст в аудио.

Ресурс ChatGPT на русском доступен как в бесплатной, так и платной версии и обладает разнообразным функционалом. Обязательная регистрация не требуется, но для получения возможности использовать модель, применяющую логику и аналитическое мышление, аккаунт создать необходимо. Для использования ChatGPT не требуются определённые навыки, интерфейс прост и интуитивно понятен.

Спектр возможностей применения ресурса весьма широк. ChatGPT может помочь преподавателю генерировать предложения с активной лексикой как на русском, так и на иностранном (например, английском) языке для её лучшего усвоения. Данная функция позволит преподавателю ускорить процесс создания индивидуальных заданий для студентов. Плюс использования ресурса в том, что он не обращает внимание на опечатки при формулировке запроса, а минус в том, что он грешит грамматическими и лексическими повторами, поэтому порой запросы приходится уточнять.

Следующим способом применения ChatGPT при подготовке к занятиям является генерирование текста на заданную тематику (например, нефтегазовая отрасль, медицина, строительство, деловое письмо и т.д.). Проблема заключается в формулировке запроса на генерацию текста. Если запрос будет максимально общим, то и ответ виртуальный помощник тоже даст общий, без использования конкретных данных. Тем не менее, при грамотной формулировке запроса ChatGPT можно использовать при подготовке материалов для контрольных переводов, зачёта или экзамена по дисциплине.

Ещё одна возможность применения ChatGPT заключается в его способности быстро сократить исходный текст до требуемого объёма. Данная функция может быть полезна при составлении индивидуальных заданий на контрольный перевод для зачёта или экзамена или во время переводческой практики, когда в тексте должно быть определённое количество знаков согласно рабочей программе дисциплины, а самостоятельно сокращать текст у преподавателя времени нет.

Бесплатный ресурс Text-to-speech Online (<https://www.text-to-speech.online/>), как было сказано выше, позволяет преобразовать текст в аудио. Это может быть весьма полезно на занятиях по устному переводу, когда количество аудиоматериалов ограничено или к ним отсутствует доступ. Другим плюсом является разнообразие используемых языков, что помогает генерировать аудиоматериалы не только на таких популярных языках, как русский или английский, но и на вьетнамском, турецком, румынском и других языках. Кроме того, ресурс предлагает выбрать мужской или женский вариант голоса, а также нужный акцент. Для большинства языков доступен только один акцент, в то время как английский можно выбрать из 14 акцентов, а в американском и британском акцентах можно подобрать наиболее приятно звучащий мужской или женский голос из 5 или 17 голосов соответственно. Разнообразие акцентов, а также возможность адаптировать генерируемое аудио по темпу и тембру речи создают дополнительную трудность для студентов на занятиях по устному переводу, что положительно сказывается на развитии их навыков и готовит их к профессиональной деятельности в реальных условиях, а не в учебной аудитории.

При работе с ресурсом Text-to-speech Online необходимо учитывать некоторые его особенности. Ограничений в объёме загружаемого материала, по всей видимости, нет, так как достаточно длинный текст размером в 5500 знаков был обработан без проблем. При этом после копирования текста для его последующего озвучивания необходимо убирать абзацы и отступы между строками, иначе это будет сделано автоматически, а конец одного и начало следующего предложения будут произнесены без какой-либо паузы между ними. Все сокращения и аббревиатуры лучше расшифровывать, поскольку в противном случае искусственный интеллект будет читать только то, что написано, например, «м» вместо «метр» и «л» вместо «литр». В некоторых словах в русском языке возможны неправильные ударения, а буква «ё» без точек сверху может быть произнесена как «е». Кроме того, порой наблюдается

несогласованность между числительным и, например, существительным в падеже. Несмотря на данные ограничения, ресурс Text-to-speech Online существенно облегчает работу преподавателя устного перевода и позволяет ему оптимизировать учебный процесс при минимальных временных затратах.

Таким образом, интегрирование искусственного интеллекта в профессиональную деятельность преподавателя устного и письменного перевода значительно повышает качество обучения. Искусственный интеллект помогает адаптировать материалы под индивидуальные потребности каждого студента и расширяет доступ к разнообразным ресурсам. Кроме того, его использование освобождает преподавателю время для более творческой и сложной работы, например, развития критического мышления и межкультурных навыков студентов. В итоге, благодаря искусственному интеллекту процесс обучения оказывается более современным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. ChatGPT на русском. – Режим доступа: <https://trychatgpt.ru/> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Text-to-speech Online. – Режим доступа: <https://www.text-to-speech.online/> (дата обращения: 12.11.2025).

УДК 81

A.A. Султанова

студент 2 курса ФГАОУ ВО «К(П)ФУ»

(г. Казань)

*Научный руководитель – Л.Ш. Шафигуллина
канд. пед. наук, доцент кафедры алтайстики, тюркских и
центральноазиатских исследований
ФГАОУ ВО «К(П)ФУ»*

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация: за последние десятилетия английский язык стал основным средством международного общения, и его влияние ощущается во многих странах, включая Турцию. Английские заимствованные слова прочно вошли в современный турецкий лексикон, отражая процессы глобализации, технологического процесса и культурного обмена. Настоящая статья посвящена сопоставительному лексикологическому анализу этих англицизмов. Цель работы заключается в выявлении закономерностей адаптации англицизмов в турецком языке на фонологическом, морфологическом и семантических уровнях, а также в прослеживании корпусных и социолингвистических факторов их интеграции с одного языка в другой. Результаты исследования подчеркивают динамичность языкового процесса, дают рекомендации для

лингвистических исследований и образовательной практики и показывают важность понимания влияния одного языка на другой в условиях современного мира.

Ключевые слова: английские заимствования, турецкий язык, лексикология, адаптация, языковые контакты.

Abstract. In recent decades, English has emerged as the primary medium for international communication, with its influence being palpable in numerous countries, including Turkey. Borrowed words from English have become an integral part of the modern Turkish lexicon, mirroring the ongoing processes of globalization, technological advancement, and cultural exchange. This article focuses on a comparative lexicological analysis of these Anglicisms. The objective of this research is to identify the regularities governing the adaptation of Anglicisms within the Turkish language across phonological, morphological, and semantic levels, as well as to trace the corpus and sociolinguistic factors influencing their integration from one language to another. The results of this study highlight the dynamic nature of linguistic processes, offer recommendations for linguistic research and educational practice, and underscore the importance of understanding inter-language influence in today's globalized world.

Keywords: english borrowings, Turkish language, lexicology, adaptation, language contacts.

Турецкий язык прошел сложный исторический путь, на формирование которого оказали влияние как родственные, так и неродственные языки. Лексика, как наиболее изменчивая часть языка, наглядно отражает все процессы, происходящие в обществе, через постоянное преобразование своих элементов. Эти изменения формируют слои языка, которые в исторической перспективе можно рассматривать как этапы его развития. Особое влияние на современный лексикон турецкого языка оказал международный английский язык.

В эпоху глобализации английский язык стал ключевым инструментом международного общения в сферах политики, бизнеса, науки и культуры. Это, в свою очередь, приводит к активному заимствованию английских слов и выражений в другие языки, включая турецкий.

В настоящее время лексические заимствования из английского языка изучены недостаточно, особенно в аспектах их фонологической адаптации, морфологической ассимиляции и семантических преобразований. Новые заимствования из английского языка стремительно проникают в лексикон современного турецкого языка, что вызывает дальнейшие исследования в этой области.

Изучение процесса языкового заимствования в рамках сопоставительной лексикологии представляет собой актуальную исследовательскую задачу. Такой анализ позволяет не только установить факты заимствования, но и понять, как английские слова адаптируются к фонологической, морфологической и

семантической системам турецкого языка. Понимание этих механизмов проливает свет на динамику развития лексикона, процессы языкового контакта и адаптации, а также на особенности функционирования современных языков.

Обратимся к понятию «Заимствования». Заимствованные слова (заимствования) – это слова, заимствованные из другого языка и модифицированы в соответствии с образцами принимающего языка [1].

Во время заимствования происходит процесс перехода языковой единицы (слова, морфемы, синтаксической конструкции) из одного языка в другой.

По мнению исследователя М.А. Брейтера, «Заимствование является процессом, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора» [2; 49-63].

Многие заимствованные слова, особенно те, что давно вошли в язык, без глубокого этимологического исследования практически невозможно отличить от исконных. Большое количество заимствований в языке свидетельствует о взаимодействии народов, помогая понять не только языковую систему, но и историю, культуру, социальное устройство и менталитет этих групп.

Языковое заимствование представляет собой процесс и результат восприятия, и интеграцию в контактирующих языках единиц или явлений одного языка (языка-донора) в другой (язык-реципиент) [3; 4]. При этом, заимствование может затрагивать все уровни языка - фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. Однако в наибольшей мере явление заимствования распространено в лексике.

Лексикология, изучающая словарный состав языка, ставит перед собой задачу не только описания лексики, но и анализа процессов, которые формируют и изменяют ее. Сопоставительный анализ является одним из ведущих методов в лексикологических исследованиях, поскольку он позволяет выявить структурные, семантические и функциональные сходства и различия между языками или их компонентами. В контексте изучения заимствований, сопоставление английского слова-источника с его турецким эквивалентом дает возможность детально проследить, какие изменения претерпевает слово при переходе из одной языковой системы в другую.

Турецкий язык, как известно, является агглютинативным. Для таких языков типично присоединение аффиксов к неизменяемой основе или корню для выражения грамматических значений. Турецкий язык также имеет четкую фонологическую систему, основанную на законах гармонии гласных (сингармонизма). Эти особенности оказывают существенное влияние на процесс адаптации заимствованных слов.

При интеграции английских заимствований в турецкий язык применяются три основные фонологические стратегии адаптации к его исконной звуковой системе: замена, элизия и эпентеза. Эти механизмы компенсации используются

преимущественно для адаптации англицизмов, содержащих фонемы, чуждые турецкой фонологии.

Рассмотрим первый способ адаптации – замену, который использует язык путем замены одной фонемы (речевого звука) другой, более знакомой фонемой. Например, английский /w/ часто трансформируется в /v/, а английские межзубные /θ/ и /ð/ обычно заменяются на /t/ и /d/. Так, например, заимствованное слово “*empathy*” ['emprəθɪ], в турецком языке адаптируется до “*empati*” [empratɪ]. Однако, поскольку фонема [θ] отсутствует в турецкой фонологии, она замещается на более привычный для носителей турецкого языка звук [t]. Таким образом вместо того, чтобы произносить сочувствие как ['emprəθɪ], носители турецкого языка будут произносить ее как [empratɪ].

Фонологическая адаптация также осуществляется посредством элизии – процесса, при котором из заимствованного слова удаляются один или несколько звуков. Это делается для того, чтобы сделать произношение более простым или чтобы адаптировать слово к слоговой структуре турецкого языка. Например, заимствованное слово “*abnormal*” [əb'nɔ:rm(ə)l] адаптируется в турецком языке до слова “*anormal*” [anormal], полностью удаляя [b]. Носители турецкого языка, испытывая сложности при произношении этого слова из-за чрезмерного скопления согласных, адаптировали англицизм под структуру турецких слогов.

Эпентеза является наиболее распространённой фонологической адаптацией в турецком языке. Это процесс адаптации, при которой вставляется гласная, чтобы сделать слово более произносимым. Например, “*diyet*” – “*diet*”, “*station*” – “*istasyon*”. Таким образом, носители турецкого языка изменят произношение, вставив букву между группами гласных [i] и [e], что приведет к окончательному произношению [дийет].

При заимствовании слов из английского языка в турецкий происходит и морфологическая адаптация. Основным методом такой адаптации является аффиксация, при которой к заимствованному слову добавляются турецкие морфемы. Образование имен существительных на турецкой почве осуществляется посредством аффикса -çı/-cı (-çu/-cu), например: *dizayncı* (от англ. *design*), *süpermarketçi* (от англ. *supermarket*), *medyacı* (от англ. *media*), *sörfçü* (от англ. *surf*), *körkingci* (от англ. *curling*), *raftingci* (от англ. *rafting*), *popci* (от англ. *pop*), *vlogci* (от англ. *vlog*), *folkçu* (от англ. *folk*), *internetçi* (от англ. *internet*) и др.

Также часто при адаптации англицизма в турецком языке используются аффиксы -lik/luk (-lik/-lük), например: *kreatiflik* (от англ. *creative*), *interaktiflik* (от англ. *interactive*), *hipsterlik* (от англ. *hipster*), *brokerlik* (от англ. *broker*), *distribütörlük* (от англ. *distributor*), *bloglucuk* (от англ. *blog*), *forumculuk* (от англ. *forum*), *mitingcililik* (от англ. *meeting*), *süpermarketçilik* (от англ. *supermarket*) и др.

Рассмотрим также морфологическую адаптацию глаголов при переходе заимствований из английского языка в турецкий язык. Большинство глаголов образуется при помощи турецкого глагольного аффикса -la/-le, например:

bloglamak (от англ. *blog*), *klonlamak* (от англ. *clone*), *formatlamak* (от англ. *format*), *hacklemek* (от англ. *hack*), *coverlamak* (от англ. *cover*) и др.

Лексико-семантическая адаптация заимствований также играет большую роль. Чаще всего англицизмы при переходе в турецкий язык проходят такой процесс семантической трансформации как сужение значения, например: слово “*çartır*” (от англ. “*charter*”), функционирует в турецком языке как «самолет, выполняющий регулярные недорогие рейсы между пунктами, независимо от тарифной ставки», тогда как в английском языке слово “*charter*” также относится к морским судам. Кроме того, часто в турецком языке происходит расширение значения заимствованных слов. Например, английское “*party*” (вечеринка с ужином, напитками и танцами по случаю события) в турецком языке приобрело новое значение – «вечеринка на открытом воздухе».

Подводя итог, стоит отметить, что турецкий язык содержит множество слов иностранного происхождения, которые ужеочно интегрированы в его лексикон и стали важной частью его словарного запаса. Заимствование можно рассматривать как одно из значительных последствий культурного взаимодействия.

Сопоставительный лексикологический анализ английских заимствований в турецком языке демонстрирует сложный и многогранный процесс адаптации. Эти процессы происходят на фонологическом, морфологическом и семантическом уровнях, подчиняясь внутренним законам турецкого языка. Анализ выявляет, что турецкий язык демонстрирует высокую способность к интеграции чужеродных лексических единиц, сохраняя при этом свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулина Ф.А. Заимствование как результат межъязыкового взаимодействия в контексте межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. / Ф.А. Абдулина – Уфа, 2004. – 18 с.
2. Брейтер М.А. Процесс языкового заимствования как способ реализации коммуникативных потребностей в рамках межкультурного взаимодействия // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. научн. трудов / под ред. В.В. Красных. – М.: Филология, 1997. – С. 49–66.
3. Ламбrianova Э.Г. Лексические тюркизмы в новогреческом языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. /Э.Г. Ламбrianova – М., 1999. – 99 с.

УДК 811.161.1

Сунь Ихань

аспирант 3 курса ФГАОУ ВО «РУДН им. Патриса Лумумбы»
(г. Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО СКРИПТА «ЧАЕПИТИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме – эволюции языковых выражений, а также обычаям и культурных традиций, которые связаны с чаепитием в России. Основной акцент сделан на истории развития и текущем положении чайной культуры в стране. Это позволило проанализировать как конкретные речевые единицы (в прошлом активно применялись архаизмы, устойчивые фразы, такие как «пить чай вприкуску», пословицы, поговорки; в текущие дни появились слова, связанные с новыми сортами чая и др.), так и практиковались некоторые обряды (поначалу чай был дорогостоящим напитком, распространенным в высших кругах, но постепенно распространился и среди крестьян; по сей день он остается неотъемлемой частью множества россиян). Был сделан вывод о том, что скрипт «чаепитие» продолжает играть важную роль в повседневной жизни россиян.

Ключевые слова: чай, чайная культура, чаепитие, лингвокультура, лингвокультурный скрипт, русский язык.

Abstract. The article is devoted to an urgent problem – the evolution of linguistic expressions, as well as customs and cultural traditions that are associated with tea drinking in Russia. The main focus is on the history of the development and current situation of tea culture in the country. This allowed us to analyze how specific speech units are (in the past, archaisms, stable phrases such as "drinking tea at random", proverbs, sayings were actively used; In recent days, words have appeared related to new varieties of tea, etc.), and some rituals have been practiced (at first, tea was an expensive drink common in high circles, but gradually spread among peasants; to this day, it remains an integral part of many Russians). It was concluded that the tea party script continues to play an important role in the daily lives of Russians.

Keywords: tea, tea culture, tea drinking, linguoculture, linguocultural script, Russian language.

Как верно подмечает В.И. Карасик, лингвокультурный скрипт состоит из двух элементов: культурологического (связанного с моральными ценностями конкретного общества) и верbalного (языкового) [1; 142]. Рассмотрим их подробнее.

С одной стороны, сюда относятся архаизмы, то есть слова, которые отражают реалии минувших дней. Например, после появления электрических чайников слово «самовар» перестало употребляться в утилитарном значении,

утратив свою роль устройства для кипячения воды. Присутствовали устойчивые фразы, связанные со способом приготовления данного напитка в связи с дороговизной сахара: «пить чай вприкуску», когда мелкие кусочки сахара держат во рту, пропуская через него напиток; «пить внакладку», то есть положить сахар в чашку, но так как он требовал больше сахара и был характерен для аристократии. Бедные слои населения практиковали способ «вдогонку»: клали сахар на хлеб, чтобы съесть его в конце. Аналогичным способом иногда ели и мед, и варенье. Использовались и поговорки, пословицы. Например, «Чай не водка, много не выпьешь». Это связано с тем, что в XIX веке чай был дорогим импортным товаром. Подавляющее большинство населения просто не имело финансовой возможности пить его в больших количествах. Однако он символизировался с умеренностью и семейным уютом. А водка была относительно дешева и доступна, ассоциируясь с социальным разложением. Другая поговорка, «Самовар кипит – уходить не велит», подчеркивает, что приглашение к столу могло быть невербальным. Сам вид и звук кипящего самовара был красноречивее любых слов.

В текущие дни появились и неологизмы, связанные с появлением новых сортов чая: «улун», «пуэр», «матча» и др. Их активное использование в обиходе маркирует человека как «чайного грамотного», отличая его от потребителя массовых брендов. Сюда также можно отнести глагол «чаевничать», под которым подразумевается неторопливое, протяженное во времени распивание напитка. Такое действие редко совершается в одиночку; вместо этого люди собираются за одним столом с родственниками, друзьями или иными гостями. Однако слово носит разговорный, несколько фамильярный оттенок. Его уместно использовать в неформальной речи. Вместо «самовара» в домах распространились «электронные чайники», которые соответствуют ритму современной жизни, где чай часто пьют быстро, «на бегу». Многие из них стали устраивать «чайные церемонии», стремясь повторить восточный подход к данному напитку.

Отдельного внимания заслуживает новая лексика, появившаяся в торговле. Например, «чайная карта» представляет собой систематизированный каталог всех доступных сортов чая, которые могут быть проданы на территории кафе и ресторана. Термин сигнализирует о переходе в сегмент премиум-потребления.

Большое предпочтение следует отдать и фразеологизмам, которые продолжают играть важную роль в нынешней речи россиян. Например, «гонять чаи» описывает длительное, неспешное общение индивидов за чайным столом. Другая фраза «похлебать чайку» несет в себе совершенно иную нагрузку; оно подразумевает приглашение к простому, незатейливому, но душевному действию. Глагол «хлебать», изначально относящийся к жидкой пище, например, к щам или похлебке, позволяет упростить пространство, ибо теперь нужно следить за манерами и соблюдать строгий этикет.

С другой стороны, по мнению А.С. Рязанцева, О.М. Блинниковой и И.М. Новиковой, истоки появления чайной культуры в России лежат в XVII веке.

Именно тогда русский дипломат, Василий Старков, привез дар в виде 64 килограммов сущеных листьев от монгольского Алтын-хана для царя Михаила Федоровича [4]. Царский двор оценил диковинный напиток по достоинству, и тот быстро вошел в моду у аристократии.

Однако сырье доставлялось из Пекина в Москву караванным путем в течение года. Такие издержки напрямую влияли на формирование цены самого чая и делали его предметом роскоши. К примеру, купцы были вынуждены отдавать ценную соболью шкурку за 200 грамм чая. Как отмечает К.В. Осипова, им можно противопоставить крестьян, которые пили напиток через день, а некоторые из них и вовсе делали это лишь по воскресеньям и в праздничные дни [3; 124].

Ситуация начала меняться постепенно. Поставки, по-прежнему осуществлявшиеся только в Москву, стали регулярнее, но вплоть до XIX века чай был, по сути, столичным продуктом. Переломным моментом стала Нижегородская ярмарка, куда стали привозить чай для продажи по всей России. Это дало мощный толчок его популяризации. Появились оптовые компании, специализирующиеся на торговле чаем, один за другим стали открываться чайные заведения. Здесь заключались сделки, велись деловые переговоры и обсуждались городские новости. Отличие было в сервировке: в центре зала стояли массивные самовары, а посетителям подавали индивидуальные заварочные чайники с очень крепким настоем, который каждый разводил кипятком из самовара по своему вкусу. В трактирах чай был напитком более простым и демократичным. Его часто подавали в стаканах, а не в чашках, и нередко добавляли в него ром или коньяк.

Тогда же появились традиции, связанные с употреблением чая, которые разительно отличались друг от друга. Русское дворянство, ориентированное на европейскую моду, взяло за основу правила британской чайной церемонии. Стол накрывался с особым изяществом, часто с использованием скатерей из тонкого полотна. Сухая заварка хранилась в изящной чайнице, а ее заваривание происходило прямо за столом в присутствии гостей. Напиток подавали в изысканных фарфоровых сервизах, которые нередко заказывались напрямую из Европы или знаменитых русских мануфактур, например, Императорского фарфорового завода. Популярным способом употребления, подчеркивавшим связь с Англией, было добавление в чай молока. Следовательно, для представителей дворянства чай был приятным поводом для непринужденной беседы.

У купцов и зажиточных помещиков все обстояло иначе. Во главу стола ставился самовар. Воду кипятили именно на нем. К.С. Коваль добавляет мысль о том, что «приборы и чашка размещались справа от тарелки, а если уж гости потчевали медом или вареньем, то подавалась розетка, чайная ложка и блюдце для косточек» [2; 183]. Чтобы подчеркнуть гостеприимство хозяина, ставились различные угощения: варенье собственного приготовления (чаще всего из малины, вишни или смородины), мед, баранки, сушки, сытные пироги с мясом и др. Чай разливался по чашкам, которые ставились на блюдца, часто

украшенные яркой цветочной росписью. В случае, если становилось жарко внутри дома, гостям могли подавать небольшое полотенце, которое вешалось на шею, чтобы вытирать выступивший пот.

К началу XX столетия самовары были почти в каждом городском доме, превратившись в важный социальный маркер. В деревне, если у крестьянской семьи не было самовара, она считалась крайне бедной и маргинальной. В зажиточных семьях их могло быть по два-три экземпляра. При этом один, часто серебряный и начищенный до блеска, стоял рядом с иконами, и его не использовали для нагрева воды. Мещане, подражая аристократии, тоже устраивали чайные посиделки для общения, но накрывали стол по образцу купеческого, скромнее и с меньшим размахом. Чай заваривали некрепким, так как качественный продукт оставался дорогим. Такие вечера часто сопровождались музыкой, например, песнями под гитару или романсами. Самовары можно было найти как в монастырях, куда люди отправлялись на паломничество, чтобы поклониться мощам святых. Служба заканчивалась, и всех прихожан нужно было накормить и напоить.

С приходом электричества появились и электрические самовары. Пик их популярности пришелся на советское время, когда они помогали адаптироваться в городах переселенцам из деревень, не привыкшим к газовым плитам. Подобные устройства встречались и в кафе, обслуживающих иностранных туристов, где необходимо было представить русскую культуру.

Одной из ключевых особенностей чайной культуры в данный временной промежуток был церемониальный отказ гостя от последующих чашек. Выпив первую, гость обязательно благодарил хозяев и отказывался от добавки, даже если хотел еще. Это было проявлением хороших манер. Хозяйка же должна была быть настойчивой и уговаривать гостя, заверяя его в своем искреннем радушии. Чаепитие продолжалось только после двух-трех таких взаимных уговоров, что превращало сам процесс в своеобразный ритуал вежливости.

В Советском Союзе наладилось чайное производство. Неудивительно, что потребитель мог купить несколько видов чая, каждый из них имел собственную репутацию, как указано в научных трудах И.В. Черновой [5].

Во-первых, грузинский чай был самым массовым и доступным. Из-за механизированного сбора в его составе часто попадались не только листья, но и чайные веточки, что придавало напитку характерный немного древесный вкус. Во-вторых, краснодарский чай считался более ароматным, обладал мягким, слегка сладковатым вкусом. Его главным недостатком была хрупкость: он быстро терял свои свойства при длительной транспортировке. Поэтому его качество могло значительно различаться в зависимости от места расфасовки.

Однако более всего был распространен чай с лимоном. Заваривание начиналось с тщательной подготовки заварочного чайника. Его обязательно ополаскивали крутым кипятком. Это делалось не только для гигиены, но и для прогрева фарфоровых или керамических.

Следом сначала в чайник насыпали 2-3 ложки черного чая (чаще грузинского или индийского купажа), заливали его небольшим количеством

только что вскипевшей воды, заполняя сосуд, примерно на треть. Затем следовала пауза в 5-7 минут. За это время чайные листья успевали набухнуть и отдать воде свои эфирные масла. Лишь после этого чайник доливали кипятком до конца, получая ароматный напиток нужной крепости, но без излишней горечи. Дольку цитруса клали прямо в чашку, что позволяло каждому регулировать кислотность по своему вкусу. На основе этого классического рецепта возникли и популярные вариации, каждая из которых служила своей цели. «Лечебная» версия, где к чаю и лимону добавляли мед, была первым средством при простуде. Сладкий вариант с малиновым или смородиновым вареньем превращал чаепитие в десерт. А знаменитый «чай по-советски» (крепкий, с лимоном и обязательным бутербродом из белого хлеба со сливочным маслом) представлял собой своеобразный перекус, заменивший полноценный прием пищи в условиях напряженного рабочего дня.

В контексте чайной традиции повсеместно использовались подстаканники, чтобы горячий стакан не обжигал руки. На них стали изображать государственную символику (серп и молот, пятиконечные звезды, знамена и элементы герба), а также портреты политических лидеров (изображения Ленина, Сталина и др.). Часто выпускались тематические серии, посвященные юбилеям Октябрьской революции, победе в Великой Отечественной войне, а также покорению космоса (с портретами космонавтов). Чайные сервизы (например, с ласточками) были предметом гордости и передавались по наследству. Их дарили на свадьбы и крупные юбилеи.

В нынешние дни наблюдается процесс индивидуализации чаепития. Если исторически он был вписан в структуру семейного взаимодействия, выполняя интегративную функцию, то в современном контексте он подвергается трансформации. Яркой презентацией этой тенденции является ситуация, в которой человек предпочитает попить данный напиток за компьютером во время работы, потребления контента или виртуального общения. Данный семантический сдвиг находит прямое отражение в языке. Устойчивое выражение *«заскочить на чашку чая»* актуализирует новую модель социального взаимодействия. Лексема *«заскочить»* имплицирует незначительность временных затрат, спонтанность и отсутствие формальности.

Этому также способствует появление чайных клубов и кофеен, где за напитки уже нужно платить. Например, в Москве представлено заведение, которое именуется как «Души не чаю». Его уникальность заключается в диверсификации предлагаемых ритуальных практик, и каждому желающему предлагаются как региональные вариации (китайская, тибетская церемонии), так и сенсорно-экспериментальные форматы (чайная церемония в полной темноте), что свидетельствует о поиске новых форм перформативного потребления.

Таким образом, на протяжении долгих веков русская чайная культура символизировала исключительно гостеприимство, семейный уют, радушие. Лингвистическая презентация данного скрипта базируется на полиморфной лексической структуре. В её состав входят, во-первых, архаическая лексика

(«самовар», «вприкуску»). Во-вторых, неологизмы («улун», «пуэр»), отражающие процесс терминологического обновления в рамках современной чайной культуры. Ключевым компонентом выступает паремиологический фонд, представленный, например, пословицей «Чай не водка, много не выпьешь». Она имплицитно транслирует нормы поведения, сформированные в конкретном историко-культурном контексте.

В современности наблюдается трансформация скрипта. С одной стороны, утрачиваются некоторые традиционные элементы (самовар, церемониальные отказы), заменяясь более практическими атрибутами (электрочайник). С другой, происходит его обогащение за счет заимствований («чайная карта»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. – 2004. – №1. – С. 130-159.
2. Коваль К.С. Культурные традиции русского чаепития // Аналитика культурологии. – 2014. – №28. – С. 181-185.
3. Осипова К.В. Чай в культурно-языковой традиции Русского Севера // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2021. – №16. – С. 104-124.
4. Рязанцев А.С., Блинникова О.М., Новикова И.М. История появления чая на нашем столе и его целебные свойства // Наука и образование. – 2022. – №2. – С. 250-258.
5. Чернова И.В. «Чайное дело»: от антропологии пищи к неформальным экономическим практикам XIX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2023. – №2. – С. 142-148.

УДК 81.2

Хань Чжэн

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «ИвГУ»

(г. Иваново)

Научный руководитель – Е.Б. Еришова

канд. филол. наук, доцент Центра русистики и международного
образования ФГБОУ ВО «ИвГУ»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ КОМПАРАТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ русских компаративных устойчивых сочетаний (ФЕ) с компонентами *как*, *будто*, *словно*, используемых для характеристики внешних и внутренних качеств человека, и их функциональных аналогов в китайском языке. Цель исследования — выявление общих и специфических черт в выборе объектов сравнения (эталонов) и структурном оформлении данных единиц.

Устанавливается, что русские компаративные ФЕ имеют аналитическую структуру, в то время как китайские аналоги чаще представлены скрытыми сравнениями в рамках фиксированных четырёхероглифных конструкций (чэньюев). Анализ эталонов выявляет различия, обусловленные культурными и природными особенностями двух лингвокультур.

Ключевые слова: компаративная фразеология, устойчивые сравнения, эталон, русский язык, китайский язык, структурный анализ, образность, характеристика человека.

Abstract: The article provides a comparative analysis of Russian comparative stable combinations (FE) with components like, as if, as if, used to characterize the external and internal qualities of a person, and their functional analogues in the Chinese language. The purpose of the study is to identify common and specific features in the selection of comparison objects (standards) and the structural design of these units. It is established that Russian comparative figures have an analytical structure, while Chinese analogues are more often represented by hidden comparisons within the framework of fixed four-hieroglyphic constructions (chengyu). The analysis of the standards reveals the differences due to the cultural and natural features of the two linguistic cultures.

Keywords: comparative phraseology, stable comparisons, standard, Russian language, Chinese language, structural analysis, imagery, human characteristics.

Антропоцентризм является ключевым принципом современной лингвистики, и язык как система в значительной степени ориентирован на описание человека. Одним из наиболее ярких и культурно-обусловленных пластов лексики выступают компаративные устойчивые сочетания как один из видов фразеологизмов. Они не только характеризуют те или иные качества личности, но и отражают национальную картину мира, систему ценностей и исторический опыт народа.

Проблема компаративной фразеологии и, в частности, устойчивых сравнений, характеризующих человека, находилась в поле зрения как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

В русской фразеологии фундаментальный вклад в теорию фразеологизмов внесли труды В.В. Виноградова [1], который заложил основы классификации устойчивых единиц. Хотя он не выделял устойчивые сравнения в отдельный разряд, его идеи о семантической слитности и переосмыслении компонентов стали методологической основой для их изучения. Непосредственно устойчивым сравнениям посвящены работы А.И. Молоткова [2], который включил их в свою фразеологическую систему и указал на их специфику, заключающуюся в наличии эталона сравнения. Значительный вклад в изучение данного класса единиц внесла В.Н. Телия [3, с. 214-237] с позиций лингвокультурологии. В своих работах она подчеркивает, что устойчивые сравнения являются «зеркалом» национальной культуры, а их эталоны отражают культурно-исторический опыт и систему ценностей народа. В более

поздних исследованиях, например, в работе Чжоу Ян [4], устойчивые сравнения рассматриваются в аспекте межкультурной коммуникации и перевода, что особенно актуально для нашего сопоставительного анализа.

В китайской фразеологии традиционно сильна традиция лексикографического описания иероглифических идиом (чэньюев). Фундаментальные словари, такие как труд 刘洁修 (Лю Цзесю) «汉语成语考释词典» [7, с. 234], содержат детальный анализ происхождения, семантики и вариантов тысяч чэньюев, многие из которых имеют компаративную природу. В теоретических работах китайских лингвистов, например, в учебниках 邵敬敏 (Шао Цзинминя) [6, с. 156-160], устойчивые сочетания анализируются с точки зрения их структуры и грамматических функций, однако прямое выделение класса, аналогичного русским устойчивым сравнениям с союзом, встречается редко. Сравнительный компонент чаще исследуется как неотъемлемая семантическая черта метафорического чэньюя. Для российского востоковедения значимой работой является монография В.Ф. Щичко «Китайская фразеология» [5], в которой системно представлены типы китайских фразеологизмов, включая и те, что основаны на сравнении, и проведен их сопоставительный анализ с русскими эквивалентами.

Научная новизна настоящего исследования заключается в целенаправленном сопоставлении именно компаративных структур русского языка (с эксплицитным союзом) с их функциональными семантическими аналогами в китайском языке, которые зачастую имеют иную структурную организацию. Акцент делается на выявлении не только лингвистических, но и глубоких лингвокультурологических расхождений в выборе и функционировании эталонов характеристики человека.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к межкультурной коммуникации и необходимостью глубокого понимания культурных коннотаций в рамках методики русского языка как иностранного и переводоведения.

Объектом исследования являются компаративные фразеологические единицы русского и китайского языков. Предмет — их структурно-семантические особенности в аспекте характеристики человека.

Компаративные фразеологизмы, или устойчивые сравнения, представляют собой один из наиболее образных и культурно-маркированных пластов фразеологии любого языка. В русском языке они стандартно оформляются с помощью сравнительных союзов *как*, *будто*, *словно*, *точно* и выполняют характерологическую функцию, ярко и лаконично описывая различные свойства человека.

Наиболее заметное различие наблюдается в структурном оформлении сравнения. Для русского языка характерна аналитическая, развернутая структура с обязательным использованием сравнительного союза.

Модель: [Признак] + [Союз (как, будто, словно)] + [Эталон].

Например: *голодный как волк, упрямый как осел, красный как рак, здоровый как бык*.

Для классической китайской фразеологии (чэньюев) такая открытая структура нехарактерна. Сравнение чаще является скрытым (имплицитным) и реализуется в рамках компактной, часто четырёхиероглифной модели.

Модель 1: Прямое метафорическое отождествление (без союза).

Например: 狼吞虎咽 (láng tūn hǔ yàn) — «[есть] подобно волку, который глотает, и тигру, который жуёт» (есть жадно, как волк). Союз «как» подразумевается.

Модель 2: Использование структуры «A 如 B» (A подобно B).

Например: 骨瘦如柴 (gǔ shòu rú chái) — «кости худые, как дрова» (худой как щенка). Здесь 如 (rú) выполняет функцию союза «как», но в рамках жесткой конструкции.

Модель 3: Использование структуры «A 似 B» (A сходно с B).

Например: 如花似玉 (rú huā sì yù) — «как цветок, словно нефрит» (очень красивая женщина).

Таким образом, если русские сравнения прозрачны и структурно свободны, то китайские, будучи семантически компаративными, структурно инкорпорированы в устойчивую формулу.

Эталоны для описания внешности в обоих языках часто берутся из мира природы, животных и быта, но конкретные реализации различаются.

Общие зооморфные и соматические эталоны:

• Худоба:

Русский язык: *худой как щенка, худой как скелет*.

Китайский язык: 骨瘦如柴 (gǔ shòu rú chái) — «кости худые, как дрова».

• Покраснение (стыд, смущение):

Русский язык: *красный как рак*.

Китайский язык: 面红耳赤 (miàn hóng ěr chì) — «лицо красное, уши алые» (имплицитное сравнение).

Специфические эталоны:

В русском языке активно используются бытовые и специфические природные образы, понятные в контексте русской культуры.

Здоровый как бык/конь (сила, здоровье).

Круглый как колобок (полнота).

Бледный как смерть (испуг, болезнь).

В китайском языке широко используются образы из классической литературы, мифологии и поэзии, а также ценные материалы.

如花似玉 (rú huā sì yù) — «как цветок, словно нефрит» (красота).

沉鱼落雁 (chén yú luò yàn) — «[красота, от которой] рыба уходит на дно, а гуси падают на землю» (сравнение через реакцию природы).

虎背熊腰 (hǔ bēi xióng yāo) — «спина тигра, талия медведя» (могучий).

Сравним эталоны характеристики внутренних качеств:

Интеллектуальные способности

• **Глупость:**

Русский язык: *глуп как пробка, как пень*. Этапоны — простые предметы.

Китайский язык: **对牛弹琴** (duì niú tán qín) — «играть на цине перед коровой» (обращаться с высокими речами к глупому человеку). Этапон — животное, не способное оценить искусство.

Черты характера:

• **Упрямство:**

Русский язык: *упрямый как осел*. Универсальный зооморфный эталон.

Китайский язык: **固执己见** (gù zhí jǐ jiàn) — «упорно придерживаться своего мнения» (имплицитная характеристика без прямого сравнения).

• **Трусость:**

Русский язык: *труслив как заяц*.

Китайский язык: **胆小如鼠** (dǎn xiǎo rú shǔ) — «трусливый как мышь».

Эталон различается.

• **Хитрость, коварство:**

Русский язык: *хитрый как лиса*.

Китайский язык: **狐假虎威** (hú jiǎ hǔ wēi) — «лиса, пользуясь авторитетом тигра» (имплицитное сравнение в рамках сюжета).

• **Жадность, алчность:**

Русский язык: *жадный как собака* (редко), *как Пилат*.

Китайский язык: **狼贪虎噬** (láng tān hǔ shì) — «волчья жадность, тигровое пожирание» (используются более агрессивные хищники).

Проведенный сопоставительный анализ русских и китайских компартиативных ФЕ, характеризующих человека, позволил сделать следующие выводы:

1. Структурные различия носят фундаментальный характер. Русские ФЕ строятся по аналитической модели с союзом, что делает сравнение эксплицитным и грамматически оформленным. Китайские эквиваленты, в основном чэньюи, реализуют сравнение имплицитно, через метафорическое отождествление в рамках ригидной, чаще всего четырёхиероглифной структуры.

2. Образные параллели наблюдаются в случаях универсальных зооморфных эталонов (*заяц/мышь* — трусость, *волк* — жадность), что свидетельствует об общности жизненного опыта.

Национально-культурная специфика проявляется в выборе эталонов. Для русского языка характерны бытовые и натуралистические эталоны (*колобок, пробка, рак, пень*), отражающие практический опыт и окружающую среду. Для китайского языка характерны историко-литературные, поэтические, а также более сложные сюжетные метафоры, уходящие корнями в классические тексты.

Данные различия необходимо учитывать при обучении китайских студентов русскому языку и при переводе. Дословный перевод русского устойчивого сравнения на китайский часто невозможен и стилистически неуместен. Требуется поиск функционального фразеологического эквивалента или описание смысла. Это подтверждает тезис о том, что фразеология является квинтэссенцией национального духа и миропонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
2. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Чжоу Ян. Лингвокультурологическое описание русских устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом (на фоне китайского языка): Авторф.... канд филол наук. – М. – 2022. – 24 с.
5. Щичко В. Ф. Китайская фразеология: Опыт исследования чэньюев. – М.: Восток-Запад, 2006. – 288 с.
6. 邵敬敏. 现代汉语通论 [Текст] / 邵敬敏. – 第 2 版. – 上海: 上海教育出版社, 2007. – 428 页. (Shao Jingmin. A General Introduction to Modern Chinese [Text] / Shao Jingmin. – 2nd ed. – Shanghai: Shanghai Education Publishing House, 2007. – 428 p.)
7. 刘洁修. 汉语成语考释词典 [Текст] / 刘洁修. – 北京: 商务印书馆, 1989. – 1256 页.(Liu Jiexiu. Dictionary of Chinese Idioms Research [Text] / Liu Jiexiu. – Beijing: The Commercial Press, 1989. – 1256 p.)

УДК 81'25

О.Г. Дудочкина
канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации
и переводческой деятельности ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»,
(г. Уфа)
М.А. Херуимова
магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»,

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ПОДКАСТА КАК ОБЪЕКТА ПЕРЕВОДА

Аннотация: Текст статьи посвящен исследованию значения термина «подкаста» и изучению лингвистической составляющей данного жанра в процессе перевода. Актуальность работы обусловлена растущей популярностью подкастов как формы медиа, в рамках исследования выявляются и систематизируются ключевые особенности текста подкаста в зависимости так же от его разновидности: монологической или диалогической. Автор анализирует уникальные особенности подкаст-контента, такие как его устно-разговорный характер, импровизацию, наличие невербальных элементов (смеха, интонации), культурные реалии и прямое обращение к аудитории. В статье приводятся примеры разного типа подкастов, выявляются лингвистические свойства каждого из них. Также автор уделяет внимание лексическому пласту каждого жанра подкаста. Цель работы – продемонстрировать те лексические и синтаксические нюансы, с которыми может столкнуться переводчик при переводе подкаста.

Ключевые слова: подкаст, лексика, синтаксис, жанр, форма, диалогический, монологический.

Abstract: This article examines the term "podcast" and investigates the linguistic features of this genre from a translation studies perspective. The relevance of the study is driven by the growing popularity of podcasts as a media format. The research identifies and systematizes the key characteristics of podcast texts based on their variant: monologic or dialogic. The author analyzes the distinctive traits of podcast content, such as its oral-conversational style, elements of improvisation, the presence of non-verbal components (laughter, intonation), cultural references, and direct audience address. The article provides examples of different podcast types and outlines their linguistic properties. Particular attention is paid to the lexical features of each genre. The aim of the study is to highlight the lexical and syntactic nuances that a translator may encounter when working with podcasts.

Keywords: podcast, lexis, syntax, genre, format, dialogic, monologic.

Выбор форм и механизмов коммуникации с аудиторией – значимый фактор формирования контент-стратегии медиа в условиях цифровой многоканальности, которая не только увеличила объемы потребления

информации, но и трансформировала принципы взаимодействия общества и медиа. Современные медиа вынуждены фокусироваться не только на качестве контента, но и новых формах вовлечения аудитории. В этом отношении подкасты как форма коммуникации не только способствуют вовлечению аудитории, но и являются новым инструментом организации публичной дискуссии относительно значимых общественных проблем [2; 104]

Подкаст – это медийное явление, которое стало наиболее популярно за последние десять лет. Суть подкаста состоит в том, чтобы сделать аудиальный обзор на какую-либо тему. Подкасты существуют как в формате аудио, так и в формате видео, но в каждом из них упор делается на транслируемый монолог или диалог. Например, в видео-формате, даже если обозревается какая-то наглядная тема, демонстрируется не ее наглядный разбор, а само обсуждение. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что с медийной точки зрения подкаст – текстоцентрическое шоу.

Для подкаста характерны признаки как разговорного жанра, так и книжного (который опирается на определенный грамматические и синтаксические языковые нормы):

1. Обычно, синтаксис подкаста основан на грамматике книжного языка, но, периодически, в нем присутствуют элементы разговорного: характерная инверсия, например.

2. Разговорность жанра заключается в использовании сленга и жаргона в речи.

3. В исторических и политических подкастах преобладает книжный язык, как того требует жанровая специфика подкаста.

По способу подачи информации предусмотрена публикация подкастов в форме:

1) Монолога. Это самая распространенная разновидность подкаста. В такой форме могут общаться с аудиторией не только эксперты в разных сферах жизни, но и малоизвестные авторы. Этот вид подкаста удобен как для экспромтов, так и для детального раскрытия темы по четко разработанному сценарию;

2) Интервью с приглашенными гостями;

3) Диалога нескольких ведущих. Как правило, в таких аудио-шоу принимают участие 3-4 спикера. Основное преимущество этого формата - рассмотрение актуальной темы с разных ракурсов. Поскольку мнения спикеров по одному и тому же вопросу могут сильно различаться, подкаст получается очень интересным и непредсказуемым;

4) Аудиоспектаклей. Некоторые из этих проектов стали настолько популярными, что были экranизированы;

5) Документальных программ. Классика жанра – подкасты тематики true crime про загадочные преступления. В документальных программах часто используются архивные записи интервью и комментарии очевидцев драматических событий.

Вневременные подкасты не привязаны к конкретным инфоповодам, но раскрывают какую-то конкретную тему или проблемный контекст. Например, подкаст «Наука в фокусе» («Эхо Москвы»), гостями которого являются ученые, рассказывает об актуальных проблемах естественных наук. В российском медиапространстве такой тип подкаста, как правило, реализованный в формате интервью, встречается достаточно часто. В то время как западные вне временные проекты могут быть очень кинематографичны [2;113]

Западные интервью-проекты также очень популярны, такой формат текста имеет свои особенности при переводе. В качестве примера можем привести фрагмент подкаста Jay Shetty Podcast «Selena Gomez & Benny Blanco EXCLUSIVE: How Benny Taught Me to Trust Again». Данный текст – интервью, общение неформального характера, такому тексту свойственны:

- 1) многочисленные сленговые выражения: броманс(сленговое выражение, обозначающее дружбу)
- 2) упрощенная структура предложений: «Это смешно», «Это точно»
- 3) наличие междометий, риторических восклицаний: «Хэй» (можно перевести как привет, но учитывая ситуацию диалога, эта реплика, скорее является риторическим восклицанием и никакого посыла не несет); «Хэй, Хэй» (негодущие междометия)

Основное сообщение данного текста – это рассказ двух знаменитых людей об их истории любви, при помощи диалога с ведущим подкаста. Ведущий задает вопросы, ответы на которые было бы интересно узнать зрителю (потенциальному получателю сообщения). Так как сообщение построено в диалогической форме и, в сущности, со зрителем герои подкаста не взаимодействуют, то языковое выражение сообщения данного подкаста – примитивно. Герои используют разговорную лексику, сленговые выражения («bromance»). Часто встречаются междометия, которые показывают реакцию одного человека на слова другого. Коммуникативная ситуация, представленная нам посредством этого текста, демонстрирует нам имитацию живого общения. Герои обращаются друг к другу, делятся воспоминаниями, вербально и невербально взаимодействуют. В таком типе подкаста упор делается не на то, что говорится, а на то, каким образом транслируется информация. Поэтому, важны и риторические восклицания, и прочие аспекты, свойственные повседневному, неформальному общению [1].

Подкаст – не всегда диалогическое лингвистическое явление. Подкаст может быть монологом, при переводе, в таком случае, уделяется внимание другим лингвистическим особенностям текста, которые отличают монологический текст от текста в формате интервью. Пример монологического подкаста – один из выпусков шоу с ресурса Harry Potter Theory, «50 Mind blowing Harry Potter Theories (MEGA COMPILATION)» (50 крылатых Теорий о франшизе Гарри Поттер (сборник лучших).

Основное сообщение данного текста – это монолог ведущего подкаста, адресованный зрителю. Ведущий задает вопросы зрителю (потенциальному получателю сообщения), чтобы получатель сообщения – вышел на связь и

оставил комментарий. То есть, коммуникантом рассказчика является потенциальный потребитель контента. Сообщение построено в монологической форме и, в сущности, адресовано исключительно зрителю. Языковое выражение сообщения построено по образцу классического английского языка.

Нет сленга, но упоминаются «придуманные» слова из франшизы, имена собственные, названия. Например: Хогвартс, Живоглот, Гарри Поттер, Квиддич и т.д.

В рамках данной коммуникативной ситуации вербального взаимодействия с кем-либо не демонстрируется, все внимание контент-мейкера сосредоточено на теме.

Особенности текста в формате интервью при переводе:

1. Упрощенные конструкции предложений
2. Наличие сленговых выражений
3. Текст имеет эмоциональную окраску благодаря интонации говорящих

4. Контент-мейкер имеет свое отношение к происходящему из-за чего текст становится личным. Этот аспект нужно адаптировать переводчику для читателя или слушателя при переводе

5. Особенности перевода реалий той или иной среды, в которой находится контент-мейкер

Особенности текста в формате монолога при переводе:

1. Специфическая лексика по тематике текста (фэнтези)
2. Текст не имеет эмоциональной окраски (в случае того аудиального текста, который переводили мы)
3. Обращение, непосредственно, к публике, одностороннее общение с ней

Подводя итог, мы можем провести статистику относительно исследования:

1. При прослушивании монологического подкаста, темой которого является фильм, книга и т.д., монолог чаще всего будет безэмоциональным, социокультурных единиц языка также выявлено не будет. Лексическая составляющая диалога будет грамматически, лексически и синтаксически верной на 80%, так как используются слова, характерные исключительно данной теме, т.е. созданные конкретным человеком и не являющиеся частыми в использовании. Т.е. лексика такого монолога будет классической с элементами книжного сленга, но не разговорного.

2. При прослушивании диалогического подкаста-интервью, темой которого являются какие-либо отношения, например, диалог будет на 100 % эмоциональным, на 60 % отражающим социум страны (так как те, кто говорят, отражают не только страну, но и слой населения, поэтому, процент достоверности отражения лишь немногим больше половины) и на 65% такой диалог состоит из примитивного сленга и сокращения слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алькенова С. Н. Контекстная реализация звукоизобразительных слов английского языка / С. Н. Алькенова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 7. – С. 2239-2244. – DOI 10.30853/phil20220372. – EDN LIHPGD.
2. Воинова Е. А. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды / Е. А. Воинова, Е. В. Сивякова // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 12. – С. 104-120. – EDN YWZRWН.
3. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование» / В. Е. Чернявская. – Москва: URSS, 2014. – 200 с. – ISBN 978-5-9710-0917-7. – EDN TDQZNN.

УДК 81

Н.Ф. Шагалина

магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

О.Г. Дудочкина

*канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации
и перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

РЕАЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается реалия, как одна из сложных категорий перевода, приводятся определения понятия «реалия», затрагивается вопрос о классификации реалий. Перевод реалий является важной частью передачи национально-культурного колорита оригинального произведения на язык перевода. Реалии в тексте несут дополнительную экстралингвистическую информацию, которая может не только воссоздавать культуру определённой нации, страны или эпохи, но переплетаться с сюжетной линией произведения. Они часто создают трудности для переводчика, поскольку требуют тщательного подхода для точной передачи смысла и культурных нюансов исходного текста целевой аудитории.

Ключевые слова: реалия, художественная литература, национальный колорит, перевод, приемы перевода.

Abstract. This article examines realia as one of the complex categories of translation, it gives definitions of "realia", and addresses the issue of classifying realia. The translation of realia is an important part of the task of transferring the national and cultural colour of the original work into the language of translation. The realia in the text carries additional extralinguistic information that can not only recreate the culture of a particular nation, country, or epoch, but also intertwines with the storyline of the work. It often causes difficulties for translators, as it requires a

careful approach to accurately convey the meaning and cultural nuances of the source text to the target audience.

Keywords: realia, literature, national colour, translation, methods of translation.

Во всех языках существуют такие слова и словосочетания, которые содержат в себе культурные компоненты, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными понятиями [2; 67]. Это, в свою очередь, вызывает трудности при переводе текстов художественных произведений из-за отсутствия схожих явлений и ситуаций в других языках. Большинство исследователей определяют их как реалии.

Художественный перевод способствует взаимовлиянию и взаимообогащению национальных литератур [5; 2]. При переводе текста художественного произведения переводчики стремятся максимально точно передать все культурные особенности оригинального произведения. Они могут содержаться в описании черт внешности персонажей, их характера и поведения, одежды и уборов, жилищ и имущества, домашней утвари, пищи и напитков, видов труда и занятий, праздников и игр, единиц измерения, общественного устройства и административных единиц и т.д. Эти детали в произведениях, представляя собой «культурные предметы» или «культурные концепты», способствуют созданию национального колорита. Колорит – это характерная для конкретных событий, обстоятельств и ситуаций атмосфера, которую можно ощутить с помощью языкового своеобразия. Он возникает при переносе писателем фактов своей действительности, эпохи, нации в мир, создаваемого произведения. Автор может делать это, как целенаправленно, так и неосознанно, но именно это позволяет читателю ознакомиться с культурой другой эпохи, страны или нации.

Авторы книги «Непереводимое в переводе», С.И. Влахов и С.П. Флорин, называют реалии наиболее яркими выразителями национального колорита. «Реалии – слова, словосочетания называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому: будучи носителями национального и/или исторического колорита они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, следовательно, не поддаются переводу и на общих основаниях, требуя особого подхода.» [4; 47]

Согласно Л. С. Бархударову, реалии – это предметы и явления, которые специфичны для одного народа и отсутствуют в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда он относит, слова, обозначающие предметы материальной и духовной культуры, начиная названиями блюд и заканчивая видами народного творчества, а также слова и устойчивые сочетания слов, связанные с политическими учреждениями и общественными явлениями, характерными только для одной страны [1; 95].

В.С. Виноградов в книге «Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)» для определения сугубо национального тезауруса предлагает термин «фоновая информация». «Содержание фоновой информации

охватывает прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п. Все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями.» Он также указывает на то, что терминологическая неупорядоченность коснулась и этого термина и «под реалиями понимают не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания [3; 19]. От степени правильного восприятия переводчиком фоновой, экстралингвистической информации зависит сохранение в переводе национального колорита оригинала.

Для структурирования информации с учётом многообразия реалий возникла необходимость в их классификации. Были выдвинуты различные способы классификаций такими известными переводчиками-теоретиками и практиками как, С. Влахов, С. Флорин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов, Г.Д. Томахин и др.

Для передачи реалий выделяют такие приемы как: транслитерация/транскрипция, гипо-гиперонимический перевод, уподобление, описательный перевод и калькирование. В зависимости от таких факторов, как значимость реалии в тексте, тип текста, степень знакомства читателя с национальной культурой текста оригинала, временной фактор, жанровые особенности произведения и т.д., переводчики делают выбор в пользу того или иного способа перевода. Если текст оригинала уже содержит объяснение реалии, то достаточно перевести его, но иногда переводчику необходимо самому вводить объяснение в текст перевода. К тому же художественное произведение обладает идеально-тематической направленностью и выполняет функцию эстетического воздействия, соответственно при переводе необходимо учитывать и намерения автора, и использовать те ресурсы, которые наиболее эффективно реализуют их в тексте перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
4. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
5. Исмаилова Ф.Е. Межкультурно-коммуникативные функции художественного перевода / Ф.Е. Исмаилова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37. — С. 148-150. — ISSN 1994-2796. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. —

Режим поступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/290028> (дата обращения: 13.06.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

УДК 81

Н.Ф. Шагалина

магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

О.Г. Дудочкина

канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной

коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ АСИИ АРСЛНОВОЙ «АУЛ»

Аннотация: Статья исследует использование реалий в романе Асии Арслановой «Аул». В основном, события, описанные в произведении, происходят в башкирской деревне, но есть главы, описывающие жизнь людей в русских деревнях. Соответственно встречаются не только башкирские, но и русские реалии. В статье даётся определение понятию «реалия», составлена классификация башкирских и русских реалий, встречающихся в романе и характеризующих жизнь и культуру конца XIX века. Подчёркивается роль реалий в создании яркого описания аутентичного образа жизни. Анализ реалий в романе показал, что большая часть относится к бытовым и ономастическим реалиям.

Ключевые слова: художественный текст, реалия, классификация реалий, национальный колорит.

Abstract. The article examines the use of realia in Asia Arslanova's novel "Aul". The events described in the work take place mainly in a Bashkir village, but there are chapters describing the lives of people in Russian villages. Accordingly, there are not only Bashkir, but also Russian realia. The article defines the concept of "realia", and provides a classification of Bashkir and Russian realia found in the novel and characterizing the life and culture of the late 19th century. The role of realia in creating a vivid description of an authentic lifestyle is emphasized. An analysis of the realia in the novel has shown that most of them relate to household activities and onomastic realia.

Keywords: literary text, realia, classification of realia, national colour.

Тексты художественных произведений, особенно национальных, содержат целый арсенал средств, позволяющих в полной мере раскрыть национально-культурный колорит. Культура народа, его традиции, обычаи находят отражение в языке, и язык является хранителем культурно-исторической информации о народе. В любой культуре есть специфичные

понятия и явления, которые присутствуют только в ней. В языкоznании такие слова и словосочетания, которые являются маркерами национального и не имеют эквивалентов в других языках, определяются как реалии.

Для исследования реалий был выбран роман Асии Арслановой «Аул». автор определяет роман как этническое фэнтэзи, события которого разворачиваются в конце XIX века. Русский мальчик Саша, который является одним из главных героев, выступает проводником в культуру башкир того времени. Автор в данном романе воссоздаёт мифологизированную реальность башкирского аула с его бытом, со всеми мифическими и сказочными существами, легендами, преданиями и песнями.

Роман «Аул» написан на русском языке, но в нём встречается немало слов на башкирском языке. Значение некоторых можно понять из контекста, а некоторые и вовсе не понятны для читателя незнакомого с башкирской культурой и языком. Эти слова привнесены автором осознанно, без объяснения значений, чтобы читатель увидел незнакомый мир башкирского аула глазами русского мальчика Саши. Такое целенаправленное использование характерных выражений и средств для придания реалистичности миру, созданному в произведении, позволяет читателю обогатить свои знания внеязыковой действительности и ознакомиться с культурой народа. Сам автор выделяет две группы слов, использованных в тексте романа [1; 276]:

1. Обращения к родственникам и односельчанам;
2. Слова, связанные с башкирским бытом.

Автор показывает аул не только с точки зрения русского мальчика, но и с точки зрения местных девочек. Поэтому в романе встречаются реалии как башкирского, так и русского языка. Для изучения возникла необходимость их классификации. За основу взята классификация В.С. Виноградова [3; 54].

1. Бытовые реалии:

- 1.1. Жилища, имущество: юрта, урындык, шаршай (занавесь), бортъ.
 - 1.2. Одежда, уборы: елян (длиннополая верхняя одежда с длинными рукавами), кашмау (головной убор), хакал (народник), чекмень (кафтан), сарафан, лапти, сулпы.
 - 1.3. Пища, напитки: баурсак, кумыс, корот, чак-чак, бешбармак, айран.
 - 1.4. Виды труда и занятия: пасека, яйляу («летовать»), отливание олова (обряд для установления и устранения причины испуга).
 - 1.5. Денежные знаки и единицы меры: копейка, рубль, верста.
 - 1.6. Музыкальные инструменты, народные песни и танцы, исполнители: курай, кубыз, сэсэн, домбра.
 - 1.7. Народные праздники и игры: йыйын, аулак (посиделки), «ак тирэк», кук тирэк», кыз-куу (погоня за девушкой - конные скачки, в котором парень пытается догнать девушку, которая стартует первой), Масленица.
 - 1.8. Обращения: енге (невестка, обращение к жене старшего брата, используется младшими родственниками), зуратай,abyстай (жена муллы), батыр.
2. Этнографические и мифологические реалии:

2.1. Этнические и социальные общности и их представители: башкирцы, урусы (русский), татары.

2.2. Божества, сказочные существа, легендарные места: пери, дев (демон, многоголовый великан), шайтан (черт), артак (злое существо), уряк (призрак), албасты (злой демон, в образе женщины), шурале, банник, дракон Аждаха.

3. Реалии мира природы:

3.1. Животные: аргамак (парода лошади).

3.2. Растения: -

3.3. Ландшафт, пейзаж: -

4. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические):

4.1. Административные единицы и государственные институты: аул, яйляу (летовка), волость, уезд, хутор.

4.2. Общественные организации и их участники: муэдзин (служащий при мечети), хазрат, мулла, медресе, мугалим (учитель), шакирд (учащиеся медресе).

4.3. Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения: кумысолечебница, Гостиный Двор.

4.4. Основные воинские и полицейские подразделения и чины: старшина.

4.5. Гражданские должности и профессии, титулы и звания: тархан, хан, бай, помещик .

5. Ономастические реалии:

5.1. Антропонимы: Агзам, Рабига, Алтынай, Алтынсэс, Якуп, Миргали, Шаура, Рахматулла, Гаухар, Алтынай, Гарей, Танхылу, Игнат, Александр, Прасека и т.д.

5.2. Топонимы: обычные и мемориативные: Аксай, Янгискаин, Улянли, Бурэлэ, Юрюзань, Оренбург, Самара, Урал, Некрасовка, Сатка, Златоуст и др.

5.3. Имена литературных героев: Алпамыша и Барсынхылу (герои эпоса), Салимакай, Змей Горыныч, Микула Селянович, Ленский.

5.4. Названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов и т.д.: «Метропол», «Русский вестник».

6. Ассоциативные реалии:

6.1. Вегетативные символы: можжевельник (согласно поверьям, изгоняет злых духов).

6.2. Анималистические символы: -

6.3. Цветовая символика: -

6.4. Фольклорные, исторические, литературно-книжные аллюзии: Барсынхылу (согласно сказанию, Барсынхылу – девушка-батыр, которая сказала, что выйдет замуж за того, кто победит её, была побеждена Алпамышом после семи дней и ночей борьбы), «Мы ли были, мы ли, мы ли, девушек двенадцать были...А к рассвету все пропали» (по легенде, двенадцать девушек собрались на гулянье, и каждая принесла гостинцы кроме одной девушки,

подруги толкнули ее, и она поранилась; испугавшись одиннадцать девушек оставили двенадцатую умирать в поле, затем в наказание были отправлены в Сибирь, по пути они пели эту песню [2; 87]; в романе это намёк на аулак, на котором умерла Амина, и одна из девушек предлагает спрятать ее тело в лесу, чтобы не угодить в Сибирь), близки как «алиф» и «ба» (первые две буквы алфавита).

6.5. Языковые аллюзии: намёк на какой-либо фразеологизм, пословицу, поговорку, крылатую фразу или ходячее выражение: «Неужели Алтынай в свой черёд состарится также? Дивная штука – человеческая кровь.» (размышляет одна из героинь романа, наблюдая за матерью Алтынай; в последнем предложении намёк на поговорку о силе родственных и семейных связей - «кровь не водица»).

Для составления данной классификации проанализировано 106 реалий из текста романа, и они распределены по соответствующим категориям. Большая часть относится к бытовым и ономастическим реалиям. В произведении они выполняют различные функции: создают национальный колорит, характерный для башкирской и русской культур, указывают на период времени, в котором разворачиваются события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова А.И., Аул: [для среднего школьного возраста] / Асия Арсланова; художник Анастасия Николаева. – Москва: Волчок, 2024. – 288 с.
2. Башкирское народное творчество / Сост. Ф.А. Надршина. Т.2: Предания и легенды. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987.— 574 с.
3. Виноградов В.С., Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.

УДК 81.512.141

Г.Я. Яныбаева

канд. филол. наук, заместитель директора по УВР

МАОУ «Башкирская гимназия № 140 им. З.Биишевой»

(г. Уфа)

А.А. Габдулхаметова

учащаяся 9 Б класса

МАОУ «Башкирская гимназия № 140 им. З.Биишевой»

ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ТУРЕЦКОМ, БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В статье рассмотрена возможность сопоставительного и сравнительного изучения профессионально-педагогической лексики в русском, башкирском, английском, турецком языках. В частности, проанализированы

лексемы, обозначающие социальный статус участников образовательных отношений. Образование является универсальной системой для всех государств, практически на всех языках имеются одинаковые понятия, поэтому есть необходимость сравнительного изучения терминов данной системы. Проводятся международные форумы педагогов, педагогические советы, конференции, олимпиады, соревнования, игры для школьников. Современные межкультурные коммуникации обязывают представителей педагогических и ученических сообществ, родительской общественности знать основные понятия системы образования на нескольких языках. Знание профессионально-педагогических понятий необходимо для успешной педагогической деятельности, для управления учебно-воспитательным процессом, решения педагогических задач, развития педагогического мастерства, формирования педагогической компетентности, адаптации к педагогическим инновациям.

Ключевые слова: полилингвальное образование, межкультурные коммуникации, профессионально-педагогические понятия, участники образовательных отношений, сопоставительное изучение языков.

Abstract. The article discusses the possibility of a comparative study of professional and pedagogical vocabulary in Russian, Bashkir, English, and Turkish. In particular, it analyzes the lexemes that denote the social status of participants in educational relations. Education is a universal system for all countries, and almost all languages have similar concepts, so there is a need for a comparative study of the terms used in this system. International forums for teachers, pedagogical councils, conferences, Olympiads, competitions, and games for students are held. Modern intercultural communications oblige representatives of pedagogical and student communities, as well as the parent community, to know the basic concepts of the education system in several languages. Knowledge of professional and pedagogical concepts is necessary for successful teaching activities, for managing the educational process, solving pedagogical problems, and developing pedagogical skills.

Key words: multilingual education, intercultural communication, professional and pedagogical concepts, participants in educational relations, and comparative language studies.

В настоящее время полилингвальное образование педагогической общественностью рассматривается как целенаправленный процесс приобщения подрастающего поколения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда каждый из изучаемых языков выступает в качестве способа постижения сферы специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных народов [1; 1].

Сфера образования занимает большое место, как в обществе, так и в жизни отдельно взятых людей. Её значение заключается в том, что она влияет на социальную стабильность, экономическую устойчивость государства, культурное процветание общества и на гармоничное развитие каждого человека.

Образовательный процесс – сложное социальное явление с большим количеством участников, которое определяет, устанавливает, формирует целостную систему педагогических взаимоотношений учителей и учащихся.

Участники образовательных отношений – обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность [2; 6].

Актуальность исследования состоит в том, в современной полилингвальной, поликультурной среде есть необходимость сопоставительного изучения терминов сферы «образование», профессионально-педагогических понятий на нескольких языках. Международное сотрудничество педагогов и обучающихся, обмен педагогическим опытом в различных международных конгрессах, конференциях мотивирует нас изучать иностранные языки, чтобы уметь вести межкультурный диалог с представителями разных языков и культур [3; 1-2].

Международные и межкультурные коммуникации педагогов нужны для развития профессиональной компетентности, обмена опытом и укрепления сотрудничества в сфере образования. Это необходимо в условиях глобализации и международной конкуренции.

Лексемы-обозначения социального статуса участников образовательных отношений

Педагогические работники/pedagogical workers, teaching staff/ pedagojik çalışanlar, öğretmenler/педагогик хөзмәткәрзәр; директор/headmaster (Британия), в США — principal/ okul müdürü; завуч (заместитель директора)/ Head Teacher, Secondary-School Vice-Principal , Assistant Principal (в США)/müdür yardımcısı, baş öğretmen/ директор урынбаşary; учитель/уқытыусы/teacher/öğretmen; педагог-психолог/psychologist/ psikolog ; педагог-библиотекарь/ /librarian/ kütüphaneci/китапханасы; социальный педагог/social worker, social care teacher, social teacher, educational counsellors/sosyal eğitimci/социаль педагог; (учитель-логопед/logopedist, speech therapist, speech pathologist/konuşma terapisti/ логопед; вожатый/ camp counselor, group leader/danışman; тьютор/ öğretmen /(teaching assistant);ученик, обучающийся, учащийся, школьник, воспитанник /student, pupil, learner/ öğrenci/ уқыусы, тәрбияләнеүсе; учащийся с ограниченными возможностями/ students with disabilities/ engelli öğrenci/ мөмкинлектәре сикләнгән уқыусы; классный руководитель /Form tutor (Англия), homeroom teacher (США)/sınıf öğretmeni/класс етәкселе; одноклассник, одноклассница/classmate/ sınıf arkadaşı/ класташ; родитель, законный представитель /parent/ ebeveyn// ата-әсә; отец, папа /father/ baba//атай, мать, мама /mother/ anne// әсәй; дежурный по школе /hall monitor/okulda görevli/ мәктәптәге дежур уқыусы; учитель физкультуры//physical education teacher/beden eğitimi öğretmeni/физкультура уқытыусыны; учитель математики /math teacher/ matematik öğretmeni/ математика уқытыусыны.

Также с сентября 2022 года в России ввели новую должность советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными

объединениями. Такая должность имеется только в образовательных организациях Российской Федерации, поэтому название можно перевести только на башкирский язык – тәрбиә һәм балалар йәмәғәте берекмәләре менән эш итәү буйынса директор кәңәшсәһе.

Лексемы, обозначающие статус участников образовательных отношений, во всех рассматриваемых языках употребляются в сочетании существительными, глаголами, прилагательными.

Примеры из художественных произведений

Если **учитель** имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если **учитель** имеет только любовь к **ученику**, как **отец, мать**, — он будет лучше того **учителя**, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если **учитель** соединяет в себе любовь к делу и к **ученикам**, он — совершенный **учитель** (Л. Н. Толстой). Но, несмотря на недавнее учреждение университета, **студенты** уже жаловались (М. Е. Салтыков-Щедрин). Вскоре пришёл Демьянов, скромный мешковатый юноша, их **одноклассник** (Николай Островский). В центре пьесы А. Володина «Идеалистка» — образ **библиотекаря**-идеалиста, мечтающего приобщить всех читателей к «разумному, добруму, вечному» и, в первую очередь, к чтению «серъёзной» литературы (bibliothesma.eps74.ru). «Эйткәнде табул итәүенә рәхмәт, **мөғәллим!** — тине Оло инәйем» (М.Кәрим). **Атайым** Полли апайзың апаһына өйләнгән, шунан мин тыуғанмын (И.Шакиров). **Директор** уқытыусыларзың йыйылышка килемен һораны (И.Шакиров). **Sınıf öğretmenimiz** Bay Tanaka evlendi (ru.glosbe.com). Sizi temin ederim, East Dillon daha tek bir **öğrenci** kapıdan içeri girmeden önce kodlanacak (ru.glosbe.com). John yetenekli bir **öğrencidir**, ancak uzun zaman önce ölmüş adamların yazılarından çok diyarın sorunlarıyla ilgilenir (englishlib.org). In the words of **psychologist** George A. Miller of Rockefeller University, there are "severe limitations on the amount of information that we are able to receive, process, and remember" (E. Toffler). He had lost the sight of one eye, and its colourless **pupil** kept rolling about and imparting to his hideous face an even more repellent expression than it otherwise bore (L. Tolstoy). You're becoming a **social worker**, Helen told him (John Irving). After that I refused to see any **social workers** at all (Lilith Saintcrow). Не услышав ни шагов, ни дыхания, Лорел заставила себя подумать о назначенных на сегодня встречах с **родителями** (Greg Isles).

Важнейшим принципом при сопоставительном изучении лексической системы языков является принцип эквивалентности. т.е. содержательного соответствия между языковыми единицами языков.

Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике при составлении ассоциативных словарей, а также в курсах когнитивной и сопоставительной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косяпаева Л.Р. Что такое полилингвальность? Особенности полилингвального образования в Республике Башкортостан. – Режим доступа –

<https://www.predmetnik.ru/categories/6/articles/1443/> (Дата обращения: 08.10.2025).

2. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 2 декабря 2019 года: принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. – Москва: Эксмо, 2018. – 144 с.

3. Яныбаева Г.Я. Профессионально-педагогические понятия в русском, башкирском, турецком, английском языках// Система непрерывного филологического образования: школа – колледж – вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования»: Сборник научных трудов по материалам XXV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции – Уфа: Издательство БГПУ, 2025. – С. 305-310.

ЧАСТЬ IV

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 8.81'1

P.P. Вахитова

студент 3 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Е.В. Иванова

канд. филол. наук, доцент кафедры

межкультурной коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

АНАЛИЗ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Актуальность применения выразительных средств языка для создания эффекта драматического напряжения в художественных произведениях обусловлена несколькими факторами. Во-первых, их применение помогает поддерживать интерес читателя на протяжении всего произведения. Это особенно важно в жанрах, где интрига и саспенс играют ключевую роль, таких как триллеры, детективы и драмы. Во-вторых, выразительные средства помогают выделить ключевые моменты сюжета, подчеркнуть их значимость, а также создать более яркие образы героев, раскрыть их характер. Наконец, применение разнообразных языковых средств обогащает текст, придавая ему художественную ценность. Это делает произведение более увлекательным и эмоционально насыщенным, а также позволяет автору выразить свою индивидуальность и творческий потенциал. Цель данной статьи заключается в анализе выразительных средств языка, используемых писателями для создания драматического напряжения в своих произведениях. Материалом исследования послужили романы E. Brontë «Wuthering Heights», A. Christie «And Then There Were None», O. Wilde «The Picture of Dorian Gray».

Ключевые слова: художественное произведение, драматическое напряжение, выразительные средства языка, стилистический прием, фонетические, лексические и синтаксические средства.

Abstract. The relevance of using the expressive means of the language to create the effect of dramatic tension in works of art is due to several factors. Firstly, their use helps maintain the reader's interest throughout the work. This is especially important in genres where suspense plays a key role, such as thrillers, detective stories and dramas. Secondly, the expressive means help highlight the key points of

the plot, emphasize their significance, as well as create more vivid images of the characters. Finally, the use of various linguistic means enriches the text, giving it artistic value. This makes the text more exciting and emotionally rich, and also allows the author to express his individuality and creativity. The purpose of this article is to analyze the expressive means of the language used by authors to create dramatic tension in their works. The novels by E. Bronte «Wuthering Heights», A. Christie «And Then There Were None», O. Wilde «The Picture of Dorian Gray» made the research material.

Key words: work of fiction, dramatic tension, expressive means of language, stylistic device, phonetic, lexical and syntactic means.

Драматическое напряжение в художественном произведении – это состояние повышенного эмоционального и сюжетного накала, которое создается автором для того, чтобы удерживать интерес и внимание читателя. Оно играет ключевую роль в развитии сюжета и формировании эмоционального воздействия на аудиторию.

Важную роль для создания драматического эффекта в художественном произведении играют выразительные средства языка и стилистические приемы. Н.В. Банина, М.В. Мельничук и В.М. Осипова отмечают, что «выразительные средства и приемы делают тексты живыми и образными, передавая не только информацию, но и эмоциональное состояние автора» [2; 136].

Иногда эти термины употребляются синонимически, в других случаях в них вкладывается различное содержание. Между выразительными средствами языка и стилистическими приемами трудно провести четкую грань, хотя различия между ними все же имеются.

Под выразительными средствами языка чаще всего понимаются морфологические, синтаксические и словообразовательные элементы, выполняющие функцию эмоционального или логического усиления высказывания. Стилистические приемы — это сознательное и целенаправленное использование выразительных средств языка для создания определенного эмоционального или логического эффекта в тексте.

Стилистический прием, по определению М.Н. Лапшиной, — это «лингвистическая модель создания экспрессивных речевых единиц, которая в зависимости от контекста и целей коммуникации может наполняться любым содержанием» [5; 19].

По мнению И.Р. Гальперина «стилистический прием ограничен только одним уровнем языка. К стилистическим приемам относятся стилистические фигуры и тропы, синтаксические или стилистические фигуры, увеличивающие эмоциональность и экспрессивность высказываний за счет необычного синтаксического построения» [4; 231].

В рамках данного исследования мы рассматриваем выразительные средства языка и стилистические приемы как взаимосвязанные понятия и акцентируем внимание на их функциональной роли в тексте, а не на строгом терминологическом разделении.

И.Р. Гальперин рассматривает выразительные средства языка и стилистические приемы как систему, связанную с уровнями языка и их функциональной нагрузкой. Он объединяет их в три группы: фонетические, лексические и синтаксические. В нашей статье мы придерживаемся данной классификации.

Наиболее частотными выразительными средствами для создания драматического напряжения являются лексические выразительные средства языка. Они формируют концептуальное ядро драматического напряжения, а фонетические и синтаксические выразительные средства обеспечивают его физиологическое воплощение. Понимание этой триады позволяет не только анализировать литературу, но и конструировать эмоциональное воздействие текста.

В рамках данного исследования методом сплошной выборки были отобраны 25 примеров фонетических, лексических и синтаксических выразительных средств языка, используемых для создания эффекта драматического напряжения в художественных произведениях на английском языке. Материалом исследования послужили романы Е. Brontë «*Wuthering Heights*» [6], А. Christie «*And Then There Were None*» [7], О. Wilde «*The Picture of Dorian Gray*» [13].

Фонетические выразительные средства языка играют значительную роль в формировании драматического напряжения в художественных текстах, воздействуя на подсознательное восприятие читателя через звуковую организацию речи.

Д. Лич и М. Шорт утверждают, что звуковая организация текста может иконически отражать, т. е. напоминать по форме атмосферу, эмоции или действия, описываемые в тексте: «Иконичность возникает, когда структура языка имитирует в некотором роде структуру того, что описывается» [11; 188]. Среди группы фонетических выразительных средств языка наиболее релевантными для создания эффекта драматического напряжения являются те, что нарушают акустическую гармонию, имитируя диссонанс, хаос или интенсивность эмоционального состояния героя.

Первостепенное значение имеет **звукопись**, устанавливающая прямую связь между фонетическим составом слова и денотатом. Этот прием создает физиологический отклик, когда звуки актуализируют сенсорный опыт читателя. Например, в анализируемом романе А. Кристи сочетание взрывных [k], [d] и шипящего [ʃ] акустически воспроизводит резкость насилиственной смерти, оказывая глубокое воздействие на читателя: «*A sudden cry — a crash — a thud...*». Аналогично, в романе Э. Бронте звуки [θ] и [d] передают гул грозы, подчеркивая опасность природы: «*The thunder thundered...*».

Аллитерация создает эффект навязчивости или угрозы. В романе «*Wuthering Heights*» концентрация звука [d] формирует акустическую клаустрофобию, изображая непроницаемость мрака: «*Dreadful darkness... dense and durable.*”

Ассонанс эффективен для передачи затяжного страдания. В монологе Хитклифа дифтонг [ou] имитирует стон, показывая отчаяние героя: «*Oh, do not go!*». В романе «*And Then There Were None*» ассонанс на звук [e] создает эффект удушья, связывая природную стихию со смертельной опасностью: «*The earth sweated death.*»

В произведении А.Кристи ритм используется как инструмент создания драматического напряжения. Текстовая презентация бега Веры Клейторн представлена синтаксической фрагментацией: «*She ran. Downstairs. Across the hall. Out through the front door. Down the steps. Along the path.*» Такое нарушение нормативной связности речи имитирует прерывистое дыхание и хаотичность движений человека в состоянии паники, поскольку ритмическая дисгармония становится фонетическим эквивалентом психического дисбаланса.

В прозаических произведениях рифма как инструмент создания драматического напряжения не так частотна, как в поэтических. У А. Кристи она актуальна лишь в контексте стихотворных вставок как элемент рокового предопределения: «*Ten little soldier boys went out to dine; / One choked his little self and then there were nine.*»

Таким образом, фонетические выразительные средства способствуют созданию эффекта драматического напряжения в художественных произведениях на английском языке, воздействуя на восприятие текста читателем посредством акустических образов.

Лексические выразительные средства играют ключевую роль в формировании драматического напряжения в художественных текстах на английском языке, воздействуя на когнитивное восприятие читателя через семантическую организацию речи. Среди этой группы выразительных средств наиболее релевантными для создания напряженности являются те, что нарушают семантическую предсказуемость, создавая когнитивный диссонанс или смысловую двусмысленность.

Одним из наиболее эффективных лексических средств для создания драматического напряжения в тексте является **метафора**, так как она создает мгновенные, сильные и часто подсознательные ассоциации. Этот прием концентрирует смысл и эмоцию, делая абстрактное конкретным и ощутимым.

В монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live By*» утверждается, что «метафора – не просто языковое украшательство, а основной когнитивный механизм понимания мира. Абстрактные понятия осмысляются через конкретный физический и сенсорный опыт» [10; 19]. Например, в романе «*And Then There Were None*» метафора делает абстрактную эмоцию зримой и ощутимой, подчеркивая ее постепенное, неумолимое усиление и создавая атмосферу надвигающейся паники: «*A little black cloud of fear began to steal over Vera's mind.*»

Метонимия как выразительное средство, помогающее создать эффект драматического напряжения, используется в романе О. Wilde «*The Picture of Dorian Gray*»: «*The brush could create for them the wonder of a painted face.*» «Кисть» замещает художника Бэзила Холлуорда и сам акт написания портрета.

Метонимия делает источник проклятия картины более таинственным и безличным, так как акцент смещается с личности художника на само произведение искусства и силу творчества, ставшую роковой для главного героя. Это усиливает ощущение фатальности и неконтролируемости ситуации для Дориана. «Кисть» как инструмент судьбы звучит более зловеще, чем конкретный человек.

Д. Кристалл и Д. Дэви утверждают, что «последовательное использование эпитетов с определенной семантической окраской создает кумулятивный эффект атмосферы, предвосхищающей драматические события» [8; 90]. Например, в романе Э. Бронте **эпитеты**, используемые при описании пейзажа, с первых страниц создают ощущение неконтролируемой внешней силы, предвещающей деформации человеческих жизней и душ под гнетом суровых обстоятельств, наследственной жестокости и неукротимых, разрушительных страстей: «...one may guess the power of the north wind blowing over the edge, by the excessive slant of a few stunted firs at the end of the house; and by a range of gaunt thorns all stretching their limbs one way, as if craving alms of the sun.” Образ деревьев усиливает чувство безысходности и гнетущей атмосферы, предвосхищающей страдания персонажей.

У. Эмпсон рассматривает **оксюморон** как форму «семантической амбивалентности» [9; 192]. Этот прием обнажает двойственность ситуации или характера, что отражает внутренний драматический конфликт. Такое напряжение между полярностями становится двигателем сюжета. Например, в романе «The Picture of Dorian Gray» оксюморон отражает центральный конфликт, связанный с внешней красотой и внутренним уродством главного героя: «*The hideous beauty of the monstrous soul-life of the man.*” Слова «*hideous*” и «*beauty*” являются антонимами по шкале эстетической оценки. Их сочетание нарушает логические ожидания, вызывая у читателя когнитивный шок и вынуждая его искать разрешение этого противоречия.

Г. Виддоусон считает, что «**гипербола** превращает конфликт в абсолютный и необратимый» [12; 103]. Это создает эффект фатальности — читатель чувствует, что ситуация вышла за грань контроля. Так, речь Хитклифа, героя романа Э. Бронте, — не просто эмоциональный взрыв, а концентрированная семантическая катастрофа, создающая эффект невыносимой психической агонии: «*Catherine Earnshaw, may you not rest as long as I am living! You said I killed you — haunt me, then!... Be with me always — take any form — drive me mad! Only do not leave me in this abyss, where I cannot find you!*” Гиперболические проклятия и мольбы показывают невыносимую силу горя и безумия, охватившего героя.

В романе О. Уайльда гипербола создает напряжение через метафизический дисбаланс и деконструкцию морали: «*I would give my soul to stay young!*” Душа — символ бессмертной сущности, вечности, морального ядра личности, а молодость — преходящее физическое состояние, поэтому их приравнивание является семантической катастрофой. В контексте произведения

гипербола становится пророческой, так как Дориан буквально «отдает душу» за вечную молодость, перенося старение на портрет.

В finale романа «And Then There Were None» используется эвфемизм для усиления драматического напряжения посредством семантического диссонанса: «*Vera rested permanently.*» Смягченное выражение «*rested permanently*» подменяет прямое «*was murdered*». Этот дисбаланс между мягкой формой и жестоким содержанием создает когнитивный конфликт у читателя.

Одним из частотных приемов, используемых для создания драматического напряжения в тексте, является **сравнение**. В романе «Wuthering Heights» сравнение передает крайнюю степень мучений и беспомощность, которые испытывает Хитклиф: «*He dashed his head against the knotted trunk; and, lifting up his eyes, howled, not like a man, but like a savage beast getting goaded to death with knives and spears.*» Страдание героя становится всепоглощающей, разрушительной силой, угрожающей ему самому и, потенциально, окружающим.

Аллюзия также может служить средством создания эффекта драматического напряжения в тексте, например, отсылая к известному сюжету или фигуре, чья судьба трагична или содержит элементы катастрофы. Узнавая аллюзию, читатель проецирует известный ему трагический исход или ключевые элементы конфликта на текущего персонажа или ситуацию. Так, в романе «The Picture of Dorian Gray» аллюзия на Фауста немедленно сигнализирует читателю о том, что метафорическая сделка Дориана не только аморальна, но и фатальна: «*He sold his soul, like Faust.*» Известный финал «Фауста» (гибель, проклятие, расплата в аду) проецируется на героя произведения О. Уайльда. Читатель с этого момента знает, что Дориан обречен, создается напряжение, связанное с ожиданием того, как именно и когда наступит возмездие.

Таким образом, лексические выразительные средства играют ключевую роль в создании драматического напряжения в англоязычной художественной прозе, воздействуя на когнитивное восприятие читателя через семантические конфликты.

Синтаксические выразительные средства языка играют важную роль в формировании драматического напряжения в художественных текстах на английском языке, воздействуя на структурное восприятие текста читателем через организацию грамматических единиц. Среди этой группы средств наиболее релевантными для создания напряженности являются те, что нарушают грамматическую предсказуемость текста.

Параллельные конструкции могут использоваться для создания драматического напряжения, выстраиваясь в логическую последовательность, усиливая или конкретизируя мысль. Например, в романе А. Кристи параллельные конструкции последовательно выстраивают логическую цепь отчаяния: «*No boat. No contact. No escape.*» Таким образом, автор создает ощущение неотвратимой катастрофы и абсолютной безвыходности.

Повтор также может использоваться как инструмент создания драматического напряжения. В романе «*Wuthering Heights*» двойной повтор идентичной фразы создает немедленный, навязчивый ритм, превращая просьбу в настоятельное требование: «*Let me in! Let me in!*» Ритм имитирует стук маленькой замерзшей руки в окно и учащенное сердцебиение мистера Локвуда. В романе «*The Picture of Dorian Gray*» повтор звучит в финальной сцене перед смертью Дориана: «*The horror! The horror!*» Утрачивая семантику, фраза превращается в точку распада личности главного героя, в которой язык и реальность сливаются в катастрофе. По И. Р. Гальперину, подобный повтор работает как «семантический вакуум»: «Настойчивое дублирование лексемы истощает ее значение, превращая в чистую эмоцию. Слово перестает называть ужас – оно становится им» [3; 226].

Антитеза создает драматическое напряжение через системное столкновение противоположностей, что вызывает когнитивный конфликт у читателя. В романе «*Wuthering Heights*» антитеза используется в монологе Кэтрин как попытка героини упорядочить чувства: «*My love for Linton is like the foliage in the woods: time will change it, I'm well aware, as winter changes the trees. My love for Heathcliff resembles the eternal rocks beneath: a source of little visible delight, but necessary.*» Глубина ее связи с Хитклифом противопоставляется более поверхностному чувству к Линтону. Антитеза создает напряжение, предсказывает будущие страдания Кэтрин, вызванные разрушительной силой ее страсти к Хитклифу.

Эллипсис создает драматическое напряжение через намеренное нарушение синтаксической целостности, что активизирует когнитивные и эмоциональные механизмы восприятия. В романе А. Кристи разрыв синтаксической цепи показывает шоковое состояние персонажа: «*Armstrong...? But he's dead! I saw... Over the cliff...*» Обрывистая речь, многоточие и пропуски слов передают неспособность героя осознать происходящее.

Риторический вопрос также является средством создания драматического напряжения. Как отмечает И. В. Арнольд: «Риторический вопрос достигает высшей точки драматической напряженности тогда, когда полностью утрачивает свою вопросительную функцию. Он перестает требовать ответа, превращаясь в эмоциональную реплику-взрыв, вербальный эквивалент аффекта. В такие моменты его интонационная и смысловая нагрузка приближается к безвозвратному утверждению или отрицанию, обретая силу последнего слова, подобного крику» [1; 215]. В романе «*And Then There Were None*» этот прием имитирует вопрос, но на самом деле является констатацией рока: «*Who's next? That's what we're all thinking, isn't it?*» Он не требует фактического ответа, следовательно, подразумевает обреченность героев и неизбежность смерти.

Таким образом, синтаксические выразительные средства формируют драматическое напряжение в англоязычной художественной прозе за счёт целенаправленного нарушения грамматических конструкций, трансформируя грамматику в инструмент психологического воздействия на читателя.

Анализ 25 примеров выразительных средств языка показал, что большинство из них (44%) относятся к лексическим выразительным средствам языка, 28% – к фонетическим и 28% – к синтаксическим. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что, несмотря на количественное преобладание лексических стилистических средств, создание эффекта драматического напряжения в исследуемых произведениях является результатом взаимодействия всех трех уровней языка. Лексические средства создают смысловую основу конфликта и эмоциональный тон. Фонетические средства материализуют напряжение на сенсорном уровне, усиливая физиологическое восприятие ужаса или паники. Синтаксические средства моделируют когнитивный распад, хаос и сбой коммуникации, отражая психологическое состояние персонажей и воздействуя на восприятие читателя посредством целенаправленного нарушения грамматических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка : (Стилистика декодирования): [По спец. "Иностр. яз."] / И. В. Арнольд. - 3-е изд. - Москва: Просвещение, 1990. - 300,[1] с.; 22 см. - (Учеб. пособие для пед. ин-тов).; ISBN 5-09-001781-6
2. Банина Н.В., Мельничук М.В., Осипова В.М. Основы теории и практики стилистики английского языка: учебник. - М.: Финансовый университет, 2017 – 136 с.
3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – Москва: Высшая школа, 1981. – 334 с.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка=English Stylistics: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2010. – 331 с.
5. Лапшина М. Н. Стилистика современного английского языка. – М.: Академия, 2013 – 271 с.
6. Brontë E. Wuthering Heights / E. Brontë. – Москва: Издательство ACT, 2024. – 384 с. – ISBN 9785171558772
7. Christie A. And Then There Were None / A. Christie. – Санкт-Петербург: Издательство Каро, 2022. – 256 с. – ISBN 9785898159306
8. Crystal, D., Davy, D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Longman, 1969
9. Empson, W. Seven Types of Ambiguity / W. Empson. – 3rd ed. – New Directions, 2004
10. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – 2nd ed. – University of Chicago Press, 2003
11. Leech, G. N., Short, M. H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. N. Leech, M. H. Short. – 2nd ed. – Routledge, 2007
12. Widdowson, Henry G. Stylistics and the Teaching of Literature / Henry G. Widdowson. – Longman, 1975 (Reprint: Routledge, 2014)

13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 384 с. – ISBN 9785171523671

УДК 81-23

Я. Ешабри

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Ю.Р. Юсупова

канд. филол. наук, доцент кафедры

межкультурной коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

К ПОНИМАНИЮ СИСТЕМЫ ПРОСОДИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена проблеме обучения системе просодических единиц арабского языка – огласовок, позволяющих правильно прочитать и передать смысл текста, написанного на арабском языке. Авторы рассматривают следующие типы огласовок: фатха, дамма, касра, сукун, танвин, шадда и мад. Для наглядности каждый тип огласовки проиллюстрирован рисунком, описанием произнесения и примерами слов, в которых они использованы, что позволит учителю помочь обучающемуся прочитать огласованные слова с большей точностью. Отмечается, что необходимо объяснить учащемуся, в языке которого нет огласовок, чем они отличаются от гласных звуков. По мнению авторов, материал статьи будет полезен как для занятий в классе, так и для самостоятельного изучения арабского языка, интерес к которому в настоящее время растет.

Ключевые слова: арабский язык, огласовки, фатха, дамма, касра, сукун.

Abstract. The article is devoted to teaching the Arabic prosodic linguistic units – diacritic marks, which help the person read and convey the essence of the text in Arabic correctly. The diacritic marks described in the article are fatkha, damma, kasra, sukun, tanvin, shadda and mad. Each mark is supplied with an example, a picture and a verbal description of the way to pronounce the words with this mark. The authors believe that it will allow the teacher to help students with more accurate reading such words. The necessity of explaining the difference between the vowels and diacritic marks to students is also noted. The article materials will be of use both in class and for self-studying, which is important due to the rising interest to the Arabic language nowadays.

Key words: Arabic language, diacritic marks, fatkha, damma, kasra, sukun.

В настоящее время наблюдается повышение интереса к изучению арабского языка, что требует понимания особенностей его системы. Одной из трудностей этого процесса является система просодических единиц

фонологического уровня арабского языка, в которую входят огласовки (харакяты), обозначаемые на письме особыми знаками.

Знаки огласовок в арабском языке – это диакритические знаки, которые ставятся над или под буквами, чтобы указать, как их правильно произносить и понимать. Иногда их еще называют «гласными знаками», что видится нам не совсем корректным, т.к. они не являются ни отдельными буквами, ни соответствующими буквам звуками, в отличие от гласных в английском, французском или русском языках, где каждая гласная – это самостоятельный звук, имеющий буквенное обозначение на письме.

Само понятие огласовки на арабском языке обозначается как **(الحركات)** – множественное число от «огласовка» **(حركة)**, что на русский язык дословно можно перевести как «движение». В арабском языке огласовки служат для указания направления произношения звука, т.е. полностью соответствуют термину «просодические единицы» [3] и выполняют делимитативную (разграничительную) функцию, помогая точно понимать тексты и правильно произносить слова.

На огласовках основываются все подвиды трех базовых методов обучения чтению арабскому письму: звуковой - усуль саутия тахрикия, буквослагательный – усуль таусимия тахрикия, порядковый слоговой – Усуль маддия тартибия [2; 61-62].

Огласовки в арабском языке делятся на четыре основных типа: *фатха*, *дамма*, *касра* и *сукун*.

Впервые идея применения огласовок в арабском языке обнаруживается в работе Абу аль-Ласуда ад-Дували, который использовал точки для обозначения гласных. В дальнейшем она была усовершенствована Халилом ибн Ахмадом аль-Фарахи迪, который создал известную сегодня систему огласовок с целью точной фиксации чтения букв и слов. Рассмотрим ее подробнее.

Фатха

В арабском языке «фатха» происходит от глагола **فتح** – «открывать» по-русски [1; 47].

Это знак, который указывает читателю открывать рот вертикально. Так на изображении ниже фатха показывает, как нужно двигать ртом, чтобы получить нужный звук:

Пример: بَ با

Здесь нельзя сказать, что фатха (◦) – это гласная [а], так как [а] – это самостоятельный звук, а фатха – это знак, который не имеет звука.

Касра

Это слово происходит от глагола **كسّر** «сломать». «Касра» – это знак в виде горизонтальной черты под буквой, который указывает читателю двигать рот горизонтально, можно сравнить с лёгкой улыбкой [1; там же]. Касра – это, условно говоря, маленькие складки на щеках при произнесении.

Пример: بَيْ

Необходимо объяснить, что касра (◦) – это не гласная [и]. [и] – это самостоятельный звук, а касра, также как и фатха – знак, не имеющий звука, а лишь направляющий произношение.

Дамма

Слово «дамма» происходит от глагола – **ضم** «обнимать» или «соединять». Это знак в виде запятой над буквой, который говорит читателю округлять губы определённым образом [1; там же].

Пример: بَ - بُ

Дамму (◦), так же как и другие огласовки нельзя путать со звуком [у], как это часто случается у обучающихся арабскому языку, если в их родном языке огласовки отсутствуют.

Сукун

Знак в виде маленького кружочка над буквой. «Сукун» означает «тишина» или «отсутствие движения». Этот знак указывает на отсутствие гласного звука, то есть читается только согласный [1; там же].

Пример: читается только [б] بـ. ПРИМЕР: صَبَرْ «терпение», صَبَرْ «терпел»

Вторая функция сукуна – выступать как ударение в слове.

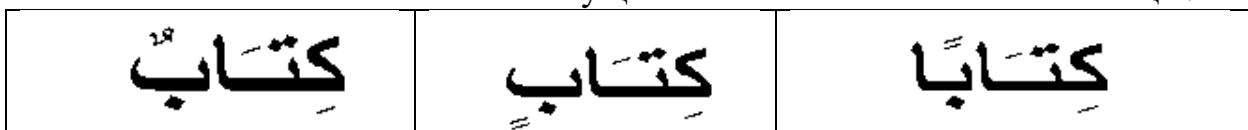
Пример: عَلَمْ، قَلَبْ

Также выделяется огласовка «Танвин»

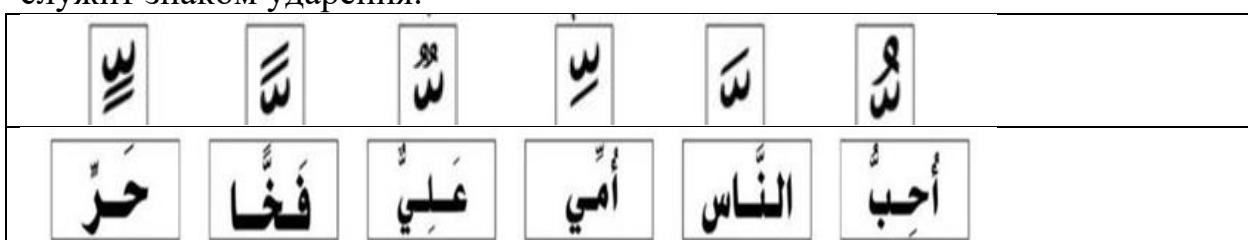
Танвин – это особый вид огласовки, который может включать в себя 2 даммы, или 2 касры, или 2 фатха – это двойное повторение гласного знака, которое ставится только в конце имени и не используется с глаголами или предлогами [1; 49].

Это помогает отличить имя существительное от глагола и частицы:

Отдельный вид огласовки – это «Шадда».

Этот знак ставится над буквой и используется со всеми гласными, кроме сукуна. Он удваивает силу произношения буквы, на которой стоит, и тоже служит знаком ударения.

И последний тип огласовки в арабском языке, которому обязательно надо обучать – это «Мад».

Мад – это удлинение звука при произнесении трёх букв мадд – элиф (ا), вав (أ) и я (ي). в сочетании с основными огласовками (фатха, дамма, касра). Эти буквы служат для продления звука и придания мелодичности произношению, они являются важнейшими элементами в построении слов и прояснении их значений [4]. Например:

لَيْمُونْ «просмотрел»، جَمِيلٌ «красивый»، رَاجَعْ «лимон»

Необходимо понимать, что огласовки в арабском языке – это не просто декоративные знаки. Это основа правильного произношения и точной коммуникации, поскольку они, регулируя звук, помогают различить смысл произносимого, придают словам ясность и точность выражения значения.

Понимание роли этих просодических единиц и обучение этим знакам крайне важно для всех, кто изучает арабский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Шараби Х.Д. Треугольник Кутруба в системе арабских огласовок // Вестник Казанского университета. Серия философия. – 2025. – № 3. – С. 45-54.
2. Гарипов Р.М. Методики обучения чтению арабских букв тюркских народов на рубеже XIX - XX вв. // Арабистика Евразии. – 2018. – Т. 1, № 4. – С. 57-65.
3. Светозарова Н.Д. Просодические средства языка // Большая Российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3168545> (дата обращения: 3.11.2025).
4. Learn Arabic from scratch! – Режим доступа: <https://lingust.com/arabic/lessons/lesson2>. (дата обращения: 25.10.2025).

УДК 8.81'1

*П.Е. Захарова
студент 3 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)*

*Е.В. Иванова
канд. филол. наук, доцент кафедры
межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИГРЫ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Языковая игра представляет собой сложное и многогранное явление, которое отражает как структуру языка, так и социальные аспекты его использования в различных контекстах. Актуальность данного исследования заключается в тенденциях современной лингвистики к изучению такого стилистического приема, как игра слов. Частое употребление этого явления не только в художественном стиле жанров отечественной и зарубежной литературы, но и в повседневной речи, обусловливают целесообразность его дальнейшего изучения. Игра слов способствует более глубокому пониманию языка и развитию навыков общения, что особенно важно в условиях современного мультикультурного взаимодействия. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей образования игры слов в современном английском языке на материале англоязычной видеоигры «Kynseed». Результаты данного исследования могут применяться для дальнейшего анализа способов образования игры слов в современном английском языке.

Ключевые слова: стилистический прием, игра слов, омонимия, омофоны, видеоигра.

Abstract. A play on words is a complex and multifaceted phenomenon that reflects both the structure of a language and the social aspects of its use in various contexts. The relevance of this study lies in the trend of the modern linguistics to study «the pun» as the stylistic device. Its frequent use in the Russian and foreign literature and also in everyday speech makes it worth to further studying. The wordplay contributes to a deeper understanding of a language and the development of communication skills, which is especially important in today's multicultural environment. The aim of this article is to identify the main ways to form the wordplay in modern English based on the English video game "Kynseed." The results of this study can be applied to further analysis of the wordplay in modern English.

Key words: stylistic device, wordplay, homonymy, homophones, video game.

Впервые термин «игра слов» был употреблен австрийским философом Людвигом Витгенштейном в его работе «Философские исследования». Согласно данному им определению, игра слов объединяла всю речевую деятельность людей вообще, в то время как более поздние исследования трактуют этот термин более узко, а именно как осознанное нарушение языковых норм. Лингвисты относят это явление к разделу стилистики, поскольку одной из его основных целей является усиление образно-выразительной функции речи [2; 83].

В зарубежной лингвистике общепринятыми для определения данного явления являются термины «ріп», «wordplay», «paronomasia», в то время как в отечественной лингвистической традиции предпочтительны такие термины как «игра слов» или синонимичное ему понятие «каламбур».

Итак, рассмотрим несколько определений понятия «игра слов».

Согласно определению О. С. Ахмановой, «игра слов – это фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [1; 183].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А Теленковой «каламбур (фр. calembour игра слов) – это фигура речи, состоящая в юмористическом использовании многозначности слова или звукового сходства различных слов» [6; 94].

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В Жеребило приводится следующее определение данного понятия: «каламбур – это оборот речи, употребляемый в публицистическом, художественном, разговорном стиле; игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение; остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове прямого и переносного значений» [4; 140].

Определение термина «игра слов» также встречается и у И. Р. Гальперина: «The pun is another stylistic device based on the interaction of two well-known meanings of a word or a phrase». Лингвист также отмечает схожесть каламбура и зевгмы, однако значительное их различие заключается в том, что

зевгма реализует два разных значения с помощью глагола, который ссылается на оба значения. Каламбур же является более свободным и разнообразным по своей структуре оборотом речи [3; 151].

Определение каламбура, согласно Ю.М. Скребневу, описывает этот стилистический прием с точки зрения его реализации в речи: «Pun is either ambiguity (polysemy) actualized in one utterance which has at least two meanings, so that the recipient chooses one, or two contiguous utterances similar in form, their constituents having essentially different meanings. This term is synonymous with the current expression «play upon words»» [7; 157].

В то же время, мы считаем не совсем корректным отождествление каламбура и полисемии, которая не является стилистическим приемом, но служит одним из средств его создания.

Таким же образом, будет неточным приравнивать игру слов к парономазии: «Play on words (pun, paronomasia) – simultaneous realization of two meanings through a) misinterpretation of one speaker's utterance by the other, which results in his remark dealing with a different meaning of the misinterpreted word or its homonym; b) speaker's intended violation of the listener's expectation» [5; 14]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что парономазия применяется для придания тексту выразительности, чем отличается от функции игры слов – создания комического эффекта.

Подводя итог всему вышеперечисленному, мы делаем вывод, что полисемия и парономазия не являются тождественными игре слов, однако, как и омонимия, участвуют в ее образовании.

Рассмотрев несколько определений понятия «игра слов» мы вывели следующее определение, на которое мы и опирались в нашем исследовании: «игра слов, или каламбур – это стилистический прием, основанный на использовании разных значений одного и того же слова или сходного звучания двух слов для достижения комического эффекта».

Игра слов формируется из ассоциаций, присущих языковым знакам. С помощью языковой игры носитель языка стремится достичь комического эффекта, применяя при этом омонимы, паронимы и полисемию. Таким образом, эти лексические явления играют значимую роль в формировании игры слов.

В качестве материала нашего исследования послужила современная англоязычная видеоигра «Kynseed». «Kynseed» («kyn» – с древнеисландского/»cunn» со староанглийского – «род, семья, родня», «seed» – англ. «семя») – это приключенческая РПГ-игра, симулятор жизни на ферме в вымышленном фэнтези-мире под названием Quill, вдохновленная британским фольклором. В процессе игры игрок может обустроить собственную ферму, исследовать мир и сражаться с монстрами, а также развивать отношения с неигровыми персонажами, чтобы завести с ними семью. В игре также есть свое мироустройство и сюжет, в котором задействованы персонажи фольклора [8]. Видеоигра обладает художественной ценностью не только благодаря отсылкам на мифологию, но и благодаря богатому языку, которым написаны диалоги,

объяснения геймплея и описания предметов. Некоторые персонажи, к примеру, говорят с игроком стихами, в которых можно встретить староанглийские слова.

Выбор материала исследования обусловлен тем, что в данной видеоигре присутствует множество примеров с игрой слов. Ее можно встретить в описаниях предметов, в игровых достижениях, в диалогах, а также в названиях внутриигровых книг-обучений.

Как показал анализ примеров из данной видеоигры, в большинстве случаев игра слов основана на омонимии, а точнее на омофонах – словах, которые произносятся одинаково, но имеющие разное написание.

Итак, рассмотрим следующие примеры:

1. Игру слов можно найти в описании предмета «*Mushroom*» – «*I'm a fun guy*», что дословно будет переводиться как «Гриб» – «Я веселый парень». Этот каламбур основан на омофонии словосочетания «*fun guy*» и слова «*fungi*», обозначающего не просто шляпочные грибы, но и грибы как широкий вид живых организмов.

2. Описание предмета «*Pear*» – «*Just the one*» дословно переводится как «Груша» – «Только одна». Комический эффект в этом примере создается благодаря совпадению звучания у слов «*pear*» и «*pair*», где последнее переводится как «пара», так как описание гласит, что хоть мы и слышим слово «пара», груша там только одна.

3. В описании предмета рыболовной удочки «*Fishing rod*» – «*Reely good at catching fish*» содержится слово, которое возникло в результате игры слов «*really*» – «очень» (подразумевается, что удочка «очень» хороша в ловле рыбы) и «*reel*» – «наматывать». Последнее, несомненно, ассоциируется с наматыванием лески на удочке во время рыбалки, что создает комический эффект. Таким образом, в данном примере игры слов возник окказионализм «*reely*», то есть индивидуально-авторский неологизм, созданный согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

4. В описании предмета леденца в форме зайца – «*Candy Hare*» – «*Sugared treat that may contain an actual hair*» – «Сахарное лакомство, которое может содержать настоящую шерсть» игра слов построена на созвучии «*hare*» и «*hair*» – в данном контексте «шерсть». Комический эффект этой языковой игре придает факт, что у зайцев есть шерсть.

5. Описание предмета «*Longbread*» – «Длинный хлеб» – «*Bag it*» – «Упакуйте его» – содержит игру слов, основанную на созвучии описания и слова «*baguette*», означающего багет (длинный батон).

6. В названии игрового достижения «*comb your heir*» присутствует явная игра слов «*hair*» – «волосы» (изначально вся фраза звучит как «*comb your hair*» – «причесишься») и «*heir*» – «наследник». Выбор второго созвучного слова обусловливается контекстом, так как это достижениедается в игре за передачу своего имущества наследнику.

7. Распространенным примером игры слов в «*Kynseed*» являются имена собственные авторов книг – внутриигровых обучений, которые мы разберем далее. Одним из таких примеров является автор книги-обучения о лекарственных травах «*R. Sennick*». Фонетическая игра слов здесь заключается в созвучии придуманного имени и слова «*arsenic*», означающее «мышьяк» – препарат, используемый в медицине. Примечательно, что само название книги – «*How to avoid poisoning your family*» отсылает на ядовитость мышьяка в избыточных дозах.

8. Следующий пример аналогично с предыдущим является именем автора обучающей книги – «*Anne Ville*». Для понимания игры слов необходим контекст: книга-обучение рассказывает о кузачном деле, а имя автора созвучно со смежным по значению словом «*anvil*» – «наковальня». Стоит также отметить, что этот пример, как и предыдущий, адаптировал звучание в естественной графической форме, присущей именам собственным в английском языке. «*Anne*» и «*Ville*» являются реальными английскими именами собственными, что подчеркивает естественное оформление и успешность отбора компонентов игры слов.

9. Особенno успешным примером игры слов является название книги-обучения «*You bunch of tools*» под авторством «*Hugh Tilly-Tea*». Название, несомненно, отсылает на клишированную фразу «*You bunch of fools*» и использует вместо последнего слова рифмующееся с ним «*tools*» – «инструменты». Благодаря контексту игры мы узнаем, что эта книга рассказывает о внутриигровых инструментах. Имя автора же продолжает связь с контекстом, будучи созвучным с «*utility*» – «полезность», и игровые инструменты несомненно являются не просто полезными, а неотъемлемыми для прохождения игры.

10. Игра слов в имени автора книги «*Paige Turner*» созвучно с идиомой «*page-turner*», означающей настолько захватывающую книгу, что читатель не может перестать читать ее и переворачивать страницы. Контекстом примера является то, что данная внутриигровая книга не является обучающей, а содержит легенду с собственным сюжетом об одной из богинь, дополняющей сюжет всей игры. Таким образом, эту небольшую художественную историю можно сравнить с увлекательной книгой, что объясняет смысл этой игры слов.

11. Особо успешной игрой слов с нашей точки зрения является имя автора «*Dandy Leon*». Оно созвучно с «*dandelion*» – «одуванчик». Контекст заключается в том, что эта книга-обучение о покупке одежды и валютой для нее в игре являются одуванчики. Также «*dandy*» переводится как «щёголь» – кто-то, заботящийся о своём внешнем виде.

12. Игра слов в имени автора «*Auntie Septic*» созвучна со словом «*antiseptic*». Эта книга-обучение рассказывает о лекарственных травах, в то время как антисептик часто применяется в медицине.

13. Игра слов также содержится в именах персонажей. Например, персонажа – местного лекаря зовут *Lemme Sipp*, что созвучно с «*Lemme* (разговорное от *Let me*) *sip*» – «Дай мне попить/выпить/глоток». Очевидно, это

ассоциируется с тем, что лекарство запивают водой. Без знания контекста о том, что персонаж является лекарем, игра слов была бы непонятна и незаметна.

14. Имя персонажа *Hazel Nutt* состоит из реальных имен и фамилии, однакоозвучно с «*hazelnut*» – «фундук». Фундук часто именуется лесным орехом, а сама героиня проживает в лесу, отдаленно от поселения, в котором проживает персонаж игрока в начале игры.

15. Имя персонажа *Sal Loon*, также включающее реальные имя и фамилию,озвучно со словом «*saloon*» – «салун». Игру слов создает тот факт, что этот персонаж является владельцем салуна.

В результате проведенного анализа мы выявили, что большинство примеров языковой игры, а именно 23 из 33 проанализированных, было образовано с помощью омофонов. Это дает основание предполагать, что создавать игру слов легче всего с помощью слов и выражений, которыеозвучны друг с другом.

Также во время нашего исследования мы обнаружили, что для понимания смысла игры слов требуется знание большого количества многозначных слов, омонимов и идиоматических выражений. Человеку, для которого английский язык не является родным, порой требуется прилагать усилия для понимания игры слов. Мы считаем, что игра слов помогает расширить словарный запас и улучшить навыки использования различных лексических единиц в речи.

Кроме того, игра слов делает игровой контент более интересным для игрока, поощряет его к изучению игрового мира. Например, увидев необычное имя автора внутриигровой книги, игроку захочется с ней познакомиться, чтобы понять, на чем в этом примере основана игра слов. Каламбуры также могут помочь игроку выстроить приятные ассоциации с игрой и даже запомнить некоторые игровые условности (пример «*Dandy Leon*» может помочь запомнить, что для покупки одежды игроку необходимы одуванчики).

Наконец, в ходе нашего исследования мы выявили, насколько сильно привязана игра слов к значениям именно того языка, в котором она реализуется, что помогает сделать очевидный вывод о проблеме ее переводимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. - 569 с. ISBN 5-354-00600-7.
2. Васюк В.В. Определение игры слов как явления. Классификация игры слов. В сборнике: Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редакционная коллегия: И.Ф. Уманец, отв. Ред. М.В. Рябинина, Д.В. Богданова. Хабаровск, 2020. С. 83-87.
3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка=English Stylistics: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2010. – 331 с.

4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. - Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. - 486 с.
5. Кухаренко В. А. Словарь терминов по стилистике английского языка [Текст] / В. А. Кухаренко, И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд. – М.: Флинта Наука, 2009. – 184 с.
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М: Просвещение, 1985. – 999 с.
7. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка (на англ. яз.) [Текст]: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Ю. М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство ACT», 2003. – 221 с.
8. Official Kynseed Wiki from PixelCount Studios Режим доступа: [электронный ресурс] https://wiki.kynseed.com/wiki/Main_Page (дата обращения: 14.05.2025).

УДК 81-2

К.В. Исхакова

*магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)*

*Научный руководитель – Е.В. Оботнина
канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

ИРОНИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: В данной статье проводится анализ использования иронии как ключевого литературного приема на материале романа Джона Грина «В поисках Аляски». Исследование сфокусировано на трех основных типах иронии: ситуативной, драматической и вербальной, и демонстрирует, как искусно каждый из них интегрирован в повествование. С помощью примеров из текста иллюстрируется функционирование этих видов иронии и ее значительный вклад в раскрытие центральных тем романа, таких как взросление, утрата невинности и близких, а также экзистенциальный поиск смысла жизни. Исследование демонстрирует, что ситуативная ирония подчеркивает неожиданные повороты судьбы, драматическая ирония усиливает напряжение, раскрывая читателю то, что неизвестно героям, а вербальная ирония придает диалогам и внутренним монологам глубину и многозначность. В результате анализа авторы приходят к выводу, что ирония является не только ярким стилистическим инструментом, но и неотъемлемой частью нарративной структуры произведения. Она служит мощным способом эмоционального воздействия на читателя, углубляя его понимание персонажей и их внутренних

конфликтов, а также побуждая к размышлениям над сложными вопросами человеческого существования.

Ключевые слова: ирония, ситуативная ирония, драматическая ирония, вербальная ирония.

Abstract. This article analyzes irony as a central literary device in the novel *Looking for Alaska* written by John Green. The study focuses on three main types of irony: situational, dramatic, and verbal ones, demonstrating how skillfully each of them is integrated into the narration. Textual examples illustrate the function of these types of irony and their significant contribution to the central themes of the novel, such as coming-of-age, loss of innocence and loved ones, and the existential search for the meaning of life and death. Particular attention is paid to the way the situational irony underscores the unexpected turns of fate, the dramatic irony heightens the tension by revealing to the reader the things that remain hidden from the characters, and the verbal irony lends depth and ambiguity to the dialogues and internal monologues. The analysis shows that irony functions not merely as a skillful stylistic device, but as an integral component of the narrative structure. Furthermore, it serves as a powerful means of engaging the reader emotionally, deepening their understanding of the characters and their internal conflicts, and prompting reflection on complex questions of human existence.

Keywords: irony, dramatic irony, situational irony, verbal irony.

Данное исследование посвящено комплексному анализу функционирования различных типов иронии (ситуативной, драматической и вербальной) на материале романа американского писателя Джона Грина (John Green) *Looking for Alaska* («В поисках Аляски») [8] и определению их роли в формировании нарративной структуры произведения, раскрытии ключевых тем (взросление, утрата, поиск смысла) и оказании эмоционального воздействия на читателя.

Ирония – стилистический прием, заключающийся в употреблении слова или высказывания в смысле, противоположном буквальному [1; 68]. Ирония часто применяется для выражения осуждения, насмешки или для создания контраста между тем, что говорится, и тем, что на самом деле имеется в виду. В отличие от сарказма, который всегда носит агрессивный характер, ирония может быть более мягкой и даже добродушной. Это средство активно используется как в повседневной речи, так и в художественных произведениях для усиления выразительности и создания психологической глубины.

С точки зрения современной прагматики, ирония рассматривается не только как троп, но и как особый коммуникативный акт. Основополагающими в этом направлении стали работы В.З. Санникова и В.К. Харченко, которые выделяют три основных типа иронии: вербальную, драматическую и ситуативную [4],[6].

Ирония является фундаментальным инструментом в современной американской литературе. Джон Грин мастерски использует ее в романе «В

поисках Аляски» для более глубокого раскрытия тем и характеров персонажей, а также для усиления эмоционального воздействия многозначных образов на читателя.

В анализируемом романе используются различные формы иронии – ситуативная, драматическая и вербальная – для более глубокого раскрытия темы юности, горя и поиска смысла жизни. Иронические элементы не только создают повествовательное напряжение и предвосхищают будущее, но и подчёркивают центральные темы романа: непредсказуемость жизни и зачастую болезненное несоответствие между ожиданием и реальностью.

Сituативная ирония, или иронии ситуации, – это широко признанный литературный прием, часто обсуждаемый в основополагающих текстах по риторике и теории литературы [5]. Ситуативная ирония предполагает несоответствие между тем, что ожидается, и тем, что в действительности происходит, и возникает, когда результат действия противоположен тому, который предполагался [7; 430].

В романе Дж. Грина примером могут служить следующие реплики: «*I go to seek a Great Perhaps.*» [8; 53] («Я иду искать Великое Возможно»), «*How will I ever get out of this labyrinth!*» [8; 54] («Как мне когда-нибудь выбраться из этого лабиринта!»). Главный герой романа Майлз Холтер по прозвищу Падж покидает свой безопасный дом во Флориде, чтобы поступить в Калвер-Крик, прямо заявляя о своем желании найти «Великое Возможно», т.е. жизнь, полную глубоких переживаний и смысла. Иронично, что значительная часть этого «Возможно», которое он находит, – это глубокая потеря и травма, вызванные смертью Аляски, что погружает его в лабиринт горя и вопросов без ответа, что отражает и собственную борьбу Аляски за выход из эмоционального «лабиринта». Его стремление к грандиозному жизненному опыту неожиданно сталкивает его лицом к лицу с глубочайшими формами человеческого страдания. Эта фундаментальная ситуативная ирония подрывает романтизированное представление о «Великом Возможном», демонстрируя, что глубокие жизненные переживания часто переплетаются с болью и неизбежностью смерти, бросая вызов первоначальному идеализированному мировоззрению главного героя.

Драматическая ирония – это классическая концепция, восходящая к древнегреческой трагедии, где зритель был осведомлен о надвигающейся гибели персонажа или о важной истине, неизвестной самому персонажу. Она является краеугольным камнем повествовательного напряжения и эмоционального вовлечения, широко обсуждаемым в литературной критике [7; 237].

Примером драматической иронии является обсуждение «последних слов» Аляски: «*What's your favorite last words?*» [8; 23] («Какие твои любимые последние слова?»). Ранее в романе Падж и Аляска ведут мрачную, но типичную для подростков дискуссию о знаменитых последних словах. Этот, казалось бы, случайный разговор происходит задолго до смерти Аляски. Читатель, зная трагический исход, осознает глубокую иронию этой дискуссии,

поскольку собственные неизвестные «последние слова» Аляски (и тайна, окружающая их) становятся центральным источником мучений и расследований для Паджа и Полковника после её кончины. Персонажи относятся к этому как к философской игре, не подозревая о ее скорой личной актуальности. Это предвещание, воспринимаемое читателем как драматическая ирония, добавляет повествованию слой трагической неизбежности, делая последующие события еще более пронзительными и подчеркивая тему непредсказуемой краткости жизни и долгосрочного влияния оборвавшейся жизни на судьбы оставшихся в живых и формирование личности главного героя.

Вербальная ирония – это несоответствие между тем, что говорится, и тем, что подразумевается; это употребление слов, которые выражают противоположный смысл тому, что говорящий действительно имеет в виду. Сарказм обычно считается более агрессивной или презрительной формой вербальной иронии [7; 430].

В романе Дж. Грина вербальную иронию можно проследить в самоуничижительных замечаниях Аляски: «*I'm going to be a good person, even if it kills me*» [8; 107] («Я собираюсь быть хорошим человеком, даже если это меня убьет»). Аляска часто делает подобные заявления или декларирует свое намерение быть «хорошой», обычно после акта бунта, манипуляции или саморазрушительного поведения. Она прекрасно осознает собственные недостатки и противоречия, и эти заявления произносятся с ясным, ироническим пониманием того, что в данный момент она не является «хорошой» в общепринятом смысле. Она явно признает разрыв между своим заявлением о намерении и своим фактическим поведением. Эта вербальная ирония раскрывает сложный характер Аляски – ее самосознание, цинизм и внутреннюю борьбу между желанием быть хорошей и импульсивными, часто разрушительными наклонностями. Это позволяет читателю увидеть за ее поверхностным обаянием глубокое смятение и всепроникающий внутренний конфликт.

Таким образом, ирония является важным стилистическим и нарративным элементом в художественном языке. Она позволяет эффективно выразить скрытую критику или создать контраст между явным и скрытым, заставляя аудиторию задуматься о сущности рассматриваемых явлений и проблем [1; 124].

Всепроникающее и многогранное использование иронии в романе Дж. Грина «В поисках Аляски» – это не просто стилистический прием; она является неотъемлемым вкладом в тематическую глубину романа и элементом эмоционального воздействия. Подчеркивая несоответствия между ожиданием и реальностью (ситуативная ирония), раскрывая читателю предвещающее знание (драматическая ирония) и выявляя сложные внутренние состояния персонажей через реплики, противоречащие реальности (вербальная ирония), Дж. Грин эффективно передает присущую жизни непредсказуемость и часто трагическую природу. Ирония служит для того, чтобы подчеркнуть глубокое исследование

романом горя, поиска смысла и сложной, часто противоречивой природы человеческого опыта, делая повествование как интеллектуально стимулирующим, так и глубоко резонансным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Изд. 9-е. – М.: URSS, 2022. – 148 с.
2. Грин Дж. В поисках Аляски [пер. с англ. Д.А. Смушковой]. – М.: ACT, 2014. – 320 с.
3. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 399 с.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
5. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционных форм. – М.: Искусство, 1970. – 304 с.
6. Харченко В.К. Функционально-семантическая типология иронии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 27-34.
7. Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. – 3rd ed. – London: Penguin Books, 1991. – 1026 p.
8. Green J. Looking for Alaska. – Режим доступа: https://archive.org/details/lookingforalaska0000gree_z5x9 (дата обращения: 21.10.2025).
9. Muecke D.C. The Compass of Irony. – London: Methuen, 1970. – 276 p.

УДК 81'42:811.111

М. Б. Лебедева

канд. филол. наук, доцент кафедры
западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»

(г. Пятигорск)

О. В. Чечель

преподаватель кафедры
западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»

С. В. Чечель

канд. филол. наук, доцент кафедры
западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу стилистических особенностей современного англоязычного общественно-политического дискурса. Анализ проводится на материале публикаций британских и американских

периодических изданий. Авторы исследуют особенности использования некоторых стилистических средств, таких как синтаксические фигуры речи (антитеза, риторический вопрос, повторы) и тропы (метафора, гипербола, ирония, метонимия, эпитеты) при создании эмоционального воздействия на потребителя контента. Статья также затрагивает исторический аспект рассматриваемой тематики, обращаясь к опыту известных древнегреческих философов. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу об усилении тенденции использования разнообразных стилистических приемов в качестве персуазивных элементов для манипуляции читательской аудиторией. Среди применяемых речевых стратегий на первое место выходят агональные, отражающие соперничество и борьбу различных сил, а медийный дискурс становится экспериментальной площадкой, где апробируются новые формы словоупотребления и стилистические средства.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, агональные и эристические характеристики, стилистические приемы, метафора, эпитет, оксюморон, гипербола, персуазивность, манипуляция.

Abstract. The article analyses the stylistic peculiarities of modern English-speaking socio-political discourse. The authors base their research on a number of British and American periodicals. They look into the way some stylistic devices such as syntactic figures of speech (the antithesis, the rhetorical question, the repetition) and tropes (the metaphor, the hyperbole, the irony, the metonymy, the epithet) are used to create a desired emotional impact on the reader. The article also touches on the historical aspect of the topic researched relying on the rich experience of the famous ancient Greek philosophers. It comes to a conclusion concerning a growing tendency to use such stylistic techniques as elements of persuasion aimed at manipulating the readership. The agonial strategies reflecting the competition and fight of different social and political forces come out on top among the used linguistic means while media discourse is becoming an experimental platform to approbate the usage of new word collocations and stylistic devices.

Keywords: socio-political discourse, agonal, eristic characteristics, stylistic devices, metaphor, epithet, oxymoron, hyperbole, persuasion, manipulation.

Медийный дискурс получает сегодня большую распространенность и выходит на качественно новый уровень как вследствие развития новых технологий, которые не только меняют его формат, но и делают более доступным для каждого члена общества, так и вследствие появления новых требований, предъявляемых к языку СМИ, обусловленные возросшей ролью информационного влияния на общество.

Медийный дискурс, формируя особую медиа среду в средствах массовой информации, обладает многоаспектными свойствами и характеристиками что делает его одним из сложнейших и спорных понятий в современном языкоznании, вызывая острые дискуссии в научной среде. Изучению дискурса и в отечественном, и в зарубежном языкоznании

посвящены работы таких лингвистов как Т.А. Ван Дейк, Г. Лассуэлл, П. Серио, Н.Д. Арутюновой, Н. Н. Василькова, Е. Г. Кабановой, В.И. Карасика, Е. А. Кожемякина, Е. С. Кубряковой, М. Л. Макарова, А. А. Чувакина и многих других исследователей. Несмотря на существование различных подходов к описанию дискурса (формального, функционального, ситуативного и когнитивного), большинство исследователей сходятся во мнении, что дискурс, не ограничивается рамками связного текста, а включает в себя множество аспектов, охватывающих экстралингвистические, прагматические, коммуникативные, социальные, культурные и психологические факторы, при этом он нацелен не только на информирование аудитории, но и на прямое, иногда манипулятивное воздействие на эту аудиторию. Отечественные лингвисты (И.В. Арнольд, А.Н. Васильева) рассматривают в рамках медийного дискурса и создаваемой им медиа среды, ряд литературных произведений, в которых освещаются и анализируются актуальные проблемы политической жизни общества, и, которые, с одной стороны, влияют на деятельность социальных институтов, а с другой, служат средством общественного воздействия, включающего агитацию, манипуляцию и пропаганду, организуя и передавая социально значимую информацию. Очерки, статьи, фельетоны, репортажи, интервью и аналитические материалы, характерные для традиционных печатных изданий успешно дополняются различными текстами в социальных сетях, профессиональных и любительских блогах. Письменное предъявление информации органично сочетается с устной и визуальной формой на радио и в телепередачах, документальных фильмах, телемостах, конференциях, на митингах и собраниях.

Рассматривая медийный дискурс с точки зрения его воздействия на читательскую аудитории, выделяются определенные тенденции, обусловленные особенностями современной ситуации. Сегодня в арсенале медийных текстов таковыми являются ряд речевых стратегий, среди которых в первую очередь отметим состязательные или агональные, то есть соперничающие, подразумевающие борьбу различных сторон, каждая из которых убеждена в правоте своих идей и стремится их отстоять всеми доступными средствами. Необходимо отметить высокую эмоциональность таких стратегий, часто направленных не на сухую логическую аргументацию, а на самоутверждение за счет оппонента, создание образов свой/чужой с соответствующими позитивными и негативными характеристиками, имеющими агрессивную тональность, скрытую и даже откровенную манипуляцию. Медийный дискурс превращается в арену острой борьбы таких сил, результатом которой становится персуазивное воздействие на умы массовой аудитории, с целью привлечения сторонников в свои ряды и создания определенного общественного мнения. В современном медийном пространстве используемые приемы часто носят эристический характер, при котором авторы заинтересованы не в объективном освещении событий, а в умении изящно вести словесные баталии и добиваться своей цели независимо от ее истинности, но ради собственной выгоды [2; 245]. Интересно отметить тот факт, что еще в

древности философ-софист Эратосфен Киренский считал приверженцев такого подхода «лжецами и проходимцами», тогда как в современном мире такой подход стал обыденной практикой. Это замечание находим и в трудах Лосева А.Ф. [3; 131]. Обозначенная специфика речевых стратегий и задач не могла не сказаться на изменении языковых средств, с помощью которых эти самые задачи достигаются. Как уже было сказано, они используются не только для сообщения сухих фактов, но и, для воздействия на умы читателей, и таким образом формируют общественные взгляды, создавая яркие типажи в острых, эмоционально окрашенных текстах. Несомненно, медийный дискурс оказывают серьезное влияние на современного потребителя контента СМИ, воздействуя и на его разум, и на чувственную сферу, направляя его мысли в определенное русло и создавая соответствующее представление о ситуации, объекте, человеке, событии и т.д.

Медийный дискурс как многогранное явление отражает важнейшие события современного мира с самых разных сторон и позволяет изучать язык СМИ не в плоскости, а объемно, учитывая динамику всех языковых процессов. Используемый в медиа среде язык имеет ряд характерных особенностей, среди которых выделяются две прямо противоположные, но, тем не менее, необходимые для выполнения заявленных функций медийного дискурса: применение стандартных и экспрессивных лексических и синтаксических средств. Стандартные лексические средства способствуют созданию единства и ясности передаваемой информации, что приводит к необходимому коммуникативному воздействию на читателя, тогда как за экспрессивность, образность, яркость текста отвечают совсем другие средства. К последним, в частности, относятся тропы и стилистические фигуры речи как приемы речевой экспрессии, характерной для современных СМИ. Их семантическая яркость и точность влияют на динамичность и образность текста, привлекая читательскую аудиторию, и поэтому они широко используются авторами в современной английской прессе. Тропы представляют собой обороты речи, используемые в переносном значении, и, таким образом, обладающие двумя смыслами. Среди наиболее широко используемых в СМИ троп встречаются гиперболы, метафоры, ирония, метонимия, эпитеты и другие.

Если тропы относятся к лексической области, то фигуры речи находятся в области синтаксиса и представляют собой конструкции, выполняющие те же функции, что и тропы - усиливающие яркость и экспрессивность сообщения. К стилистическим фигурам речи относятся антитеза, парафраз, риторические вопросы, параллелизм, повторы, восклицания.

Важность роли таких образных средств подчеркивал Аничков И. Е., сравнивая их с различными оттенками цветов, которые окрашивают информационную составляющую текста «чувственно-интуитивным описанием нашего мира, нашей жизни» и способствуют лучшему восприятию информации [1; 152].

Рассмотрим ряд тенденций в стилистической организации текстов современного англоязычного печатного дискурса, отмеченных авторами статьи

при анализе примеров из американских и британских периодических изданий: «The Economist», «The Guardian», «USA Today», «The Washington Post», «The New York Times».

Известно, что язык печатных СМИ, как и в целом общественно-политический дискурс (ОПД), характеризуется высокой степенью клишированности речи. Наряду с клише, которые являются устоявшимися («*declaration of political will*», «*turf wars*», «*political squabbles*», «*hidden agendas*», «*a staunch supporter*», «*a hard-stakes case*», «*witch hunt*» и т.д.), мы наблюдаем примеры новых устойчивых образований, отражающих изменения в мировом социо - политическом ландшафте и те процессы, которые определяют его развитие. Примерами могут служить: «*multipolar diplomatic landscape*», «*a less politically charged avenue*» «*the Beijing- Moscow axis*», «*a trade bazooka*» и т.п. Как правило, эти новообразования имеют яркую коннотативную окраску (статистика нашей выборки показывает, что чаще наблюдается негативная коннотация – 68,5%) и демонстрируют агональный характер организации дискурса. Они направлены не столько на информирование читателей, сколько на формирование их мнения относительно текущих политических процессов.

Подобный эмоциональный фон поддерживается наличием множества стилистических приемов, отмечаемых в современной англоязычной прессе. Проанализируем ряд из них.

В создании образности текста журналисты активно полагаются на **метафору**, используя уже имеющиеся образы и предлагая новые. Например:

«*We are flying blind right as the economy could be turning*» ; «*The Trump administration has once again put the Democrats on a rollercoaster ride*».

Нередко и названия новых явлений общественно-политической жизни обретают метафорическое звучание. Так произошло с вышеупомянутой коллокацией «*trade bazooka*», этимология которой весьма примечательна. Термин в таком начертании впервые появился в декабре 2021 года в Евросоюзе в тексте законопроекта, призванного защитить права европейских стран в торговых войнах, ставших характерной чертой начала 21 века. В его основу было положено название динамо-реактивного противотанкового гранатомета, стоявшего на вооружении армии США - своего рода «оружия возмездия». Однако метафорический образ базуки имеет более сложную этимологию, поскольку ранее так назывался духовой инструмент, похожий на тромбон, но, возможно, корни названия уходят и в библейскую историю, где упоминается «*bazak*» - одно из именований молний, насыляемых Творцом в качестве наказания для совершивших прегрешения.

Анализируя характер **эпитетов**, употребляемых авторами статей, нельзя не отметить, что они иллюстрируют в основном две полярные группы эмоций, которые можно условно назвать позитивно-восторженной и пессимистично-критической. Первая представлена в меньшем количестве и включает такие прилагательные, как: «*fantastic*», «*grand*», «*epic*» и т.п. Например:

«*China's leaders sense an epic opportunity*».

Вторая группа эпитетов составляет большинство в нашей выборке и объединяет следующие примеры: «*paranoid, bombastic [language]*», «*ugly [rush to extremes]*», «*declining, despairing [Europe]*», «*gloomy [expectations]*», «*ferocious [austerity campaign]*», «*toe-curling [links]*» и т.п.

Последний в ряду приведенных примеров представляет определенную сложность для перевода, с которой, как показал анализ различных онлайн ресурсов, справляются далеко не все из них, предлагая дословный, лишенный смысла перевод. На самом деле, это выражение может обозначать ощущение неловкости или даже стыда (аналог более широко известного клише «испанский стыд»). В современном молодежном сленге оно эквивалентно лексеме «*cringe*», которая успела приобрести статус интернационализма в ряде европейских языков, включая русский. Но переводчик должен быть крайне осторожным в трактовке лексемы «*toe-curling*», поскольку она полисемична, и может обозначать целый спектр эмоций: от «шокирующий» до «доставляющий удовольствие».

Мыслительные конструкты и образы, черты которых сильно преувеличены или представлены в виде парадоксального контраста, облекаются в форму **гипербол и оксюморонов**. Рекуррентность их употребления в печатном медийном дискурсе ниже, чем эпитетов или метафор, но они играют не менее важную роль в создании эмоционального фона публикаций и их образности. Приведем пример оксюморона, относящийся к политической истории Великобритании и, на наш взгляд, многое объясняющий в ее действиях на современной мировой политической арене:

«The concept of ‘splendid isolation’ ...refers to a policy of avoiding permanent alliances and focusing on national interests.»

Наряду с вышеупомянутыми тропами, современные англоязычные журналисты прибегают к использованию целого ряда других стилистических приемов и таких фигур речи, как **антитеза, риторический вопрос, повторы** и т.д. Комбинация этих приемов обеспечивает выполнение той функции публистики, которая со всей очевидностью сегодня выходит на первое место – формирование определенной позиции читателя в оценке общественно-политических процессов современности и фигур, стоящих за ними, и, в конечном счете, манипулирование сознанием масс. Эта черта, безусловно, была присуща прессе на протяжении всего ее существования, но сегодня мы наблюдаем достаточно резкий переход от тактик персуазивности к агональному или даже эристическому характеру выстраивания аргументативной канвы текстов, при котором становится неважным фактор истинности излагаемого, а выбор средств, в том числе и языковых, определяется исключительно политическими интересами автора или тех, кто за ним стоит.

Проведенный анализ показывает, что на современном этапе медийный дискурс стал своего рода экспериментальной площадкой, полигоном, на котором создаются и апробируются новые нормы словоупотребления, метафорические выражения, тропы и стилистические фигуры речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков И. Е. Труды по языкоznанию. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. - 509с.
2. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест.// Интерпретация. Понимание. Перевод: Сб.научн.статей. СПб.: Изд-во: СПбГУЭФ, 2005. С. 240-248.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон.Т.2. – М., 1969. – 641с.
4. The Economist. Режим доступа: <https://www.economist.com> (дата обращения: 10.10.2025).
5. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 15.09.2025).
6. The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com> (дата обращения:03.10.2025).
7. USA Today. Режим доступа: <https://www.usatoday.com> (дата обращения: 04.09.2025).
8. The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 81-38

С.Х.С. Мидерос
магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «БГПУ им.М. Акмуллы»
(г.Уфа)
Ю.Р. Юсупова
канд. филол. наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТОВ ЖАНРА «СТЕНДАП»

Аннотация: В данной статье рассматриваются лингвистические особенности текстов жанра стендалп. Авторы считают, что верbalная составляющая стендалпа имеет первоочередное значение, т.к. является основным средством воздействия на зрительскую аудиторию. Отмечается, что подбор языковых средств в данном жанре определяется разговорностью стиля, экспрессивностью речи. На материале стендалп-выступления британского комика Д. Уайтхола выделены такие средства экспрессивности как сленг, обсценная и эмоционально окрашенная лексика, междометия, фразеологизмы, пословицы, лексические повторы, инверсия, парцелляция, эллипсис, игра слов и комбинирование акцентов. Выделенные языковые средства являются

универсальными для жанра стендапа в разных странах, но могут иметь ограничения, обусловленные социально-культурными причинами. По мнению авторов, материал статьи будет полезен как часть более широкого исследования жанра, включающего изучение невербальных средств выразительности и сопоставление культурных основ стендапа в разных странах.

Ключевые слова: комический эффект, стендап, стендап-комик, экспрессивность, языковые средства

Abstract: This article examines the linguistic features of stand-up comedy texts. The authors believe that the verbal component of stand-up genre is of primary importance to research, as it is the primary means of producing effect on the audience. It is noted that the selection of linguistic means in this genre is determined by the colloquial style and expressiveness of speech. The analysis of a stand-up performance by British comedian JackWhitehall revealed the use of such expressive means as slang, obscene and emotional vocabulary, interjections, phraseological units, proverbs, lexical repetition, inversion, parcellation, ellipsis, pun, and accent combinations. These linguistic means are universal for the stand-up genre in different countries, but may have limitations due to socio-cultural factors. The authors believe that the article's material will be useful as a part of a broader standup genre study, including the study of non-verbal expressive means and a contrastive analysis of the cultural stand-up comedy foundations in different countries.

Key words: comic effect, stand-up, stand-up comedian, expressiveness, linguistic means

Стендап в настоящее время является привлекательным материалом для лингвистического анализа. Время его оформления в самостоятельный жанр варьируется в разных источниках от XVIII-XIX вв. [3;108] до середины XX в. [1]. Несмотря на уже довольно продолжительное существование, жанровые особенности стендапа в современной лингвистике все еще недостаточно систематизированы. Причиной этому нам видится постоянное развитие жанра стендап-шоу вследствие его растущей популярности во всем мире, его культурная обусловленность и использование современных медийных форматов распространения в обществе.

Как правило, все стендап-выступления подразделяются по тематике (отношения, семья, шоу-бизнес и т.д.), стилю («дедпан», черный юмор, антиюмор, клоунада, абсурдизм, «жесткий стендап» и др.), форме (классическая, сторителлинг, one-line (короткая шутка размером в одну строку) и др.) и соотнесению с социальными нормами публичного выступления (обыгрывание культурно значимых явлений, использование нецензурной лексики, жесткое высмеивание приглашенной звезды на грани оскорблений и пр.) [5]. Для всех категорий характерно использование разговорного стиля, который определяется следующими чертами: неподготовленность

(импровизация), непринужденность, экспрессивность, свободный выбор языковых средств, использование невербальных средств общения [2].

Данное исследование фокусируется на лингвистической составляющей стенда, т.к. в его основе лежит именно интенсивное вербальное воздействие на зрителя [3;108], а невербальные средства являются вспомогательными. Несмотря на то, что представление о стенде часто сводится к юмористическому монологу или монопьесе, актер во время выступления с разной степенью активности взаимодействует с публикой, т.е. может вступать в открытый диалог, используя разные стилистические средства.

Отправной точкой нашего исследования стало определение стендапа, предложенное Е.О. Чурюкановой, согласно которому стендап - это «особая устная форма ораторского искусства, которому присущи комедийные характеристики, сочетающие юмористические и сатирические черты, создающие уникальный комический эффект» [4; 103]. Таким образом, подбор языковых средств, используемых выступающим, и их комбинация в выступлении всегда опирается на их способность вызвать интерес аудитории и насмешить ее.

Материалом для анализа послужил скрипт стендап-выступления британского комика Джека Уайтхолла I'm Only Joking. С целью выявления универсальных и специфических черт стендапа в разных странах были также рассмотрены субтитры к этому выступлению на испанском и русском языках.

Поскольку импровизация в стендапе является по большей части мнимой (стендап-комик работает по подготовленному тексту, импровизируя только при прямом диалоге с публикой) основное внимание было уделено «заготовленным» языковым средствам, характеризующим непринужденность и экспрессивность речи.

Первым стоит отметить широкое употребление *сленга*, что позволяет комику «стать своим» для публики, установить контакт и поддерживать благодаря этому коммуникацию: «I have a history of *cocking up* prestigious gigs», «Get ready for it because it is a *humdinger*».

Экспрессивность, эмоциональность речи Уайтхолла поддерживается употреблением табуированной и обсценной лексики, прилагательных с выраженным эмоциональным компонентом, междометий и устойчивых выражений междометного характера, фразеологизмов, лексических повторов, инверсии, парцелляции, эллипсиса, игры слов и комбинированием акцентов в произношении.

Некоторые примеры представлены в таблице:

1.	Табуированная/обсценная лексика	<i>Cheeky fucker!</i> <i>That guy is such an asshole!</i>
2.	Прилагательные с выраженным эмоциональным компонентом	<i>I'm quite nervous.</i> <i>I'm glad you enjoyed that bit.</i> <i>I was upset, I was moved, I was disturbed...</i> <i>disgusting titty milk</i>

3.	Междометия и устойчивые выражения междометного характера	<p>Whoa...</p> <p>Oh, dear!</p> <p>Oh, my God!</p> <p>Woohoo!</p> <p>Also, more importantly, what <i>on earth</i> does this phrase even mean?</p> <p>What <i>the hell</i> are you doing?</p> <p><i>For the love of God...</i></p> <p>My grandmother started walking five miles a day when she was 60. She's 97 now and we don't know where <i>the hell</i> she is.</p>
4.	Фразеологизмы	<p><i>Now, when I go to the gym, I'm like the Rock. No pain, no gain.</i></p> <p><i>It's no good crying over spilt nut juice.</i></p>
5.	Лексические и синтаксические повторы	<p>He was <i>old</i>. Like, <i>old-old</i>.</p> <p>And <i>don't you dare, don't you dare</i>, in 2020, drink your disgusting titty milk through a plastic straw!</p>
6.	Инверсия	<p>I <i>personally am</i> the kind of person that lives his life governed by the fear...</p>
7.	Парцелляция	<p>...there are certain activities that I will not be participating in for a short while. <i>Swimming, trampolining, horseback riding, skydiving, probably tandem skydiving</i> as well.</p>
8.	Эллипсис	<p>It should have been a very straightforward transaction. <i>It was anything but.</i></p>
9.	Игра слов	<p>I just deleted all the <i>German names</i> off my phone. It's <i>Hans-free</i>.</p>

Контрастное использование на фоне стандартного британского произношения акцентов, присущих жителям разных графств, а также представителям британской аристократии также способствует созданию комического эффекта.

Сопоставление оригинального скрипта данного выступления с субтитрированным переводом на испанский и русский языки показало, что практически все языковые средства сохраняются, если они не несут культурной информации или не ограничиваются социальными нормами других народов.

Так, например, в переводе устойчивых выражений междометного характера на русский язык отражено стремление к смягчению эмоциональности при описании ситуации с пожилым родственником в России: *My grandmother started walking five miles a day when she was 60. She's 97 now and we don't know where the hell she is.* - Моя бабушка начала гулять по пять миль в день, когда ей было 60. Ей уже 97, и мы *до сих пор* не знаем, где она. Прямое соответствие «чёрт возьми» заменено на более мягкий вариант, что несколько снижает общую эмоциональность. Отметим, что в испанском обществе таких ограничений нет: *Mi abuela empezó a caminar cinco millas al día cuando tenía 60. Ahora tiene 97 y no sabemos dónde diablos está».*

Подобная тенденция наблюдается и с употреблением обсценной и табуированной лексики, если стендап-шоу транслируется по телевидению. В России действует закон, ограничивающий употребление данных языковых единиц в СМИ, поэтому фразы типа: *That guy is such an asshole; What the hell are you doing?* в русском переводе имеют чуть более высокий стилистический регистр: Он такой *подонок*; Ты *чтотворишь*? (частично компенсировано инверсией). В испанских субтитрах подобного подхода не наблюдается, испанская публика, в целом, более толерантна к использованию обсценлизмов на телевидении: *Ese tipo es un gilipollas; ¿Qué demonios estás haciendo?*

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время жанр стендап выступления имеет универсальный принцип верbalного выражения, который реализуется в соответствии с социально-культурными особенностями зрителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всё, что нужно знать о стендапе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://live.mts.ru/lifestyle/article/vsyo-chto-nuzhno-znat-o-stendape>. (Дата обращения: 20.10.2025)
2. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений: учеб. издание. – Москва: Логос, 2003. – 432 с.
3. Манжелеевская, Е. В. Прагматические особенности речи комиков, выступающих в жанре "стендап" (на материале английского языка)/ Е.В. Манжелеевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-2(76). – С. 107-111. – EDN ZMYOOF
4. Чурюканова, Е. О. Жанрово-языковые особенности стендап текстов (на примере английского языка)/ Е.О. Чурюканова// Лучшая исследовательская работа 2022: Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 15 августа 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 102-106
5. Glavstandup [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glavstandup.ru/blog/vidy-stili-zhanry-i-formaty-stendapa> (Дата обращения: 10.11.2025)

УДК 378.147

Т.В. Паршина

ст. преподаватель кафедры английского языка навигации и связи
ФГБОУ ВО «ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова»
(г. Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕЗАУРУСА КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В РАМКАХ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: Формирование профессионального иноязычного тезауруса курсантов морских специальностей является ключевым элементом их лингвистической подготовки в вузе, непосредственно влияющим на будущую профессиональную коммуникацию и безопасность мореплавания. В данной статье рассматриваются некоторые базовые подходы формирования профессионального иноязычного тезауруса в условиях смешанного обучения. В статье описана сущность и приведена практическая реализация четырех основных подходов: когнитивного, направленного на усвоение терминосистемы, коммуникативного, развивающего навыки использования лексики в контексте, личностно-ориентированного, учитывающего индивидуальные особенности курсантов, и ценностного, формирующего профессионально-этическое отношение к будущей деятельности. Особая практическая ценность статьи заключается в приведении конкретных примеров упражнений, разработанных в рамках каждого подхода и адаптированных для условий смешанного обучения. Предложенные походы и упражнения нацелены на комплексное формирование профессионального иноязычного тезауруса, обеспечивающие не только знание лексики, но и умение эффективно применять ее в реальных профессиональных ситуациях.

Ключевые слова: подходы, курсанты морских специальностей, смешанное обучение, профессиональный иноязычный тезаурус, формирование.

Abstract. The formation of a professional foreign language thesaurus for cadets of maritime specialties is a key element of their linguistic training at a university, directly impacting their future professional communication and maritime safety. This article examines some basic approaches to the formation of a professional foreign language thesaurus within the context of blended learning. The article describes the essence and practical implementation of four main approaches: cognitive, aimed at mastering the terminology system, communicative, developing skills in using vocabulary in context. learner-centered, accounting for individual characteristics of cadets, and value-based, fostering a professional and ethical attitude towards future activities. The particular practical value of the article lies in the specific examples of exercises provided, which were developed within each approach

and adapted for blended learning conditions. The proposed approaches and exercises are aimed at the comprehensive formation of a professional foreign language thesaurus, ensuring not only knowledge of vocabulary but also the ability to use it effectively in real professional situations.

Key words: approaches, cadets, blended learning, professional foreign-language thesaurus, formation.

Формирование профессионального иноязычного тезауруса курсантов морских специальностей в рамках смешанного обучения осуществляется с опорой на определенные подходы. Понятие «подход» традиционно описывается как основополагающая идея, определяющая процесс обучения, как «результат приложения методологии к определенной области деятельности» [10; 13]. Конкретизируя научную мировоззренческую основу подхода, можно отметить, что подход к обучению базируется на «соответствующей теории языка — лингвистических основах обучения и теории обучения / учения — дидактических основах обучения» [2; 20]. В этой связи подход можно рассматривать как научно-обоснованную точку зрения, путь, который задает системный взгляд на процесс обучения, характеризуя две его важные стороны — лингвистическую (чему учить?) и педагогическую (как учить? / как учиться?).

Формирование профессионального иноязычного тезауруса курсантов морских специальностей происходит в рамках формирования у них профессиональной иноязычной компетенции. Поэтому можно предположить, что подходы к формированию профессиональной иноязычной компетенции составляют основу формирования профессионального иноязычного тезауруса. В этой связи, в качестве некоторых базовых подходов автор выделяет когнитивный, коммуникативный, личностно-ориентированный и ценностный.

Когнитивный подход. Когнитивный подход является одним из ключевых: «формирование иноязычного тезауруса проходит непосредственно на когнитивном уровне языковой личности и без акта познания бессмысленно» [4; 35]. Применение когнитивного подхода предполагает не только механическое запоминание, но и формирование у обучающихся гибких когнитивных структур, адаптированных к реальным условиям профессиональной деятельности.

По мнению А.Н. Шамова, «для достижения целей и задач по овладению лексикой с учетом требований когнитивного подхода рекомендуется специальная группа упражнений» [7; 23], в частности, упражнения на развитие лексической памяти и формирование когнитивного образа слова: расшифровка аббревиатур (GMDSS, IMO, SOLAS); на развитие лингвокреативного мышления: подбор существительных, сочетающихся с ключевым глаголом to maintain (например: equipment, machinery, life-saving appliances, communication devices); на актуализацию дериватов по знакомым моделям: определение исходных слов для сложных существительных (например: shipping, pilotage, explanation).

Когнитивный подход применим в рамках смешанного обучения, где все перечисленные упражнения можно представить в электронном виде с помощью цифровых ресурсов, в частности, онлайн-мозговой штурм (Miro) для активации тематического словаря.

Коммуникативный подход. В 1970-х годах в Великобритании сформировался коммуникативный подход, ключевым отличием которого стала постановка новой цели: «владение языком как средством общения» [2; 29]. Подход акцентирует внимание на практическом использовании языка в реальных ситуациях на море: взаимодействие между капитаном, штурманом и рулевым для корректировки курса, обсуждение данных приборов для проведения счисления пути и другие.

В зарубежной лингводидактике к типам упражнений, которые, в частности, могут использоваться при формировании профессионального тезауруса курсантов морских специальностей, относят упражнения, основой которых является парная, групповая интеллектуальная работа [11]: составьте диалог между первым помощником и капитаном по приему груза; разделитесь на две команды «за» и «против» и в форме дебатов поразмышляйте на одну из предложенных тем.

В отечественной методической мысли внимания заслуживает концепция речевых навыков и умений С.Ф. Шатилова. Его система упражнений представляет собой комплексное единство подготовительных, условно-коммуникативных и подлинно коммуникативных упражнений [8].

Коммуникативный подход может быть реализован в рамках смешанного обучения. В качестве примеров таких упражнений можно привести ролевые игры в цифровой среде (курсанты готовят диалоги через электронную платформу, используя виртуальные фоны для имитации реальных ситуаций); интерактивные задания с обратной связью (выполнение заданий на платформах, в частности, Quizlet или Kahoot! для закрепления лексики с последующей автоматической проверкой); гибридные проекты (группы работают над презентациями онлайн, а затем представляют их очно).

Личностно-ориентированный подход. Как справедливо отмечают Сластенин В.А., Беловолов В.А., Ильенко Е.В. «современное реформирование общества определило актуальность проблемы творческой и продуктивной самореализации каждого человека как высшей социальной ценности, целостно раскрывающегося как индивид, личность» [5; 117]. Это актуально и по сей день. Смешанное обучение было одной из тех радикальных инноваций в образовании [3], которое, в частности, подчеркивает значимость формирования личности. Связь личностно-ориентированного подхода и смешанного обучения определяется, в частности, тем, что, обучающиеся могут выбрать определенный темп, время и объем материала для изучения. Тем самым, обучающиеся воспитывают в себе такое личностное качество как ответственность за свое время, результаты своего труда, а цифровые инструменты помогают это осуществить. Личностно-ориентированный подход в обучении также предполагает создание задач и упражнений, которые учитывают

индивидуальные особенности и интересы обучающихся. В качестве примеров можно привести, в частности, следующие: упражнения на выражение собственного мнения по заданной теме; на комментирование различных пословиц, цитат известных моряков; на анализ причин случившейся ситуации на море.

Ценностный подход. Ценности составляют ядро структуры личности и во многом определяют ее поведение [6]. При развитии профессиональных ценностных ориентаций у курсантов следует принимать во внимание специфику профессии моряка. Ценностные установки курсантов включают в себя как общечеловеческие, так и профессионально-ориентированные ценности. К последним относятся: ценность дружбы, материальный достаток, самостоятельность, строгая исполнительность, твердость характера, физическое здоровье [1]. На основе анализа Правил II/4 Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты [9], можно назвать следующие значимые профессионально-ориентированные ценности: профессиональная ответственность, стремление к непрерывному обучению, умение работать в режиме многозадачности, командный дух, экологическое сознание, патриотизм и международное сотрудничество, лидерство и стрессоустойчивость, этика.

В качестве примеров упражнений можно назвать, в частности, следующие: создание коллажа, отражающего личные приоритеты; анализ профессиональных дилемм; обсуждение материалов, содержание которых имеет выраженный ценностный потенциал.

Таким образом, некоторыми базовыми подходами, применимыми при формировании профессионального иноязычного тезауруса курсантов морских специальностей по мнению автора являются когнитивный, коммуникативный, личностно-ориентированный и ценностный подходы. Каждому из подходов соответствуют свои упражнения. Автор продолжает детализировать и углублять свое понимание подходов к формированию профессионального иноязычного тезауруса курсантов морских специальностей в рамках смешанного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данченко С.А., Маев В.К. Ценностные ориентации курсантов-судоводителей З курса обучения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<https://scienceforum.ru/2023/article/2018033956?ysclid=m9y6covid3z36642335> (дата обращения: 26.05.2025).
2. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. — СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр „БЛИЦ“», «Cambridge University Press», 2001 г. — 224 с.
3. Паршина Т.В. Смешанное обучение в системе инноваций высшего образования Российской Федерации / Т.В. Паршина // Гуманитарный форум в

Политехническом: материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–13 апреля 2024 года. В 3 т. Т. 2. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – 331-336 с.

4. Пивкин С.Д. Лингводидактика о тезаурусе языковой личности / С.Д. Пивкин // Научные исследования в образовании. – 2010. – Вып. 9. – С. 32–36.

5. Сластенин В.А., Беловолов В.А., Ильенко Е.В. Личностно ориентированное обучение в процессе профессиональной подготовки специалиста // Сибирский педагогический журнал. – 2008, №11, С. 117-129.

6. Суэтина Н.М. Ценность и ценностные ориентации: концептуализация различных подходов / Н. М. Суэтина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. С. 165–169.

7. Шамов А.Н. Коммуникативно-когнитивный подход в обучении лексической стороне речи на уроках немецкого языка / А.Н. Шамов // Иностранный языки в школе. – 2008. – № 4. С. 21-28.

8. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учеб. пособие / С. Ф. Шатилов. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.

9. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года (Лондон, 7 июля 1978 г.) (с изменениями и дополнениями).

10. Национальный стандарт Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения. Best available techniques. Terms and definitions. ГОСТ Р 56828.15-2016, утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 октября 2016 г. N 1519-ст.

11. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. – 2007. 5th Edition. – 459 p.

УДК 81'42:8.11.111

C.B. Чечель

*канд. филол. наук, доцент кафедры
западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»*

(г. Пятигорск)

E.C. Бочарова

*канд. филол. наук, доцент кафедры
западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «ПГУ»*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме изменений в системе языковой нормы, регламентирующей требования к оформлению печатного медийного

дискурса. На примере статей из современной британской и американской прессы авторы анализируют ряд значимых тенденций, отмечаемых в лексическом и грамматическом оформлении текста, подчеркивая идею об общем снижении регистра коммуникации, которое отразилось на всех языковых уровнях. Авторы отмечают определяющее влияние разговорного стиля, выразившееся в активном употреблении просторечий, сленга и нецензурной лексики. На грамматическом уровне наблюдается тенденция к употреблению упрощенных конструкций, эллипсиса и пунктуационного оформления, обеспечивающего подобную архитектонику текста.

Ключевые слова: язык СМИ, медиатекст, языковая норма, клише, идиома, аббревиатура, стилистические приемы, коллоквиализм, сленг.

Abstract. The article looks into the changes of the language norm codifying the requirements that regulate the wording of published mediatexts. Analyzing modern British and American publications, the authors spot a number of important tendencies manifested in their lexical stock and grammar, they highlight the decline in the register of communication that influenced all the aspects of article writing. The authors underline the fact that the colloquial style has influenced it greatly, which led to a heavy use of slang, demotic expressions and swear words in modern publications. As far as grammar is concerned, there is a tendency to resort to simplified and elliptical constructions and syntactic patterns that support and shape this type of text.

Keywords: media language, media text, language norms, cliché, idiom, abbreviation, stylistic devices, colloquialism, slang.

Язык средств массовой информации, несомненно, представляет интерес для лингвистического исследования. По мнению Т.Г. Добросклонской, медиатексты «являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка» [3; 38]. Статьи, опубликованные в периодических изданиях, освещают как жизнь общества, его ценности и волнующие его проблемы, так и отражают своеобразие языка на текущем этапе его существования. Кроме того, СМИ оказывают серьезное влияние на функционирование языка, его изменение и развитие.

Современная журналистика стремится не только проинформировать читателя, но и вступить с ним в диалог. Она ориентирована на общедоступность текстов и создание ярких образов с целью оказания влияния на адресата сообщения. Поэтому в медиадискурсе наблюдается стремление к активному взаимодействию с разговорной речью и использованию нелитературных форм национального языка (жаргон, просторечие, обсценная лексика и т.п.). Как следствие, наблюдается «демократизация языковой нормы» или же, другими словами, ее дискредитация [1; 127].

Как известно, язык представляет собой постоянно развивающуюся систему, что делает необходимым его кодификацию и периодический ее пересмотр. Как отмечает Н.Н. Германова, процесс формирования языковых

норм уже давно привлекает внимание психолингвистики. «Термин «языковая норма» может относиться как к набору языковых средств, рекомендуемых нормативными сочинениями в качестве образцовых, так и к эмпирическому описанию некоторой объективно существующей разновидности языка». В настоящее время в зарубежной лингвистике наблюдается отход от «четкого противопоставления правильного / неправильного, характерного для нормативной традиции прошлого. Оно сменяется оппозицией приемлемого / неприемлемого в определенном контексте для тех или иных носителей языка. На место четко очерченных стандартов приходят указания на внутреннюю вариативность стандарта» [2; 40, 48]. В журналистском профессиональном сообществе существуют стилистические справочники (например, «The Associated Press Stylebook», «The Chicago Manual of Style», «The Guardian Style Guide»), к которым обращаются журналисты при написании и редактировании статей. Эти руководства предлагают советы по использованию английского языка и фиксируют произошедшие в нем изменения. Так, с 2016 года слово «internet» стало писаться со строчной буквы, в справочниках 2017 года изменилась орфография лексемы «email» (в нем больше не пишется дефис).

Традиционно к лингвистическим особенностям языка СМИ Великобритании и США относятся: 1) широкое употребление клише и неологизмов (например, «David and Goliath», «making this dream a reality», «glocalisation», «messagopolis»); 2) наличие в текстах идиом, пословиц и поговорок, игры слов, цитат (например, «And, to add insult to (self-inflicted) injury, a few days later he telephoned someone in a work-related call, ...»; «Till death – not debt – do us part»; «Perhaps what the new generation of men and women has to learn is the lesson so disarmingly offered by Joe E Brown when he proposed to Jack Lemmon in Some Like it Hot: «Nobody's perfect») [6]; 3) присутствие лексики, относящееся к разным стилям – от разговорной до научной (например, «poor sap» («дурачок»), «rotter» («подлец»), «mainframe» («универсальная ЭВМ»), «repeater» («ретранслятор»)); 4) частое использование аббревиатур (например, «a NYT columnist», «PC culture»); 5) широкое применение стилистических приемов (например, «But the internet is a master weaver: it conceals its stitches extremely well», «Trying to move data from one to another was like writing a letter in Mandarin to someone who only knows Hungarian and hoping to be understood» [6]; 6) распространность пассивных форм и конструкций (например, «Although MacKinnon imagines most of us will still be employed in the cash economy...» «Still, no one quoted here, anonymously or by name, has been charged with an actual crime...» [4, 6]; 7) наличие большого числа атрибутивных групп и глагольных словосочетаний (например, «Even the simplest, silliest or most spontaneous TikToks can become massive hits»; «... there are rallying cries to boost the economy by opening our wallets» [6, 7.]); 8) наличие вводных и вставных конструкций (например, «According to Freeman, who is the new editor of Granta magazine and a former president of the National Book Critics Circle in the US, the modern tools of communication that are meant to connect us are actually driving us further apart»; «Checkers-in are rewarded with «points» and sometimes «badges».

am not making this up.)” [6]; 9) использование эллиптических конструкций и инверсии (например, «Kevin Hart, canceled. Sia, canceled. Dr. Suess, canceled. J.K. Rowling, canceled.”; «His is an impassioned call to arms, for the sake of our planet and our wellbeing”) и др [6].

Остановимся на анализе тенденций в изменении языковой нормы на примере выборки из современных англоязычных печатных СМИ США и Великобритании: «The Washington Post”, «The Atlantic”, «The Guardian” и «The Economist”. Материалом для исследования послужили статьи общественно-политической тематики.

Наиболее заметные сдвиги, которые отмечает читатель, относятся к изменениям на лексическом уровне. Общее снижение стиля печатных публикаций сегодня является неоспоримым фактом. В общественно-публицистический стиль, который ранее характеризовался достаточно жесткими канонами и требованиями, предъявляемыми к отбору лексики, активно проникают не только просторечия, но и инвективы и даже обсценная лексика. Примечательно, что печатные СМИ, характеризующие, к примеру, речь президента США Дональда Трампа при помощи прилагательного «*demotic*” («простонародный»), демонстрируют многочисленные случаи употребления лексических единиц того же уровня. Например: «Trump is putting Europe under pressure to water down the digital rulebook” [6]. Здесь фразовый глагол «*to water down*”, по сути, эквивалентен лексеме «*to ditch*”. Оба глагола ранее относились к сленгу (например: «*to ditch classes*”), а сейчас широко употребляются на страницах печатных изданий: «China is ditching the dollar fast” [5]. Другим примером могут послужить такие лексемы, как: «*snoop*” (в значении «сташить, стянуть»), «*fat bribe*” («крупная взятка»), «*as hell*” («чертовски», «ужасно»), «*bullish*” («оптимистичный»), «*dork*” («идиот», «придурок») «*rubbish*” (в значении «ерунда»), «*damn*” («чёрт») и т.д.

Как мы видим из приведенных примеров, эмоциональный фон публикаций зачастую «зашкаливает». Он поддерживается и нормативными клише, коннотация которых носит преимущественно негативный характер: «*devastating effect*”, «*retribution cracks in the foundation*”, «*the habitat of fear*” и т.п. Практически в каждом проанализированном издании отмечались и единицы, относящиеся к инвективами и обсценной лексике. Так, например, консервативный журнал «The Economist” допускает без купюр цитирование следующего слогана, касающегося премьер-министра страны Кира Стармера «Boycott groomers and PAEDO’s business, be loyal to our kids” [5]. Здесь лексема «*groomers*” также носит сленговый характер и неоднократно повторяется на страницах издания.

На грани нормы балансирует и часть тропов, употребляемых англоязычными журналистами, которым, впрочем, удается таким способом поддерживать образность текста: «[The wealthy] have bought their jet, they have bought their multiple houses and mansions but now they’re buying senators and media outlets” [6]. Сочетание сращения и повторов обеспечивает довольно жесткий образ этапа развития экономики, которую автор называет «final

extraction” – финальный этап разорения и обнищания общества.

Таким образом, на лексическом уровне мы наблюдаем несколько тенденций в изменении нормы: снижение общего регистра звучания текста, увеличение количества просторечий, сленга, инвективов, бранной лексики и рост количества лексических единиц, несущих сильный эмоциональный заряд, что отражает агональный характер коммуникационных стратегий.

Анализируя изменения в спеллинге, грамматике и пунктуации следует отметить несколько тенденций. Первая из них касается употребления заглавных букв в написании имен собственных. Традиционно считалось, что в составе коллокаций, обозначающих имена собственные, все знаменательные слова пишутся с заглавной буквы. Среди примеров нашей выборки мы отмечаем следующее начертание: *Democratic party*, *the Liberal party*, *the European parliament* и т.д. Иногда со строчной буквы пишутся первые слова в названии организаций или движений: «European far right follows Trump in calling for antifa to be declared terrorists» [6]. В данном примере мы наблюдаем еще одно движение в сторону изменения нормы: отсутствие артикля перед собирательным понятием «far right», которое пока в большинстве случаев его имеет. Прописные буквы практически ушли из названий статей (кроме первого слова). Заглавной теперь может быть только первая буква в именах собственных типа «Nato», «Daca» («Deferred Action for Childhood Arrivals») или «Ice» («Immigration Customs Enforcement»). Как мы видим, прослеживается тенденция к написанию и, соответственно, прочтению акронима как слова, что само по себе не являлось бы необычным, если бы не начертание составляющих его букв. Интерес представляет и тенденция употребления прописной буквы в предложениях типа: «I can tell this: The Democrats have put a lot of people in ... jeopardy» [7]. Ее употребление не является окказиональным, что подтверждается большим количеством подобных примеров в нашей выборке.

В пунктуационном оформлении текста стоит отметить тенденцию, которую уже можно (с некоторыми оговорками) назвать устоявшейся: выделение запятой обстоятельственных групп, оказавшихся в начале предложения. Теперь их пунктуационное обособление не зависит от их длины. Например: «In August, Milei was pelted with stones by protesters over a corruption scandal». «On Wall Street, the investment bankers who arrange mergers and public offerings are the first casualties of economic uncertainty» [5, 6]. Таким образом, проанализированные нами примеры позволяют говорить о значимых изменениях языковой нормы печатного медийного дискурса, затрагивающих все уровни его организации. Общее движение в сторону разговорности отражается не только на стилистике текстовых образцов, но на их внутренней архитектонике, манифестируемой в выборе определенных (часто упрощенных) синтаксических моделей и пунктуационного оформления.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что наблюдаемые в текстах СМИ отклонения от языковой нормы не случайны. Они позволяют расширить экспрессивные возможности медиатекстов и усилить их прагматическое воздействие на получателя информации. Медиатексты служат источником

обновления литературной нормы и стандартного английского языка, что делает необходимым их дальнейшее изучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова В.В. Динамика речевых жанров и демократизация языковых норм в журналистском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. - №5 (360). - Филология. Искусствоведение. Вып. 94. – С. 124-129.
2. Германова Н.Н. Языковое варьирование и норма в трудах британских социолингвистов // Норма и вариативность в языке и речи: Сб. науч. трудов. – М., 2017. – С. 40-59.
3. Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №3. – С. 38-53.
4. The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com> (дата обращения: 27.09.2025).
5. The Economist. Режим доступа: <https://www.economist.com> (дата обращения: 04.10.2025).
6. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 04.10.2025).
7. The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 27.09.2025).

УДК 81.2

A.A. Юлмухаметова

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

E.B. Оботнина

*канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности речевых этикетных формул обращения в русском и английском языках в контексте их исторического развития, социокультурных традиций и прагматических функций. Анализ опирается на прагматико-социолингвистический подход, позволяющий выявить различия в уровнях формальности, степени социальной дистанции, структуре обращений и их функционировании в различных коммуникативных ситуациях. Особое внимание уделено роли имени и отчества в русском языке и системе титулов в английском языке, а также современным тенденциям, связанным с цифровизацией, глобализацией и появлением новых неформальных и гендерно-нейтральных форм обращения. Сравнительный

анализ позволяет выявить причины коммуникативных сбоев, возникающих в межкультурном общении, и подчеркивает необходимость учета культурной специфики речевого поведения для успешной коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, формулы обращения, межкультурная коммуникация, формальность, прагматика, социолингвистический подход.

Abstract. The article examines the features of speech etiquette formulas of address in the Russian and English languages in the context of their historical development, sociocultural traditions, and pragmatic functions. The analysis is based on a pragmatic and sociolinguistic approach, which makes it possible to identify differences in levels of formality, degrees of social distance, the structure of address forms, and their functioning in various communicative situations. Special attention is given to the role of the first name and the patronymic in Russian and the system of titles in English, as well as to modern tendencies associated with digitalization, globalization, and the emergence of new informal and gender-neutral forms of address. The comparative analysis reveals the causes of communicative failures arising in intercultural communication and emphasizes the need to consider the culturally bound character of speech behavior for effective interaction.

Keywords: speech etiquette, forms of address, intercultural communication, formality, pragmatics, sociolinguistic approach.

Живая коммуникация продолжает играть ключевую роль в установлении и поддержании межличностных и межкультурных отношений. Важным ее аспектом является соблюдение речевых этикетных формул, которые используются для выражения уважения и вежливости по отношению к собеседнику. Такие формулы включают приветствия, обращения, благодарности, извинения, прощания, просьбы и другие выражения, которые помогают сохранить вежливую атмосферу общения [3; 5]. Русский и английский языки представляют две разные лингвистические и культурные традиции и имеют уникальные особенности в использовании речевых этикетных формул. В английской культуре традиционно акцентируется внимание на вежливости, сдержанности и уважении к личным границам, в то время как в русском языке приветствуются искренность и эмоциональная вовлеченность.

Речевой этикет представляет собой совокупность языковых средств и норм, регулирующих речевое поведение человека, и является формой коммуникативного этикета, включающей правила поведения говорящего и слушающего [7]. В узком понимании он включает единицы вежливого общения в ситуациях обращения, знакомства, благодарности, извинения, предложения и других речевых актов. Н.Д. Арутюнова определяет речевой этикет как систему формул, регулирующих начало, течение и завершение общения [1]. А. Вежбицкая подчеркивает его культурную специфику, отмечая, что представления о вежливости формируются каждой культурой самостоятельно

[4]. Одной из ключевых составляющих являются формулы обращения, которые указывают на статус адресата, степень близости и социальную роль.

Функции речевого этикета проявляются через установление контакта, поддержание общения, воздействие на собеседника, выражение эмоций и соблюдение социальных ритуалов. Этикетные формулы отражают социальные нормы, культурные установки и исторические изменения. Эволюция речевых формул происходит под влиянием социальных, культурных, политических и технологических факторов. Например, развитие электронных коммуникаций привело к сокращению традиционных форм вежливости и появлению новых обращений, таких как цифровые сокращения и сленговые выражения.

Речевому этикету свойственна национальная специфика, связанная с обычаями, ритуалами, спецификой невербальной коммуникации и историческими особенностями общества. В русской и английской традиции монархия и сословность оказали значительное влияние на формирование обращений. В английском языке долгое время сохранялись формы, используемые в аристократических кругах: *Your Majesty, Your Grace* [2; 105], в то время как в России употреблялись обращения, строго соответствующие Табели о рангах: *Ваше Превосходительство, Ваше Сиятельство* [5; 122]. Социальные изменения в XX в. привели к демократизации форм общения в обоих языках.

Сравнительный анализ этикетных формул обращения основывается на лингвистических, социокультурных и прагматических критериях. В рамках социолингвистического подхода учитываются возраст, пол, статус и сфера общения [6]. Прагматический подход позволяет рассматривать обращения как средства регулирования вежливости и дистанции, а когнитивный – выявлять ментальные модели, связанные с властью, близостью и уважением.

Особенности речевых формул обращения в русском языке проявляются в широком использовании имени + отчества как знака уважительного общения. Эта формула имеет давнюю историю, закрепившуюся в официальной коммуникации и актуальную по сей день. Обращения «господин» и «госпожа» имеют ограниченную сферу употребления и подчеркивают официальный характер общения [6; 89]. В неформальной среде преобладают уменьшительно-ласкательные формы имён. Важную роль играют интонация и невербальные компоненты, такие как жесты, мимика и дистанция. В современной речи наблюдается тенденция к упрощению форм, особенно под влиянием цифровой среды, где используются обращения по нику, сленговые формы (*бро, чел, гайз*), а также обращения по роли (*админ, модератор*).

В английском языке типичной формой формального обращения является титул + фамилия: *Mr., Ms., Dr., Professor* [2; 139]. Обращение по имени распространено в неформальной и нейтральной среде и не воспринимается как нарушение дистанции. Используются обращения по роли: *Doctor, Officer, Waiter*. Формулы *Sir* и *Madam* постепенно теряют актуальность. Британский английский демонстрирует богатую систему неформальных обращений: *mate, love, darling, guv'nor*. Современные тенденции включают гендерно-нейтральные

обращения, такие как *Mx* [6; 66]. Молодежные и цифровые формы (*dude, fam, y'all*) отражают демократизацию общения и влияние различных субкультур.

Сравнение показало, что русский язык характеризуется большей формальностью и социальной иерархичностью, тогда как английский демонстрирует нейтральность и упрощение. Сохраняются различия в использовании отчества, обращений к незнакомцам и выражении дистанции. Эти различия могут приводить к коммуникативным сбоям: обращение *Olga* вместо «Ольга Ивановна» или использование формул русского типа при обращении к англичанину (*Mr. John*) создают недопонимание. Глобализация и цифровизация приводят к появлению новых форм обращений в обоих языках: *коллеги, друзья, team, folks*; гендерно-нейтральных вариантов и обращений по никнеймам. Новые формы могут рассматриваться как элементы современного этикета, если выполняют функцию выражения уважения и установления контакта [6].

Таким образом, речевые этикетные формулы обращения в русском и английском языках имеют общие прагматические функции, но отличаются по структуре, историческому развитию и культурным нормам. Система обращений является динамической, реагирующей на социальные изменения, цифровизацию и развитие межкультурных связей. Владение особенностями речевого этикета способствует эффективной межкультурной коммуникации и предотвращению коммуникативных недоразумений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкина Е.Ю. К вопросу о семантической характеристике лексики обращений // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1991. – С. 63-67.
2. Балашова Е.В. Историческое развитие обращений в английском языке: дис. канд. филол. наук. – Л., 1984. – 203 с.
3. Баранов А.Н. Речевой этикет: структура и функции. – Воронеж: Истоки, 2001.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Киселева Е.И. Русский речевой этикет: от традиции к современности [Текст] / Е.И. Киселева – М.: ЛКИ, 2017.
6. Кондрашова Н.А. Речевой этикет: сравнительный анализ английского и русского языков. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. – 98 с.
7. Мордовина Л.В. Речевой этикет [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket> (дата обращения: 8.06.2025).

ЧАСТЬ V

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА

УДК 80

ББК 1751

В. Ю. Белькова

студент 2 курса ЕГУ им. И. А. Бунина

(г. Елец)

*Научный руководитель – Л.Н. Щербатых
канд. пед. наук, профессор кафедры восточных и европейских языков, перевода
и лингводидактики
ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина»*

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В БИЗНЕСЕ: ПОЧЕМУ ВАЖНО ВЛАДЕТЬ ИМ?

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины важности знания английского языка в успешном бизнесе, где применяется, и что необходимо знать. Знание английского языка – неотъемлемая часть любого человека, заинтересованного в успехе. Будь то работа, творчество или бизнес – без владения английским добиться высоких результатов будет сложно. Люди, занимающиеся бизнесом, довольно часто сталкиваются с английским языком, он помогает открыть и упростить выход на новые рынки, снижает затраты по разным статьям и ускоряет бизнес-процессы компании. Для более корректного общения в профессиональной среде существует определенный вид английского языка — Business English (Бизнес-английский). Он включает в себя особую лексику, фразы и выражения, которые используются для решения рабочих вопросов, ведения переговоров, составления отчётов и даже проведения презентаций. Бизнес-английский (деловой английский) — это направление изучения английского языка, ориентированное на деловое общение в международной среде. Он включает в себя словарный запас, грамматику и коммуникативные навыки, необходимые для переговоров, презентаций, деловой переписки, работы с документацией, участия в совещаниях и конференциях. В отличие от общего разговорного английского, бизнес-английский фокусируется на профессиональной лексике, этикете общения и реальных ситуациях, которые встречаются в работе с коллегами, клиентами и партнерами из разных стран.

Ключевые слова: английский язык; бизнес-английский; профессиональная коммуникация; международное общение; упрощение коммуникации; эффективный маркетинг.

Annotation. This article discusses the reasons for the importance of knowing English in a successful business, where it is used, and what you need to know. Knowledge of English is an integral part of any person who is interested in success.

Whether it's work, creativity, or business, it will be difficult to achieve high results without English proficiency. Business people often encounter the English language, which helps to open and simplify access to new markets, reduces costs for various items and speeds up the company's business processes. For more correct communication in a professional environment, there is a certain type of English — Business English. It includes special vocabulary, phrases, and expressions that are used to solve work issues, negotiate, compile reports, and even make presentations. Business English (Business English) is a field of English language learning focused on business communication in an international environment. It includes vocabulary, grammar, and communication skills necessary for negotiations, presentations, business correspondence, working with documentation, and participating in meetings and conferences. Unlike general spoken English, Business English focuses on professional vocabulary, communication etiquette, and real-life situations encountered when working with colleagues, clients, and partners from different countries.

Keywords: English; business English; professional communication; international communication; simplification of communication; effective marketing.

В современном мире знание английского языка становится не просто желательным, а необходимым навыком для успешного ведения бизнеса. Особенno это касается предпринимателей и стартаперов, которые стремятся вывести свои идеи на мировой уровень. Английский язык считается языком глобального бизнеса. Он упрощает выход на новые рынки, снижает затраты и ускоряет бизнес-процессы компаний.

Некоторые преимущества использования английского языка в бизнесе:

– Упрощение коммуникации. В большинстве крупных мировых компаний внутренние и внешние деловые коммуникации происходят именно на английском языке. Это позволяет избежать недопонимания и способствует более точному и оперативному решению возникающих вопросов.

– Доступ к актуальным данным. Более 70% профессионального контента в мире публикуется на английском. Умение читать и анализировать такую информацию предоставляет бизнесменам конкурентное преимущество.

– Эффективный маркетинг. Адаптация контента под иностранную аудиторию увеличивает конверсию на 25–30%. Зарубежные клиенты доверяют брендам, которые говорят на их языке.

Особого внимания заслуживает вопрос целенаправленного изучения именно делового английского языка (Business English). В отличие от общего курса, он нацелен на формирование конкретных компетенций, необходимых в профессиональной деятельности. Эффективное обучение в данной области должно включать не только освоение специализированной лексики и грамматических конструкций, но и развитие практических навыков ведения переговоров, презентаций и деловой переписки в межкультурной среде [4]. Использование современных образовательных технологий, таких как кейс-

стади, ролевые игры и проектная работа, моделирующие реальные бизнес-ситуации, позволяет значительно повысить эффективность обучения и подготовить специалистов к уверенному решению профессиональных задач на международной арене [1].

Согласно материалам учебного пособия «Grammar for Business» (Грамматика для бизнеса) важной частью ведения бизнеса с помощью английского языка, также является грамматика, поскольку именно она создает более профессиональный имидж. Это важно для эффективной коммуникации в деловой среде, которая включает письменное и устное общение [5].

По мнению авторов учебника «Международный менеджмент» — незнание английского языка является первым препятствием для эффективной коммуникации в международной фирме. Знание английского в объеме, достаточном для деловых переговоров — абсолютное и непременное требование для любого международного менеджера. Но для многих российских фирм характерна работа через переводчик, что существенно хуже выглядит с точки зрения успешного взаимодействия [2]. Создание непринужденной, комфортной обстановки, конфиденциальные договоренности, тонкие нюансы беседы, и даже иногда юмор — обязательные атрибуты делового общения, которые бывает трудно передать через переводчика. Важной частью деловой коммуникации также является грамотная передача культурно обусловленных выражений Л.Н. Щербатых подчеркивает, что «умение распознавать культурные коды языка-посредника является важным условием успешной коммуникации» [4]. Переводческие ошибки в формульных выражениях могут привести к искажению смысла и снижению уровня понимания между партнерами [1].

В нынешних условиях человека, владеющего иностранными языками, можно назвать специалистом, обладающим «профессионально важным качеством» [3]. Это качество отличает успешного работника, оно рассматривается как критерий профессионала. На фоне повышения роли России в глобальных экономических и политических процессах С.А. Сергина делает вывод о том, что профессионально важное качество владения иностранными языками нельзя компенсировать другими качествами [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. Пособие для студентов и вузов. М. Академия, 2004. 304 с.
2. Международный менеджмент: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Менеджмент" / С. Э. Пивоваров, Л. С. Тарасевич, А. И. Майзель. - 3-е изд. - Москва [и др.]: Питер, 2005. - 647 с.
3. Сергина С.А. Владение иностранным языком как критерий успешности профессиональной деятельности персонала / Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2013. №2
4. Щербатых Л.Н. Историко-теоретические предпосылки и тенденции развития зарубежных концепций детской одарённости – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 10.10.2025)

5. Grammar for Business / M. McCarthy, J. McCarten [et al.]. - Cambridge : Cambridge University Press, 2009. - 267 p.

УДК 811.581

К.Т. Казыргалина

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

Научный руководитель – Н.В. Волкова

канд. филол. наук, доцент кафедры

межкультурной коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

НАУЧНЫЙ ТУРИЗМ В ФОРМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ: КИТАЙ

Аннотация: В статье анализируется феномен научного туризма на примере организации международных конференций в Китае. Исследование фокусируется на ключевых аспектах: государственной координации, цифровизации инфраструктуры, масштабе мероприятий и механизмах постконференционного сотрудничества. Автор выявляет лидирующую роль Китая и других азиатских стран в области технологической поддержки и государственного финансирования массовых конференций, способствующих глобальному обмену. В сравнительном ключе отмечается, что российская модель отличается большей ориентацией на фундаментальные дисциплины, глубину научной дискуссии и доступность для локального академического сообщества, предлагая альтернативный подход к интеграции науки и туризма.

Ключевые слова: научный туризм, международные конференции, Китай, организация.

Abstract. This article examines the phenomenon of scientific tourism through the lens of international conference organization in China. The research focuses on key aspects: state coordination, digitalization of infrastructure, event scale, and mechanisms for post-conference collaboration. The author identifies the leading role of China and other Asian countries in providing technological support and state funding for large-scale conferences that foster global exchange. From a comparative perspective, it is noted that the Russian model is distinguished by a stronger focus on fundamental disciplines, the depth of scientific discourse, and greater accessibility for the local academic community, thereby presenting an alternative approach to integrating science and tourism.

Keywords: scientific tourism, international conferences, China, organization.

Научный туризм – это специализированная форма путешествий, сочетающая образовательные, профессиональные и познавательные цели с

посещением научных объектов и участием в международных конференциях [15].

Научный туризм в Китае выходит за пределы мегаполисов (Пекин, Шанхай), активно развиваясь в регионах второго и третьего эшелонов. Согласно Министерству науки и технологий Китая (MOST), примерно 42 % конференций проведено в городах вне «большой тройки» [10]. Опрос участников выявил, что респонденты всё чаще отмечают высокий уровень удовлетворенности организацией событий, с акцентом на удобство логистики и культурную интеграцию. Однако примерно четверть из них указали на вызовы, связанные с языковыми барьерами, несмотря на широкое использование переводческих приложений [9]. Эти данные подчеркивают, что научный туризм в Китае не только способствует профессиональному росту, но и стимулирует региональное развитие, превращая конференции в катализатор для локальной экономики и инноваций [13].

Отметим, что организация конференций в Китае осуществляется в основном под эгидой Министерства науки и технологий КНР (MOST), Китайской академии наук (CAS) и региональных органов власти, что обеспечивает высокий уровень координации и государственной поддержки [12]. В 2024 году MOST инициировало около 60 международных научно-технических обменов, охватывающих 15 провинций и муниципалитетов, включая не только мегаполисы, но и развивающиеся регионы, такие как Сычуань и Хайнань [12]. Это распределение способствует децентрализации научной активности: по оценкам CAS, в 2023 году более 40% событий прошли в городах второго эшелона, таких как Ханчжоу и Чэнду, где инфраструктура адаптирована под гибридные форматы (оффлайн + онлайн) [3]. Механизмы организации включают строгую предконференционную подготовку, а именно от подачи заявок через платформы вроде AllConferenceAlert до верификации участников с использованием цифровых ID. Государственная поддержка проявляется в субсидиях на визы, транспорт и проживание, что снижает барьеры для международных гостей. В отличие от европейских моделей, где присутствует акцент на академической независимости, китайские конференции интегрируют элементы "мягкой силы" — культурные туры по научным объектам (например, посещение лабораторий в Шэньчжэне), усиливая эффект научного туризма [6].

Анализ показал, что инфраструктура конференций в Китае выделяется высокой степенью цифровизации, что делает ее лидером среди азиатских стран [2]. Платформы вроде WeChat и DingTalk обеспечивают seamless-коммуникацию: от регистрации до виртуальных стендов с AR-элементами для демонстрации исследований [2]. По данным отчета ITIF 2024 года, Китай инвестировал в цифровую инфраструктуру научных событий более 15 млрд юаней, что позволило 75% конференций перейти на гибридный формат, минимизируя влияние пандемийных ограничений [2]. Технологическая поддержка включает AI-ассистентов для реального времени перевода

(например, на базе Baidu Translate), интегрированных в мобильные приложения конференций.

Тем временем языковое обеспечение — ключевой аспект: английский остается lingua franca, но для неанглоязычных участников (включая русскоязычных) предоставляются одновременные переводы и пост-сессионные субтитры [7]. Опрос показал, что 85% участников из развивающихся стран отметили улучшение доступности благодаря этим инструментам [7]. В сравнении с Россией, где цифровизация конференций отстает (лишь 45% событий используют VR/AR по данным 2023 года), Китай демонстрирует способность к расширению, например, крупные хабы вроде Шанхайского международного конференц-центра вмещают до 5000 делегатов с 5G-подключением [1].

Впечатляет и масштаб китайских конференций. В 2025–2026 годах запланировано свыше 2000 международных событий по STEM-дисциплинам, с участием до 1 млн делегатов ежегодно [4]. Это на 30% больше, чем в 2020 году, благодаря государственной стратегии "Made in China 2025", интегрирующей конференции в цепочки инноваций [14]. Эффекты проявляются в экономическом росте, то есть каждое крупное событие генерирует до 50 млн юаней в локальной экономике за счет туризма и сетевого эффекта [5].

Также хочется отметить нетворкинг. Платформы вроде PCST Network организуют тематические сессии для коллаborаций, где 60% участников устанавливают новые контакты, приводящие к совместным проектам [8]. Постконференционное сотрудничество закрепляется через follow-up вебинары и гранты MOST: в 2024 году 35% партнерств из конференций переросли в публикации в Scopus/Q1 журналах [8]. В азиатском контексте Китай лидирует по государственной поддержке (бюджет на 2025 год — 20 млрд юаней), в то время как российские конференции, по данным сравнительного анализа, фокусируются на фундаментальных науках с меньшим масштабом (около 500 событий в год), но большей доступностью для СНГ-исследователей [11].

Международные научные конференции в Китае как форма научного туризма представляют собой мощный инструмент глобальной научной мобильности, сочетающий инновационную инфраструктуру с региональным развитием. Их лидерство в цифровизации и масштабе контрастирует с российской моделью, ориентированной на глубину и локальную доступность, подчеркивая необходимость межрегионального обмена опытом. Дальнейшее развитие требует усиления языковой инклюзии и устойчивости, чтобы максимизировать эффекты для всех стейкхолдеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Atkinson R. D. China Is Rapidly Becoming a Leading Innovator in Advanced Industries // Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). – 2024. – PP. 1-136.
2. Chinese Academy of Sciences (CAS). China to Hold 1st Belt and Road Conference on Science and Technology Exchange [Электронный ресурс]. – 2023. –

Режим

доступа:

https://english.cas.cn/newsroom/cas_media/202310/t20231031_461039.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

3. Conference Index. Conferences in China 2025/2026/2027 [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://conferenceindex.org/conferences/china> (дата обращения: 18.11.2025).

4. Dezan Shira & Associates. Understanding China's Key Economy Indicators for Q3 2025 [Электронный ресурс] // China Briefing. – 2025. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/understanding-chinas-key-economy-indicators-for-q3-2025/> (дата обращения: 18.11.2025).

5. Global Times. Renowned brand survey reveals China's soft power ranks in world's top 5 [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/page/202404/1310198.shtml> (дата обращения: 18.11.2025).

6. Guo X., et al. Factors Influencing the Satisfaction of Second Language Learners of Chinese in Online Courses // Behavioral Sciences. – 2024. – PP. 8-10.

7. Guryeva A. A. The use of virtual reality technology in training transport industry specialists // SHS Web of Conferences. – 2023. – PP. 2-3.

8. Karampekios N., et al. Knowledge Dynamics in Scientific and Technological Collaboration: The Case of Greece and China // Journal of the Knowledge Economy. – 2025. – PP. 12, 17-21.

9. Li W., et al. Perceptions of education quality and influence of language barrier: Graduation survey of international medical students at four universities in China // BMC Medical Education. – 2020. – PP. 5-8.

10. National Natural Science Foundation of China (NSFC). Annual Report 2023 [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.nsfc.gov.cn/english/site_1/report/C1/2024/06-12/363.html (дата обращения: 18.11.2025).

11. Nikkei Asia. China set to boost science funding in pursuit of Nobel ambitions [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/business/science/china-set-to-boost-science-funding-in-pursuit-of-nobel-ambitions> (дата обращения: 18.11.2025).

12. State Council Information Office of China (SCIO). China to hold dozens of international sci-tech exchange activities in 2025 [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2025-09/29/content_118103468.html (дата обращения: 18.11.2025).

13. Tian M., et al. Analyzing the Progress in Chinese Tourism Research over the Past Decade: A Visual Exploration of Keywords and Delphi Surveys // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, № 11. – Art. 4769.

14. U.S.-China Economic and Security Review Commission (USCC). Made in China 2025: Evaluating China's Performance [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.uscc.gov/research/made-china-2025-evaluating-chinas-performance> (дата обращения: 18.11.2025).

15. Zhang J. J., Zhang C. X. Ontological mingling and mapping: Chinese tourism researchers' experiences at international conferences // Current Issues in Tourism. – 2020. – Vol. 23, № 10. – P. 1245–1260.

УДК 174.5.

*В.В. Кравцова
студент 1 курса НИМИ им. А.К. Кортунова
ФГБОУ ВО Донской ГАУ,
(г. Новочеркасск)
Научный руководитель – Е.И. Шепталина
канд. пед. наук, доцент кафедры
истории, философии и социальных технологий
НИМИ им. А.К. Кортунова ФГБОУ ВО Донской ГАУ*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА: ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ В СТРАНАХ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена важности укрепления межкультурных связей и анализа особенностей делового этикета в международном взаимодействии. Рассматривается понимание культурных ценностей и поведенческих моделей представителей разных стран для эффективной коммуникации. Акцент сделан на особенностях делового этикета в странах Азиатского региона.

Ключевые слова: межкультурные различия, взаимопонимания культур, деловой этикет, вербальная и невербальная коммуникация.

Abstract. The article is devoted to the importance of strengthening intercultural relations and analyzing the features of business etiquette in international interaction. The article considers the understanding of cultural values and behavioral patterns of representatives of different countries for effective communication. The focus is on the specifics of business etiquette in the Asian region.

Keywords: cross-cultural differences, cultural understanding, business etiquette, verbal and non-verbal communication.

Рост интереса к укреплению связей между странами и народами открывает новые горизонты для общения. Эффективность этого общения напрямую зависит от взаимопонимания культур и уважения к традициям партнеров. Для успешной коммуникации необходимы несколько ключевых факторов: знание иностранных языков, понимание материальных и духовных ценностей других народов, а также осознание их мировоззренческих установок, которые формируют модель поведения участников диалога. Требования делового этикета, как и этикета в целом, не являются статичными и неизменными. Они эволюционируют под воздействием различных факторов, характерных для конкретного исторического периода. В контексте

современного делового взаимодействия рекомендуется не только строго соблюдать нормы делового этикета, но и стремиться к глубокому пониманию их концептуальной основы и функционального назначения в профессиональной коммуникации. Манеры являются индикатором внутренней культуры человека, его истинных моральных убеждений, интерпретации этических норм и уровня интеллектуального развития [1,2].

Свод правил, регламентирующих поведение в конкретных ситуациях или в присутствии определенных лиц, а также устанавливающих приемлемые формы обращения, именуется этикетом. Профессиональный этикет, как наиболее формализованный аспект, представляет собой совокупность норм поведения, действующих в деловой среде. Тем не менее, сфера деятельности не является единственным фактором, влияющим на правила поведения; существенное значение также имеют межкультурные различия [3].

Основополагающие принципы международного этикета, включающие в себя установленные нормы делового поведения и коммуникации, применимые в любой стране пребывания представлены нами в таблице 1.

Таблица 1 – Некоторые общие правила делового этикета

	Важно избегать критики и сравнений со своей страной.
	Следует всегда быть пунктуальным
	Корреспонденция должна иметь сугубо официальный характер
	В любых странах большое значение имеют титулы, поэтому их следует использовать.
	Одежда является важным элементом делового имиджа. Обычно рекомендуется носить белые рубашки и темные костюмы.
	В любой стране нужно проявлять уважение к старшим. Они должны первыми начинать разговор. При входе старших в помещение следует вставать.
	Во всех странах необходимо иметь визитную карточку с указанием названия организации, должности и титулов. Не следует использовать аббревиатуры.
	В любой стране ценится вежливость, особенно в азиатских государствах.

В рамках статьи мы попытались провести анализ делового этикета в странах Азиатского региона, а именно в Китае, Японии и Индии с акцентом на культурные различия и местные традиции, соблюдение которых является необходимым условием для успешного ведения бизнеса в данном регионе. Следует отметить, что деловой этикет в Азии характеризуется значительным разнообразием, обусловленным культурными особенностями каждой страны. Соблюдение соответствующих традиций позволяет избежать возможных недоразумений и укрепить деловые связи. В таблице 2 рассмотрены ключевые аспекты поведения, коммуникации и взаимодействия в профессиональной сфере.

Таблица 2 – Деловой этикет государств Азии

Критерий	Китай	Япония	Индия
1	2	3	4
Подготовка к переговорам	Необходимо заранее договариваться о деловой встрече, желательно в письменной форме.	Отправление обширного досье на свою организацию, подробное изложение предлагаемого проекта или сделки.	Назначение встречи в письменном виде. Необходимость в поддержке ознакомительной беседы, в отправлении заранее партнерам повестку дня
Начало переговоров	Сразу приступают к деталям сделки.	Вежливо приступают к обсуждениям деталей сделки.	Желательно начать дискуссию с небольшой беседы на отвлеченные темы.
Внешний вид	Максимальное передерживание делового стиля, минимизация излишеств в одежде.	При контакте с японскими бизнесменами костюм и галстук – обязательны.	Руководители высшего звена, как правило, носят костюмы. Его следует надеть во время первого визита на предприятие и всегда на встречи с представителями администрации.
Отношение к пунктуальности	В Китае пунктуальность — это символ добродетели. Опоздав, вы можете оскорбить деловых партнеров	На переговоры стоит прийти немного раньше назначенного времени.	Индийцы не слишком пунктуальный народ. Старинное индийское убеждение — важного человека все ждут.
Жесты приветствия	Приветствие с легким поклоном.	Не старайтесь поздороваться с собеседником рукопожатием, кроме тех случаев, когда ваш собеседник первым протянет руку. Принято кланяться, и угол наклона регламентируется в зависимости от статуса собеседника.	Недолгого и легкого рукопожатие.

Необходимость визитной карточки	В начале встречи принято обмениваться визитками, которые необходимо отдавать двумя руками.	Знакомство начинается с обязательного обмена визитными карточками.	Сразу после приветствия. Но не будет оскорблением, если не представится.
Способ обращения	После фамилии принято произносить должность, звание или профессию. (Господин — Сяньшэн, Госпожа — Тайтай)	Слово «господин» в Японии звучит как «сан», произносится в конце после фамилии и имени.	Обозначение их статус: «Профессор», «Мистер», «Мисс». Далее следует фамилия.
Скорость заключения договора	Склонны продлевать, затягивать процесс переговоров.	Отдают преимущество предельной скрупулезности в изучении ситуации и стремятся ознакомить со всей необходимой информацией как можно больше своих сотрудников.	Долго обдумывает каждый пункт договора. Скоропалительные решения не принимаются.

Анализ и систематизация критериев по взаимодействию представителей различных культур показывает, что переговоры в азиатских странах имеют свои уникальные особенности и различия. В частности, обмен визитными карточками считается как проявлением вежливости, так и обязательной практикой. Переговоры в этих странах всегда проводятся тщательно и обдуманно. В азиатских странах принято заранее изучать потенциального партнера и договариваться о деловой встрече. Во время переговоров японцы и индийцы демонстрируют сдержанность, готовы идти на компромиссы и тщательно прорабатывают все детали. Китайцы же могут вести себя более эмоционально в ходе переговоров [4].

Таким образом, сделан вывод о том, что страны Азиатского региона, рассмотренные в рамках настоящей работы, обладают рядом схожих культурных характеристик. Эффективность проведения деловых переговоров будет во многом зависеть от соблюдения следующих правил и требований:

- Тщательного изучения национальных особенностей при подготовке к переговорам.
- Учёта ключевых культурных ценностей различных государств.
- Тщательного соблюдения принципов иерархической структуры.
- Строгого выполнения протокола приветствия и правил поведения.
- Формирования доверительных взаимоотношений.
- Интерпретации неверbalных коммуникативных сигналов.
- Демонстрации толерантности в отношении временных рамок.

В противном случае, игнорирование данных аспектов может привести к провалу коммерческих сделок или разрыву деловых отношений.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время область межкультурной коммуникации характеризуется значительным расширением своих границ. Данное обстоятельство обусловлено динамичным развитием современного общества, которое активно формирует новые социокультурные структуры. Роль межкультурных коммуникаций невозможно переоценить, поскольку они способствуют установлению взаимовыгодных экономических, политических, социальных и иных связей, необходимых для обеспечения процессов мировой интеграции и глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деловая межкультурная коммуникация: как специалистам и бизнес-партнёрам из разных стран общаться и правильно понимать друг друга | Медиа Нетология // Режим доступа: <https://netology.ru/blog/07-2024-cross-cultural-communication> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Коннова О. В., Смахтина Т. А. «К вопросу о межкультурной коммуникации в сфере делового общения» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 2 (116). — Режим доступа: research-journal.org.
3. Луговая А. А. «Межкультурная коммуникация как один из ключевых аспектов успешных деловых отношений молодых специалистов» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — № 12 (2). — Режим доступа: doi.org.
4. Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю., Межкультурные аспекты деловой коммуникации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnye-aspeky-delovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.10.2025).
5. Печерица В. А. «Теория межкультурной коммуникации в сфере бизнеса. Культурно обусловленные стили ведения деловых переговоров» // Молодой учёный. — 2023. — № 25 (472). — С. 299–301. — Режим доступа: moluch.ru.

УДК 811.111

Ю.И. Сигаева

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

П.В. Семенова

доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ ТУРКОМПАНИЙ)

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальная тема исследования лексических стилистических и синтаксических стилистических средств влияния на потребителя туристических услуг на материале текстов на сайтах туристических компаний и сайтах бронирования. Для эффективного воздействия на потребителей туристических рекламных текстов используются специальные приемы создания рекламных текстов, включая лингвистические средства, формирующие положительный образ компании и привлекающие внимание клиентов. Туристические фирмы активно используют лингвостилистические приёмы в рекламе на своих сайтах и сервисах бронирования, не только чтобы информировать, но и вызывать эмоции у потенциальных клиентов, влияя на их выбор.

Ключевые слова: лексические средства, синтаксические средства, лингвостилистические средства, туризм, межкультурная коммуникация.

Abstract. Focusing on the topical subject of stylistic means of influence, the article gives a detailed analysis of lexical and syntactic devices in texts found on travel company and booking websites. The research highlights how specialized copywriting techniques, incorporating specific linguistic tools, are used to effectively persuade consumers by fostering a positive company image and securing their attention. The findings demonstrate that the active use of linguo-stylistic devices in this context serves not only an informative function but is primarily geared towards generating emotions and swaying the decisions of potential tourists.

Keywords: lexical stylistic devices, syntactic stylistic devices, linguo-stylistic devices, tourism, intercultural communication.

Информационные технологии расширяют возможности рекламы, но сайты турфирм и сервисов бронирования остаются самыми популярными каналами продвижения. Чтобы привлечь туристов, фирмы применяют лингвостилистические средства в рекламных текстах, создавая имидж бренда и воздействуя на потребительские предпочтения. Современные туристические компании активно используют языковые приёмы, способные не только передать информацию, но и вызвать эмоции, повлияв на

конечный выбор клиента. Актуальность исследования обусловлена важностью понимания этих механизмов. В статье осуществлен анализ лингвостилистических средств, использованных в англоязычных текстах туристических компаний и сайтов бронирования, для чего были выявлены функции и особенности лингвостилистических средств современного английского языка., а также определены их основные типы.

Теоретической базой исследования послужили работы ученых, которые занимались изучением лингвостилистических средств, таких как И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд и других. По словам И.Р. Гальперина, в лингвистике очень часто пользуются терминами: выразительные средства языка, экспрессивные средства языка, стилистические средства, стилистические приемы. Эти термины иногда употребляются синонимически, иногда в них вкладывается различное содержание [3; 43]

Между выразительными (экспрессивными) средствами языка и стилистическими приемами языка трудно провести четкую грань, хотя различия между ними все же имеются.

Под выразительными средствами языка понимаются такие морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи [3; 43].

К выразительным средствам (англ. expressive means) относятся языковые средства, обладающие особым стилистическим значением [4], в то время как к стилистическим средствам – типичные структурные и/или семантические черты языковых единиц, которые подвергаются намеренной и осознанной интенсификации (усилению) [4].

Более того, между стилистическим средством и стилистическим приемом имеются точки соприкосновения, однако их нельзя считать полностью синонимичными понятиями. Все стилистические приемы являются стилистическими средствами, но не все стилистические средства являются стилистическими приемами [2].

И.В. Арнольд в своей работе «Стилистика. Современный английский язык» подчеркивает, что изобразительными средствами языка следует называть «все виды образного употребления слов, словосочетаний и фонем, объединяя все виды переносных наименований общим термином «тропы» [1].

В ходе исследования было выявлено, что лингвостилистические средства представляют собой совокупность языковых средств, используемых для создания определенного стиля речи и передачи эмоциональной окраски, а также для достижения выразительности и художественности текста. Среди функций данных языковых средств выделяют номинативную, то есть появление лексической единицы обусловлено потребностью называть то, что человек выделяет и признает, как отдельное; оценочную – проявляется в тех случаях, когда логической аргументации своего мнения недостаточно или для усиления эффекта; и оценочно-экспрессивную - подразумевает наличие положительной или отрицательной эмоциональной оценки субъекта речи [5; 20].

Для решения поставленных задач и достижения выдвинутой цели в ходе исследования применялись метод анализа и синтеза, метод сплошной выборки. Перед проведением исследования был использован метод сплошной выборки примеров, содержащих лексические или синтаксические языковые средства, из текстов на сайтах туристических фирм и сайтах бронирования, такие как ‘Europamundo’ (<https://www.europamundo.com/eng/default.aspx>), ‘Contiki’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘On the Go Tours’ (<https://www.onthegotours.com>), ‘Trafalgar’ (<https://www.trafalgar.com/en-us>), ‘Insight Vacations’ (<https://www.insightvacations.com/en-us>), в результате чего материалом данного исследования послужили 63 примера лингвостилистических средств. После отбора подходящего материала был произведен анализ лингвостилистических средств, в ходе которого также использовался метод классификации. Согласно общепринятой классификации, лингвостилистические средства можно разделить на лексические и синтаксические средства. К лексическим стилистическим средствам относятся эпитет, метафора, метонимия, олицетворение и сравнение. Синтаксическими средствами являются синтаксический параллелизм, инверсия, бессоюзие, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое, эллипсис и апозиопезис (умолчание). В ходе проведенного анализа были выявлены наиболее употребляемые лингвостилистические средства влияния на потребителя туристических услуг.

При проведении анализа лексических стилистических средств, использованных в текстах о туристических продуктах на сайтах туристических компаний, были найдены 13 примеров эпитетов. К примеру, в словосочетании ‘*Magnificent medieval old town*’ (<https://www.europamundo.com/eng/default.aspx>) определение *magnificent* – эпитет, так как оно выражает личное отношение автора, что и является характеристикой эпитета. Данное выразительное средство используется в описаниях туристических продуктов, чтобы привлечь внимание потенциальных клиентов, создать позитивные ассоциации и усилить эмоциональное восприятие. В выражении ‘*enchanting coastline of the Cinque Terre*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) прилагательное *enchanting* выражает отношение автора, поэтому является эпитетом. В словосочетаниях ‘*gorgeous Galway*’ (<https://www.europamundo.com/eng/default.aspx>), ‘*charming historic town center*’ (<https://www.europamundo.com/eng/default.aspx>) также выявлены эпитеты, которые создают положительный образ мест для посещения потенциальным потребителем туристических услуг.

Наряду с эпитетом, метафора является одним их самых часто употребляемых стилистических тропов, что подтверждается количеством примеров. На сайтах туристических агентств было найдено 8 примеров использования метафоры в текстах. Например, ‘*the heart of Germany*’ (<https://www.onthegotours.com>) представляет собой метафору, в которой автор проводит аналогию между столицей страны и сердцем как основным органом человеческого тела. Выражение ‘*pastry dependency*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) употреблено не в прямом значении, что также является метафорой. В

словосочетаний '*Here we are in the arms of Germany*' (<https://www.trafalgar.com/en-us>) метафора использована для того, чтобы подчеркнуть, каким позитивным может быть поездка в Германию. Метафора '*Irish eye-candy*' (<https://www.contiki.com/en-us>) создает яркий образ достопримечательности Ирландии, указывая на её красоту. Так, использование метафор в текстах о туристических продуктах обусловлено стремлением усилить эмоциональное восприятие текста, превратить абстрактные идеи в конкретные образы с целью максимального воздействия на потребителя туристических услуг.

Помимо эпитета и метафоры, на сайтах туристических компаний можно увидеть примеры использования таких лексических стилистических средств как олицетворение '*Then you have the option to explore it even further on a bike tour (just like the locals!)*' (<https://www.contiki.com/en-us>), олицетворение '*Irish folklore tells us there's a chunk of limestone built into a castle that grants its kissers the gift of the gab*' (<https://www.insightvacations.com/en-us>), '*Welcome to Rome, where historical ruins, renaissance masterpieces, vibrant street life and a romantic perception of life all collide.*' (<https://www.contiki.com/en-us>) и метонимия: '*Back in the big smoke we hug it out one last time before the trip comes to an end*' (<https://www.contiki.com/en-us>). Сравнение и метонимия использованы в текстах о туристических продуктах по одному разу, в то время как примеров употребления олицетворения – два. Несмотря на то, что данные стилистические тропы также способствуют усилению эмоциональности текста, они не являются часто употребляемыми в текстах о туристических продуктах, так как используются, в основном, для персонификации абстрактных понятий (олицетворение), которые в текстах можно было выявить не часто, для выявления новых свойств в предмете или явлении (сравнение) или для выявления взаимосвязи между объектами и явлениями (метонимия).

При проведении анализа синтаксических стилистических средств, использованных текстах о туристических продуктах на сайтах туристических компаний, были найдены 8 примеров апозиопезиса: '*The only thing that could make this better...enjoying an included meal together this evening*' (<https://www.europamundo.com/eng/default.aspx>), etc. Например, в предложении '*We'll also be joined by some huskies...so be prepared for a cuteness overload*' (<https://www.contiki.com/en-us>) употребляется апозиопезис для того, чтобы привлечь внимание читателя текста на сайте туристических компаний. Рассматривая предложение '*Speaking of treats...you can drop your bags off at our hotel before we feast on some well-deserved dinner*' (<https://www.contiki.com/en-us>). Можно заметить, что апозиопезис использован для создания ожидания дальнейшей информации. В целом, данное синтаксическое средство является стремлением создать эффект недосказанности, что оказывает на потребителя туристических услуг сильное эмоциональное воздействие и желание ознакомиться с текстом дальше.

Еще одним лингвостилистическим средством является риторический вопрос. В текстах было найдено 5 примеров данной фигуры: '*See you on the*

beach?’ (<https://www.contiki.com/en-us>), etc. Использование риторического вопроса ‘*Feeling a bit adventurous this morning?*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) создает ощущение диалога читателя текста и автора высказывания. Или, к примеру, ‘*Who can say no?*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) – предложение является обращением к потенциальному потребителю туристических услуг, что заставляет его задуматься. Риторические вопросы используются в текстах на сайтах туристических компаний для воздействия на адресата и привлечения его внимания к конкретному туристическому продукту или услуге.

Следующими по частоте употребления фигурами являются риторические обращения, такие как ‘*Wakey wakey everyone!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘*Good morning dear Londonites!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘*Hello Windsor!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘*Vielen dank, Vienna!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), а также эллипсис. Риторическое обращение ‘*Good morning dear Londonites!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) употребляется в тексте на сайте туристической компании, чтобы установить контакт с потенциальным потребителем туристических услуг. С помощью риторических обращений можно заметить стремление авторов текстов о туристических продуктах воздействовать на чувства и мысли потенциального потребителя туристических услуг, побуждая его к определённым действиям. В текстах было выявлено по 4 примера употребления риторических обращений и эллипсиса. Примером эллипсиса является следующие предложения: ‘*you'll have the swagger of an A-list celeb. Or grab a chance to join a bike ride across Nice*’, (<https://www.insightvacations.com/en-us>), ‘*Feeling a bit adventurous this morning?*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘*Irish life, you so sweet*’ (<https://www.contiki.com/en-us>), ‘*Life complete*’ (<https://www.contiki.com/en-us>). В предложении ‘*Irish life, you so sweet*’ (<https://www.contiki.com/en-us>) опущен глагол-связка, что создает эффект разговорной речи. Помимо данных лингвостилистических средств, на сайтах туристических компаний можно увидеть примеры использования таких стилистических фигур как инверсия, бессоюзие и синтаксический параллелизм. Количество их употребления в текстах составляет три примера, два пример и один соответственно. Примером инверсии является предложение ‘*Off the ferry we arrive in the port town of Calais - French soil!*’ (<https://www.contiki.com/en-us>). В данном случае такое лингвостилистическое средство использовано с целью акцентирования внимания потребителя туристических услуг на отдельных элементах высказывания.

Бессоюзие можно заметить в предложении ‘*Cheese, wine, blockbuster sights, museums, shopping, the list is endless*’ (<https://www.contiki.com/en-us>). Здесь отмечаем перечисление однородных членов предложения. Данная стилистическая фигура создает цельную картину из отдельных компонентов, делает высказывание более емким и лаконичным, что оказывает воздействие на потребителя туристических услуг.

Примером синтаксического параллелизма являются следующие предложения: ‘*Christmas is always exciting. Paris is always exciting*’

(<https://www.contiki.com/en-us>). Использование данной стилистической фигуры обусловлено тем, что параллельные структуры подчеркивают ключевые мысли, делают текст более мелодичным и лёгким для восприятия потребителя туристических услуг, а также помогают выделить главные идеи и придать им значимость.

В ходе анализа было установлено, что самым часто употребляемым лексическим стилистическим средством является эпитет. Частотность употребления эпитетов составила 52%. Данное лингвостилистическое средство использовано в текстах о туристических продуктах с целью создания экспрессии и приданию текста эмоциональности. Следующим по частоте употребления средством является метафора. Частотность ее употребления составила 32%. Данное лингвостилистическое средство позволяет усилить эмоциональное восприятие текста, превратить абстрактные идеи в конкретные образы с целью максимального воздействия на потребителя туристических услуг. Помимо эпитета и метафоры, на сайтах туристических компаний можно увидеть примеры использования таких лексических стилистических средств как олицетворение (8%), сравнение (4%) и метонимия (4%). Количество употребления данных лингвостилистических средств значительно ниже. Эпитеты и метафоры создают наиболее сильное воздействие на потенциального потребителя туристических услуг, поэтому количество использования данных стилистических тропов превышает количество употребления остальных лексических стилистических средств, рассмотренных в данной статье.

К синтаксическим стилистическим средствам относят синтаксический параллелизм, апозиопезис (умолчание), инверсию, бессоюзие, риторическое восклицание, риторический вопрос, риторическое обращение и эллипсис. По результатам исследования было выявлено, что самым часто употребляемым средством является апозиопезис или же умолчание и риторические восклицания. Частотность употребления данного языкового средства составила 50%. Вторыми по частоте употребления лингвостилистическими средствами стали риторические вопросы (28%) и обращения (11%), а также эллипсис (11%). Использование синтаксических стилистических средств в текстах о туристических продуктах позволяет создавать диалог с потенциальным потребителем туристических услуг, вызывать у него эмоциональный отклик, а также обращать внимание на отдельные элементы текста или же выделять главные идеи и придавать им значимость. Как можно заметить, наиболее часто в текстах на сайтах туристических компаний и сайтах бронирования употребляются такие стилистические фигуры как апозиопезис или же умолчание и риторические восклицания. Данные языковые единицы помогают привлечь внимание читателя и создать эффект неожиданности или недосказанности, что наиболее часто побуждает потенциального потребителя туристических услуг ознакомиться с текстом дальше. По этой причине апозиопезис и риторические восклицания используется в текстах подобной тематики чаще.

Таким образом, лингвостилистические средства представляют собой мощный инструмент для влияния на потребителя туристических услуг и часто используются авторами текстов туристического дискурса. Данная тема является актуальной и позволяет выявлять новые средства влияния на потребителя и способы его убеждения. Развитие темы данной научной статьи способствует повышению эффективности коммуникации в сфере туризма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Л.: Просвещение. 2002. – 383 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. - 459 с.
3. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. — Москва, 1981. – 331 с.
4. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. М.: ЛКИ, 2004. – 224 с.
5. Китаев М.А. Лингвостилистические особенности книги С. Руаяль «То, что я наконец могу вам сказать». – Санкт-Петербург. – 59 с.

Интернет-ресурсы:

1. ‘Europamundo’ Режим доступа: <https://www.europamundo.com/eng/default.aspx> (дата обращения: 05.04.2025)
2. ‘Contiki’ Режим доступа: <https://www.contiki.com/en-us> (дата обращения: 07.04.2025)
3. ‘On the Go Tours’ Режим доступа: <https://www.onthegotours.com> (дата обращения: 10.04.2025)
4. ‘Trafalgar’ Режим доступа: <https://www.trafalgar.com/en-us> (дата обращения 11.04.2025)
5. ‘Insight Vacations’ Режим доступа: <https://www.insightvacations.com/en-us> (дата обращения: 13.04.2025)

УДК 008

A.P. Смольникова

студент 2 курс ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

(г. Уфа)

H.B. Волкова

канд. филол. наук, доцент кафедры
межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ПАРАДОКС ЦИФРОВОЙ АДАПТАЦИИ: КАК ТЕХНОЛОГИИ СМЯГЧАЮТ И УСУГУБЛЯЮТ КУЛЬТУРНЫЙ ШОК В МЕЖДУНАРОДНОМ ТУРИЗМЕ

Аннотация: В условиях стремительной цифровизации международного туризма традиционные теоретико-методологические модели культурного шока требуют существенной ревизии. В настоящей статье предпринята попытка осмыслить амбивалентную роль цифровых технологий (автоматических переводчиков, социальных сетей, интерактивных приложений-гидов и иных инструментов цифровой медиации) в динамике переживания культурного шока. На основе анализа современных теоретических подходов и эмпирических данных (включая корпус аутентичных диалогов гидов и туристов за период 2020-2023 гг.) выявляется парадоксальное явление: цифровые технологии, снижая операциональные барьеры взаимодействия, одновременно формируют иллюзию культурной компетентности, что, в конечном счёте, способно усиливать глубинный коммуникативный диссонанс. В заключительной части представлены практические рекомендации по интеграции цифровых инструментов в программы межкультурной подготовки кадров индустрии туризма.

Ключевые слова: культурный шок, цифровая адаптация, международный туризм, культурный интеллект (CQ), языковой барьер, межкультурная коммуникация.

Abstract. In the context of rapid digitalization in international tourism, traditional theoretical and methodological models of culture shock require substantial revision. This article attempts to conceptualize the ambivalent role of digital technologies (machine translators, social media, interactive guide applications, and other digital mediation tools) in the dynamics of experiencing culture shock. Based on an analysis of contemporary theoretical approaches and empirical data (including a corpus of authentic guide-tourist dialogues from 2020-2023), a paradoxical phenomenon is identified: while digital technologies reduce operational barriers to interaction, they simultaneously create an illusion of cultural competence, which can ultimately intensify profound communicative dissonance. The concluding section presents practical recommendations for integrating digital tools into intercultural training programs for tourism industry personnel.

Keywords: culture shock, digital adaptation, international tourism, cultural intelligence (CQ), language barrier, intercultural communication.

Введение. Феномен культурного шока, традиционно трактуемый как состояние психологического и когнитивного дискомфорта, возникающего в результате столкновения индивида с инокультурной средой [9;68], в эпоху глобальной цифровой трансформации подвергается глубоким концептуальным изменениям. Для современного туриста, равно как и для профессионала индустрии, смартфон, оснащённый множеством приложений, становится не менее значимым атрибутом путешествия, чем паспорт или страховой полис. Как справедливо отмечает Н. Гесс, технологический прогресс не только расширяет возможности адаптации, но и продуцирует новые формы когнитивной дезориентации [7;17]. Цель данной статьи заключается в выявлении и аналитическом осмыслении парадоксального влияния цифровых инструментов на интенсивность, продолжительность и характер культурного шока в контексте международного туризма.

Классические модели адаптации (U-образная кривая Лисгарда, W-образная модель реадаптации) исходят из представления о поэтапном, преимущественно линейном или циклическом, прохождении индивидом стадий адаптации, в основе которых лежит непосредственное межличностное взаимодействие [1;40]. Однако в условиях тотальной цифровизации данная динамика претерпевает значительные модификации. Представляется продуктивным применение концепта «цифрового габитуса» – адаптации бурдьёвского понятия «habitus» к современному цифровому контексту. Цифровой габитус позволяет интерпретировать способы, посредством которых технологии структурируют новые привычки восприятия, коммуникации и поведения индивидов в инокультурной среде. Тем самым технологии образуют своеобразную «прослойку» между туристом и принимающей культурой, которая может функционировать как буфер, смягчающий стресс взаимодействия, так и барьер, препятствующий подлинному межкультурному проникновению.

Эмпирическую базу исследования составили 50 аудиозаписей экскурсий, проведённых в Дубае, Киото и Барселоне в 2020–2023 гг. [3], а также результаты онлайн-опроса 150 менеджеров международных гостиничных сетей и туроператоров. Полученные данные свидетельствуют о том, что цифровые инструменты существенно снижают уровень операционального стресса на ранних этапах адаптации.

Преодоление языкового барьера: 89% опрошенных респондентов отметили активное использование приложений-переводчиков (Google Translate, iTranslate) для решения повседневных задач, от заказа еды до навигации. В корпусе диалогов зафиксированы ситуации, когда мгновенный перевод предотвратил потенциально критическую коммуникативную коллизию (например, объяснение пищевой аллергии в ресторане Токио) [3].

Навигация в социальных нормах: приложения типа CultureMee и GlobeSmart функционируют как инструменты цифрового этикета. Гиды отмечают, что туристы, предварительно использовавшие подобные сервисы, на 40% реже допускали нарушения социокультурных норм (в частности, неуместные жесты в странах Ближнего Востока), что согласуется с официальными гайдлайнами ведущих туроператоров [5; 7].

Психологическая поддержка: доступ к привычным социальным сетям и мессенджерам формирует эффект «виртуального присутствия дома», что позволяет смягчить ощущение изоляции, характерное для кризисной фазы по модели Оберга [9; 68].

Парадокс цифровой адаптации проявляется в момент, когда технологические инструменты начинают подменять собой процессы аутентичной межкультурной коммуникации. Как наглядно демонстрирует график (рис. 1), цифровые технологии демонстрируют высокую эффективность в снижении операциональных трудностей, современным примером является кардинальное ускорение модерации крупных мероприятий [2]. Однако эта самая эффективность порождает серьезные риски для глубинной коммуникативной адаптации, формируя парадоксальную ситуацию, когда техническая легкость подменяет собой подлинное межкультурное взаимодействие.

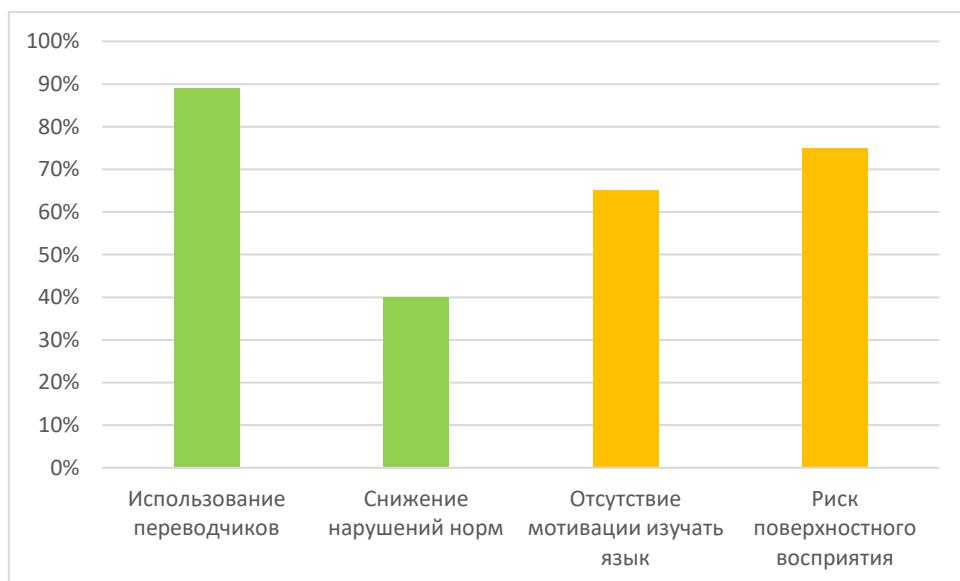

Рис. 1. Двойственное влияние цифровых технологий на адаптацию туристов

Деконтекстуализация перевода: машинный перевод, будучи эффективным на уровне лексико-семантических единиц, оказывается неспособным передавать культурные коннотации, идиоматические оттенки и pragmaticальный подтекст. Так, в одном из зафиксированных кейсов турист в Киото, воспользовавшись автоматическим переводчиком, дословно перевёл фразу «Это стоит бешеных денег!», что в японском культурном контексте было

воспринято как грубое оскорбление. Инцидент привёл к коммуникативному сбою, потребовавшему вмешательства экскурсовода [3].

Снижение мотивации к глубокой адаптации: согласно результатам опроса, 65% туристов, активно полагающихся на цифровые технологии, не считают необходимым овладевать даже минимальным языковым репертуаром (формулами приветствия и благодарности). Тем самым исключается важнейший инструмент установления эмоционального контакта и демонстрации уважения, что является краеугольным камнем в преодолении шока по модели Беннетта [1; 40].

Поверхностное восприятие культуры: частое обращение к цифровым гидам формирует так называемый «чек-листовый» тип культурного опыта, при котором знакомство с объектами ограничивается их внешним осмотром и фиксацией в цифровом формате («сфотографировать и поставить галочку»). В результате формируется иллюзия культурного понимания при отсутствии осмыслиения глубинных смыслов – иерархии, невербальной коммуникации, временных паттернов. Так, турист, нашедший храм посредством навигационного приложения, может проигнорировать ритуал омовения при входе, провоцируя тем самым межкультурный конфликт [3].

Обсуждение: природа парадокса

Сущность выявленного парадокса заключается в противоречии между операциональной и коммуникативной адаптацией.

Операциональная адаптация (где, что, как купить/доехать) технологиями решается блестяще. Они действуют как «костыль», снимая первичный стресс и позволяя туриstu функционировать.

Коммуникативная адаптация (установление доверия, понимание контекста, распознавание скрытых смыслов) требует эмпатии, наблюдения и прямого взаимодействия. Здесь технологии бессильны, а их активное использование может даже препятствовать процессу, снижая культурный интеллект (CQ), в частности, его поведенческий и метакогнитивный компоненты [8; 58].

Для наглядного представления описанного механизма была разработана концептуальная схема (Рис. 2), иллюстрирующая двойственную природу воздействия цифровых технологий. Как демонстрирует схема, цифровая прослойка, выступая единым интерфейсом между туристом и принимающей культурой, порождает два разнонаправленных процесса: операциональную адаптацию, снижающую ситуативный стресс, и коммуникативную дезадаптацию, ведущую к формированию иллюзии культурной компетентности. Этот визуальный анализ подтверждает, что парадокс коренится не в отдельных приложениях, а в самой структуре технологического посредничества, что также отражено в методике современной экскурсионной работы [6].

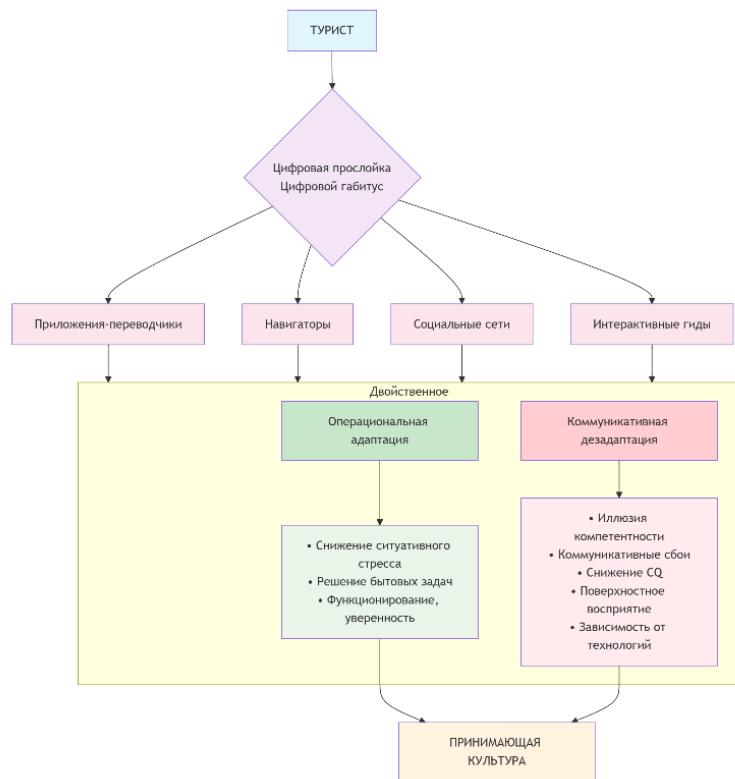

Рис. 2. Концептуальная модель парадокса цифровой адаптации в международном туризме

Таким образом, цифровые инструменты, устранивая ситуативные трудности, парадоксальным образом могут препятствовать развитию долгосрочных компетенций межкультурного взаимодействия, формируя зависимость от технологического посредничества и повышая риск коммуникативных сбоев в условиях его недоступности [7;17] [10;12].

Рекомендации для турииндустрии на основании исследования:

1 Интеграция, а не замещение: целесообразно включать цифровые технологии в структурированные программы межкультурной подготовки персонала и туристов, используя их не как замену, а как дополнение живого общения с представителями принимающей культуры [5;7] [6].

2 Обучение «цифровой гигиене»: разработать для туристов и сотрудников краткие инструкции по осознанному использованию технологий. Акцент на том, что переводчик – это помощник для понимания сути, а не для ведения полноценного диалога.

3 Развитие культурного интеллекта (CQ): необходимо смещать акценты образовательных программ с заучивания норм и табу на развитие навыков наблюдения, интерпретации и культурной рефлексии [1;58] [8;12] [4;33].

4 Создание гибридных сервисов: перспективным направлением видится формирование «систем онлайн-поддержки туриста» – сервисов, обеспечивающих возможность консультации с культурным медиатором в

режиме реального времени в случае затруднений коммуникационного характера.

Заключение: цифровые технологии, ставшие неотъемлемым компонентом современного туристского опыта, оказывают двойственное воздействие на феномен культурного шока. С одной стороны, они выступают мощным инструментом минимизации операционального стресса, с другой – способствуют формированию ложного ощущения культурной компетентности, что усиливает коммуникативный разрыв.

Преодоление данного парадокса требует перехода индустрии туризма от пассивного использования технологических средств к их осмысленной и стратегической интеграции в образовательные и сервисные процессы, направленные на поддержку живого межкультурного взаимодействия. Дальнейшие исследования представляется целесообразным сосредоточить на количественной оценке влияния конкретных типов цифровых приложений на показатели культурного интеллекта и долгосрочную удовлетворённость туристическим опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беннетт М. Дж. Развитие межкультурной чувствительности, 2003. – С. 40-41.
2. «ВЭФ-2025. Цифровые технологии и новый курс развития России». Режим доступа: <https://www.it-world.ru/it-news/reh3ojsz7j4k008g0sggo800cc0k00c.html> (дата обращения: 15.10.2025).
3. Корпус диалогов гидов и туристов (аудиозаписи экскурсий в Дубае, Киото, Барселоне; 2020–2023 гг.). Режим доступа: <https://experience.tripster.ru/experience/51795/>; https://provodniq.com/excursion/?_geografie=japan&_tour_type=audiogid&ysclid=mh29rzf1h683191579; <https://www.yarvitto.com/audiogid-pobarselone/?ysclid=mh29spqdrw175158331> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию, 2020. – С 33-40.
5. Официальные гайдлайны туроператоров: Coral Travel. Standards for Intercultural Adaptation of Staff, 2022. – 7 с.
6. Специфика методики экскурсионной работы и ее совершенствование. Научный результат. Режим доступа: <https://rrbusiness.ru/journal/article/660/> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Hess N. Digital Nomads and Cultural Shock: The Role of Technology in Adaptation // Journal of International Mobility, 2015. – С. 17-19.
8. Matsumoto D. Culture and Cultural Intelligence, 2006. . – С. 58-68.
9. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments // Practical Anthropology, 1960. – 68 с.
10. Ward C., Bochner S., Furnham A. The Psychology of Culture Shock, 2001. – 12 с.

УДК 316.77:159.9.07

М.М. Тиссен

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)

Научный руководитель – О.Г. Дудочкина
к.ф.н., доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭДВАРДА Т. ХОЛЛА И ГЕРТА ХОФСТЕДЕ В АНАЛИЗЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИНТЕЗ И ПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация: В условиях глобализации понимание невербальной коммуникации становится ключевым элементом успешного межкультурного взаимодействия. Данная статья посвящена синтезу двух фундаментальных теоретических моделей — Эдварда Т. Холла и Герта Хофтеде — для системного анализа различий в невербальном поведении. Рассматриваются основные концепции каждой модели (высококонтекстность/низкоконтекстность, проксемика, культурные измерения), их взаимосвязь и совместное применение к реальным историческим и современным кейсам, таким как «Кухонные дебаты» 1959 года и советско-африканские студенческие обмены 1960-х годов. Анализ показывает, что интеграция этих моделей позволяет не только объяснить причины межкультурных недопониманий, но и предсказать потенциальные точки конфликта, связанные с использованием пространства, времени, зрительного контакта и экспрессивности. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода для развития высокой межкультурной компетентности.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, межкультурная коммуникация, модель Холла, модель Хофтеде, культурные измерения, проксемика, контекстность, дистанция власти, избегание неопределенности.

Abstract. In the context of globalization, understanding nonverbal communication becomes a key element of successful intercultural interaction. This article is devoted to the synthesis of two fundamental theoretical models—Edward T. Hall's and Geert Hofstede's—for the systematic analysis of differences in nonverbal behavior. The main concepts of each model (high-/low-context, proxemics, cultural dimensions) are examined, along with their interrelation and combined application to real historical and contemporary case studies, such as the 1959 "Kitchen Debate" and Soviet-African student exchanges of the 1960s. The analysis demonstrates that integrating these models allows not only for explaining the causes of intercultural misunderstandings but also for predicting potential conflict points related to the use of space, time, eye contact, and expressiveness. The article emphasizes the necessity of a comprehensive approach for developing high intercultural competence.

Keywords: nonverbal communication, intercultural communication, Hall's model, Hofstede's model, cultural dimensions, proxemics, contextuality, power distance, uncertainty avoidance.

В условиях стремительного роста международного сотрудничества в образовании, бизнесе и дипломатии возникает острая потребность в эффективных инструментах для понимания особенностей межкультурного взаимодействия. Хотя вербальный аспект часто находится в центре внимания, именно невербальная коммуникация — язык жестов, использование пространства, зрительный контакт, паузы и тон голоса — зачастую определяет успех или неудачу диалога. Интерпретация этих сигналов глубоко укоренена в культурных нормах, что делает универсальное понимание практически невозможным. Для систематизации этого сложного феномена на протяжении второй половины XX века были разработаны две ключевые теоретические модели: модель контекста и проксемики Эдварда Т. Холла и система культурных измерений Герта Хоффстеде. Цель данной статьи — продемонстрировать, как синтез этих двух моделей может служить мощным аналитическим инструментом для понимания и прогнозирования межкультурных различий в невербальном поведении.

Эдвард Т. Холл, американский антрополог, внёс фундаментальный вклад в изучение межкультурной коммуникации, введя понятие высококонтекстных и низкоконтекстных культур [1; 93]. В высококонтекстных культурах (например, Япония, Китай, страны Ближнего Востока) большая часть информации передаётся не словами, а через контекст: отношения между людьми, невербальные сигналы, социальные нормы и скрытые смыслы. Напротив, в низкоконтекстных культурах (США, Германия, Скандинавские страны) информация кодируется преимущественно в самом сообщении, и коммуникация является более явной, прямой и детализированной. Кроме того, Холл разработал теорию проксемики — науки о восприятии и использовании пространства в общении. Он выделил четыре зоны дистанции: интимную (0–45 см), личную (45 см – 1,2 м), социальную (1,2–3,7 м) и публичную (более 3,7 м), чётко указав, что нарушение этих границ вызывает дискомфорт [1; 145].

Герт Хоффстеде, нидерландский социальный психолог, предложил количественную модель, основанную на масштабном исследовании сотрудников компании IBM. Его модель включает шесть измерений, позволяющих сравнивать культуры по ключевым параметрам [2; 68]. Наиболее значимыми для анализа невербального поведения являются: дистанция власти (степень принятия неравенства в обществе), индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности (предпочтение структурированности и правил) и долгосрочная/краткосрочная ориентация. Эти измерения помогают объяснить, почему представители разных культур могут по-разному вести себя в одинаковых ситуациях.

Интеграция моделей Холла и Хоффстеде позволяет получить более полную картину межкультурных различий. Например, культура с высокой

дистанцией власти (по Хоффстеде), как правило, характеризуется высококонтекстностью (по Холлу). Это проявляется в невербальных нормах: младшие члены коллектива избегают прямого зрительного контакта с начальством как знак уважения, что соответствует высокому уровню дистанции власти. Такое поведение также связано с высоким избеганием неопределенности, когда строгие правила регулируют все аспекты взаимодействия, включая невербальные сигналы, чтобы минимизировать риск ошибки. В русской культуре, согласно исследованиям Костомарова, это проявляется в сдержанности движений, минимальной физической близости и ценности порядка и формализации [3; 45], что коррелирует с высокими показателями по избеганию неопределенности и умеренной дистанции власти.

Анализ конкретных ситуаций подтверждает применимость синтезированной модели. «Кухонные дебаты» 1959 года между Ричардом Никсоном и Никитой Хрущёвым являются классическим примером столкновения культур. Никсон, как представитель низкоконтекстной американской культуры с низкой дистанцией власти, использовал открытые жесты, уверенный зрительный контакт и соблюдал социальную дистанцию. Хрущёв, напротив, вторгался в личное пространство Никсона, применял символические жесты (сжатый кулак) и демонстрировал эмоциональную экспрессивность. Его поведение можно интерпретировать как проявление высококонтекстной культуры, где действия и символы важнее слов, и как отражение иерархических норм, признаваемых в советском обществе [4; 112]. Вторжение в пространство (нарушение проксемики) было тактикой давления, соответствующей его позиции доминирующего участника в рамках своей культурной системы.

Еще одним ярким примером являются советско-африканские студенческие обмены 1960-х годов. Нигерийские студенты, приехавшие из колективистических культур с низким избеганием неопределенности и, вероятно, более высокой тактильностью, вели себя экспрессивно и стремились к близкому физическому контакту. Советские студенты, воспитанные в культуре с высоким избеганием неопределенности и сдержанностью, воспринимали такое поведение как чрезмерное и фамильярное. Наоборот, нигерийцы могли воспринимать русскую сдержанность и дистанцию как холодность, надменность или даже враждебность. Этот конфликт можно объяснить через призму обеих моделей: разница в контекстности (экспрессивность vs. сдержанность) и избегании неопределенности (гибкость vs. формализация), а также в проксемике (разные нормы личного пространства).

Таким образом, модели Холла и Хоффстеде, рассмотренные в единстве, предоставляют исследователю и практику мощный аналитический инструмент. Они позволяют не просто констатировать факт различий в поведении, но и глубоко понять их культурные корни. Проксемика Холла даёт конкретные наблюдаемые категории (расстояние, жесты), а измерения Хоффстеде объясняют мотивацию и ценности, лежащие в основе этих категорий. Например, чтобы

понять, почему в одной культуре допустимо длительное молчание, а в другой — нет, нужно рассмотреть это через призмы высококонтекстности (молчание как форма размышления и уважения) и избегания неопределенности (молчание как признак незаинтересованности и нарушение ожидаемого потока беседы).

Практическая ценность такого синтеза огромна. Он может быть положен в основу программ подготовки дипломатов, менеджеров международных компаний и преподавателей, работающих с иностранными студентами. Предварительные культурные брифинги, использующие эти модели, помогут участникам межкультурного взаимодействия предвидеть возможные точки напряжения и адаптировать своё поведение. Например, понимание того, что японское молчание — это не пассивность, а часть высококонтекстной коммуникации, способствует развитию терпения и снижению уровня стресса. Аналогично, осознание связи между дистанцией власти и зрительным контактом поможет избежать ложных выводов о незаинтересованности или агрессии.

В заключение, можно утверждать, что анализ межкультурных различий в невербальной коммуникации требует комплексного подхода. Отдельное использование модели Холла или Хофтеде даёт лишь частичную картину. Их синтез, однако, создаёт целостную теоретическую рамку, которая не только объясняет прошлые случаи недопонимания, но и позволяет строить эффективные стратегии будущего взаимодействия. Дальнейшие исследования должны быть направлены на проверку этой интегрированной модели в новых культурных контекстах, особенно в недостаточно изученных регионах, таких как Африка южнее Сахары и Центральная Азия, а также на её адаптацию к условиям цифровой коммуникации, где традиционные невербальные сигналы трансформируются в эмодзи и виртуальные жесты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина Е. М., Костомаров В. Н. Язык и культура. — М.: Рус. яз., 2005. — 350 с.
2. Холл Э. Т. За тайнами культуры. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 432 с.
3. Хофтеде Г. Культуры и организации: программное обеспечение разума. — М.: Вильямс, 2011. — 416 с.
4. Analysis of the 1959 Kitchen Debate between Nixon and Khrushchev // Historical Archives of International Communication. — Режим доступа: <https://www.historicalarchives.com/kitchen-debate-analysis> (дата обращения: 18.11.2025).

УДК 316.77:37.02(07)

М.М. Тиссен

магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»
(г. Уфа)

Научный руководитель – О.Г. Дудочкина
к.ф.н., доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»

ПРАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ: РАЗРАБОТКА ПРОТОКОЛОВ И ТРЕНИНГОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ

Аннотация: Современные условия международного сотрудничества требуют от специалистов не только теоретического понимания культурных различий, но и владения конкретными инструментами для их преодоления. Данная статья посвящена разработке практических стратегий минимизации межкультурных барьеров в невербальной коммуникации. На основе анализа типичных кейсов недопонимания («Кухонные дебаты», советско-африканские студенческие обмены) и применения теоретических моделей Холла и Хофтеде предлагаются конкретные решения: создание межкультурных протоколов общения, внедрение программ культурной иммерсии и использование медиаторов. Особое внимание уделено разработке алгоритмов поведения для участников переговоров и рекомендаций по адаптации верbalного перевода с учётом невербальных нюансов. Статья демонстрирует, как систематическое применение этих стратегий способствует формированию инклюзивной среды и повышению эффективности взаимодействия в образовательной, деловой и дипломатической сферах.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, практические стратегии, межкультурные барьеры, протоколы общения, культурные тренинги, невербальная коммуникация, культурные медиаторы, интерпретация жестов, межкультурная эмпатия.

Abstract. Modern conditions of international cooperation require specialists not only to have a theoretical understanding of cultural differences but also to master specific tools for overcoming them. This article is devoted to the development of practical strategies for minimizing intercultural barriers in nonverbal communication. Based on the analysis of typical misunderstanding case studies («Kitchen Debate,» Soviet-African student exchanges) and the application of Hall's and Hofstede's theoretical models, concrete solutions are proposed: the creation of intercultural communication protocols, the implementation of cultural immersion programs, and the use of mediators. Particular attention is paid to developing behavioral algorithms for negotiators and recommendations for adapting verbal translation with consideration of nonverbal nuances. The article demonstrates how the systematic application of these strategies contributes to the formation of an inclusive

environment and enhances interaction effectiveness in educational, business, and diplomatic spheres.

Keywords: intercultural competence, practical strategies, intercultural barriers, communication protocols, cultural training, nonverbal communication, cultural mediators, gesture interpretation, intercultural empathy.

В условиях глобализации и роста многонационального состава рабочих коллективов и академических сообществ проблема межкультурных барьеров становится одной из ключевых. Хотя значительное внимание уделяется теоретическим моделям, таким как концепции Эдварда Т. Холла и Герта Хоффстеде, часто наблюдается разрыв между теорией и практикой. Знание о том, что в одной культуре допустимо длительное молчание, а в другой — нет, само по себе не гарантирует успешного взаимодействия. Необходимы конкретные, применимые на практике стратегии, которые помогут участникам межкультурного диалога избежать недопонимания и выстроить эффективную коммуникацию. Цель данной статьи — предложить систему практических решений, основанных на анализе невербальных сигналов, направленных на преодоление межкультурных барьеров.

Одним из наиболее эффективных инструментов является разработка чётких протоколов общения. Протоколы представляют собой свод правил и рекомендаций, регулирующих поведение участников взаимодействия в различных ситуациях. Для культур с высоким уровнем избегания неопределенности, таких как Россия или Япония, подобные протоколы особенно ценные, поскольку они обеспечивают ясность и предсказуемость [1; 45]. Например, в международной компании можно закрепить рекомендации по использованию личного пространства: при общении с сотрудниками из монохронных культур (Германия, США) соблюдать социальную дистанцию (1,2–3,7 м), а при работе с представителями полихронных культур (Латинская Америка, Ближний Восток) быть готовым к более близкому расположению, не воспринимая это как вторжение. Аналогично, протокол может содержать пояснение, что молчание партнёра из Японии во время совещания — это не знак незаинтересованности, а проявление сосредоточенности и уважения к процессу обсуждения, и не требует немедленного заполнения паузы словами [2; 89].

Ещё одной важной стратегией является использование культурных медиаторов и переводчиков, обладающих развитой межкультурной компетентностью. Их роль выходит за рамки простого вербального перевода. Они могут интерпретировать скрытые невербальные смыслы, которые теряются при прямом переводе. Например, как отмечается в исследовании, отсутствие зрительного контакта со стороны монгола во время дарения подарка может быть ошибочно воспринято как проявление равнодушия, тогда как на самом деле это знак смиренния и глубокого уважения [3; 78]. Квалифицированный медиатор объяснит этот контекст, тем самым предотвращая потенциальный конфликт. В профессиональной сфере, особенно

в дипломатии и бизнесе, такой подход позволяет сохранить лицо всем участникам и поддерживать позитивную атмосферу в переговорах. Кроме того, переводчики должны учитывать паралингвистические особенности оригинала — такие как паузы, интонационные акценты и тембр голоса, — чтобы передать не только смысл, но и эмоциональную нагрузку сообщения [4; 102].

Для долгосрочного развития межкультурной компетентности наиболее продуктивным является внедрение программ культурной иммерсии и тренингов. Эти программы направлены на формирование межкультурной эмпатии через личный опыт и активное обучение. Они могут включать: — Ролевые игры, моделирующие реальные ситуации межкультурного взаимодействия (например, деловые переговоры между русским и нигерийским менеджером). Участники получают возможность опробовать различные стратегии поведения и получить обратную связь. — Менторство, когда иностранный студент или сотрудник закрепляется за местным коллегой, который помогает ему адаптироваться к новой культурной среде, объясняя неформальные нормы и обычаи. — Культурные экскурсии и мероприятия, способствующие лучшему пониманию быта, традиций и ценностей принимающей культуры.

Эти методы особенно актуальны в образовательной среде, где рост числа иностранных студентов из Китая, Индии, Узбекистана и Нигерии требует создания инклюзивной атмосферы и снижения уровня стресса, вызванного культурным шоком [5; 115].

Кроме того, необходимо разрабатывать алгоритмы поведения для участников международных встреч. Например: — При встрече с партнёром из страны с высокой дистанцией власти (например, Индия, Малайзия) избегать излишней фамильярности, использовать официальные обращения и уважительно относиться к иерархическим структурам. — В полихронных культурах заранее согласовывать гибкий график встреч, используя правило «мягкого старта», когда официальное начало назначается на 10–15 минут позже, чем планируется фактическое начало обсуждения. — При возникновении напряжения в общении использовать технику «зеркального копирования» — мягкое повторение позы или жеста собеседника — для установления rapporta и снижения уровня конфликта.

Применение этих стратегий имеет высокую практическую ценность. В сфере образования они способствуют созданию комфортной среды для иностранных студентов, снижая риск стереотипизации и социальной изоляции. В бизнесе — позволяют оптимизировать переговоры, укреплять доверие и минимизировать риски финансовых и репутационных потерь из-за недопонимания. В дипломатии — являются ключевыми для поддержания стабильных международных отношений, особенно в кризисных ситуациях.

Таким образом, преодоление межкультурных барьеров требует перехода от абстрактного знания к конкретным действиям. Разработка протоколов, использование медиаторов, проведение тренингов и создание поведенческих алгоритмов — это не разовые меры, а часть системной работы по развитию

межкультурной компетентности. Эти стратегии позволяют не просто избежать конфликтов, но и активно строить диалог, основанный на взаимном уважении и понимании. В будущем необходимо расширять эти практики, включая в них новые аспекты, такие как цифровая коммуникация (интерпретация эмодзи, виртуального зрительного контакта) и работу искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента перевода, что будет особенно важно в условиях дальнейшей глобализации и цифровизации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина Е.М., Костомаров В. Н. Язык и культура. — М.: Рус. яз., 2005. — 350 с.
2. Шлезингер А. Перевод и межкультурная коммуникация // Теория и практика перевода. — 2000. — № 3. — С. 100–105.
3. Хофтеде Г. Культуры и организаций: программное обеспечение разума. — М.: Вильямс, 2011. — 416 с.
4. Dalsky D., Su L. Emic Approaches to Intercultural Communication // Journal of Global Interaction Studies. — 2024. — Vol. 8, № 1. — P. 110–125.
5. List of Mongol Customs as Recorded by Marco Polo // Historical Archives of Cultural Practices. – Режим доступа: <https://www.culturalarchives.org/mongol-customs> (дата обращения: 18.11.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ЯЗЫКОВОМ, КОММУНИКАТИВНОМ И КУЛЬТУРНОМ УРОВНЯХ

Зайцева А.А. АРГУМЕНТАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ 3
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ПРАКТИКА
ОБУЧЕНИЯ

Ибрагимова Э.Р. МЕТОД ПОГРУЖЕНИЯ В 7
ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА
УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Нафикова А.Р., Амирова О.Г. ФОРМИРОВАНИЕ 11
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВЫЕ,
КОММУНИКАТИВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ

Чинь Тхи Лан Ф., Гареева Э.А. УЧЁТ 15
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЛЯ
УСПЕШНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА
ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Чинь Тхи Лан Ф., Каримова Л.Н. К ПРОБЛЕМЕ 20
ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ОБУЧАЮЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

ЧАСТЬ II

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Байназарова Ю.Б., Цыпина А.Р. ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ 25
ЯЗЫКОВОГО ОБМЕНА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Пыхина Н.В., Щанькина П.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 29
АУТЕНТИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В
ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ПОДРОСТКОВ

Сагитова Э.Р., Волкова Н.В. ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ НА МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	35
Строганова С.А., Поздняков М.Н. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ. КРИТЕРИИ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ	39
Торгованова О.Н., Шабанова А.Е. РУБРИКИ КАК МЕТОД ОЦЕНИВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ	46
ЧАСТЬ III	
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ	
Автина Е.Ю., Галиева Г.Р. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	51
Ахророва М.О., Волкова Н.В. НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ	57
Бредихин М.С., Марченко Т.В. СПЕЦИФИКА СОХРАНЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ И ПЕРВИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ АЛЛЮЗИВНОСТИ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ	61
Бугина А.Ю., Габдуллина А.Ш. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО И КОНТЕКСТУАЛЬНО МАРКИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	69
Буткин М.С., Дудочкина О.Г. ВЛИЯНИЕ АКЦЕНТОВ И ДИАЛЕКТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА УСТНЫЙ ПЕРЕВОД	73

<i>Ващенко А.П., Сафина З.М.</i> ПЕРЕВОД БЕЗЛИЧНЫХ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ	78
<i>Губайдуллина А.Г., Солуянова О.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	83
<i>Денякина О.А., Проценко И.А., Воротникова А.Э.</i> РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИЗАЙНЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГРАФИЧЕСКИХ РЕДАКТОРАХ	88
<i>Ибрагимова Э.Р., Шафигуллина Л.Ш.</i> СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРЕВОДА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	92
<i>Иванова А.М., Куликовская А.М.</i> ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АЛГОРИТИМИЗАЦИИ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ В САТ-СИСТЕМАХ (НА ПРИМЕРЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ БАНКОВСКИХ ПРЕСС-РЕЛИЗОВ)	96
<i>Иоакимиidi Г.А.</i> ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	105
<i>Кадун Е.В., Волкова Е.В.</i> НЕВЕРНАЯ ПЕРЕДАЧА ПОЛА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ КАК ТИПИЧНАЯ ОШИБКА НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА	109
<i>Канафиев Р.Н., Реймбаева Г.</i> ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА	114
<i>Корниенко Е.И., Пивнева М.В., Щербатых Л.Н.</i> КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ИЗМЕНЯЮТ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?	121
<i>Магомедов М.И., Магомедова П.М.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ	124

РЕШЕНИЙ

Набиуллина К.Р., Оботнина Е.В. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА	130
Нафикова А.Р., Волкова Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОВЕСТИ НИЛА ГЕЙМАНА «КОРАЛИНА»	133
Ромашин М.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ	136
Рудченко С.А., Елизарова М.А. ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ЭНОЛА ХОЛМС»	143
Семенова П.В. ПРОБЛЕМА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕТАЯЗЫКА ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ	150
Ситникова З.М., Оботнина Е.В. ИГРА СЛОВ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	157
Солуянова О.А., Губайдуллина А.Г. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К ЗАНЯТИЯМ ПО ПЕРЕВОДУ	162
Султанова А.А., Шафигуллина Л.Ш. АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	166
Сунь Ихань ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО СКРИПТА «ЧАЕПИТИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	171
Хань Чжэн, Ершова Е.Б. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ,	176

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО

Херуимова М.А., Дудочкина О.Г. ОСОБЕННОСТИ
ТЕКСТА ПОДКАСТА КАК ОБЪЕКТА ПЕРЕВОДА 182

Шагалина Н.Ф., Дудочкина О.Г. РЕАЛИЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ
ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ 186

Шагалина Н.Ф., Дудочкина О.Г. КЛАССИФИКАЦИЯ
РЕАЛИЙ В РОМАНЕ АСИИ АРСЛНОВОЙ «АУЛ» 189

Яныбаева Г.Я., Габдулхаметова А.А. ЛЕКСЕМЫ,
ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС
УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, В
РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ТУРЕЦКОМ, БАШКИРСКОМ
ЯЗЫКАХ 192

ЧАСТЬ IV

**ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вахитова Р.Р., Иванова Е.В. АНАЛИЗ
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ДРАМАТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 197

Ешабри Я., Ю.Р. Юсупова К ПОНИМАНИЮ
СИСТЕМЫ ПРОСОДИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АРАБСКОГО
ЯЗЫКА 205

Захарова П.Е., Иванова Е.В. ОСОБЕННОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ ИГРЫ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 209

Исхакова К.В., Оботнина Е.В. ИРОНИЯ КАК
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 215

Лебедева М.Б., Чечель О.В., Чечель С.В. О
НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ
СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В СОВРЕМЕННОМ
280 219

Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции (2025)
АНГЛИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

<i>Мидерос С.Х.С., Юсупова Ю.Р.</i>	225
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТОВ ЖАНРА «СТЕНДАП»	
<i>Паршина Т.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕЗАУРУСА КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В РАМКАХ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ	230
<i>Чечель С.В., Бочарова Е.С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	234
<i>Юлмухаметова А.А., Оботнина Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	239
ЧАСТЬ V	
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА	
<i>Белькова В.Ю., Щербатых Л.Н.</i> АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В БИЗНЕСЕ: ПОЧЕМУ ВАЖНО ВЛАДЕТЬ ИМ?	243
<i>Казыргалина К.Т., Волкова Н.В.</i> НАУЧНЫЙ ТУРИЗМ В ФОРМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ: КИТАЙ	246
<i>Кравцова В.В., Шепталина Е.И.</i> МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА: ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ В СТРАНАХ АЗИИ	250
<i>Сигаева Ю.И., Семенова П.В.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ ТУРКОМПАНИЙ)	255
<i>Смольникова А.Р., Волкова Н.В.</i> ПАРАДОКС ЦИФРОВОЙ АДАПТАЦИИ: КАК ТЕХНОЛОГИИ СМЯГЧАЮТ И УСУГУБЛЯЮТ КУЛЬТУРНЫЙ ШОК В МЕЖДУНАРОДНОМ ТУРИЗМЕ	262

Тиссен М.М., Дудочкина О.Г. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭДВАРДА Т. ХОЛЛА И ГЕРТА ХОФСТЕДЕ В АНАЛИЗЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИНТЕЗ И ПРИМЕНЕНИЕ	268
Тиссен М.М., Дудочкина О.Г. ПРАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ: РАЗРАБОТКА ПРОТОКОЛОВ И ТРЕНИНГОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ	272

Для заметок

Научное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Сборник научных трудов по материалам IV Всероссийской
заочной научно-практической конференции
(г. Уфа, 22 ноября 2025 г.)

ISBN 978-5-00251-099-3

9 785002 510993 >

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 24.12.2025

Формат 60Х84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.33. Уч.изд. л. 17.52.

Тираж 100 экз. Заказ №100

БГПУ им. М. Акмуллы, 450077, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, За